

**Нефантасты
в фантастике**

119

4. БРМЛ 123

Владимир Тендряков
Вадим Шефнер
Леонид Леонов
Валентин Берестов
Всеволод Иванов

**Библиотека
современной
фантастики**

**Рассказы
и
повести
советских
писателей**

19

ТОМ

МОСКВА, 1970

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

P2
B59

Художник
Е. ГАЛИНСКИЙ

Составитель
В.С. РЕВИЧ

Редколлегия:
Э. АРАБ-ОГЛЫ
И. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА
И. ЕФРЕМОВ
С. ЖЕМАЙТИС
Ю. КАГАРЛИЦКИЙ
В. МИЛЮТЕНКО
А. СТРУГАЦКИЙ

Повести

Владимир Тендряков

Разговор пойдет о сказке.

Неправдоподобно, чтоб мужицкий сын Иванушка, презираемый дурачок-лапотник, стал царем. Досужий вымысел. Неправдоподобно, чтоб ковер мог летать по воздуху, чтоб Садко — богатый гость опускался на дно морское, возвращался оттуда живым и невредимым. Сказка не жизнь, а где-то над жизнью — так считали наши предки.

Впрочем, они часто верили в свои сказки: Иисус Христос после смерти остался жив и вознесся на небо; Иисус Христос прошел по воде «яко по суку», не замочив ног; первая женщина сотворена из ребра мужчины... Верили: так было, так могло быть, но человек тут ни при чем — все это сверхчеловеческое, некая непостижимая божественная сила. И опять не жизнь, а над жизнью. А сейчас...

Работается искусственный, электронный мозг, который будет иметь размеры меньше человеческой головы...

Двенадцатилетнему мальчику «пришили» руку, отрезанную поспехом, в запястье стал ощущаться пульс — значит, рука живет...

Можно ли сделать Венеру обитаемой?

Это погодже на фантастику, не правда ли, пахнет сказкой? Нет, не сказка, это случайные выдержки, заголовки, взятые из современного серьезного журнала. Жизнь не только догоняет вымысел, а порой перегоняет его.

Однако это вовсе не значит, что сказка в скором времени исчезнет совсем, заменится трезвой былью. Просто она из недоступного, из области божественного перекочевывает в наше будущее. Бородатого сказочника начинает заменять научный фантаст. Древний сказочник, что мечтал летать по воздуху, создавал в воображении ковер-самолет, вряд ли надеялся, что

он сам или его сын, внук, даже правнук полетят как птицы. Он верил, что богом человеку предопределено ходить по земле, не летать. Современный фантаст, описывая путешествие к далеким планетам и звездам, рассчитывает, что они сбудутся. Беснадежность перестала быть уделом сказки.

И уж если сказка перекочевала в будущее, то к ней должны быть иные требования. Наше будущее, несмотря на свою фантастичность, реально. Поэтому и современная сказка должна нести реалистические черты.

Мало того, к будущему нельзя относиться безответственно, несерьезно. Описывать будущее как некий розовый рай, населенный блаженными, — значит обманывать самих себя. Наверняка среди грядущих поколений будут конфликты и противоречия, о которых сейчас мы лишь смутно можем догадываться. Не может быть общества без противоречий, без поступательного движения вперед. Мечтать о неподвижности так же противоестественно, как психически нормальному человеку мечтать о могиле. Будут противоречия, столкновения — значит, в среде людей неизбежно будут гордые победы и горькие поражения, свои радости и свои несчастья, удачники и неудачники, рождения и смерти. В этом, наверное, и есть беспокойное счастье бытия.

Но стоп! Могут подумать: все, что здесь сказано, крупная завязка к сказке, которая пойдет дальше. Нет, проблем будущего она не решает: слишком непосильная задача; просто хотелось бы представить далекие будни, не больше. Представить в силу своего ограниченного, воображения.

Итак, сказка на современный лад.

И. М. Еидранов

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ВЕК

1

В Институте мозга шел странный мировой чемпионат.

С разных концов земного шара съехались феномены памяти. Одни декламировали пудовые телефонные справочники, как стихи, другие — антологии поэзии того же веса отбарабанивали, как телефонные справочники. Находились и такие, которые ради спортивного интереса заучивали от корки до корки технические энциклопедии.

Виртуозов запоминания телефонных справочников отмечали научным термином «ассоциативно недостаточные» и отправляли домой.

С особой тщательностью проверяли тех, кто обладал могучей избирательной памятью. Из трехсот человек без труда отобрали десятерых. Из этого десятка уже после двухмесячных упорных испытаний осталось трое. Из троих после некоторых колебаний выбрали одного, абсолютного мирового чемпиона памяти. Им оказался Александр Бартеньев, двадцатишестилетний кандидат физико-биологических наук из Москвы.

С вертушки молоденького деревца скворец, черный, как монах со старинной гравюры, глядел с чванливым высокомерием на долговязого человека. Неожиданно скворец сорвался в воздух...

По солнечной дорожке, на которой лишь кое-где расплескана жидкая тень, бежала девушка-лаборант-

ка — трепещут полы спящего халатика, трепещет по-майски яркая листва на деревьях, и блестят в улыбке плотные зубы.

— Он зовет вас... Скорей!

Он, директор Института мозга, прославленный академик Шаблин, звал к себе чемпиона памяти Александра Бартењева.

Бартењев поспешно зашагал к дверям главного корнуса. Рядом с ним нетерпеливо бежала лаборантка.

2

Журналисты описывали наружность Шаблина: «Атакующий лоб, остро отточенный, как клинок, профиль...» На портретах он выглядел художавым брюнетом с обычным лбом, большим носом, с зазывной хитрецей в узко посаженных глазах.

В просторном, даже чересчур просторном кабинете, куда ломилось умытое весной солнце, встал из-за стола поджарый человек в мятой рубашке, пузырящихся на коленях брюках — своего рода щеголь из признанных. Родоначальником этого щегольства — смирение паче гордости — по нечаянности стал Альберт Эйнштейн, носивший растянутый свитер и потертую кожаную куртку. Высокий, прямой Александр Бартењев в своем повом, тщательно пригнанном костюме, от посков туфель до макушки начищенный, отутюженный, приглаженный, выглядел рядом со знаменитым ученым как принц крови — величественный, торжественный и... робеющий.

Цепкое пожатие сухой, крепкой руки, цепкий взгляд в самые глаза, в глубь их, на дно.

— Сядем.

За время, проведенное в этом институте, Александр видел его несколько раз, дважды слушал его лекции, но только сейчас его поразила энергия сухощавого, словно наэлектризованного, лица.

При жизни возведенный в великого, в одинаковой степени физик и химик, физиолог и гистолог, глубокий теоретик и тонкий экспериментатор. Его «Иссле-

дование белка нервной клетки» потрясло весь научный мир, когда Бартењева еще не было на свете, а Шаблину исполнилось едва столько же лет, сколько сейчас Бартењеву.

Кабинет прост, пустоват, даже аскетичен. Рабочий стол, с перламутровым отливом телеэкран на нем, маленький круглый столик в углу, мягкий диван обнимает его...

Бартењев разочарованно оглядывался.

О кабинете Шаблина ходили по белу свету легенды: будто бы здесь под своим личным присмотром видный ученый хранил искусственный человеческий мозг.

Электронных мозгов создано достаточно, но мозг из выращенных в лабораториях нервных клеток — единственный экземпляр в мире.

— Вы любите путешествовать? — неожиданный вопрос.

— Не очень, — ответил несколько опарашенный Бартењев.

— Насколько я знаю, вы интересовались древними рукописями, океанской фауной, проблемой гравитации и еще чем-то...

Александр нахмурился.

— Сам знаю, это моя беда.

— Напротив, любознательность похвальна.

— Можно всю жизнь остаться в любознательности профессионалом, во всем остальном — дилетантом.

— А если я, соблазненный вашей любознательностью, предложу вам место в нашем институте?

— Вы же знаете, профессор, работать в вашем институте — для каждого большая честь.

— Отлично. Сообщите, что вы знаете о звезде Лямбда.

— Лямбда Стрелы?

— Именно о ней.

Вопрос не только легкий, но и до смешного наивный. Для жителей Земли после Солнца не существует на небе более знаменитого светила, чем эта слабая звездочка; любой школьник из первого класса подробно расскажет о ней. И потому, что детский вопрос

задается ему, как-никак победителю в чемпионате энциклопедистов мира, Александр растерялся: «Подвох?» Как всегда, когда бывал озадачен или нужно слегка напрячь свою безотказную память, он бережно коснулся правого виска сложенными в щепоть пальцами. И этот привычный жест его успокоил, память сработала, перед глазами выросла страница астрономического справочника. И по этой «мысленной» странице Александр стал читать деловитым, бесстрастным, как стиль самого справочника, голосом:

— Лямбда Стрелы — звезда четвертой величины, спектральный класс «жэ ноль», расстояние от Солнца — 36 световых лет 150 световых дней, с допустимой ошибкой в ту или другую сторону на 35 световых часов. Температура на поверхности на 300 градусов больше, чем у Солнца. Светимость в полтора раза больше. Масса...

— Хватит! Хватит! — замахал сухой рукой Шаблин. — Убьете меня своим профессиональным речитативом.

— Зачем вы это спрашиваете, Игорь Владимирович?

— Предлагается путешествие... Да, не удивляйтесь, к Лямбде Стрелы. Да, да, вам...

Расширяющееся от острого подборodka ко лбу, в четких морщинах лицо, тронутые сединой жесткие волосы, темные, колющие глаза... Хочется вытянуть из этих глаз упряманную искорку, уличить в насмешке, но взгляд прям, серьезен, даже суров. С ума, видимо, спятил старик.

Александр передернул плечами.

3

Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...

Жесточайшая война середины XX века родила радар, радар родил мирный астрономический радиотелескоп. Человек не только стал видеть Вселенную, но и слышать ее. «Уши» оказались более чуткими, чем «глаза», космос на слух охотнее открывал секреты.

И появилась соблазнительная возможность подслушать, не бросят ли сигналы жители других звездных систем. Не одна же Земля во Вселенной укачивает племя разумных существ, наверняка не мы одни создали высокую цивилизацию.

В конце 1960 года Национальная радиоастрономическая обсерватория Соединенных Штатов Америки начала «прощупывать» две звезды, очень похожие на наше Солнце, — Тау Кита и Эпсилон Эридана, удаленные от нас на одиннадцать световых лет. Но звезды молчали.

В те же годы в Москве, в Государственном астрономическом институте имени Штернберга, стали прислушиваться к туманности Андромеды.

Слышен был шум и треск мертвой природы. Казалось, люди Земли одиноки в необжитом мироздании.

Одиноки?.. Примириться? Может, где-то страдающие от одиночества разумные существа тоже слушают и ждут клича. Так возьмем роль вселенских глашатаев на себя!

На разных материках начали строить грандиозные передаточные станции, распростертые к небу антенны открыли прицельный огонь по звездам, напоминавшим наше Солнце... Откликнитесь!

Взывать и ждать отклика от звезд — неблагодарный труд. Пока-то долетит весточка, пока-то вернется ответ, пройдут столетия, а может, тысячелетия, тот, кто спрашивает, будет лежать в могиле.

И шло время. Космические лайнеры прокладывали трассы на Марс и Юпитер, всюду искали признаки жизни. Марс разочаровал: жалкие мхи, несколько видов насекомых. В глубинах гигантской атмосферы Юпитера, в сумеречной, парной темноте, в океанах аммиака, похоже, таилась какая-то загадочная жизнь, ничем не напоминающая земную.

Шло время. Земля вызвала к звездам. Звезды молчали.

И вот старейшая Серпуховская радиообсерватория получила сигналы на волне в 21 сантиметр. Аппарат принял их, равнодушно записал на ленту колющие зубцы — именно так выглядит «голос» Вселенной, знако-

мый и уже надоевший голос мертвой природы. Но среди тесного частотола зубцов астрономы заметили едва уловимую неправильность, какую-то робкую накладку в виде тупых выступов. Как археологи из праха откапывают черенок по черешку, чтоб потом составить старинную вазу, которая расскажет о жизни давно исчезнувшего народа, так и астрономы штришок за штришком из мусора космических шумов выловили сигналы: выступ на ровной линии, чуть дальше — два выступа вместе, потом — три, четыре, пять... до десяти, а затем снова — один, два, три... Странные сигналы! Но странные ли? Наоборот, привычные. Именно такие сигналы посылали люди с Земли, сообщая Вселенной свою десятизначную систему как позывные...

Их кто-то вернул, кто-то произнес земной пароль.

Не все сразу поверили в этот пароль. Раздались голоса: а не отражение ли земных радиоволн, не космическое ли это эхо?

Но сигналы продолжали идти, их уже улавливали почти все радиообсерватории мира. Простые позывные и более сложные сообщения, требовавшие расшифровки.

Сомнения рассеялись: из глубин Галактики слышен был осмысленный голос. Конец безмолвию, конец одиночеству.

Голос шел из созвездия Стрелы, от звезды, помеченной на астрономических картах греческой буквой «лямбда». Она была едва видима на ночном небе простым глазом, примерно так, как видна слабенькая звездочка на изгибе ковша Большой Медведицы.

Сразу же во всем мире была установлена «Служба Лямбды Стрелы».

Мгновенно родились две новые отрасли науки — астрономическое дешифрование и лямбдоведение.

Каждый день приносил открытия: в системе Лямбды Стрелы всего семь планет, жизнь процветает только на второй от светила. Эта планета кружится примерно на таком же расстоянии от своего «солнца», как и Земля, их год почти равен нашему, а сутки длиннее в два раза. Она заметно массивнее Земли, атмосфера ее гуще, климат немного жарче.

В сообщениях из космоса эта планета означалась двумя короткими импульсами, то есть «Вторая в системе», у людей же она сразу получила имя Коллега, ее жители — коллегиане.

Земля слышала Коллегу. Коллега слышала Землю, но об оживленной беседе нечего было и думать. На первых порах эта беседа напоминала разговор двух глухих. Что поделаешь: ответ на вопрос приходилось ждать больше семидесяти лет!

Но ответов и не ждали, приблизительно знали, что именно должно интересоваться их, а потому сообщали, что могли, как могли. Сначала посылались и принимались примитивные сообщения, год за годом они усложнялись — от десяти точек, означавших десятичную систему, до радиуса Земли, от простейших уравнений до сложных формул, объяснявших высшее строение человеческого тела. В течение первого семидесятилетия создавались независимо друг от друга два звездных языка, два кода — наш язык и язык коллегиан. В течение второго семидесятилетия эти языки постепенно сливались в один общий, объемистый, которым можно было уже передать химический состав протоплазмы и конструкцию межпланетного лайнера, свойства электронных оболочек в атомах и экономическо-социальное устройство общества.

Сейчас шло третье семидесятилетие, или, как называли, третий коллегианский век.

Связь с планетой Коллега казалась людям фактом, подернутым вековой пылью истории. Каждый из жителей Земли родился тогда, когда голос из созвездия Стрелы давным-давно звучал, к нему относились как к чему-то обыденному.

Время от времени вспыхивала «коллегианская мода». С астрал можно было услышать даже песенку: «Коллегианочку любить хочу...» Женщины носили прически «стрела в облаках», шили юбки «лямбда», мужчины брились бритвами «Коллега», тридцать шесть лет — расстояние от Солнца до знаменитой звезды — называли «небесный возраст».

Писатели-фантасты (и не только фантасты) посылали героев своих романов в гости к коллегианам, где

они учились коллегиянской мудрости, храбростью и находчивостью спасали благородных и кротких жителей славной планеты от всевозможных космических бед. Установилось ходячее мнение, что коллегиане отличаются необычайной добротой, миролюбием, душевной щедростью. Люди приписывали небесным собратьям то, что они больше всего ценили на Земле.

Писатели с легкостью перекидывали героев через пространство в тридцать шесть световых лет, ученые же признавали свое бессилие. Фотонная ракета! До сих пор она миф, чем дальше, тем несбыточнее. Нужны мощнейшие магнитные поля, которые бы смогли удерживать в себе, как в закупоренных бутылках, запасы антивещества, служащего топливом фотонной ракете. Хранить его в огромных количествах практически невозможно, проще устроить завод по выработке антивещества. Целый завод! И нужно как-то поддерживать специальное, размерами в десятки километров газовое зеркало, которое бы отражало лучистую энергию, иначе она превратит всю ракету в пар. А особая защита от микрометеоритов и метеоритов!.. А защита от атомов водорода, рассеянных по всей Галактике, которые, налетая на корабль, становятся колоссальным потоком космических лучей, способных мгновенно убить все живое! Словом, масса такой ракеты равнялась бы массе целого континента, даже больше, и, чтобы разогнать этот «материк» до скорости, близкой к световой, нужна энергия, намного превышающая энергию всех электростанций энергетически высоко оснащенного земного шара.

Даже среди самых отъявленных фантастов, не говоря уже о скептическом ученом мире, идея фотонной ракеты начала терять своих сторонников еще в прошлом веке.

И самая ближайшая звезда — Проксима Центавра недоступна, а что говорить о Лямбде Стрелы, путь до которой чуть ли не в десять раз длиннее!

Все это Александр Бартенев прекрасно знал и потому не столько с недоверием, сколько со страхом глядел сейчас на Шаблина. Что с ним?

Шаблин спокойно встал из-за стола, взял стул, сел напротив — колени в колени, глаза в глаза.

— Не пугайтесь, я не сошел с ума.

— Странная шутка, Игорь Владимирович.

— Это не шутка.

— Н-не понимаю...

— Для того и собрани были вы все сюда, чтобы подыскать подходящего космонавта. Выбор пал на вас.

— Космонавта?.. Ни больше ни меньше — к Лямбде Стрелы?

— Ни больше ни меньше...

Александр в смнении поглаживал висок, увилив от негнущегося взгляда Шаблина, и все же старался мельком заглянуть в глубину его глаз, еще надеясь уловить насмешку.

— Фотонная ракета?.. Строилась в секрете?.. — спросил он.

— Фотонная?.. Гм... Неужели есть еще стародавние бароны Мюнхгаузены, замораживающие звук рожка, чтобы насладиться его пением на досуге?.. Нет, мы попробуем изобрести граммофон.

— Значит, граммофон изобретен?

— В какой-то степени да.

— Так на чем же я полечу?

— Верхом на радиоволнах. Удобно и довольно быстро — каких-нибудь тридцать шесть лет — и вы там.

— Ничего не пойму!..

— Собственно, полетите не вы, а ваша душа.

— Душа а?!

Шаблин взял со стола обширный лист бумаги, протянул.

— Не догадываетесь, что это?

Весь лист сверху донизу занимала многоэтажная, со спадами и взлетами, с бесчисленным частokoлом башен и контрфорсами — величественное архитектурное сооружение — химическая формула.

— Ну?..

— По-видимому, формула какого-то белкового соединения...

— Больше того, это формула клетки вашего мозга.
— Н-не понимаю...
— Как вы думаете, можем мы ее передать на Коллегу?

— Передаем куда более сложные вещи. А если бы они нам передали формулу клетки мозга какого-нибудь коллегиянца? Смогли бы мы создать в своих лабораториях ее живую, функционирующую копию?

От оглушающей догадки Бартенев почувствовал дрожь в коленях.

— Вы, кажется, собираетесь...

— Да, собираемся.

— Передать клетка по клетке состав человеческого тела?

— Попадание неточное. Весь человеческий организм?.. Двадцать тысяч миллиардов клеток?.. Многого. Да и посудите, так ли уж нужно передавать почки, селезенки, легкие, скроенные по земной мерке. Там они будут плохо служить. А нам нужно, чтоб наш посол на планете Коллега не лежал в ватке, а действовал, ездил, изучал жизнь. Нет, мы не собираемся передавать вас со всеми потрохами...

— Мозг?..

— Да, передадим только ваш мозг, ваш интеллект, вашу душу. А там пусть они всадят ее в тело какого-нибудь стройного коллегиянина.

И это возможно?

— А почему нет? Их жизнь держится на тех же двадцати столбах, на двадцати аминокислотах. У них та же левая асимметрия...

Александр стискивал ладони коленями.

— Мозг! Но и это чудовищно много... Больше десяти миллиардов клеток в одной только коре...

— Ничего не попишешь, телеграммка получится несколько длинноватой. Не так уж и страшно. Справимся. А потом, зачем передавать все клетки, запрограммируем и передадим только то, что отличает вас, Александра Бартенева, от всех других, ваши индивидуальные особенности, вашу память, ваши знания, привычки — все ваше без остатка, выраженное в молекулярно-химических изменениях ваших клеток.

— Что потребуется от меня?

— Только одно: натренироваться и предоставить свой мозг, чтобы мы его смогли сфотографировать со всеми подробностями.

— А потом?

— Потом эту фотографию переложим на математический код, отправим на радиостанцию, они запустят ваш интеллект в дальнейшее путешествие, так сказать, в радиоволновой упаковке.

— И я останусь с вами?

— Такой же невредимый, как и сейчас. Вас, поверьте, не убудет. Если я сниму мерку с этого стола, он не станет менее качественным.

— У меня окажется духовный двойник?

— Да, лет так через сорок, за миллиарды километров, на планете Коллега.

— Невероятно!

— Но, согласитесь, удобнее путешествия не придумаешь.

Почему именно мой мозг? Наверняка можно найти более достойных...

— Нужно, чтоб посол на Коллегу носил под своим черепом — простите за вульгарное сравнение — обширнейшее складское помещение, куда бы мог спрятать максимум сведений о жизненном укладе, об искусствах, о науках, о привычках коллегиян. Да и с Земли в подарок коллегиянам тоже кое-что нужно захватить. Никаких записей, никаких дневников с собой не возмешь — только память. А свойства памяти можно сохранить почти без потерь.

— Он вернется обратно?

— Разумеется. Командировка... Мы передаем, там восстанавливают, год живет среди коллегиян, с его нагруженного новыми информацией мозга снимают копию, пересылают нам, мы восстанавливаем и учимся от него живому разговорному языку коллегиян, слушаем лекции об их быте. Мы?.. К сожалению, я-то, уж во всяком случае, не протяну еще семьдесят с лишком лет. Да и вам, пожалуй, трудно рассчитывать на встречу.

Шаблин встал. До сих пор его лицо было насмеш-

ливо-воодушевленным. Чувствовалось, что прославленному ученому доставляет детское удовольствие наблюдать опарашенность Александра Бартеньева. Сейчас черты лица отяжелели, в глазах пропал блеск.

— Знаете, кто самый главный враг человеческого разума? — спросил он сурово.

— Отвечают обычно: сам человек.

— Ерунда: внутрисемейные неурядицы по-семейному утрясем. Верю. Хотя я не социолог, на моей обязанности воевать с внешним врагом, с окружающей природой.

— Кто же тогда все-таки враг? — спросил Бартеньев.

— Пространство! Нет ничего более неподатливого на свете.

— Как так?

— Человечество похоже на былинного богатыря, у которого высохли ноги. Чувствует силу — раззудись, рука, развернись, плечо, — мог бы показать свою удаль, а приходится сидеть сиднем на печке или ползать по горнице, в лучшем случае выползти во двор, по-стариковски погреться на солнце. Богатырю — по-стариковски!.. От дальних галактик свет идет шесть миллиардов лет, а человечество и всего-то живет какой-нибудь миллион. Более или менее разумным оно стало всего шесть тысяч лет назад. Шесть миллиардов и шесть тысяч — век горы и век однодневки. Но за свой куцый век человечество узнало о существовании и тех Галактик и о масштабах пространства, а вместе с этим узнало и горькую истину — оно приковано к своей печке. Все можем победить, но только не пространство. Чем больше будет крепнуть наш разум, тем сильнее мы станем ощущать отчаяние перед непобедимым, равнодушным, не замечающим нас врагом. Отчаяние...

В темных глазах угрюмо тлеет мрачный огонь, резкие морщины стали жесткими, неприятными. Бартеньев с удивлением разглядывал человека, страдающего от того, что недоступно до бессмысленности сумасшедшее господство — господство над всем мирозданием. Прославленные историей великие честолюбцы

Юлии Цезари, Александры Македонские, Наполеоны — жалкие щенки по сравнению с этим необузданным узурпатором, яростно сожалеющим о своем бессилии.

Шаблин протянул руку.

— До завтра... Завтра в десять утра быть у меня — ознакомлю с планом подготовки к космическому путешествию вашей души.

Бартеньев почтительно простился и вышел.

С высокого, крупитчато искрящегося сахарной белизной под ногами институтского подъезда Александр окинул взглядом плоский парк. Институт молодой, деревья, главным образом дубки, посадили недавно, все они не толще руки у запыстья. Вокруг института было немного неуютно, как в необжитой квартире. В центре пестрела громадная клумба...

За парком размашисто виляла река, на темной воде крошечные, яркие, как осыпавшиеся лепестки цветов, скутера. Сочная зелень вековых уютных рощиц, солнечного цвета крыши зданий и в синем небе напористо летящий энтомоптер — водяным радужным кольцом окружили прозрачные крылья кургузое тельце этого самолета-насекомого.

Завтра начнется подготовка к полету в немыслимые занебесные тартарары. И странно, что не нужно проститься с этой обжитой Землей.

После того как Бартеньев ушел, Шаблин включил телеэкран на столе.

Пожилая женщина с царственной осанкой, в белом халате отвернулась от аппаратуры, загромаждавшей стол.

— Сейчас беседовал с Бартеньевым, — заговорил Шаблин. — Приметил: он при разговоре постоянно хватается за висок. Что это? Быть может, некоторая недостаточность кровеносного питания?

Женщина спокойно покачала головой.

— Вы, Игорь Владимирович, если чем-нибудь озадачены, извините, лезете чесать затылок.

Шаблин рассмеялся.

— Осадили...
— Значит, он? — спросила женщина.
— Он. Известите об этом официально всех, кого нужно.

5

Александра Бартеньева готовили к «полету».

Нет, его не упрятывали в барокамеру, не закупоривали на недели и месяцы в тесные одиночки от мирского шума и суеты, не бросали какой-нибудь сверхмеханизированной катапульты...

В нескольких минутах ходьбы от института стоял коттеджик, на застекленные стены его напирала темная зелень густого сада — уютное гнездышко, мечта молодых. В нем лампы сами услужливо вспыхивали, ступеньки крыльца заботливо слизывали пыль с подметок, вешалки с поклоном подавали пальто и шляпу, и каждое утро сладчайший голос автомата «здравоохрана» произносил:

— Доброе утро, Александр Николаевич! Вы спали хорошо, пульс был нормальный, дыхание ровное и глубокое, деятельность мозга не превышала допущенного уровня. Приступайте к утренней зарядке...

Казалось, вырази Александр желание, чтоб ему почесывали перед сном пятки, немедленно бы появился автомат и исполнил все с машинным прилежанием.

Одна комната обставлена на сугубо деловой лад: кресло, стол, большой телеэкран, вмонтированный в стену, матовая доска густого зеленого цвета с набором мелков — почти не усовершенствованная правнучка классных досок, на которых когда-то дети, изнемогая от напряжения, писали: «Маша варит кашу».

Ровно в девять Александр садился за стол перед телеэкраном и ждал, когда его посетит какой-нибудь избранный «дух». И «дух» появлялся, телеэкран мягко вспыхивал. Плотный человек с властным взглядом неумолимого подвижника, для которого ничего не существует, кроме его науки, говорил сочным баритоном:

— Здравствуйте, молодой человек. Приступим... Тема сегодняшней лекции — «Абстрактный спектральный анализ». Попрошу вас подойти к доске и изобразить мне уравнение Шредингера...

И лекция начиналась.

Каждое утро перед телеэкраном.

Рыхлая старушка, отдаленно напоминавшая по внешности гоголевскую Коробочку, великая бабушка мировой океанологии, использовавшая за свою долгую жизнь дно всех морей и океанов, сообщила о последних исследованиях морской флоры и фауны.

Профессор Эринато Марчарелли, неистовствуя на экране, потрясая кулаками, хватаясь в отчаянии за черную, встрепанную, как только что вылупившийся, не успевший обсохнуть вороненок, голову, прочитал курс всемирной истории, бурно переживая при этом каждый социальный катаклизм.

Выдающийся архитектор Паниах, сухонький человек, застегнутый на все пуговицы, с бронзовым лицом и кротким взглядом смолисто-черных глаз, разбросавший по свету сотни городов, обрисовал кратко состояние современного зодчества.

Математики и физики, конструкторы и астрономы, химики и биологи, энергетики и экономисты, литераторы и художники — что ни имя, то громкая слава современного человечества — проходили чередой перед экраном.

К концу каждого курса лекций Александр Бартеньев беседовал со своими преподавателями как специалист.

Ничего не разрешалось записывать, все нужно только запоминать. Лик планеты в прошлом и настоящем, лик планеты и дух человечества должны были вписаться под череп.

Однажды экран не вспыхнул, а вошел Шаблин.

— Прошу прощения, что запоздал на минуту. Итак, начнем...

Он тоже был в числе лекторов.

Его лекции частенько переходили в свободные беседы. И тут Шаблин начинал говорить не о победах,

а о досадном бессилии науки, которая для ученого всегда трагедия.

— Мы можем только копировать мозг. Слепо! Всекие попытки усовершенствовать нарушали неуловимую для нас гармонию. Получалась каша из нервных клеток. Мы не боги, а жалкие плагиаторы матери природы.

— Но если умеем повторять, значит духовный мир каких-то людей можно сделать бессмертным? — возражал Александр.

— Увы! Для того чтобы вырастить копию мозга, необходимо как основу использовать несформировавшийся мозг человеческого зародыша. То есть чтоб дать вторую жизнь кому-то, пришлось бы перебежать дорогу другому человеку.

— Повторить, скажем, такой ум, как ум Эйнштейна, — стоишь пойти на это.

— Вся беда, что Эйнштейны неповторимы.

— Как так?

— При всяком подражании неизбежны малейшие потери и отклонения. Передать привычки, характер, наконец, память мы можем, даже с речительством. А гениальность, таинственную, почти неуловимую категорию мышления, — нет! Никакой гарантии, что получится второй Эйнштейн с его привычками, его характером, но не гениальный, а просто заурядно способный. Словом, на бессмертие в широком масштабе не рассчитывайте. Человечество будет прибегать к копированию мозга только в таких исключительных случаях, как забрасывание посла в недоступные миры.

— Есть ли надежда, что коллегиане раньше пришлют нам своего посла? — спросил Александр.

— Навряд ли. Некоторые данные дают право предполагать, что они отстают от нас в этом вопросе... Хотя возможно всякое... Не будем обольщать себя праздной надеждой. До них еще не дошло наше сообщение, что посылаем душу землянина. Дойдет лет через тридцать, а там они будут готовиться к встрече... Словом, трезво рассуждая, я не жду их посла раньше, чем ваш дух вернется обратно.

— Через семьдесят лет?

— Возможно, и позже. Подводит нерасторопная природа-матушка.

— Они отстают, вы сказали?

— По свежим данным. А их свежесть — сорокалетней давности.

— Не получится ли так, что бросим душу во Всенную, как в мусорную корзинку?

— Вас от этого не убудет, дружок.

— Если б успех зависел от того, убудет меня или нет!..

— Оживет ваша душа, гарантирую.

— Даже гарантия?

— Да.

— Докажите.

— Душа-то ваша вырастет перед ними не сейчас. Через тридцать шесть лет прилетит. А это срок немалый, их наука шагнет вперед. Да еще наши данные, собственно, подсказывающие принцип материализации...

— Положим...

— Вы хотите сказать, что и это еще не гарантия?.. Что ж, допустим, и через тридцать шесть лет они окажутся невеждами. Маловероятно, но допустим. Однако данные-то будут записаны и наверняка сохранены как ценность. Пройдет еще лет десять, тридцать, сто — и рано или поздно секрет откроют, ваша душа обретет плоть. Правда, она будет старомодна немного, но даже при самых благоприятных условиях свеженькой ее не доставишь. Тридцать шесть лет путешествия — за это время мы не будем сидеть сиднем, ускорим вперед, переданные нами сведения, увы, покроются пылью.

Маленький коттеджик, упрятанный в густой зелени, стал самым маленьким университетом из всех какие когда-либо существовали на Земле. Слушательский состав — один человек. Ни в одном из университетов мира не читало лекций столько светил. Ни в одном из университетов не было такой способной аудитории.

После рабочего дня к коттеджу подплывал лимузин. В нем сидели жизнерадостные, мускулистые ребята, они же наблюдающие за Александром врачи. Тащили на велосипедные прогулки, на греблю. По воскресеньям компанией улетали к морю — погулять на яхтах. Распорядок прежде всего. Перегруженный мозг должен отдыхать. Иначе автомат «здрав-охрана» своим сладеньким голосом подымет тревогу.

6

Вечером шел с реки. После двухчасовой гребли он выкупался, холодная вода прогнала усталость.

Шагал по узкой тропинке, немного расслабленный, счастливый тем тихим, бессмысленным, почти биологическим счастьем, у которого нет иной причины: ты живешь, и тебе в эту минуту ничего больше не надо от жизни.

А вечер был темный — сказывалась близость осени, — и горели крупные косматые звезды. Среди них, нарядных, тянет свой долгий звездный век звезда Лямбда, галактическая старушка, еле видимая отсюда из-за своей ничтожности.

И не хотелось думать о неприветливой Вселенной с затерянными в холодной пустоте сгустками бушующей плазмы, жидкими разливами туманностей, снующими планетами, перегретыми чужими солнцами. Чего тебе не хватает на Земле, человек? К чему вся Вселенная, когда лучшего рая, чем твоя собственная планета, ты не найдешь?

И пугливо трогал ветерок лицо, и с обескураженным шепотом падал в кроне берез одинокий лист-неудачник, не дождавшийся листопада. И было немного печально и хорошо на душе, и как ни хорошо, а чего-то не хватало.

Тропинка подымалась по склону холма. Это был суровый и голый холм. Пыльный, угрюмый старик среди цветущих садов, зеленых рощ и тучных полей — место, отданное современниками прошлому.

Почти каждый вечер проходил Александр по этому холму. На его вершине, осевший в землю, торчком стоит изъеденный временем тупой каменный обелиск. На нем выбита пятиконечная звезда и старинным шрифтом вырублены три фамилии:

Рядовой ОСИПОВ П. Н.

Сержант КУНИЦЫН А. А.

Младший лейтенант СУКНОВ Г. Я.

Ниже надпись:

*Пали смертью храбрых в боях за Советскую Родину
I.XII. 1941 года.*

И Александр представил себе то далекое время: была зима, и в мерзлой земле темнолицые, обмороженные мужчины вырубали своими примитивными инструментами могилы, закидывали окоченевшие тела Осипова, Куницына, Сукнова, убитых другими людьми. Жутко и без причины стало почему-то стыдно перед этими предками, закопанными в мерзлую землю. Стыдно за себя, не знающего, что такое голод и холод, что такое боль тела, развороченного грубым куском стали. Стыдно перед теми, о которых сказаны эти варварски гордые слова: «Пали смертью храбрых».

Он не спеша поднялся.

Сверху, от старинного камня, донесся голос.

Этот голос был чист и ясен, а слова тяжелы и жестоки, как слова на старинном надгробии.

Женский голос в глухом месте, в навалившейся ночи читал:

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Старинное стихотворение — стихийная, необузданная мощь, угловатая, все презиравшая гордыня, бесстрашный призыв жестокого человека к жестокости. Старинное стихотворение — строчки, оставляющие незаживающие раны.

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, тяжкий плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Чистый, ясный и безжалостный голос.

Александр подошел...

Стиснутая ночью, невнятно белела узкая девичья фигурка. Александр сделал еще шаг вперед, и голос смолк.

В черном небе чиркнула падающая звезда. Они часто падают в это время. Тихо...

И девушка шарахнулась в сторону.

— Не бойтесь! Я не восставший из могилы.

Она остановилась.

— Кто здесь? — Голос придушен страхом, бледный голос.

— Человек, как и вы...

— Догадываюсь.

— Можно подойти? Не убежите?

— Попробуйте.

Он подошел.

Ночь смыла с ее лица все черты, темнели только глаза.

— А я вас знаю, — сказал Александр.

— И я вас...

Девочка-лаборантка. Это она пригласила его на первую беседу с Шаблиным.

— Откуда эти стихи?

— Из книг...

— Я их не знаю.

— Разве что-то знать — только ваша монополия?

— В таком месте — и такие стихи!

— В другом они так не звучат... Проводите меня, я боюсь.

И они пошли бок о бок. Хрустел песок под ногами, от ее тела, затянутого в тонкое платье, тянуло теплом, и в темноте был виден ее профиль, загадочный, древний, библейский в эту минуту. Смутной влажной блестящими большими выпуклыми глазами.

А над головами лениво жила Вселенная, поживались звезды, вколоченные в знакомые созвездия.

И упала звезда — острый, сильный росчерк заблудившегося метеорита. В ее глазах мелькнул колючий ответ.

— Как сабля... — обронила она тихо.

— Что? — не понял он.

— Сверкнул, как сабля... «И ханской сабли сталь...» Какие сильные и страшные люди жили прежде! Мы теперь больше надеемся на свои сильные машины, и в нас самих сила умирает за ненадобностью...

Ее слова были не новы, они гуляли по свету как сомнительное утверждение: «Человек становится тепличным».

Такие утверждения когда-то питали человеко-ненавистнические теории: сила воспитывается в столкновениях; с прекращением войн у общества отпадет такой решающий стимул развития, как внутри-видовая борьба... А общество развивалось, преобразовывалась планета, заселялись океаны, шло освоение солнечной системы, жизнь опрокидывала теории, перечеркивала эти слова.

Но сейчас Александр не возражал: ночь, девушка, дух предков — какие тут теории! И самому хотелось бы стать грубым, «ломать коням тяжелые крестцы и усмирять рабынь строптивых».

— А они умели не только пугать, — произнесла она. — Они умели быть нежными... Не помните?..

И она тихо-тихо стала читать:

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ —
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту...

Как налетевший дождь, прошумел с глухой тревогой тихий голос и оборвался.

Нет, он не помнил... Память его, прославленная по всему миру память, много прекрасного не увезет с Земли, много такого, чем можно гордиться. Богаты минувшие века, всего не захватишь.

— А как ваше имя? — спросил он.

— Галя...

И тем же голосом под дождевой шепот:

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут...

Они стали встречаться. Ей было семнадцать лет, год назад перешла из школы в институт, работала и училась, готовилась стать биологом, старая русская поэзия — просто увлечение.

А липовые рожицы осветились призрачно-лимонным светом, а дубки в институтском парке стояли в ржавом наряде, молоденькие, неокрепшие, но уже солидные, себе на уме, как мужички из сказок.

Над рекой был переброшен паутинный мост. Сверху видно было, как на черной воде корчится от усилий луна — холодное, жидкое золото, — корчится, рвется и не может сорваться. Прикована.

Он смотрел и думал, что человеческая мысль похожа на это лунное отражение. Неистовствует, рвется вперед, хотя бы во враждебные глубины космоса, где господствует один лишь неприветливый бог — Пустота, облаченный в нищенские лохмотья материи. Сорваться вперед, в неведомое будущее! И постоянно неоправданное недовольство настоящим, даже если это настоящее приветливо, как сама Земля, укутанная синим небом.

В яркие лунные ночи Лямбда Стрелы была почти не видна на небе.

В лунные ночи рядом с Галей он забывал о своей миссии.

Она читала стихи, а он сразу запоминал их. Если и декламировал, то повторял даже ее интонации.

В полночь они шли знакомой тропкой мимо обелиска. Она клала луговые цветы к камню. И это она делала со строгим и значительным лицом, словно исполняла жертвоприношение. Все-таки она была чуточку по-девичьи сентиментальна.

Там, где начинается институтский парк, они прощались. Он целовал ее, на губах после этого оставался чистый, молочный привкус. Потом стоял и слушал ее легкие, пугливо глохнущие в ночи шаги.

И охватывала грусть пополам с радостью: ушла, но завтра-то снова встретится... И никуда он не улетит, не расстанется с ней...

Он спешил к ней, подпрыгивая от нетерпения на каждом шагу.

На мосту темнела одинокая фигура. Ждет! Уже! Александр рванулся и, вбегая на мост, замер. Стояла не она, кто-то другой.

Этот кто-то шевельнулся ему навстречу.

— Не правда ли, чудесная ночь?

Привалившись к шатким перильцам, стоял Шаблин. Александр молчал.

— И луна, и звезды, и журчание воды... Вы, надеюсь, не откажете в любезности побыть со мной несколько минут?

— Да... Конечно...

— Луна, звезды, покой, дремота... Как говорили в старину: «Душа бога слышит...» Помолчим, подышим... Вы что-то оглядываетесь? Вы кого-то ждете?

Нет... Впрочем, да, жду.

Напрасно.

Что?

Я сказал: напрасно.

Что-нибудь случилось, Игорь Владимирович?

Просто она не придет сегодня.

Александр молчал, уставившись в притаившиеся под бровями глаза профессора.

— Не придет. Ни сегодня и ни завтра...

Что это значит?

Шаблин крепко взял его за локоть.

— Вам никогда не приходилось болеть странной болезнью — ностальгией?

— Что с ней случилось?

— С ней — ничего, а вот с другим человеком могут случиться неприятности.

— С каким человеком?

— С ним.

— С кем — «с ним»?

— С Александром Бартеньевым номер два, который оживет на планете Коллега.

— Ну, знаете!..

— А вы все еще не принимаете его в расчет? Он для вас только лишь отвлеченный научный эксперимент?

— Считать его человеком?.. Мне? Сейчас?

— Себя-то вы считаете...

— Не могу представить.

— А все-таки представьте. Он будет таким, как вы, точно таким. С вашим умом и с вашей впечатлительностью. А теперь представьте себе, что выживаете в чужом мире, среди непохожих на вас существ, по духу непохожих. Мало того, вы будете понимать, что никогда не встретите ни отца, ни мать, ни сестер, ни братьев. Ведь в то время, когда вы вернетесь обратно, все они будут лежать в могилах. Любовь, привязанности — все умрет. Забытый странник без родины. Вам это нравится? Вам не хочется за это попросить у него прощения?

— Да его же нет! Быть может, не будет совсем. Если и будет, то через сорок лет!

— Для вас — сорок. Для нас с вами. Для него — вчера.

— Но чем я мешаю, если встречаюсь?

— Очень сожалею, что я не успел поменшать, узнал с опозданием. Не усугубляйте: чем дольше это будет продолжаться, тем страшнее. Оборвем сейчас!

— Стрешнее?.. Не пойму.

— Лунные ночи, вздохи, нежные взгляды, маленькое божество и большая любовь. Он все это увезет с собой; сорок лет спустя он будет это помнить, как будто бы случилось вчера. И будут глотать мысли, что маленькое божество никогда не встретится, превратится в дряхлую старуху. Убийственные мысли для человека, напроць оторванного от родины... Перед тем как передать второму «я» все свое, — влюбиться! Может, вы еще медовый месяц проведете?.. Давайте удештерим впечатление земного счастья, память о котором он увезет с собой. Удештерим, чтобы страдал

от ностальгии, отчаивался от невозвратной потери, чувствовал себя несчастным. А нам нужен энергичный, полный сил посол, не растравленный хлюпик. Не скрою, беспокоюсь за эксперимент, но мне его и по-человечески жаль. Пожалейте и вы. Пожалейте, как самого себя.

— Что я должен сделать?

— Выбросить из головы милую девушку.

— Не могу!

— Должны смочь!

— Не волен в этом...

— Представьте, что вы сами летите. Сами!

— Я все понимаю.

— Не имеете права на такую роскошь сейчас.

— Понимаю... И все-таки не могу.

— Вы с ней не встретитесь.

— Как так?

— Ее здесь нет, не ищите. Сегодня утром по моему приказу улетела.

Ссылка? Арест?

Называйте как хотите.

Александр молчал.

— Подумайте, взвесьте и постарайтесь не обижать-ся на меня... До свидания.

Шаблин кивнул головой, прямой, со вздернутыми плечами, стал спускаться к берегу.

Александр долго стоял, поглаживая пальцами висок.

Плясала луна на воде, пришептывала река, прес-но пахло осокой, тронутой осенним тлением.

Зима, весна, лето — снова липовые рощицы залиты пронзительно-лимонным светом, и снова снег, и, наконец, зацвел северный апельсин за окнами коттеджа.

Александру обрили голову. Когда гляделся в зеркало, казалось, что его макушка пускает солнечные зайчики.

Появился Шаблин не в обычной куртке, мятых брю-

ках — черный, торжественный костюм, начищенные ботинки, сам он замкнут и величав, словно юбиляр перед приемом высоких делегаций.

— Пошли, — скупое сказал он и озабоченно оглядел бритую голову Александра.

Умеренно большой зал, залитый с потолка мягким зеленоватым светом. В этом зале, как в аквариуме, бесшумно плавали люди в белых халатах. Шаблин среди них в своем черном костюме — мудрый ворон, такой же чужой и, казалось, такой же обреченный, как Александр.

Он подвел Александра к круглому столику, выбросил на его плечо сухонькую, легкую руку, властно нажал.

— Садись. Сейчас будет все готово.

Люди бесшумно двигались, словно исполняли слаженный танец.

На столике перед Александром почему-то стояла рюмка.

Александр оглядывался.

— Я тебе рассказывал обо всем этом устройстве. — Шаблин сегодня впервые обращался к нему на «ты».

Александр кивнул бритой головой.

— Знаю.

Посреди комнаты, как трон, массивное кресло. Над самым креслом с потолка свисает предмет, похожий на хромированную чашу с раздутыми толстыми стенками.

Углубление в этой чаше специально подгонялось под череп Александра. Он сидит в кресло, чаша опустится на голову... Она — чувствительнейший экран, вернее, много тысяч тончайших экранов, один над другим, как слоеный пирог. Это своего рода объектив, способный проникать в глубь мозговых клеток.

А где-то за стенами зала ждет молекулярное запоминающее устройство. Чаша-объектив передает каждую клетку, каждую молекулу в клетке мозга Александра на этот аппарат, и он запоминает. Он станет электронной копией мозга, точнейшим фотографическим негативом, но негативом непроявленным.

И если б человек стал «проявлять» этот негатив,

клетку за клеткой, то прошло бы не одно столетие, поколение сменялось бы поколением, пока кропотливый труд был бы закончен. Электронную копию мозга станут допрашивать счетные машины по строгому плану с машинной педантичностью и скоростью многих тысяч операций в секунду. Одни машины — подсчитывать, другие — обобщать: одинаковые клетки — под одну рубрику, изменения, исключения — на заметку... Компактные математические выводы опять же машинами шифруются особым кодом на пленку, которая поступит прямо на астрономические радиостанции.

Человек только даст толчок, а дальше все станет делаться без его вмешательства. Человек даже при желании ничего не сможет изменить, усовершенствовать, как фотограф, проявляющий фотоснимок, не в состоянии изменить сфотографированное изображение.

Все это Александр знал. Знал он и то, что само по себе «фотографирование» мозга в общем не сложная операция, она займет от силы минуту. Сложен процесс «проявления» и обработки.

Мы готовы, — раздалось в стороне.

На пульте управления призывно мигал глазок.

Шаблин пододвинул к Александру рюмку.

Выпейте.

— Что это?

Ничего особенного. Средство, возбуждающее нервную деятельность, главным образом коры головного мозга. Выпейте и почувствуете, как «прочистит мозг».

Александр выплеснул содержимое рюмки в рот, сморщился — не амброзия.

— К креслу!

Он встал и уже через пять шагов, пока шел к креслу, почувствовал какую-то кристальную, праздничную ясность в голове, движения стали четкими, скупыми, легкими.

Стоявшие вокруг кресла люди, само кресло — белое в зелень при зеленоватом освещении, — крупные контакты, провода, чаша, свисающая с потолка, словно рефлектор лампы над операционным столом, — все замечалось с особенной остротой, все имело свой значительный, потайной смысл.

Его усадили, обнажили запястья, грудь, прикрепили контакты. Умелые, тренированные руки хозяйничали над его телом.

У пульта управления стоял мужчина, на зеленовато-бледном лице — суровые брови. Он глядел пристально на Александра, а рядом с ним на пульте продолжал призывно мигать глазок.

И Александр подумал, что эти брови, этот мигающий глазок — последнее, что увидит, что запомнит, что увезет с Земли его двойник.

— Есть! — раздалось над ухом.

На голову сверху плотно легла чаша, ее прикосновение было нежным и теплым, как материнская ладонь.

— Есть!

Из-под бровей, вскинутых как птичьи крылья в полете, — пристальный взгляд.

И тут потух свет — полный мрак, полная тишина. Сердце слишком громко стучало в груди.

Что-то щелкнуло. В темноте вспыхнул глазок. Он не мигал, он горел в темноте, словно маленькая луна.

А вслед за этим по комнате разлился свет. Умиротворяющий, зеленоватый, окрашивающий лица людей в бледный, потусторонний цвет. И все засуетились, громко заговорили, кто-то сказал над ухом:

— Поздравляю вас.

И снова умелые, быстрые руки забегали по телу, отстегивая контакты. Обнимавшая голову чаша поднялась, стало холодно голове, словно снял меховую шапку.

— Можете встать.

Александр легко поднялся, соскочил на пол. Человек с разметанными бровями подошел, зачем-то ласково взял под руку, повел к столику, за которым, сгорбившись, сидел Шаблин. У столика Александр почувствовал усталость, ноги стали ватными.

— Ничего. Реакция после возбуждения. Составчик-то крепенький! — Шаблин ткнул рукой в пустую рюмку. — Через полчаса все пройдет. Усадите его.

Александр опустился в кресло. В зеленоватом свете,

заполнявшем комнату, поплыли оранжевые пятна, похожие на спокойный глазок — маленькую луну.

Минут через двадцать он очнулся.

— Кажется, я в состоянии встать.

— Не спешите. Посидим еще, — сказал Шаблин. — А у меня вам подарок...

Тяжелая дверь мягко распахнулась. Солнце ослепило. Он шагнул вперед... Шагнул и замер. В светлом кремовом платье, оттенявшем смуглое, в легком загаре лицо, стояла Галя, прижимала к груди букет цветов.

Кругом были люди, собравшиеся со всех концов института посмотреть на того, чей мозг был только что сфотографирован для небывалого звездного путешествия. Посмотреть на того, кого из века в век станет вспоминать история.

И они не обнялись. Он лишь взял ее под руку и пошел через просторный двор, мимо людей. Галя послушно шла, зарыв подбородок в цветы.

8

Шаблин им сказал:

— Успокойте, здесь не отдохнете: заедят корреспонденты. Я знаю один райский уголок, где можно спрятаться... Возьмите с собой акваланги.

Райский уголок...

В глуши Тихого океана, далеко в стороне от крошечной группы островов, когда-то торчали из воды рваные черные скалы — макушка давным-давно потухшего вулкана. Быть может, в течение столетий не раз буря заносила к нему случайные корабли, люди видели этот крохотный островок и равнодушно забывали... Несколько тощих кустов, чудом выросших на камне, несколько десятков ящериц, тоже бог весть как попавших на этот жалкий осколок суши. До середины XX века этот островок не появлялся на морских картах, да и после он долгое время значился как риф, который следует обходить стороной.

На нем не было пресной воды.

Но в конце концов люди и его прибрали к рукам, установили электростанцию и агрегат-опреснитель, прозрачные ручьи потекли по скалам, скалы затянулись зеленью, не какой попало, а избранной: цветы и полезные травы, кокосовые пальмы и хлебные деревья, декоративные кусты и фруктовые насаждения. Павлины спесиво носили хвосты, полыхающие всеми цветами радуги, доверчивые лани паслись в живописных камерных долинах — воистину райский уголок.

О его существовании знали немногие, только те, кто время от времени хотел уединения.

На острове коротала свой век чета стариков, сморщенных, темнолицых, курчавых. Их сыновья и дочери давно разлетелись по свету, один из них работал в Институте мозга. Старики командовали автоматами, заботились, чтоб стол для гостей был разнообразен, чтоб комнаты сверкали чистотой.

Оглушающая тишина, узкий мирок, тесные границы, но эти границы разрывались, когда на лицо натягивались маски аквалангов и море смыкалось над головой. Коралловые сады, пестрые рыбы и ртутно-тяжелый потолок воды, о который вдребезги разбивается потустороннее солнце. Можно уплыть на десятки километров, открывать страшные провалы, на дно которых вряд ли опускались смельчаки, вынимать из расщелин скал жестких лангустов, стрелять из примитивных ружей по тунцам, заигрывать с по-щенячьи жизнерадостными дельфинами.

Александр и Галя с утра до вечера пропадали в океане.

По утрам аппарат фотопочты выбрасывал на стол только что принятые по радио газеты и воскресные журналы. Обложки этих журналов были украшены портретами Александра — бритая голова, широкие скулы, почему-то сонливо-отсутствующий взгляд. Известные поэты посвящали ему стихи, в только что выстроенных городах улицы назывались его именем. Командиры лайнеров из космоса присылали ему поздравительные радиogramмы. «Покоритель космоса номер один, звездный Гагарин» — не шути...

Александр был не прочь оставить тихий остров вместе со всем Тихим океаном, окунуться в шумиху. Но Галя читала газеты с неодобрением.

— Подвиг? Да? А ведь ты к этому подвигу не имеешь никакого отношения.

И тащила его в очередное подводное путешествие.

А где-то за тысячи километров отсюда шло другое путешествие по неоткрытому матерiku, площадь которого не превышала каких-нибудь двух с половиной квадратных метров. Шло путешествие по коре головного мозга Александра Бартењева. Днями и ночами, ни на минуту не останавливаясь, лихорадочно работали счетно-электронные машины: каждая секунда — сотни тысяч операций. Кусочек за кусочком, клеточка за клеточкой открывался и исследовался необъятный материк.

Машины работали, люди терпеливо ждали результата.

Александр ждал весточки от Шаблина.

Однажды они плыли вдоль края пропасти. Словно окисленные, зеленые корявые скалы стремительно скашивались во мрак, таинственный и угрюмый, — океанская преисподняя. Над черной бездной детали рыбы стояли, иногда в глубине мелькало какое-то светлое пятно — и там была жизнь...

Они плыли дальше и дальше, а конца пропасти не видно. Казалось, в этом месте земля раскололась пополам до самого центра. Александр пытался остановить Галю: вернемся, пора. Она отмахивалась.

Наконец дно начало уходить вниз, унося вместе с собой окисленные скалы и страшную пропасть. Да и вода над головой стала темнеть: близок вечер. Плыть вперед бессмысленно.

А Галя плыла и плыла. Сгустился мрак внизу... Он нагнал ее, обхватил ее талию, пошел вверх...

Перекачивались пологие волны. Красное, плоское — раскаленный блин — солнце садилось в них. И багровые отсветы облизывали темные волны, и все еще стояла перед глазами оставленная внизу мрачная пропасть, расколовшая планету пополам, и не видно острова. Волны, волны, перекидывавшие друг другу холодное

и багровое пламя уставшего солища. И казалось, что попали в первобытный океан, в нем нет ни кусочка протоплазмы, из которой бы могла выпестоваться первая клетка, прапрабабушка всего живого. Они вдвоем. Они лицом к лицу с первобытным океаном и невозвратно тонущим солнцем.

Александр нажал кнопку на запястье, вскинул вверх руку. Аварийный аппаратик заработал, разбрасывая тревожные радиосигналы.

А через пятнадцать минут, скача с волны на волну, помигивая ослепительным маячком, подлетел спасательный катерок. На нем не было людей, он самостоятельно нашел заблудившихся в океане.

Они взобрались на него, когда солнце спряталось, оставив на небе скупое закатное зарево.

В темноте на берегу их встретил старик.

— Далеко заплыли? — спросил он буднично.

— Черт те куда...

— Ничего, случается... Случается, заплывают и дальше. Никто не потерялся... Давно уже люди не теряются.

Старик, позевывая, отправился спать.

А Галя проводила его шалым, остановившимся взглядом и вдруг сказала:

— Уедем завтра отсюда.

— Почему? — удивился Александр.

— Улетим скорей... Не хочу.

Уже в комнате перед сном она призналась:

— Мне кажется, что вокруг нас жизнь понарошку.

— Как так? — не понял он.

— В прошлом, чтоб съесть кусок хлеба, человеку нужно было вырубать лес, корчевать пни. Самому, своими руками вырубать и корчевать. Мы даже не знаем, как это тяжело...

— Есть чему завидовать!

— Не знаем тяжести труда, но не знаем и радости отдыха после такой работы. Не знаем, как вкусен этот кусок черствого, грубого хлеба. Недоступно нам!.. А путешествия?.. Для того чтобы добраться от Москвы до Дальнего Востока, нужно было стать героем: шагать сотни километров пешком, ночевать в снегу у костра,

мерзнуть, голодать... От Москвы до Дальнего Востока... А теперь путешествие, присниться не может, куда-то к дьяволу в зубы за тридцать шесть световых лет! И этот путешественник нежится у моря, ловит лангустов, читает по утрам газеты о своем подвиге, спит в мягкой постели!

— Разве это плохо? Не пойму тебя.

— Мне хочется попадать в кораблекрушения, открывать необитаемые острова, где нет услужливых автоматов, тонуть и выплывать, голодать и выживать, глядеть смерти в глаза...

— Брось институт, поступай в экспедицию, улетающую на какой-нибудь спутник Юпитера — там тебе и смерть в глаза, и уж такие необитаемые острова среди космоса, о каких твои предки и помыслить не могли. Настолько необитаемы, что не встретишь простейшей бактерии.

— Смерть в глаза... А спят-то они все равно в мягких постелях, в комфортабельных каютах, а на необитаемые острова привозят механических лакеев; если и постигает их смерть, то борются с нею не они сами, собственными руками, а их машинны... И умирают они большей частью от какого-то незримого облучения, не с пистолетом в руках, а на больничной койке от неудачной пересадки костного мозга.

— Странно, почему-то во все времена люди тянулись к романтике вчерашнего дня. Древние греки в самые счастливые для себя годы боготворили старину, называли ее золотым, безвозвратно ушедшим веком. Во время трансокеанских кораблей и пассажирских турбовинтовых самолетов пускались в плавание на первобытных плотках или же строили каравеллы Колумба, чтоб на них подплыть под сень небоскребов. Очнись, Галя! Что может быть романтичнее этой минуты? Я раздвоился, мне подарены две жизни. Одна покойная, другая невероятная — сплошное приключение. Где будни, а где героическая романтика — попробуй разберись, все смешалось! Плакать о том, что, увы, миновали чудеса прошлого, когда этих чудес куда больше приготовлено для нас в будущем. Плакать о прошлогоднем снеге!

— А все-таки мне жаль трудной молодости человечества, — упрямо повторила Галя.

— А мне жаль, что не смогу прожить еще тысячу лет.

Утром маленький энтомоптер, самолет-насекомое, снял их с острова.

В ближайшем аэропорту они пересели на межконтинентальный лайнер. Пассажиры уже в полете узнали Александра Бартеньева, оглядывались, кто посмелее, подходили, выражали восхищение, трясли руку. Александру же было совестно. Возражения Гали он считал минутной причудой, но все-таки — как не признать! — подвиг достается ему слишком легко. И слишком много о нем шумят.

Во время полета возле его кресла раздался мягкий гудок радиотелефона. Вызывали с земли.

— Алло! Сынок! — послышался голос Шаблина. — Очень хорошо, что ты летишь. У нас уже все готово.

9

Отпечаток «души» выглядел внушительно. Шесть могучих грузовых машин подкатили к кибернетическим корпусам Института мозга. Их до отказа забили пластмассовыми коробками с лентами. Каждая из этих коробок была строго пронумерована.

Шесть машин, шесть сухопутных кораблей — они могли бы за один рейс увезти разобранные по блокам любое здание института. Но сейчас везли только закодированный мозг, тот мозг, который носит под черепом, не ощущая его тяжести, Александр Бартеньев.

Машины мчались к аэропорту. Следом за ними скользил лимузин. В нем сидели Шаблин и Александр.

Четыре транспортных самолета ждали необычный груз. Они должны взять курс в разные концы земного шара, к четырем самым мощным передаточным астрономическим радиостанциям.

Шаблин решил лететь вместе с грузом на ту радиостанцию, которая первой начнет передавать необычную информацию к далекой звезде Лямбда Стрелы.

Высокие горы прижали к морю небольшой южный город — белые дома захлебнулись в зелени. У моря пляж, как цветник, пестреющий яркими тентами.

Горы наверху лысые, кое-где дыбятся старчески сморщенное чело отвесных скал. В одном месте скала поставлена на попá, издавна она носит название «Перст дьявола». Снизу, с улиц уютного курортного городка, с пляжа, эта скала действительно напоминает палец, с укоризной поднятый в небо. На самом деле палец высотой в добрых восемьсот метров. А несколько лет назад на нем расцвел серебристо-розовый цветок, его сетчатая тень покрывает не только весь палец, но и часть горы.

Жители города зовут его «Мальвочка», при виде вздыбленных гор нельзя к нему относиться иначе, как панибратски, снисходительно. Только словно незначай оброненный домик у подножия цветка, робкое белое вкрапление среди камня, заставляет задумываться о размерах «Мальвочки». В ее розетке мог бы поместиться стадион на сто тысяч зрителей.

Это одна из четырех радиостанций, а сам цветок — зеркало гигантского радиотелескопа, способного забрасывать сигналы в самое сердце Галактики.

Начинался вечер, город внизу топул уже в сумерках, там кое-где зажигались редкие огни, а здесь скалы запекались в последних лучах солнца.

Над головой, загромождающая почти все небо, висело смеление легких балок и перетяжек, чудовищный ажурный хаос — так выглядела вблизи «Мальвочка». Она была повернута к горизонту, ждала появления не приметной звездочки, одной из тысяч различных звезд — Лямбды Стрелы.

Старший по станции, смуглый, жгуче-черный человек с горбоносом острым профилем и необузданным темпераментом южанина, хлопая себя по ляжкам и бокам, повел Шаблина и Александра к лифту.

— Все готово! Все готово! Прошлой ночью послали сигналы: начнем передачу через двадцать часов. Осталось десять минут. Ах, великий день! Великий день!

В круглом зале, похожем на диспетчерский пункт

электростанции средней руки, старший не выдержал и, как спринтер, помчался по кругу, обнюхивая на ходу приборы.

— Все в порядке! Ах, все в порядке!

Ленты вставлены в аппаратуру, механизмы настроены на задание, проверять нечего, но кипучая натура старшего жаждала деятельности.

Неожиданно он споткнулся на бегу, застыл с трагическим лицом.

— Три минуты! Всего три минуты осталось!

Шаблин спокойно подошел к круглому, как выпуклый иллюминатор батискафа, окошечку. За толстым стеклом тянулась зеленая, дышащая полоска.

— Начали! — возопил старший.

Зеленая полоска подпрыгнула, заплесала. Заприпсал на месте старший. Поеживаясь, с мученическим выражением черных глаз он зашептал Александру:

— Позывные. Понимаешь?.. «Коллега!», «Коллега!» — вот что передаем...

Шаблин взглянул на часы, бросил значительно:

— Две секунды!

— Ха! Каково? За орбиту Луны перескочили, — подпрыгнул старший.

В распахнутых глазах хозяина станции разлитые зрачки, в них восторженный ужас.

— С Земли подымает голову змей! Понимаешь? — Срывающийся от волнения шепот: — Великий змей! Он будет расти целый месяц. Целый месяц со скоростью трехсот тысяч километров в секунду. Каково? И этот змей — ваш мозг. Ах, черт возьми! Ваш мозг!..

Минутное молчание. Плясала за круглым толстым стеклом голубовато-зеленая нить, окоченевшие стрелки приборов склонились вправо. Вокруг стояла тишина, всепобеждающая, величественная, гордая тишина, какая бывает только среди гор, вдали от людской суеты. И не верилось, что над их головами плещет в небо обильная река радиоволн — здесь ее исток, здесь берет она свое начало в черную бесконечность.

Старший по станции не выдержал тишины:

— Сейчас сигналы: «Чрезвычайно важно! Чрезвычайно

важно!» Через тридцать шесть лет там, на Коллеге, вздрогнут от них. Ах, великая минута, дорогой мой!

— Две минуты пятьдесят секунд! — сообщил Шаблин.

— Марс! Наши позывные проскочили орбиту Марса! Понимаешь?.. Но не-ет, не скоро они еще выберутся за солнечную систему. Не скоро! Мы за это время, во всяком случае, успеем не торопясь распить бутылочку доброго вина...

Людам нечего было делать, автоматы сами передавали текст с запущенной ленты. Их работа надежнее, чем если бы за такое дело взялся этот импульсивный человек.

И потому Шаблин, отстранившись от приборов, сказал:

— Бутылочку доброго вина?.. Дело. Обмоем.

А какое вино! А? Какое вино!.. Я вам не подую имитацию старости. К черту чудеса химии! Настоящее старое вино!.. Его, быть может, закончили мои предки, когда полетел Юрий Гагарин. А?..

Ну уж...

Хорошо, не Гагарин. Пусть нет. Когда первый человек ступил на Луну, устраивает?.. Опять не верит?.. Ну, хорошо, немного позднее, но только немного. Головой ручаюсь.

Они спустились вниз.

Вино было действительно очень хорошее, впрочем, Александр не особенно разбирался в старых винах.

Через шесть часов первые радиосигналы достигли орбиты Плутона, последней планеты в солнечной системе.

Примерно в это же время «Мальвочка» перестала посылать сигналы. Эстафету перехватила вторая радиостанция, находящаяся в Атлантике. Для нее возшла на небосклоне звезда Лямбда Стрелы.

Через шесть часов возьмется за передачу третья станция, потом четвертая, снова придет очередь сигналить «Мальвочке»...

Не прерываясь ни днем ни ночью, эта передача будет длиться месяц с лишним. Секунда за секундой

станет расти от Земли в космос великан, сотканный из радиоволн.

Уже его голова за пределами солнечной системы, а тело еще не родилось, хвост появится через месяц. А там короткая передышка — и снова повторение от начала до конца. Для контроля, для гарантии, чтоб ничего не было упущено.

И еще одна контрольная передача... И еще... И еще...

Обстоятельно, не спеша будет отрываться двойник «души» Александра Бартеньева от Земли, которую в веках называли брэнной. И этот двойник человеческой души окажется таким же необъятным и величественным, как и все космические явления.

Шаблин в этот день решил отдохнуть. Он и Александр купались в море, жарились на пляже, толкались по городу, обедали в курортных столовых, не спешили вылететь обратно.

Вечером в углу парка им удалось занять столик.

Столик-автомат, как скатерть-самобранка, угощал их освежительными напитками, местный городской оркестр любителей — танцевальной музыкой, а море, мягко шумящее внизу под дамбой, — прохладным ветерком.

— Что еще надо в жизни? — Шаблин сидел размякший, довольный, в сорочке с расстегнутым воротом; узкое лицо, тронутое за день загаром, разглажено. — Что еще надо? А?

— Быть может, музыку получше? — подсказал Александр.

— Только не это! Живое поставят какую-нибудь ультрарадиолу. А ты погляди, как стараются! Одно удовольствие. Вот та девочка со скрипкой — носик в поту. А их шеф!.. Зачес под Бетховена, а руки длинные, деревянные, никак не сладит с ними. Прекрасен род людской в своей наивной самоуверенности повторить великое.

В другом месте на них давно бы уже обратили внимание. В другом месте, но не в этом курортном

городе, где, как в солидном аэропорту, люди меняются каждый день, каждый час, прибывают и улечиваются, внезапно возникают и, не успев проявить характера, растворяются в небе. В таких текучих муравейниках притупляется привычка присматриваться друг к другу.

Убивают время два субъекта — молодой и пожилой, — благодушный дядюшка в непрезентабельной мятой рубашке и почтительный племянник с франтовато короткой прической а-ля звездный космонавт — мир им в их скромном уединении.

За соседним столиком тесная компания, не слушающая трудолюбивую музыку сборного оркестра любителей, шумно спорит. И конечно, спор идет о «душе» Александра Бартеньева, которая сейчас отправляется в путь к планете Коллега. И конечно, среди других раздается решительный ораторский глас, отстаивающий свою, сугубо «оригинальную» точку зрения.

— Для чего живет человек? Черт возьми! Нельзя же на века в век увиливать от этого саднящего душу вопроса. Для чего? Не украшайте идеалистическими колесницами, и тогда ответ прост: живет, чтоб жить, чтобы существовать! Только для этого, никакой другой сверхвысокой цели нет, выдумки! А для того чтобы жить безбедно, по возможности счастливо, вовсе не надо рваться куда-то в преисподнюю, к Лямбдам, Дельтам, Альфам, Вегам. Наоборот, нужно все силы бросить на устройство того насиженного места, где ты живешь. Еще не все довольны жизнью на планете, еще солнечная система не до конца обжита, а поди ж ты, тинет на задворки созвездия Стрелы... Вынесем оттуда новые знания... Да на черта новые, когда старых, дедовских, истин пока не реализовали!

Говорил крепкий парень с упрямо посаженной на широкие плечи крупной головой. Говорил напористо, с той силой убежденного в святой правоте фанатика, с какой, наверное, старообрядческие подвижники древней Руси посылали в огонь верующих. И физиономия у парня не тупая и ожесточенная — открытое, грубоватое лицо человека, невольно подкупающее своей искренностью.

— Как он вам нравится? — кивнул Александр на оратора.

— Неплох, — ответил Шаблин. — Во всяком случае, свои доморощенные мысли нахально пролает любому в лицо. Хотел бы я схватиться с таким на кулачки.

— Этот из безудержных утилитаристов, а они, имейте в виду, упрямы, считают себя солью земли.

— Были ими, — подбросил Шаблин.

— Когда?

— В каменном или бронзовом веке.

— Почему именно тогда? — удивился Александр.

— Не настаиваю на точной датировке. Наука еще не указала на веку, по которой можно было бы определить, где кончается их царствование.

— А кончилось ли? Не будет ли оно продолжаться под разными названиями до скончания веков?

— Наши космические корабли рвутся к планете Плутон не за пряностями, не за золотом, как в свое время рвались каравеллы Колумба к Америке. Узнать, пощупать руками, что это за таинственная планета. Узнать — вот что важно, а уж приспособим ли мы ее под что-либо, там видно будет. Такие утилитаристы не царствуют, а влчат сейчас жалкое существование.

— А все-таки рассчитываем приспособить, все-таки в глубине души надеемся — авось пригодится даже Плутон.

— Конечно, и галактики в созвездии Лебеда могут многое подарить практике. Еще в старину говорили: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория». Но изучаем мы не только из практического расчета. В нас живет потребность познать новое. Потребность как голод, как сон, без нее нет человека. Когда люди насытятся знаниями и скажут: «Хватит!», считай — смерть. Цель жизни, смысл ее — познай непознанное! Вот лозунг рода человеческого. Этому юному трибуну невдомек, что его утилитаризм — атавистическая отрыжка, наследство животных, самых законченных утилитаристов.

А юный трибун за соседним столиком потягивал спокойненько напиток, забыв, видно, о своем пригово-

ре тем, кто неразумно рвется от Земли к далеким звездам.

Александр молчал, а Шаблин снова расслабленно заулыбался.

— Славный вечер... Как, однако, хорошо побездельничать!

Сипло вздыхало море внизу под дамбой.

Дирижер оркестра с шевелюрой Бетховена, с горбатым носом ученого попутая выудил из кучи своих музыкантов хрупкую девушку с безучастным лицом.

— Дорогие друзья! — внушительно заговорила бетховенская шевелюра. — В честь исторического события — посылки человеческого интеллекта к звезде Лямбда Стрелы — наш коллектив подготовил новую песню...

— Скромничает! Наш коллектив... Сам сострянал... — ухмыльнулся Шаблин.

— Исполнит эту песню солистка нашего ансамбля Понна Парк!

Дирижер повернулся спиной к обществу, вознес длинные руки.

Реклампрованная солистка с прежней фарфоровой безучастностью, округлив глаза куда то, в затканый почтой морской простор, дождалась первой, въедливо крадчивой ноты из оркестра и запела тоненьким-тоненьким голоском:

Твоя душа, душа-а слетела
С Земли, идущей на выраж...

Александр засмеялся. Шаблин вдруг помрачнел:

— Что смеешься?..

Помолчал, вслушиваясь, обронил тихо:

— Это страшно, а не смешно.

Резко поднялся:

— Пошли отсюда.

Светлей, светлей
Чем луч от Веги-и,
Ты чертишь путь
В крошечной мгле...

Тоненький-тоненький, наивно бессмысленный голосок...

Они вышли из парка.

— Тут уж на кулачки не схватишься, — заворчал Шаблин, морщась. — Глупость, как удушливый газ, ударом не отбросишь, на лопатки логикой не положишь. Ничего нет страшнее человеческой пошлости!

Александр, посмеиваясь про себя, спросил наивно:

— Когда-то вы, Игорь Владимирович, мне сказали: нет ничего страшнее пространства. Чему верить?

— Здесь тоже пространство. Между современностью и этим маэстро с львиной гривой — расстояние по крайней мере в пятьсот лет, не световых, обычных... Им уже не догнать наш век, а живут рядом — при-
скорбный парадокс, несусветная путаница.

10

Исчезли с обложек журналов портреты Александра Бартеньева. Его физиономия с глазами, спрятанными под лоб, с широким, несколько мясистым носом и плоскими скулами сменилась сначала ресницами и жемчужной улыбкой вырвавшейся на вершину славы киноактрисы, а затем нервным профилем драматического тенора.

Он с Галей поселился в том же коттеджике, в каком тренировал свою память к «полету». В комнате для занятий была устроена гостиная; вместо рабочего стола появился круглый стол, за которым по вечерам собирались гости, среди них — Шаблин. Роскошный телеэкран, откуда светила науки читали Александру лекции, остался на прежнем месте; теперь на нем появлялись лишь кинофильмы, театральные постановки, концерты — все то, что входило в программу обычных телепередач.

Институт мозга интересовался проблемой телепатии. Испокоин веков легенды и мистика окутывали все, что было связано с этим словом. Уехавшая из дому дочь, неожиданно заболев, лежала на операционный стол, а мать за много километров от нее испыты-

вала непонятные для врачей приступы боли. Умиравший перед тем, как испустить последний вздох, слышал негромкий звон серебряной чайной ложки о стакан, а в ту же секунду этот же звон около себя слышал его приятель, находящийся на другом конце города. Все это граничило с чудесами, казалось сверхъестественным и, разумеется, сдобривалось изрядной долей низкопробного шарлатанства. Только в первой половине XX века наука робко попыталась искать объяснения. Для начала была выдвинута гипотеза об излучении радиоволн мозгом.

В 1958 году американская атомная подводная лодка «Наутилус» взяла на свой борт некоего лейтенанта Джонса и отчалила от берега на две тысячи километров.

С берега Джонсу делали «внушения», он дважды в день рисовал одну из пяти «загаданных» фигур. Итог — 70 процентов «угадывания». Обычные электромагнитные волны не смогли бы проникнуть сквозь толщу океанской воды и железный корпус лодки. Передача была, но как, через что, каким путем?... В конце концов ученых стала волновать не столько сама передача, сколько те таинственные волны биологического происхождения, которые не удавалось уловить никакой аппаратурой.

Люди научились искусственно синтезировать белки, создавать в лабораториях живые ткани, вплоть до самых сложных — тканей коры головного мозга, а секрет странных волн оставался нераскрытым. Торжественно шествующая вперед наука здесь — увы! — уткнулась в тупик, застряла на столетия.

Давно была выдвинута гипотеза, что эта необычная способность досталась человеку по наследству от животных, даже больше того — от насекомых. Шаблин придерживался того же взгляда.

Он предложил Александру Бартеньеву проверить эту гипотезу.

— Прежде всего, — заявил Шаблин, — выкинь из головы какую-либо романтику. И уж не рассчитывай, что быстро раскусишь орешек. Сотни ученых, и не такие, как ты, зубы сломали. Наскоком не возьмешь,

нужно ползком. Долгий и неблагодарный труд. Неблагодарный потому, что никто не может гарантировать, увенчается ли он успехом. Никто!

Александр, поразмыслив, согласился взять эту работу на себя.

В одном из закоулков институтского городка был устроен обширный террариум, куда свезли безобидных ужей и ядовитых кобр, щитомордников, эф, гремучих змей, семиметровых анаконд.

Если способность испускать особые волны на самом деле досталась человеку от низших животных, то эта таинственная способность должна проявиться на змеях, недаром же за некоторыми из них с давних времен держалась прочная слава — гипнотизируют свои жертвы.

Человек, чье имя было связано с прославленным космическим «полетом», стал возиться с самыми земными из земных тварей.

Внешне жизнь шла размеренно и даже скучно. В восемь утра Александр Бартенев уже шагал через институтский парк к своему террариуму, засиживался в лабораториях допоздна, вечерами дома изводил Галю разговорами о «ганглиозных клетках», «колбочках Краузе», о новом проявлении вторичной биосвязи у алмазной змеи.

Галя работала в одной из его лабораторий — готовила препараты, занималась классификацией, слушала рассуждения Александра и с нетерпением ждала, что вот-вот они ухватят кончик путевой нити, который приведет их к неразгаданной тайне.

Но шли дни, один на другой похожие: застекленный обширный террариум, разделенный на отсеки, змеи, змеи — то оставленные под наблюдением в условиях, близких к естественным, то помещаемые в сильные электромагнитные поля; змеи, змеи — живые и мертвые, препарированные и пожирающие кроликов.

И не было видно конца работы, и неизвестно — закончится ли она успехом.

Весной вокруг их дома — снежная метель. Нет, не неистовствующая, а застывшая метель из сонного цар-

ства старой сказки. Белые хлопья под теплым солнцем, белые хлопья, повисшие над влажной землей, мечтающие упасть на нее и непадающие. Весной вокруг их дома цвел сад, и, казалось, не было на свете более уютного места.

А под крышей уютного дома — неуютная вязкая тишина, и радостная кипень цветущих деревьев кажется насмешкой.

День похож на день, не рассчитывай, что какое-нибудь событие нарушит однообразное течение времени. Течение времени... Слова, ставшие шаблоном. И Галя постоянно задумывалась: а куда оно, ее время, течет? Где цель? Куда идут дни, недели, месяцы, годы, десятилетия? Надо просто жить. И нет страшнее несчастья, чем счастье в покое.

А рядом жил счастливый человек, не замечающий дней. Счастливый, значит не понимающий ее, значит чужой. И по вечерам Александра встречали на пороге серые в синеву глаза, устремленные внутрь себя. И Александр сникал, съезживался, сразу же начинал ощущать вязкую тишину, которая затопила дом от подвалов до крыши.

«Быть может, любила не меня, а ту половину, которая улетела с Земли?» — думал он иногда.

Этот год, который должен бы считаться медовым, наверно, был самым тяжелым в их жизни.

Родился сын, и кончилась тишина в доме.

Родился сын. Его называли Игорем в честь Шаблина.

Шаблин, заглядывая в гости, носил на руках своего тезку, неумело восхищался им, как и всякий мужчина, который боится, чтоб его не упрекнули в сюсюканье.

— Ошибка: не ученый — певец растет. Какой голос! А? Бас!

У Шаблина было два взрослых сына, оба работали на космических научных станциях, от обоих приходилось жить в отрыве, а мог бы из Шаблина получиться хороший дедушка.

Как-то вечером Галя завела свою обычную песню:

— Мне жаль прошедшей молодости человечества. Завидую тем, кто жил на неистощанной планете... По своему прекрасное время, создающее мужественные натуры...

Шаблин внимательно слушал, Александр с любопытством ждал, что он ответит. Он один из выдающихся героев современности, влюбленный в свой век, еще больше влюбленный в будущее, ему ли на девический лад восхищаться романтикой прошлого!

К удивлению, Шаблин не стал спорить, лишь усмехнулся и сказал:

— Я тебе, красавица, подарю одну старинную вещь. Кто-то мне преподнес ее, не помню... Обязательно подарю.

На следующий день он принес небольшой сверток, протянул Гале:

— Вот, держи.

Галя развернула:

— Что это?

В ее руках был грубый кусок металла, какой-то примитивный сплав, перелитый в примитивную форму, — выщербленная полая ручка, короткий ствол с наростом на конце.

— Очень похоже по форме на пистолет, — сказал Александр. — Но не пистолет. В стволе даже нет отверстия.

— Правда, похоже... Я видела пистолеты в музее. — Галя с удивлением вертела в руках непонятную штучку.

— Пистолет, но не настоящий, — подсказал Шаблин.

— Не настоящий?.. Для чего же он?

— Какой-нибудь военный фетиш? — предположил Александр.

— Ладно, все равно не угадаете. Это детская игрушка. Когда-то очень распространенная...

Шаблин заглянул Гале в глаза, как он один мог заглядывать — в глубь глаз, на самое их дно.

И у Гали дрогнули губы.

— Детская?..

— Да, для мальчиков.

Галя положила на стол перед Шаблиным исковерканный детский пистолет.

— Тебе, поклонница старины, почему-то не нравится мой подарок? — спросил Шаблин.

— Нет, не нравится.

— А я-то думал, ты сохранишь для своего сына.

— Возьмите обратно!

Галя подошла к кровати Игоря. Он гугукал, пуская пузыри.

А где-то в межзвездной пустоте, растянувшись на целый световой месяц, мчались полки радиоволн, несли вперед законсервированную душу Александра Бартеньева, с недавних пор счастливого отца, будущего преуспевающего профессора.

С каждой секундой — триста тысяч километров; далеко позади семья планет, неторопливо плавающих вокруг Солнца... Далеко позади... А стройные полки радиоволн даже не прошли одной десятой пути, их путешествие только еще началось.

Когда оно кончится, сыну Александра Бартеньева, сейчас бессмысленно таращащему глаза на мир, исполнится тридцать четыре года, и, наверно, у него будет свой сын.

Полки радиоволн к звездам Лямбда Стрелы... И стремительно текущая жизнь на маленькой планетке Земля...

11

Игорь Бартенев рос. У него была отцовская цепкая память. В четыре года он на лету, походя, схватывал стихи, которые читала мать:

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке...

В двенадцать лет на конкурсе трудной задачи, устроенном местным клубом математиков, он занял первое место.

Увлекался астрономией и шахматами, рисованием и авиаспортом, геометрией и художественной фотографией. Мать беспокоилась: «Недостаточно целеустрем-

лен». Отец при этом думал: «Весь в тебя». Думал, но не говорил вслух: побаивался отповеди. А Шаблин успокаивал: «Растет нормальный человек».

Невысокий, узкоплечий, девичья хрупкость в фигуре уживалась с мальчишеской пружинистой гибкостью; лицо тоже слишком нежное для мальчишки, на щеках под бархатистой смуглотой тлел ровный, здоровый румянец; глаза матери — большие, настороженные, постоянно чего-то ждущие. Эти глаза часто замирали на каком-нибудь привычном предмете, тысячу раз виденном. Пробегал по саду и вдруг застывал перед деревом, которое ничем не отличалось от других деревьев. Стоял, внимательно разглядывал, обходил кругом, даже щупал ветки, а после этого сыпал неожиданными вопросами:

«Почему каждое дерево растет по плану? Почему береза похожа на березу, дуб — на дуб, сосна — на сосну? Почему она не может вырасти комом, в виде скалы или в виде семечка, только большого?»

Объясняй ему после этого секреты наследственности, которые не до конца-то еще разгаданы наукой.

А в шестнадцать лет этот мальчик, способностями которого восхищались педагоги, сын известного Александра Николаевича Бартеньева, тот, к воспитанию кого приложил руку сам Шаблин, вдруг сбежал из дому. Он связался с компанией «незанятых»...

Казалось, мир достиг совершенства. Вековая борьба за общечеловеческое равенство увенчалась успехом. Нет угнетения, нет насилия, даже само слово «демократия» давным-давно вышло из обихода. Кто станет говорить о жажде, если никогда не появляется потребность пить!

И прошли те времена, когда люди с некоторым содроганием глядели на быстро развивающуюся науку и технику: не вырвется ли раскрепощенная сила ядра, не покалечит ли жизнь?

Настала новая, рабовладельческая эра, только теперь рабами людей были не другие люди, а покорные

машины. Что угодно человеку-господину — прикажи, любая прихоть будет исполнена.

Прикажи!.. И это самое важное и самое трудное человек-господин взял на себя. Мысль и воля, силы и нервы, бессонные ночи, глубочайшие изыскания и тончайшие опыты — все было направлено на то, чтобы отыскивать возможности, куда приложить железную силу подневольных машин. Каждый приказ машине должен нести новое, неоткрытое; повторить уже однажды сделанное машина, обладающая памятью, способна и сама, без человека. Приказ стал творчеством.

Казалось, мир достиг совершенства. По абсолютно-го совершенства не существует в природе. Совершенство, к которому ничего нельзя прибавить, — это застой, это смерть. Мир жил, развивался, значит он недостаточно совершенен, он может стать еще совершенней. В этом великое счастье бытия.

Река течет меж берегов. Река течет от истока к устью, а никак не вспять. Но вместе с этим узаконенным течением вперед неизбежны завихрения; случается, что брошенную щепку может понести вспять.

Человечество стремительно двигалось вперед и... создавало свои завихрения.

Машина-раб к твоим услугам, за тебя она сделает черную работу, даже умственно черную! Казалось, нужно малое — сумей приказать ей, и она исполнит все. Но приказать нужно с умом, иначе машина повторит человеческую глупость, мало того — удесятерит ее с машинной педантичностью. Приказ стал творчеством!

Особые системы воспитания, сам дух творчества, который проник во все стороны жизни, развивал способности в таланты, таланты в гениев. Никогда еще планета не несла на себе столько пронизательных, высоких, разносторонних умов.

Но не все рождаются одинаково способными, не каждый от природы талантлив. Неодаренные люди, допущенные к машинам с их слепой покорностью, с их могучей исполнительной силой, могли стать опасными для общества. И общество, предоставляя им право

жить в роскоши, доступной всем, ограничивало их деятельность.

Ум не признает совершенства; тот человек умен, кто непримиримо критичен к себе; глупость, как правило, самомнительна и самоуверенна, в претензиях не знает границ. И люди без дарований, но с непомерными претензиями хватались то за одну, то за другую творческую работу, срывались, негодовали: «Нас не понимают! Не ценят!»

В последнее время такие обиженные откровенно возвестили о себе: «Мы незанятые! Нас презирают, презираем и мы всех, весь мир, в том числе и саму жизнь. Зачем жить? Зачем плодить будущие трупы, жертвы неумолимой смерти?»

«Незанятые» не мылись, не причесывались, отрапцывали бороды: «Не желаем пользоваться благами жизни!» Большинство из них, однако, не собиралось расставаться с «постылой» жизнью, и только какие-то фанатики-одиночки выдерживали принцип: время от времени их трупы находили на городских площадях, в постелях, в ваннах комнатах...

Случалось, что молодой человек, способный, восприимчивый, чья жизнь могла стать подарком для общества, при первой неудаче впадал в отчаяние: «Не приспособлен, не знаю, что делать, — один путь...» И уходил к «незанятым». А там проповедники житейской брешности задурманивали ему голову...

К ним-то и сбегал Игорь Бартенев.

В течение двух месяцев его не могли разыскать. Мать слегла.

Явился сам, как и полагается, встрепанный, опустившийся, в кричащей, живописной рванине. Опустившийся, но не одичавший, только взгляд перешедших от матери серых, чуть навывкате глаз чуточку тяжелей, да втянулись щеки, и в лице угловатость сменила прежнюю мягкость. Прогнали мыться. Мать плакала. Александр Николаевич решил устроить семейный суд, попросил прийти Шаблина.

Старому ученому шел семьдесят восьмой год, но

держался он все еще прямо, седую голову носил высоко, лицо потемнело, сморщилось, а в каждой морщинке — прежняя наэлектризованная энергия.

Был осенний день, резкий ветер за слезящимися окнами срывал с деревьев последние, расквашенные дождем листья. В камине веселыми языками горели импровизированные поленья. Александр Николаевич по праву главы семьи взял на себя роль председательствующего. Все приготовились к суду долгому и обстоятельному. Но суд вышел короткий.

— Рассказывай, что толкнуло? — спросил отец.

Игорь, чистый, раздумавшийся, тщательно причесанный, но с каким-то непривычным выражением голода на возмужавшем лице, спокойно ответил:

— Удивительней всего, что никого из вас на это ничто не толкнуло.

Мать удивленно вскинула покрасневшие от непросыхающих слез глаза. Александр Николаевич, заметно раздавшийся за последние годы, затянутый в свой строгий профессорский костюм, скрипнул стулом и не нашелся что ответить. Шаблин неожиданно хмыкнул, и глаза его молодого заблестели среди проклятых временем морщинок.

— Коллегианами интересуемся, а под боком... Три человека здесь, всех троих уважаю. А никто из вас не бывал среди них. Даже вы, Игорь Владимирович.

Шаблин снова то ли хмыкнул, то ли кашлянул.

— Милый мой, — сказал он негромко, — тебе кажется, что открыл дверь в космос. Да, из нас никто не бывал, но многие из уважаемых нами людей бывали, интересовались, пытались исправить положение.

— И что?

Шаблин опять неопределенно хмыкнул, не ответил.

— Не в состоянии! Бессильны! Вы это хотите сказать, Игорь Владимирович?

— Нет, этого я не сказал. Что-нибудь придумаем. Но не всякий орех сразу раскусишь.

Игорь замолчал и насупился.

— А о матери ты подумал? — спросил сурово Александр Николаевич. — Ты погляди на нее!

— Мама должна простить меня... — И вдруг голос Игоря сломался, натянуто зазвенел: — Это такое несчастье, это такая беда!.. Этого не должно быть! Неужели мы не можем?!

У матери было измученное, всепрощающее, испуганное лицо. Александр Николаевич впервые видел ее испуг: «Вот и сын силу забирает».

— Хорошо, иди, — отпустил он с прежней натянутой суровостью. — Мы тут без тебя потолкуем.

Игорь не стал доказывать свое равноправие, не напомнил о том, что уже достаточно взрослый, поднялся, тонкий, легкий, с опущенной головой.

— А что я говорил? — сказал не без торжества Шаблин. — Что я вам говорил всегда? Растет нормальный человек, качественный... Признаемся: всем нам было немного стыдно перед ним.

— Да, стыдно, — тихо ответила молчавшая Галя.

С этого дня Шаблин уже не как дед, а как товарищ сошелся с Игорем.

Часто можно было их видеть вдвоем, друг против друга — стар и млад. У Шаблина из пухового ворота вязаной куртки торчит тощая, жилистая шея, сухие, темные руки брошены на острые колени, на спеченном лице величаво-серьезное выражение. У Игоря возбужденно-потемневшие глаза, румянец пятнами и в отточенном профиле напряжение.

О чем толковали они между собой? Наверно, о вечной теме — о жизни. Один о ней мог судить потому, что ее уже прожил. Другой судил по тому, что предстояло прожить. Не удивительно, что нашли общий язык.

Прошел год, и в этот год Шаблин неожиданно сдал. Та же вызывающе прямая выправка, та же твердая походка, но черные глаза опаливают нехорошим жаром, и при этом какое-то судорожное метание зрачков, словно старик каждую секунду ждет: кто-то его ударит сзади. И изрытое кремневое лицо, и глубоко ввалившиеся виски...

Возле Института мозга стал появляться кряжис-

тый человек в безупречно гладком костюме, с плоским монголоидным лицом и плечами кулачного бойца. Это был известный невропатолог. Шаблин стал прибегать к помощи тех, кто смотрел на него, как на бога. Бог ищет защиты у верующих в него — дурной признак.

12

Опыты над змеями, над насекомыми, над собаками, опыты при самой тонкой аппаратуре, экспедиции, поднятые архивы — осада велась по всем правилам современной науки почти восемнадцать лет, но крепость оставалась неприступной. А возможности все исчерпаны, пора ставить точку.

За это время Александр Николаевич Бартенев стал видным профессором, старая слава «космонавта Лямбды Стрелы» как-то потускнела, его имя малопомалу получало вторую известность.

Труд Бартенева составил три объемистых тома — материал для будущих исследователей. Он, как классификация Линнея, будет ждать появления своего Чарлза Дарвина. Александр Николаевич с некоторой грустью листал свои опубликованные работы. Кто-то возьмется за них, какой светлый гений! Быть может, это будет юнец, обладающий не столько знаниями, сколько дерзостью мысли. Ох, эти знания!.. Александр Николаевич часто испытывал их тяжесть. Едва он задумывался над какой-нибудь проблемой, как его уникальная память услужливо подсовывала: а такой-то ученый авторитет по этому поводу говорит то-то, а другой — другое, третий — третье. И невольно становился рабом чужих мнений...

Все-таки вышедший труд решили скромно отметить на семейном вечере.

На столе стояли вина с Кавказа, были открыты окна в сад, гости пили и спорили. Нет, спорили не о работе Александра Николаевича — ее обсудили, приняли, признали ценность. Некий Кальминус на другом полушарии опубликовал статью, где, почтительно адресуясь к открытиям академика Шаблина, утверж-

дал, что в скором времени человечество окончательно победит смерть.

Шаблин обозвал Кальминуса кретином. Черные, узко посаженные глаза сегодня сильного обычного опалили присутствующих мрачным огнем, сухое лицо отливало старой медью, голос был надтреснут, и в нем проскальзывала непривычная раздраженность.

— Ваш Кальминус, или как там его, ни черта не понял из моих выводов!.. Бессмертия не существует в природе. Вас это огорчает? А представьте себе мир, состоящий целиком из стариков. Мир необновляющийся, застывший. Это же стоп в движении материи. Это общая смерть. И смерть, извольте заметить, тягучая, медленная, как от проказы...

В это время в комнату вошла Галя с блюдом свежей клубники. На ней было просторное белое платье, открывающее немного полноватые, но красивые руки. Вошла она плавной поступью, с той неуловимой горделивой осанкой цветущей женщины, у которой давно позади тревожные сомнения, — довольна своим обжитым миром. Гости невольно повернули головы в ее сторону, и она улыбнулась всем покровительственно и понимающе: «Что ж, знаю, что нравлюсь... благодарна вам...»

А Шаблин продолжал:

— Я старик, но при виде человека, находящегося в определенной молодости... Вот при виде ее... ее... ее...

Глаза Шаблина беспомощно вспыхнули, как у затравленного кролика, он с подавленным ужасом глядел на Галю, держащую поднос с клубникой. У Гали медленно-медленно, как испаряющаяся роса с травы, исчезла улыбка с лица. Шаблин страдальчески сморщился.

— Что со мной?

Все молчали, переглядывались.

— Странно, очень странно... Представьте, я забыл ее имя... Ее... Ее...

Шаблин содрогнулся всем телом и отвернулся.

— Все ясно, — сказал он хрипло.

И, подняв опавшее, обмякшее лицо, попробовал пошутить:

— Вот вам и бессмертие... Мне весточка с того света...

Никто в ответ не обронил ни слова.

В полночь гости разошлись. Окна закрыли, так как из сада тянуло ночным холодом и сыростью. Шаблин не спешил уходить.

— Пусть придет Игорь, — попросил он.

Галя сходила за сыном.

Он пришел сонный, с румяным от нагретой подушки лицом, со спутанной шевелюрой.

— Ты меня звал, крестный?

Шаблин невесело улыбнулся:

— Не тревожься, ничего со мной не случилось. Просто хочу с тобой посидеть. С вами, со всеми...

Крестным Игорь величал Шаблина только наедине, впервые при родителях назвал его не по имени и отчеству. Шаблин оценил это.

— Налейте мне еще вина.

Он пригубил рюмку и заговорил:

— Вот и день прошел... День... У человека в жизни каких-нибудь тридцать тысяч этих дней. Из них тысячи четыре уходит на зеленое детство да столько же на старость. Мир велик, а жизнь мизерна... Едва уловимая искорка во Вселенной — я! Блеснул — и нет. А во время этого мимолетнейшего блеска успевает родиться нечто такое громадное, которое может осознать и саму Вселенную, и самого себя, и ничтожную краткость собственного существования, и бессмыслицу в устройстве материи. Да, я, научившийся мыслить, вдруг должен превратиться в труху — бессмыслица! Какая-то неувязка в самой природе...

За окном тихо шумел сад. Шумел порывами, словно деревья вели вялую, необязательную беседу. Бросят ленивую, влажно шуршащую фразу и замолчат надолго.

Ссохшийся в суровую мумию старик бесцветным голосом говорил о проклятии, нависшем над каждым человеком. Об этом думал и библейский Екклесиаст в своих царственных покоях и какой-нибудь

изможденный Иван, Не Помнящий Родства, упавший на землю во время перегона каторжников. Думали миллиарды прошедших по планете людей. Их давно уже нет, и шумят сады под окнами, как прежде шумели, не радостно и не горестно, даже не равнодушно. Просто шумят, потому что существуют.

А перед стариком сидел юноша, красивый и здоровый, сидел, слушал, глядел с настороженным, недоверчивым страхом. Он не понимал этих речей, и они были страшны для него своей непонятностью. И те двадцать с лишним тысяч дней, которые суждено ему было еще прожить, — для него вечность, более необъятная, чем застойная, близкая вечность Вселенной.

— Мучает... Признаюсь... — ронял тихо слова Шаблин. — И лечишь меня от этой муки ты, Игорь.

— Как так?

— Взгляну на твою розовую физиономию, и становится стыдно: не имею права отрывать свое собственное «я» от тебя, от твоего сына, который еще не родился, от всех, кто есть и кто будет. Индивидуализм — патология человеческого мышления. Эх, если б это могли уяснить себе люди, насколько стало бы им проще жить!.. Ну, я пойду. Пора...

Александр Николаевич поднялся с места.

— Подзову машину.

— Не надо. Я пешком...

— Сыро на улице.

— Не беспокойся, мне не суждено умереть в подворотне.

Угрюмовато-спокойный взгляд через плечо, кивок головы. Дверь закрылась за стариком.

На столе осталась рюмка с недопитым вином.

Утром в спальне нашли его мертвым. На столе лежала тетрадка дневника со страницами, исписанными твердой рукой.

Первые листы ничем не отличались от научного исследования: цифры, химические формулы, выкладки со сносками, доказывающие необратимость распада

нервных клеток в мозгу. Далее сухое, пространное доказательство, почему невозможно омолодить дряхлый мозг и почему человечество не имеет права искусственно повторять интеллект. Видно, что в последние дни Шаблин мечтал о бессмертии, иступленно искал его и пришел к выводу: невозможно.

В дневнике нашли краткое завещание:

«На выборах на должность директора института свой голос отдаю за Александра Николаевича Бартеньева.

Есть у нас более способные ученые, но они (быть может, по причине личной способности) недостаточно объективны, волей или неволей будут ограничивать растущие таланты, подавлять их самостоятельность. Возможно, этим существенным недостатком грешил и я в свое время. Бартеньев лишен его.

Маленькая, чисто сентиментальная просьба: похороните меня возле старой могилы на холме, рядом с солдатами. Каждый по-своему воюет за жизнь.

Ш а б л и н ».

В самом низу приписка:

«Игорь, милый мальчик, если ты свяжешь свою жизнь с нашим институтом, то запомни одно: ищи бессмертия не одного человека, а всего человечества. Фраза общая, даже тривиальная, но тривиальное-то обычно забывается».

Его похоронили на холме, вместо памятника лег упрugo-горбатый, огромный камень, изборозженный извилинами, — монументальная копия мозга. Никакой надписи. Потомки и без того запомнят, кому принадлежит эта могила.

Со всех концов света летели люди, везли цветы. В цветах утонул не только каменный мозг, но и солдатский обелиск, покоящийся под собой рядового Осипова, сержанта Куницына, младшего лейтенанта Сукнова. Не умолкала траурная музыка.

А пока на Земле совершались эти события, в глубине Галактики растянувшиеся полки радиоволн достигли середины пути.

Вымахали дубки в институтском парке. В жаркий полдень на дорожках — прохладная тень, при набегавшем ветерке играют в пятнашки солнечные зайчики.

Каждое утро, в восемь часов, через парк к главному зданию института неторопливо вышагивал высокий, ссутулившийся человек. В том, как он выступал, в том, как он был одет — традиционный профессорский костюм, темный галстук по безупречно белоснежной сорочке, — сказывалась стариковская чопорность, которая у многих приходит преждевременно, вместе с высоким положением в обществе.

Александр Николаевич Бартенев — бессменный руководитель Института мозга, капитан того корабля, на который поставил парус покойный Шаблин.

Неожиданно этот могучий корабль, вооруженный сотнями лабораторий, переменил паруса, взял несколько иной курс. И не капитан был повинен в том.

Случай, быть может как-то предопределивший поворот, произошел еще при жизни Шаблина, когда шестнадцатилетний мальчишка сбежал из дому и два месяца бродил по городам в живописно пестрой рванине «пезантях».

Педагоги, руководители предприятий, вся общественность вместе с печатью, кино, телевидением действовали: разрабатывались новые методы воспитания, по-новому организовывались трудовые процессы, использовалось все, все, кроме насилия; многое было достигнуто, но никак не удавалось заставить природу, чтобы она щедро одарила каждого человека без исключения.

Игорь Бартенев получил звание кандидата наук.

В один прекрасный день он явился в директорский кабинет, тот самый, в котором когда-то сидел Шаблин. Его теперь занимал Александр Николаевич. Игорь явился не один, за ним ввалилась целая компания таких же, как он, молодых ученых: спортивные костюмы, спутанные шевелюры, с затаенным вызовом

поблескивающие глаза, и на лицах у всех одинаковое жестковато-упрямое выражение — соловьи-разбойники. А Игорь держится атаманом: невысокий, подобранный, одет со щеголеватой небрежностью, на челе — печать правдоискателя.

— Мы предлагаем новую программу научных исследований. Просим ознакомиться.

— Очень хорошо. Рассмотрим на ближайшем ученом совете.

— Нам необходимо, чтоб институт на своей территории построил детский сад.

— Детский сад?

— Да, вмещающий двести детей.

— Но вы ученые, а не воспитатели.

— Попробуем быть теми и другими. Попробуем воспитывать то, что не заложила природа.

— Вы хотите «перекроить» человеческий мозг?

— Да, так сказать, на ходу. Постараемся создать такие условия в детском организме, которые бы способствовали росту клеток, выполняющих функции ассоциативного мышления.

А не кажется ли вам, молодые люди, что вы запели давно забытую песню социологов-пессимистов: человек несовершенен, его не исправишь, не перевоспитаешь самой жизнью, нужна грубая хирургия?

Нет! — возразил Игорь. — Наше вмешательство как ученых бессмысленно без того воспитания, которое ведется сейчас в обществе. Мы хотим только одного: ускорить воспитание, сделать людей более восприимчивыми к воспитанию, воспитать способность к творчеству!

— Хорошо, посоветуемся...

— Ваш долг... — Игорь называл сейчас отца па «вы»: он не сын, а официальный представитель группы молодых ученых, отец — не отец ему, а директор института. — Ваш долг — отстаивать нашу точку зрения.

— А если при внимательном ознакомлении я не соглашусь с вами?

— Тогда будем считать, что вы забыли посмертное завещание Шаблина — помогать молодежи.

Шах королю, ничего не скажешь. Именем покойного Шаблина... Шаблин по-своему наметил русло научных работ, эти молодцы правят в сторону. Именем Шаблина... И все-таки...

И все-таки на том месте, где когда-то стоял застекленный террариум и Александр Николаевич колдовал над гадюками и анакондами, был разбит сквер, вырос развеселый теремок — новая лаборатория «Детский сад». В самом центре научного городка, где, казалось, сам воздух пропитан премудрыми тайнствами, под детский визг завертелись пестрые карусели, закачались легкомысленные качели, и трехлетние карапузы с серьезностью ученых мужей стали лепить из песка пирожки.

Семь лет велась работа. За эти семь лет дети из детского сада перешли в школу. И тут-то группа Бартењева-младшего решила выступить в печати.

Их коллективная статья напоминала революционную декларацию:

«Умственное неравенство людей, последнее неравенство в обществе, можно ликвидировать!

Это не значит, что все люди станут похожими друг на друга, как штaketник забора. У каждого останутся свои пристрастия, свой вкус, свои привычки, у каждого жизнь будет складываться по-своему и на свой лад формировать человеческую натуру. Если колосок пшеницы, выросший на одном поле, под одним небом, при одних и тех же дождях, что и другие колосья, имеет свои особенности, то что уж говорить о многообразной человеческой личности.

Начнется яростное, но благородное соревнование в творчестве. И это уже не будет борьба ума и косности. Понятия — победитель и побежденный — останутся в силе, но отщепенцы в обществе исчезнут навсегда!..»

И мир от этих слов загудел, как улей, на который упало яблоко. Никому не известные имена молодых ученых стали склоняться во всех концах Земли. Старым профессорам пришлось потесниться за своим столом. И новые голоса раскололи чинную академическую тишину. Александр Николаевич прислушивался к ним. Попробуй-ка теперь не прислушаться!..

Капитан корабля?.. Ой ли... В лучшем случае — выплел на ладе молодых аргонавтов.

Как вместительна человеческая жизнь! Как она концентрирует время! Великая армия радиоволн, запущенная к Лямбде Стрелы, уже неслась далеко за пределами солнечной системы, когда Игорь бессмысленно таращил из пеленок глаза, пускал пузыри. И вот он уже вырос, возмужал, стал видным ученым, а полки радиоволн, выстроенные до его рождения, все еще мчатся по пустыням Галактики.

Сквозь рассеянную холодную пыль, сквозь разреженные до неощутимости газы, мимо обжигающих звезд, омывая планеты, недостойные их внимания, летит невидимая душа молодого Александра Бартењева. Теперь уже близок обетованный край, скоро конец затянувшегося похода.

Александр Николаевич знакомился со свежими данными, поступившими из одной лаборатории. Раздался гудок телеэкрана. Кто-то просил о встрече.

Молодой человек с добродушной складкой рта и выражением дежурного благоговения отрекомендовался как репортер широкоизвестной газеты.

— Вы, наверно, знаете, почему мы осмеливаемся вас потревожить?

Да, Александр Николаевич знал. Ровно через неделю первые радиоволны, несущие его тридцатилетней давности интеллект, должны — по расчетам — упасть на планету Коллега. Он знал это и был спокоен: ну и что ж, ведь опять ждать у моря погоды еще по крайней мере столько же, а практически наверняка больше. Не дожить... Зато его собеседника интересовало это, вопросы сыпались как горох.

— А как по вашему: примут коллегиانه информацию или нет?..

— А сколько времени у них займет восстановление мозга?..

— А не пошлют ли они встречную информацию такого же типа?..

Кто бы смог ответить на эти вопросы?

— Тогда скажите от себя несколько слов нашим читателям.

— Пусть молодые читатели вроде вас, милый мой, лет сорок спустя гостеприимно встретят моего заблудшего двойника, а читатели моего возраста пусть смиряются с тем, что никогда не узнают ответов на те вопросы, которые вы мне задали.

— Хотелось бы услышать что-нибудь оптимистическое, Александр Николаевич.

— А разве я сказал недостаточно оптимистично?.. Нет? Тогда извините и прощайте. Мне нужно работать.

Такие разговоры он вел каждый день по несколько раз. И вот день...

Прозрачное, остро свежее осеннее утро, с инеем на курчавящейся травке, с костисто застывшими ветвями голых деревьев в бледном небе... В этот ли день или в следующий? Но если и случится, то только на рубеже этих двух дней.

Попадут ли волны на антенны коллегиян, или они обметут их планету, как и те, что встречались раньше на пути, обметут и умчатся вдаль без возврата? Блуждай тогда в бездонном мире, неприкаянная душа, блуждай, пока не рассеешься, не исчезнешь, так и не воплотившись в самое совершенное в мироздании вещество — человеческий мозг. Сама по себе душа мертва, ибо только материя может быть живой.

И, как всегда по утрам, Александр Николаевич вынул из аппарата фотогазету. На первой странице — два портрета, два лица, молодое и старое, наголо бритое и с седой шевелюрой. Портрет двадцативосьмилетнего парня и портрет старца на седьмом десятке — один в двух лицах. А рядом крупно сообщение: «СЕГОДНЯ КОЛЛЕГИАНЕ НАЧАЛИ ПРИЕМ ИНФОРМАЦИИ МОЗГА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА БАРТЕНЬЕВА!»

«Начали прием...» Никаких сомнений. Впрочем, эти слова писал молодой оптимист.

Галя, родная, привычная, со знакомыми до боли морщинками у голубеющих глаз, вошла к нему, улыбулась. И морщинок на узком лице стало еще больше.

— Не знаю даже, поздравлять тебя или нет?

— Поздравь на всякий случай. Будем верить.

Кивнула головой.

— Будем... Если нет, то мы с тобой вряд ли узнаем. Будем верить! Поздравляю. Надень черный костюм, в институте сегодня торжественный вечер.

— До вечера еще далеко... Да и зачем парад?

— Все равно надень, пусть знают, что ты веришь. Он надел.

А вечером выступал с воспоминаниями. И на него смотрели из зала жадные молодые глаза, жадные от нетерпеливого желания. Эти молодые люди, быть может, даже больше его самого желали победы, так как рассчитывали дожить до возвращения. Эта уверенность заразила его. Рассказывая о подготовке к «полету», о «запуске души», он был почти убежден: первая половина дела сделана. И он говорил:

— Тридцать шесть лет назад, в ту минуту, когда передавались позывные «Чрезвычайно важно!», один человек мне сказал: «Придет время, и там содрогнутся от этих сигналов». Время пришло, товарищи! Быть может, именно в эту минуту испытывает восторженный ужас радиоастроном планеты Коллега!

И зал грохотал аплодисментами.

А дома он снял с себя торжественный черный костюм и вместе с ним уверенность, словно черный костюм, как военный мундир, призывал к долгу — верить.

Все пошло по-старому. Каждое утро, в восемь часов, неторопливой, стариковской походкой проходил он под заматеревшими дубами к институту.

Сокрыто непроницаемым мраком то, что делается за пронастью шириной в тридцать шесть световых лет. Во всяком случае, для него. Молодым счастье. Да, счастье: узнают неведомое.

И так прошло еще пять лет. Пять неторопливо-спокойных лет...

«Противоположность зла — добро, а противоположность жизни — смерть; противоположность человека благого — нечестивец, а противоположность света —

тьма; взгляни на деяния бога — все они по два находятся друг против друга...»

Светил ночничок над изголовьем; за окном начиналась непробиваемо темная мартовская ночь, а стены хлестала метель, быть может, последняя метель этой зимы. И ветер снаружи завывал по-древнему; под такие завывания, должно быть, складывались когда-то при свете лучины тягучие русские песни.

Александр Николаевич перед сном любил полистать какую-нибудь книгу. В этот вечер он открыл «Премудрости» Бен-Сира, довольно-таки давнее издание с обширными комментариями.

Ветер проносился мимо, не в силах хоть чуть-чуть нарушить теплый и покойный уют просторной спальни, со стенами, задрапированными тяжелыми шторами, с полом, устланным толстым ковром, и ночником, парящим в полумраке синей птицей. Несмотря на завывания, здесь стояла застойная тишина, шелест пожелтевшей страницы казался слишком громким.

Приятно было с высоты современности наблюдать, как копошилась человеческая мысль две тысячи с лишним лет тому назад, как беспощадно и слепо нащупывала истину, как в бессильном отчаянии зывала к богу. Приятно... Наверно, в представлении этих древних такое удовольствие мог получать только сам всемогущий господь, наблюдавший из своего недоступного поднебесья людскую суету. Приятно на минуту ощутить себя богом.

Вдруг Александр Николаевич вздрогнул — без причины. Так иногда вздрагиваешь, когда погружаешься в сон. Может, он уже засыпал? Нет. Только что прочитал слова: «...все они по два находятся друг против друга...» Тело почему-то охватил легкий жар, испарила проступила на лбу. Неожиданно в темноте спальни раздался странный, нежный квакающий звук. Страшно... Тишина. Воет ветер за стеной, и стонет голый сад. Ощущение такое: он словно переродился за эту секунду, стал иным, новым, чем-то не похожим на себя.

Сбросил ноги с постели на ковер. Скрытые под полком лампы, как всегда, услужливо осветили просторную комнату. На подвижной вешалке висит, спадая

мягкими тяжелыми складками, халат: на ковре — ночной столик, тапочки; часы на стене показывают без пяти одиннадцать. Нет ничего кругом, что могло бы издать квакающий звук. Да и звук этот ни на что не похож. Александр Николаевич мог бы поклясться: никогда в жизни не слышал такого.

«Нервишки пошаливают!..» Ничего себе объяснение для ученого, который почти всю жизнь занимался проблемами нервной деятельности. Но другого объяснения не придумать.

Александр Николаевич снова лег в постель, верхний свет потух, снова запарил ночничок синей птицей.

Взял в руки книгу, нашел прочитанное место:

«Противоположность зла — добро, а противоположность жизни — смерть; противоположность человека благого...»

Странно... Его охватывает какое-то беспокойное нетерпение, почему-то тянет встать с постели, куда-то идти, что-то делать... Куда? Зачем? Что случилось? Может, в институте беда? Может, Галя почувствовала вдруг себя плохо? Она побаливает последнее время...

На ночном столике несколько кнопок. Александр Николаевич нажал одну. Аппарат у постели Галины Зиновьевны бесстрастно, вкрадчивым голосом начал докладывать:

— Соп глубокий. Пульс нормальный. Деятельность мозга...

Александр Николаевич выключил аппарат. У Гали все благополучно, да и в институте ничего не может случиться.

Но-прежнему тянет встать, какое-то нетерпение...

Звук... Нежное кваканье, но какое-то осмысленное. Длится всего секунду...

И ударила в голову сумасшедшая мысль: «А что, если?.. Мой мозг и его мозг одинаковы. Если и возможна связь... Что, если там, на Коллеге, начал жить он!»

Стало холодно от этой мысли.

А потом стыдно...

Кто он — мнительный неврастеник или ученый? Он же прекрасно знает, что святой дух не может пере-

носить ощущения, их переносит что-то материальное — электромагнитные или какие-то другие волны. Но какие бы они ни были, эти архитаинственные волны, не могут же они двигаться быстрее обычных радиоволн. Даже если предположить невероятное: двойник жив, сообщает о себе, то услышишь его через те же тридцать шесть лет, ни больше ни меньше. Ожил сейчас — дудки! Но тогда что с ним?

И нет ответа, кроме обывательски убогого: «Нервы-таки пошаливают...»

Он встал с постели, накинул халат, прошел в другую комнату, сел за стол и записал все: ощущения, звуки, год, месяц, число, время — двадцать два часа пятьдесят пять минут — время первого толчка.

На следующий день Александр Николаевич попросил сделать самую тщательнейшую проверку его здоровья. Для виду жаловался на головные боли. Научные сотрудники посмеивались: «Наш дед стал мнительным». Исследования показали: сердце не в очень хорошем состоянии, слегка пошаливает печень, можно желать лучшего от кроветворной системы, но нервная система совершенно здорова, память по-прежнему необычно емкая, ценкая. Память, вошедшая у людей в поговорку.

Все время он испытывал какое-то возбуждение, все время его тянуло куда-то ехать, что-то делать, появлялся прилив молодой энергии, а по ночам он плохо спал.

Как-то раз проснулся от жары духоты. Жара и вязкая влага окутывали тело. Скинул одеяло, сел: в спальне, как всегда, было прохладно, воздух чист и легкий.

Он попробовал и сам вызывать эти ощущения.

Шел рабочий день. Александр Николаевич сидел в институте один, в кабинете. Солнце косо било в обширные окна, перечеркивало пластикатовый паркет. Стол, заваленный бумагами, фотографиями, пленками, на подвижной подставке экран телеаппарата, кресла, диваны, а с улицы доносится весенний крик грачиной стаи. За последние десять лет грачи густо засе-

лили институтский парк, навешав на подростные дубы тяжелые шапки гнезд. Обстановка, не способствующая галлюцинациям.

Положив руки на стол, глядя перед собой в бесстрастную поверхность выключенного телеэкрана, Александр Николаевич заставил себя думать только о своем двойнике, о планете Коллега. Прошла минута, другая... Матовый, ничего не выражающий экран, крик грачиного базара за окном, но в то же время настойчиво возникают в воображении какие-то неожиданные гигантские призраки, окутанные плотной мгlistостью. И он словно окупался во мглу. Мгла не обычная, не серая — какая-то очень светлая, перенасыщенная светом, напоенная им. Темные громады размыто-правильной формы чем-то напоминают однообразно чередующиеся колоссальные кристаллы, их ломаная линия двигается в одну сторону. Александр Николаевич скорее угадывал, чем чувствовал, густоту воздуха, его влажную липкость, но это было даже приятно, он как бы купался в ней. Гиганты утонули в сияющей мгле, растворились, но снизу поползла какая-то сумрачная, угрожающая, тяжелая туча. Ползла от почвы, ширилась и росла, растрепанная, бесформенная... Нет, не туча, похоже — заросли, можно разглядеть широкие, почти черные листья с мокрым блеском, можно услышать их жесткое, клеенчатое шуршание... И нет неба, нет далей — золотистый туман над головой, золотистый туман над вершинами странных растений, атмосфера, в которой, кажется, как в воде можно плавать. И Александр Николаевич вздрогнул: знакомый квакающий звук!

Матовый телеэкран, солнце, наискось хлещущее в кабинет, загроможденный бумагами и пленками стол, и с воли — земной из земных — взбудораженно весенний грачиный переполох.

Может, матовая поверхность телеэкрана и вызвала в воображении туманные картины. Но эти кристаллы-колоссы, эти деревья с их жестким, кожаным шумом, наконец, этот уже знакомый звук. Никогда прежде ничего подобного не приходило в голову...

Среди бела дня — бред с открытыми глазами. Бред,

вызванный по желанию... Он сам не верит. Однако странный бред.

Он хотел посоветоваться с Игорем. Но Игорю некогда интересоваться небом, он слишком увлечен Землей.

Совсем недавно Бартеньев-младший, профессор Института мозга, стал стучаться в двери киностудий, в мастерские видных художников, к режиссерам театров, к известным поэтам.

В разных концах Земли живут два человека. Один счастлив, другой несчастен. И если счастливому скучать: с таким-то стряслась беда, тот-то страдает, — счастливый чаще всего останется равнодушным. Трудно проникнуться тем, что далеко, незнакомо, не проходит перед глазами, и никаким увеличением количества «мыслительных» клеток под черепом не сделаешь его отзывчивее. Разве не случается, что видный ученый менее отзывчив, чем самый заурядный человек?

Но вот между счастливым и несчастным встает художник. Он способен заразить и счастьем и несчастьем. Чем талантливей он, тем сильнее его влияние, — гений добивается того, что чужая беда становится твоей собственной. А переживший беду, привнесенную художником, человек меняется, становится тоньше, внимательнее. Говорят: искусство — форма общения. Если так, то самая наивысшая, какая только доступна человечеству. С помощью искусства можно сродниться с тем, кто живет на другом полушарии. С помощью его становятся близкими занесенные из средневековья страдания Гамлета. Пространство, время, разница характеров не помеха.

Игорь Бартеньев считал, что если б древнюю идею справедливости с ученым видом объясняли только философы, то мир выглядел бы гораздо непригляднее.

Пришло время буквально каждого из людей Земли заставить жить искусством, дышать им. Ум воспитывается, нужно воспитать и душу, и уж тогда соперничающее друг с другом человечество освободится от каких бы то ни было болезней, зашагает в бессмертие.

Игорь Бартеньев стучался в двери режиссеров и художников, музыкантов и писателей. И эти режиссеры, художники, писатели выдвинули идею «Театра без зрителей». Идея эта не родилась, она была поднята из праха веков, как неудавшаяся в свое время, отвергнутая, напрочь забытая.

Театр без зрителей...

Сценой этого театра выбрали кусок казахских степей. Здесь будут играть полтора миллиона актеров. Большинство из них никогда не ступало ногой на сцену, даже на любительскую.

Три недели без перерывов и антрактов, три недели днем и ночью должно длиться эпохальное представление «Гражданская война в России».

Массовое творчество началось задолго до «поднятия занавеса».

Все должно быть так, как было в минувшее время — время героев и злодеев, бескорыстных фантазеров и корыстолюбивых узурпаторов, высоких идей и низменного политиканства, время «Интернационала» и разухабистого «Ох, яблочко!..», время тифозных вшей, голодного брюха, изведенного курка и страстно-возвышенных декретов на оберточной бумаге.

Историк критиковал художника, художник советовался с инженером. Философ объяснял актеру мировоззрение его героев, а сам учился у актера актерскому мастерству. Изобретатели ломали головы над тем, как устроить, например, снаряды, которыми можно было бы стрелять из пушек, чтобы взрывались, но не могли никого ранить.

Среди степей воздвигалась часть старой Москвы с мощенными булыжником тесными улочками, обшарпанными стенами дряхлых особняков, разломанными заборами, лохматящимися плакатами, требовательно взывающими: «Ты! Записался добровольцем?» Часть старой Москвы с Красной площадью без привычного Мавзолея Ленина под торжественной кирпичной стеной Кремля. Легендарный Ленин жил и работал за этой стеной в скромном кабинетике, у дверей которого стоял часово-рабочий...

Ленина должен был играть всемирно известный ре-

жиссер Фойт-Дантон, а Герберта Уэллса, фантастаскептика, — артист Гаврилов.

С того и должна начаться эпопея, что Герберт Уэллс под охраной безупречно услужливого матроса едет через всю взбаламученную, растерзанную Россию в Москву. Впереди у него встреча с Лениным...

А для того чтобы затянутый благополучным жирком писатель-фантаст ехал, строится старомодная железная дорога. Специально воссозданы паровозы. Проконченные, мазутно-грязные, расхлябанные машины-ископаемые, выплевывая из труб угарный дым, потянут обшарпанные вагоны-теплушки мимо загаженных станцишек с копотно-красными водокачками. Станции будут забиты нестрым народом: бабы с сидорами и мужики с сундуками, тяжелыми, как атомные реакторы, обросшие, голодные, грязные, озлобленные солдаты с винтовками, слинявшие дворяне, выгнанные революцией из родовых имений, угрожающе-анархистского вида матросня, увешанная маузерами, гранатами, пулеметными лентами. И завяжутся драки у вагонов, и на крышах поедут одетые в рваную люди, и недоступные воображению беспризорника станут цепляться за буфера.

А кругом будет жить молодая Советская Россия. В специально скопированных бревенчатых избах, с изгородями у околиц, коровами, телегами, лошадьми, собаками, мужиками дремучего вида и бабами. Деревни тех времен — нищета и затаившееся сытое благополучие, забитость от темноты и волчьей ненависти от страха за свою шкуру, батраки и кулаки, спрятанный хлеб и отряды подразверстки, заседания комбедов и выстрелы из-за угла, брат на брата поднимающий топор во имя классовой ненависти.

А по полям пойдут окопы, и обутые в лапти красноармейцы станут бросаться в штыковую атаку на таких же мужиков-лапотников, одетых в английские шинели. Комиссары в кожаных куртках и офицеры в золотых погонах, полководцы, выросшие из рядовых, и онустившиеся, дегенеративные генералы царских времен, кавалерийские атаки и многокилометровые переходы, полевые пушки и тачанки с пулеметом на зад-

ке... В тачанках будет разъезжать и шайка батьки Махно, разудалая и озлобленная.

Из этой клокочущей жизни и свяжется такая же пестрая и клокочущая постановка, распадающаяся на тысячи конфликтов, связанных одним — осмыслением отдаленных веками тектонических сдвигов в обществе.

Видные писатели, философы, историки создали обширный сценарий, своего рода грандиозную задачу, ставящую исполнителей перед необходимостью образного анализа событий. Этими событиями будут двигать режиссеры, они участвуют в игре, как люди, облеченные властью, — революционные вожди и видные белогвардейские генералы, комиссары и контрреволюционные организаторы. Они обязаны придерживаться лишь общего развития действия, частности сами собой должны проявляться.

Все должно быть так, как было, — быт, одежда, нравы людей... И прошла дискуссия: а как с питанием? Три недели актеры Театра без зрителей должны играть голодный народ. Тут хотели сделать уступку, но актеры дружно возбунтовались. Играть так играть всерьез. Проникать в дух времени так проникать до конца — никаких компромиссов. Три недели! Страна голодала годами!

И специалисты стали выяснять, как печь ржаной хлеб с мякишкой, чтоб оставался неопеченным...

Красноармейцев, солдат, казаков, мужиков, просто представителей деклассированных элементов играло множество кинооператоров, вооруженных неприметно маленькими, сверхпортативными кинокамерами. Они обязаны были схватывать эпизоды игры, как схватывают хроникеры-документалисты. Наверняка окажутся заснятыми сотни километров пленки. Смонтированные операторами фильмы поступят на конкурс. После того как жюри конкурса определит лучший фильм и удачливый оператор получит признание, ему предоставят право назвать имя любого кинорежиссера. Вместе с этим кинорежиссером он, оператор-победитель, должен составить, пользуясь материалами всех фильмов, один общий фильм.

И этот фильм пойдет на экранах всех континентов,

его будут показывать по телевидению. Театр без зрителя получит миллиардного зрителя. Театр ли? Это песни нельзя же назвать песней.

Весь мир был увлечен этой затеей. Желющие играть составили целые армии, по своей численности, пожалуй, превосходящие те, что когда-то сражались в гражданскую войну. Седовласые профессора выражали желание стать мешочниками, капитаны космических лайнеров — кочегарами допотопных паровозиков.

Игорь Бартенев выбрал для себя роль матроса-большевика с крейсера «Аврора».

Уже много дней в казахских степях рвались импровизированные снаряды, скакали конники, носились тачанки. А каждое утро Александр Николаевич Бартенев шагал к институту, нес в себе не остывающее ни на минуту ощущение потайной связи с легендарной планетой, кружащей возле далекой звезды Лямбда Стрелы.

Миражи находили на него во время бодрствования, только в покойные минуты. Во время сна ему снились обычные, земные сны.

Как-то он присел на скамейку перед домом. Был тихий предвечерний час, солнце, налитое усталостью и ленью, спало к горизонту.

Он сидел и водил прутиком под ногами, старался ни о чем не думать, наслаждаться отдыхом. И неожиданно для себя он заметил, что прутик в его руках вывел на утоптанном песке четыре отчетливые буквы, складывавшиеся в странное слово:

ИМЯТ

Что это такое? По привычке пальцы потянулись к виску. Александр Николаевич напряг память: «Имят?..» Знает ли он это слово? Но память на этот раз — быть может, впервые в жизни — отказывалась ответить. Такого слова он не помнил. Но тогда почему ему взбрело в голову написать именно эти четыре буквы?

Решительные шаги. По дорожке шел странный человек в плотной, черной, слишком теплой, не по сезону, одежде. Широкие штанины мели песок, на го-

лове шапочка блином, на туго затянутом грубом кожаном поясе плоская коробка неправильной формы, она была человека по лямке.

— Здравствуй, отец!

И тут только Александр Николаевич узнал — Игорь в старинной одежде моряка, небритый, помятый, потемневший от солнца и пыли.

На осунувшемся лице незнакомое, пугающее суровое выражение, запавшие глаза загадочны. Обдав каким-то кислым запахом, Игорь осторожно обнял отца, тяжело опустился рядом.

— Как это в ваше время говорилось: укатили сивку крутые горки, — сказал отец.

Игорь с силой провел ладонью по грязновато-рыжей, словно подпаленной щетине на щеке.

— Расстрелян белогвардейцами час назад. Вот как...

— Рад видеть воскресшим.

— В теплушках вповалку ездил, на угле в паровозном тендере спал, жрал конину, сваренную на костре.

Конину! Ну, это слишком.

Из дому выбежала мать.

— Ого! Серьезный воин!

Рядом с поднявшимся сыном, выглядевшим сейчас крикостым и сильным в своей воинственно грубой одежде, мать казалась слишком сухонькой, какой-то воздушной.

— Не заболел ли?

Отец подсказал:

— Расстреляли его. Не может пережить.

Игорь махнул рукой.

— Пройдет... Ванна, а потом постель... Минутку еще посижу возле вас и пойду.

У Галины с возрастом ссыхалось лицо, а глаза становились больше и ярче. Сейчас в синеве ее глаз — пытлиное, озабоченное внимание. Неожиданно мягко попросила:

— Ты же что-то хочешь рассказать. Рассказывай.

Игорь словно ждал этой просьбы, стал рассказывать откуда-то с середины, отрывисто и путано:

— Нас повели к оврагу... Двадцать пять человек...

А мы до этого сидели в каком-то хлеву. Да, да, в хлеву не в переносном смысле — в буквальном... Грязь, смрад, навоз. Четыре стены, обмазанные рыжей глиной. Пять шагов на пять, а нас — двадцать пять человек, один на другом, ни лечь, ни сесть, стоишь на одной ноге. Пить не дают... Вывели, начали прикладами толкать. До оврага километра четыре, босиком, по колючкам... Выстроили вдоль оврага. Выстроили, а напротив меня казак, рыжий, плечистый, борода от самых глаз растет. Взглянул я в эти глаза над бородой и, знаете, поверил! Вот такой подымет ружье и убьет. Понимаете, поверил! Овраг... Трава жесткая, в пыли, осыпавшаяся глина — этакий кусок планеты, оставшийся с сотворения мира. Подымет на меня вилтовку — и конец. Тут, у оврага. Одного казака играл знакомый гистолог, как-то на симпозиуме в Варшаве беседовал. Встретились мы с ним глазами. Я на него гляжу, он — на меня. И не выдержал он. Вижу, морщится, морщится, как ребенок, вдруг — хватъ об землю свое ружье и закричал: «Ко всем чертям! Почему я должен корчить из себя эту сволочь!» Погоны с плеч рвет. А командир их, подьесаул, что ли, называется, — какой-то профессиональный актер. Он отвечает за игру. Он обязан пустить нас в расход, то есть расстрелять... Что вы думаете, не растерялся, сукин сын, ткнул издали пальцем, крикнул: «Взять!» Набросились, руки заламывают, а мой гистолог рвется, попа на губах... И вдруг слышу, кто-то за мной хрипло так, пересохшей глоткой: «Вставай, проклятьем заклейменный!..» И все запели... И я тоже... «Вставай, проклятьем...» И ненависть, ненависть во мне. Какая ненависть! Никогда такой не переживал. Особенно к этому проклятому подьесаулу. И чувствую, всерьез чувствую, что я и есть проклятьем заклейменный... Что у меня прежде была такая сволочная жизнь, что и смерти-то не боюсь...

Игорь вытер пот с лица рукавом бушлата, облизал потрескавшиеся губы.

— Я, наверно, долго еще буду удивляться...

— Игра порой врзается в память сильнее, чем жизнь.

— Нет, не игра, а именно жизни удивляться нашей, этой вот... Летел сюда и глядел, словно у меня новые глаза... — Игорь помолчал с минуту, подумал, сообщил: — Об этом подьесауле думаю. Тот актер, когда снимет его шкуру, станет, наверно, годами душу свою считать... От безразличности... Хотя актер, им это привычно...

По узкому околышу тусклым, как древняя инкрустация, золотом надпись — «Аврора». Ленточки спадают на плечи. Тяжелый пистолет в деревянной колодке, свисая на ремнях, касается полустертого подметками слова «имят». И шероховатая жесткость сука и дикарски неуклюжие, грубые швы на одежде. И пахнет от Игоря потом, пылью, здоровым нематым телом, так, наверно, остро, плотски пахли дикие степные кони.

— Да-а... «Проклятьем заклейменный!..» Надо идти к себе...

Игорь поднялся с усилием, неуверенно двинулся, замата следы непомерно широкими штанинами, — невысокий, но прочно сшитый грубыми швами.

Отец и мать молча проводили его глазами.

О страшном слове Александр Николаевич вспомнил снова только перед сном, в постели. «Имят...» Что бы это могло значить?

От двери донесся шум.

— Ты не спишь?

Стремительно вошла Галя — лицо розовое, глаза круглые.

— Ты ничего не говорил сейчас?

— Нет.

— Не читал ничего вслух?

— Да нет же. В чем дело?

— Значит, мне послышалось...

Она уселась у него в ногах — лицо все еще было неестественно, по-молодому разнурмано, мелкие морщинки разглажены, в глубине потемневших глаз — возбужденный огонек.

— Я вдруг вспомнила... Совсем, совсем забытое... Не знаю, помнишь ли даже ты... Вспомнила реку,

мостик и почему-то отражение луны на воде. Жидкое такое, беспокойное, прямо на течении... Ты помнишь это?

— Помню.

— Вспомнила, как я тебе читала стихи... И вот слышу... Совсем явственно, просто нельзя ошибиться — твой голос. Ты повторяешь: «Имя твоё — птица в руке...»

— Имя твоё! — подскочил в постели Александр Николаевич. — Имя-т! Вот оно что!

— Значит, ты читал все-таки?

— Не-ет.

— Думал о нём?

— Нет.

— Но что же? Право, я слышала...

— Это он! — вырвалось у него.

— Кто он?

— Галя! — Александр Николаевич схватил жену за руку. — Тебе покажется нелепым, но это он! Я его чувствую! Постоянно!.. Он там ожил.

Александр Николаевич ждал испуга, ждал, что она забеспокоится: «Ты, кажется, нездоров. Тебе нужно лечиться».

Но она лишь тихо сказала:

— Вот как...

— По пойми — это невероятно!

— Да, невероятно, — без убеждения согласилась она. Но голосу же чувствовалось: очень хотела этой невероятности, готова сразу верить ей.

— Сегодня, перед тем как явился Игорь, ну, всего за секунду до его прихода, я сам для себя неожиданно написал на песке четыре буквы: «ИМЯТ». Имя т-вое... Написал и ломал голову: что бы это значило?.. Нет, чушь! Ерунда. Невероятно!

— Да, да, невероятно.

— Луна под мостом! Как я ее хорошо помню! А он? Галя! Он ведь тоже...

И глаза Гали потухли, и лицо сразу сникло, стало старым.

Она поднялась.

— Пожалуй, нам пора спать... Нет, не меня уже

любит, а ту... Мне-то теперь шестьдесят лет... Спокойной ночи...

Она ушла, унося на поднятых острых плечах легкий ночной халатик, спадавший прямыми складками вдоль ее бесплотно сухонького тела.

Ушла, но верила и не слишком удивлялась.

15

Прошел год с того момента, когда Александр Николаевич ощутил первый толчок вечером в спальне. По условию — только год должен находиться на планете Коллега его двойник.

Год прошел, а Александр Николаевич продолжал его чувствовать.

Быть может, эта своеобразная реакция вызвана лишь умозаключением, что примерно в такое-то время должен «ожить» двойник?

Быть может, ощущения его вовсе не космического происхождения, а земного?

Он его продолжает чувствовать, но разве это доказательство, что связи не было?

Мог же посол Земли по каким-нибудь причинам задержаться там?

Мог и просто остаться навсегда. С его мозга лишь снимут информацию и пошлют на Землю. Живи спокойно до самой смерти среди коллегиян.

Стояла снежная зима с незлыми морозными перепадами. И деревья обрастали пышным инеем, и в черных переплетениях ветвей раскидывались гравюрно-чеканные сады, и верхушки берез как окоченевший на морозе дым, и утопанные дорожки вкусно хрустели, и по ним в багряных мундирчиках прыгали снегири. Александр Николаевич не спеша шел по кружевной заиндевевшей аллее и радовался, что хотя ему уже пошел семьдесят первый год, но силы еще есть — наверняка это не последняя в его жизни зима. Он еще увидит счастливую путаницу опущенных ветвей, колючую искристость по голубым сугробам.

Прожитая долгая жизнь казалась значительной, но в ней был один недостаток — занятость. некогда было оглянуться кругом, заметить радостные мелочи — хотя бы этих надутых снегирей на снегу. Он скоро откажется от директорствования в институте — хватит, стар! — станет свободнее и уже не пропустит те маленькие подарки, которыми жизнь оделяет ежедневно. И будут лопаться почки весной, и придут еще ласково-теплые вечера созревшего лета, и осенью — ясная грусть, лимонно-чистый свет липовых рощиц. Хороша жизнь, черт возьми!

Внезапно, словно от поворота ключа, тоской сжалось сердце. Оглушающая тоска сразу, без переходов после легкой радости. И захотелось вдруг упасть на заснеженную землю, кататься по ней, иступленно ласкать и плакать от великой любви к деревьям в иное, к расколовшемуся на искры солнцу на взбитых сугробах. Только что минуту назад все это казалось собственностью. Твое! Никто не отнимет! Теперь — утрата.

Это он! Опять его власть!

Как просто странные и невероятные вещи объясняются его влиянием. Тот, Второй, тоже чувствует его, земного. Александра Николаевича. До него донеслась радость: березы в белом кружеве! А кругом чужая, беспросветно туманная, парная планета! И мощный приступ ностальгии полетел в ответ.

Дома Галя угадала по лицу:

— Снова?

Он кивнул:

— Да.

— Что-нибудь страшное?

— Он там очень несчастен, Галя... Нечеловечески...

— Значит, ты теперь веришь в него?

— Нет... Не смею... Я, наверно, просто схожу с ума.

— Почему бы не предположить, что это возможно?

— Запрещает...

— Кто?

— Наука, Галя. Вся наука во главе с Эйнштейном.

— В свое время Ньютон многое запрещал Эйнштейну.

— Если б я мог доказать! Если б мог!.. Ты понимаешь, получается... я... я... должен уничтожить пространство!

— Эйнштейн объявил, что при скорости света время останавливается. Значит, при каких-то обстоятельствах время как таковое перестает существовать, и этому давно никто не удивляется.

— Ты хочешь сказать, что может уничтожаться и пространство?

— Почему бы и нет, при особых обстоятельствах, — спокойно сказала она.

«Почему бы и нет» — просто, ясно. А это значит — мир из слаженного, понятного станет снова туманным, загадочным, пугающим. Это значит — потрясение, революция в сознании человека. Это значит — хаос в науке.

А если все-таки Земля вертится?.. Если дерзнуть... Почему бы и нет, как предположение, как до поры до времени туманная гипотеза...

Долгое время человек открывал лишь законы мертвой природы: движение тел, взаимное притяжение излучения, электромагнитные поля. А так ли давно под пристальное изучение попала живая материя, так ли давно заглянули в глубь клетки, открыли секреты белка, поняли тайну размножения? А самая сложная, самая высшая материя — мыслящая, — за нее только что взялись всерьез. Уже наверняка она огорошит ученых какими-то сногшибательными неожиданностями, наверняка откроются новые дали, а вместе с тем и новые, мучительные для науки загадки.

— Почему бы и нет?..

Но если так, то и нет предела величию человека, величию разума. Расстояния между звездами в десятки тысяч световых лет, расстояния между Галактиками в миллионы, в сотни миллионов, даже в миллиарды световых лет, можно будет укладывать в короткую человеческую жизнь. Пространство — самая неприступная крепость — выкинет белый флаг. Мыслящие существа объединятся, в неторопливо ленивом

укладе Вселенной забьется новый темп жизни, и кто знает, быть может, ему-то и суждено господствовать в далеком будущем.

Шаблин мечтал об этом. Мечтал, но не верил.

Страшно от этой вселенской дерзости, но почему бы и нет?..

Через три дня, сидя дома за своим рабочим столом, Александр Николаевич почувствовал легкую дурноту, уронил голову на бумаги...

Спал он не больше часа. Проснулся, удивленно оглянувшись кругом.

— Однако... Что бы это могло значить?

Он не чувствовал себя больше больным, дурнота прошла, но вялость ощущалась в теле, словно вынули какую-то пружину.

На столе неоконченные записи. Он стал их перечитывать. Они уже не волновали его, как прежде.

Он попытался внутренне сосредоточиться на своем двойнике и почувствовал, что вместо того, странного, таинственного четвертого измерения, — стенка.

Александр Николаевич впервые ощутил себя очень старым. Встал, волоча ноги, прошел в комнату жены.

— Галя, его нет...

— Умер?

— Не знаю... Сам умер, покончил самоубийством, просто исчез... Ему было очень плохо в последнее время. Очень плохо... — С горькой сморщенной улыбкой добавил: — Ну вот, я опять нормальный человек.

Перед ним сидел сын. Коротко подстрижен, по-спортивному подтянут, и только некоторая округлость в плечах да еще горделивое независимое выражение лица говорили о зрелом возрасте: Игорю исполнилось уже сорок лет. Сейчас он слушает отца, и в глазах сочувствие и настороженность.

Игорь должен верить, и верить настолько, чтоб взять на свои плечи исследования, подтверждающие возможность мгновенной биологической связи на бес-

конечно далекие расстояния. Он, Александр Николаевич Бартедьев, слишком стар, ему не под силу возглавить громадную работу.

Но настороженность в глазах...

— Скажи прямо, — наконец рассердился отец, — слишком странно, сногшибательно. Не так ли?

— Странностями живет наука, — возразил Игорь. — Не странно — сложнее.

— То есть?

— Твои наблюдения или должны совершить революцию в науке, или...

— Или они не имеют никакой ценности, просто старик сходит с ума.

— Да, будет выглядеть примерно так, — спокойно согласился Игорь. — Но до революции наука просто не созрела, не изболелась, чувствует себя здоровой. Слишком мало фактов, которые нельзя объяснить, скажем, теорией относительности.

— Поставим широкие эксперименты — появятся новые факты.

Игорь заговорил мягко, но в его мягкости — негнущийся железный скелет:

— Отец, ты же знаешь, что такое широкие эксперименты... Надо хотя бы в миниатюре повторить то, что произошло с тобой. Воссоздать не одну, а несколько копий мозга, забросить их в разные концы солнечной системы. Уж не говоря о том, что наш институт придется увеличить вдвое, потребуется еще новая отрасль промышленности... И все это потому, что люди должны безоговорочно верить ощущениям одного человека. Ощущения, которые никто, кроме тебя, не может пока подтвердить.

— Подтвердить может только он. Тогда меня уже не будет на свете, — невесело сказал Александр Николаевич.

— Он — это ты. Тебе, быть может, выпадет необычное счастье — возродиться после смерти. Счастье, которым люди осмеливались наделять лишь богов.

— Что-то грустно, сын, мне становится от этого счастья.

— А я бы его хотел для себя.

Александр Николаевич понимал: Игорь по-своему прав. Что он может привести в доказательство? Лишь личные, весьма туманные впечатления, в которых сам не уверен. Замахиваться на революцию в науке... А потом ему уже идет восьмой десяток, в его годы трудно рассчитывать на победу.

Остается только уверовать, что появится тот, второе его «я». Тому, второму, когда он приобретет плоть на Земле, исполнится всего двадцать девять лет, он будет полон молодой энергии. И доказывать ему станет легче, на его вооружении — свои собственные наблюдения и наблюдения земного Александра Бартева.

Да сбудется небывалое счастье, да возродится он!

16

Зеленые дубы в парке стоят счастливые своей зрелой силой: корявые стволы, сплетающиеся толстые ветви, внизу у корней сырость, тянется молодая лопушистая поросль.

В центре парка, у полыхающей цветами клумбы, — укромное тенистое место с тяжелыми каменными скамьями под деревьями. Лет двадцать назад прошла мода на монументальное, резное, под старину. Мода изменилась, а каменные скамейки остались. Они позеленели, обветрилились, приобрели вид неподдельной старины. Такие тенистые углы, наверно, встречались в королевских садах XVII—XVIII столетий. В жаркие летние дни здесь можно видеть сухонькую старушку и ширококошотного старика в мягкой шляпе.

Галина Зиновьевна болела. Она никогда не отличалась крепким здоровьем, а в последние годы перенесла несколько тяжелых операций, частенько теперь повторяла со вздохом:

Ах, как хотелось бы дожить до его возвращения! Нужно дотянуть до девяноста пяти лет, ну, чуть больше... Тогда бы я умерла спокойно.

Александр Николаевич слушал ее и думал, что, пожалуй, и на самом деле она всю жизнь больше лю-

била ту его половину, которая улетела с Земли. И это не огорчало его.

Весной, на восемьдесят первом году своей жизни, Галина Зиновьевна окончательно слегла.

Цвел сад за окном — метель снежно-белых цветов застывшие висела над распаренной землей. А дом был погружен в сумрачную тишину. Люди старели, а мир за окном оставался по-прежнему молодым.

Приехал Игорь, бледное лицо, глаза кажутся черными. Быстро прошел в комнату, где лежала мать.

В Америке в этот день собирался международный конгресс ученых и общественных деятелей. Бартев-младший должен был открывать его. Неподалеку от дома, сложив невесомые крылья, как приготовившийся к прыжку большой серебряный кузнечик, ждал энтомоптер. А в межконтинентальном аэропорту дежурил скоростной самолет, готовый перебросить через океан знаменитого ученого.

Александр Николаевич, четыре ночи проведенный без сна, сидел в кресле в углу гостиной, напротив экрана телевизора, не в силах пошевелиться. Мысли в ужасе шарахались от главного, от неизбежного, кружились, как мухи, вокруг случайных вещей... Вот телевизор... Давным-давно висит он в этой комнате... Давным-давно — Александр Николаевич был молод — видные ученые приветствовали его из этой потускневшей теперь рамы: «Доброе утро... Тема сегодняшней лекции...» В те годы такой экран считался новинкой, последним словом техники, сейчас, увы, старомоден, другие бы хозяева выбросили его на свалку... «Доброе утро... Тема сегодняшней лекции...» Тогда-то и познакомился с Галей...

Вошел Игорь. Глаза пугающе тусклы, губы слинявшие, безжизненные. Подошел к отцу, погладил плечо, хотел сказать что-то и... отвернулся. Александр Николаевич ничего не спросил.

Сутулая спина Игоря, острые лопатки, седина в волосах. Вот и дожил Александр Николаевич до того дня, когда увидел седину в голове сына. Все можно побороть, но только не беспощадность времени.

Игорь, тяжело согнутый, словно седеющая голова

тянет к земле, подошел к экрану, набрал номер. Экран медленно-медленно заполнился светом, сначала размытым, ничего не выражающим, затем проступили тени, вывелись цветные пятна, они крепились, приобретали четкий рисунок.

Зал — огромная чаша, накрытая прозрачным куполом, на который навалилось темное небо. Здесь утро, там вечер. Люди, люди, люди в пестрых одеждах, сидящие ряд над рядом.

— Алло! — хрипло бросил Игорь. — Говорит Бартенев.

Зал исчез, появилось изображение человека с профессорской голубовато-седой шевелюрой.

— Игорь Александрович, как у вас?..

— Я не смогу явиться... У меня...

Молчание.

— Извинитесь за меня перед всеми.

Человек с экрана смотрел подавленно.

— Все поймут ваше горе, — сказал он тихо.

И снова зал, гигантская чаша, заполненная до краев лучшим из лучшего, что есть на свете, — выдающимися умами мира.

Вдруг ряды колыхнулись; все люди, все до единого поднялись с мест. Тишина...

Всемирный конгресс почтил вставанием память женщины, самой обычной женщины. Она не сделала ни одного открытия, не удивила народы ни взлетом дерзкой мысли, ни всплеском яркой фантазии. Единственная заслуга ее жизни — родила одного из самых достойнейших членов этого высокого собрания, кого ждали, в ком нуждаются.

Тысячи выдающихся людей почтительно стояли, подавленные тишиной и величием минуты.

С этого дня в парке, возле клумбы, на каменной скамье, он стал сидеть вечерами один. Несколько громоздкий, не лишенный старческого величия, часами оставался наедине со своими мыслями, перебирал день за днем долгую жизнь, в общем-то счастливую.

Однажды к нему подсел молодой человек. Легкий

костюм плотно облегал широкие плечи; сдержанной раскраски галстук под тон сорочки — вкус к одежде — и крепкий румянец, растворенный в густом южном загаре, говорили, что этот человек дорожит маленькими прелестями жизни. Но в его цветущем лице застыло какое-то несолидное, птичье раздражение.

Он обратился:

— Я должен бы начать с того, с чего все начинают, — представиться. Но мое имя ровным счетом ничего не скажет вам.

И старик приподнял шляпу.

— Чем обязан?

— Я очень недоволен собой, — сообщил незнакомец.

— Бывает...

— Мне двадцать пять лет, а ничего еще не сделано в жизни.

— Двадцать пять лет — это не так и много, смею вас уверить.

Самое главное — не надеюсь что-нибудь сделать.

— Напрасно.

— Я спортсмен. У меня железное здоровье.

— Охотно верю.

— У меня к вам предложение.

— Слушаю.

— Потребуйте, чтобы ваш интеллект пересадили на меня.

— Зачем? — спросил старик без удивления, почти равнодушно.

— Затем, чтоб получился полноценный человек. Не уносите ваш интеллект в могилу.

— Вы же знаете, что это невозможно. Вместе с моим одряхлевшим мозгом ваш организм получит и мою незавидную старость. Вы только на шестьдесят лет станете ближе к могиле.

— Я это знаю, — нетерпеливо дернул плечом незнакомец. — Но в архивах института лежит запись вашего мозга, сделанная тогда, когда вам было всего двадцать восемь лет.

— Положим...

— Попросите, чтоб перенесли его на меня. Я же готов.

Старик не сразу ответил, смотрел в землю, сложив на коленях сцепленные пальцы со вздутыми суставами.

— Вы согласны? — переспросил незнакомец.

— Нет.

— Почему?

— По многим причинам.

— А именно? Ведь это же будете вы! Вы, а не я! Молодой и сильный, способный снова работать.

И опять старик задумался, вздернув плечи, опустив к земле голову.

— Как скучно было бы на Земле, если б люди повторялись, — сказал он.

— Разве плохо, если будет повторяться хорошее?

— Стереть все, что я нажил, все эти десятилетия труда, счастья и горя, эти знания и опыт. Просто стереть, а потом начинать сначала, да еще со старомодным, отставшим больше чем на полстолетие мозгом. Бессмысленно, молодой человек.

— Стереть? Простите, но смерть все равно сотрет.

— Но вместо меня появится на земле кто-то новый, ни на кого не похожий.

— А если вместо вас появится какой-нибудь бесполезный болван?.. Вроде меня...

— Не считайте людей по единицам, считайте их поколениями. Я же верю: поколение от поколения рождается умнее.

— Умнее, потому что со временем копятся человеческие знания!

— Нет, не только поэтому. Мозг младенца-неандертальца качественно был более восприимчив, чем мозг младенца-питекантропа, так же как мозг современного младенца отличается весьма заметно от двух предыдущих... В общем и целом вместо меня появится человек, чуточку превышающий меня по своим природным данным.

Значит, вы не согласны?

— Нет. Вы обратились не по адресу. Вполне возможно, через некоторое время появится второй Алек-

сандр Бартенев... С Коллеги... Такое возрождение имеет смысл, тут уж я не протестую. Посудите, стоит ли плодить на свет еще одного Александра Бартевева. Не многовато ли их будет?

— Вы не согласны?

— Нет.

— Прощайте.

— Всего вам хорошего, мой друг. Старайтесь быть не похожим ни на кого. Цените свою индивидуальность...

Незнакомец ушел, а старик глядел в землю, изредка покачивая головой.

17

Он скончался девяноста двух лет.

Его похоронили в институтском парке, посреди елочки, в окружении могучих дубов. На монолитной плите была краткая надпись:

БАРТЕНЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Он не бог, но он возродится!

Через восемь лет астрономические радиообсерватории, работающие на связи с планетой Коллега, приняли сообщение:

«Информация коры головного мозга жителя солнечной системы принята полностью».

И после этого из года в год по нескольку раз однопотипные сообщения: «Работы по воссозданию мозга посланца солнечной системы ведутся успешно».

Один год, другой, третий — пять лет: «Работы по воссозданию мозга ведутся успешно».

Люди ждали...

По истечении пяти лет в разгар лета на северном полушарии дежурные аппараты многих астростанций просигналили: «Внимание! Чрезвычайно важно!» И хотя автоматы космической связи могли бы без помощи людей принять депешу, астрономы бросились к контрольным лептам.

На лентах появились какие-то странные знаки, со-

всем непохожие на тот сложный код, по которому велись переговоры с коллегами. Точки, тире, тире, точки... И сразу узнали: «Да ведь это же азбука Морзе!»

«Мои братья! Мои сестры! Люди Земли!

Говорит Александр Барте́ньев! Говорит Александр Барте́ньев с планеты Коллега системы звезда Лямбда Стрелы!

Мне дана жизнь. Никаких отклонений от нормы не наблюдается. Восхищаюсь искусством коллеган, горжусь нашей наукой. Коллегиане радуются вместе со мной. Пока общаюсь с ними через звездный код. Изучить их языки не представляет трудности.

Хотел бы обнять каждого из вас.

Александр БАРТЕ́НЬЕВ.

А вслед за этим снова звездный код. Взяли слово коллегиан. И впервые от планеты Коллега летели не сухие научные сведения, не деловитые запросы, а эмоции. Система кода не слишком-то была приспособлена к их передаче.

Весь год шли сведения от Александра Барте́ньева — научные сведения. Только изредка всплеск наболевшей души, скупо переданный все той же азбукой Морзе: «Очень скучаю по Земле. Часто вижу ее в тихие минуты».

В конце назначенного срока — год с момента рождения — новое сообщение:

«Снята копия с моего мозга, ведется обработка. Информацию начнут передавать в самое ближайшее время. Коллегиане мне предлагают остаться у них. Можно будет держать постоянную связь. Намерен согласиться».

Через месяц сигнал: «Чрезвычайно важно!»

В радиоастрономические обсерватории стали поступать первые сведения из обширной радиogramмы о мозге Александра Барте́ньева, нагруженном новыми знаниями, новыми впечатлениями.

Институт мозга получил обработанные данные...

Институт мозга разослал объявление:

«Пужен доброволец для прививки интеллекта Алек-

сандра Барте́ньева. Непременные условия: возраст — 25 лет, идеальное здоровье...» Подробное описание: группа крови, классификации нервной ткани и т. д. и т. п.

И добровольцы, пожелавшие забыть свое собственное «я», превратиться в Александра Барте́ньева, взяли в осаду Институт мозга.

Из первой же сотни придирчивая медицинская комиссия отобрала некоего Георгия Миткова, атлетически сложенного гимнаста из Софии.

С планеты Коллега от Александра Барте́ньева была принята неожиданная, страшная радиogramма:

«Меня пытаются лечить, уничтожив память о Земле. Не хочу! Не могу! Знаю, что скоро умру... Надеюсь, что возрожусь...»

Несколько дней спустя новое, еще более странное сообщение: «Видел зиму. Кончено. До встречи на родине!»

Это была последняя весточка от космического Александра Барте́ньева. После нее с Коллеги передали математическим кодом сухое сообщение, что посланец солнечной системы перестал существовать.

А в спортивном зале Института мозга молодцевато вертелся на брусках Георгий Митков, статный парень с худощавым лицом, украшенным суровыми бровями. Он с хладнокровием тренированного спортсмена ждал, когда его позовут на операцию, после которой он забудет свое имя, свои привычки, свой характер и станет Александром Николаевичем Барте́ньевым.

Целых четыре года сотни лабораторий Института мозга, более тысячи научных работников создавали комочки вещества объемом, едва достигавшим 1500 кубических сантиметров. Десятки заводов и фабрик, конструкторских бюро по первому требованию разрабатывали, поставляли новую аппаратуру.

Целых четыре года — не так уж и много. Природа бы выращивала такой мозг почти три десятилетия.

Все эти годы Георгий Митков жил в институте, у него постоянно брали анализы, его изучали со всей скрупулезностью, на какую только была способна современная наука. Ткань нового мозга должна быть

подогнана под его ткань, иначе организм подымет бунт, со всей энергией, усиленной железным здоровьем этого человека, чужое, инородное тело будет отвергнуто, белые кровяные тельца атакуют мозг, череп прервется в воспаленный гнойник.

Когда Георгий Митков вошел в операционный зал, ему исполнилось двадцать девять лет, примерно столько же, сколько прожил во плоти Александр Бартедьев номер два.

Все случилось по заранее рассчитанному плану: четыре года подготовки, сорок пять минут — операция... После операции больного накрыли прозрачным футляром, совершенно изолировавшим его от внешней среды. Он лежал под простыней, в пластмассовом шлеме, со спящим лицом, как сказочная спящая царевна в хрустальном гробу.

А вокруг этого странного саркофага неподвижно стояли люди в халатах — молодые и старые, мужчины и женщины, с одинаковым выражением напряженности и подавленного ожидания на лицах. Они стояли и смотрели на приборы, показывающие дыхание, ритм сердца, состав крови, деятельность уснувшего мозга. Стояли десять минут, полчаса, час, ждали, не начнется ли воспалительный процесс.

Профессора молчали.

Наконец поджарый, морщинистый старичок с молотцеватой выправочкой и властным взглядом невылинявших глаз произнес: «Пока все в порядке».

И люди облегченно вздохнули.

Прозрачный саркофаг вместе с аппаратурой мягко двинулся с места, беззвучно распахнулся перед ним двери операционной.

Люди в халатах несколько минут шагали следом, потом стали расходиться по коридорам.

Саркофаг въехал в темную комнату и остановился. Двери плотно закрылись. Двери закрылись на две недели. Целых две недели больной будет спать, заботливые аппараты станут кормить его, прибирать за ним, следить за малейшими отклонениями в организме, сообщать о них людям. А людям вход запрещен.

Директор института, тот самый сухонький стари-

чок с гладко зализанными седыми волосами на черепе и покоящимися среди морщинок властными невылинявшими голубыми глазами, включил телеэкран. На нем проступил прибор — ритмично выплывала зеленая ломаная линия, указывающая, что мозг пациента возбуждается.

— Открыть шторы! — приказал директор.

— Не будет ли шока? Солнце на улице. Слишком большая неожиданность, — возразил кто-то невидимый.

— Солнце? Тем лучше. Пусть радуется возвращению. Я сам войду к нему.

В изолятор через широкое окно вливалось солнце, дробилось на зеркальных частях аппаратуры.

Прозрачная крышка саркофага откинута в сторону. Над ложем больного поднята рука, она ловит солнечные лучи.

— Вы проснулись? — негромко спросил директор, не отходя от порога, и сразу же строго одернул: — Не ворочаться!

Сначала раздался квакающий звук, потом голос:

— Речь! Своя речь!.. Нет, нет, я не повернусь... А вы подойдите.

Директор, мягко ступая, подошел.

— Как чувствуете себя?

Рука ловила солнечный свет.

— Солнце! Солнце!.. Там было очень туманно. Ни разу не видел их светила... Я на Земле?

— Да.

— И рука... У меня человеческая рука.

Рука сжалась в кулак, согнулась в локте, вздуваясь, пробежали под кожей мускулы.

— Ого! Мне судьба ходить в роскошных мундирах. И там меня парядили отменно. По их вкусу... правда...

Рука начала ощупывать плечо, выпуклую грудь.

— Богатыря раздели... Что я буду делать с такой горой мускулов?

Счастливый смех.

— Скажите, кому я обязан этим? — Рука погладила поверх простыни тело.

— Его звали Георгий Митков.

— Георгий Митков?.. Спасибо тебе, брат.

На подушке под шлемом суровые брови Георгия Миткова, худощавое лицо с крепкими челюстями и крупным носом. Но в этом знакомом лице случилась уже какая-то перемена, что-то неуловимо иное легло на черты.

— Профессор, мне вас плохо видно. Встаньте поближе... Вот так... Профессор, что это? Почему вы плачете?.. Все хорошо, профессор. Ах, как хорошо оказаться дома!

18

Высокий, статный с горделивым разворотом широких плеч, из просторного ворота сорочки — крепкая, как столб, шея. А походка не прежнего Георгия Миткова, не упругая, легкая, а вяловатая, вдумчивая. Знакомая походка...

— Воробьи! Смотрите, воробьи! Ах, черт!

Он удивлялся всему: воробьям, облакам на голубом небе, косой тени от здания.

— Это что ж... те самые дубы?.. — Сразу же погрустнел: — Когда улетал с Земли, они были чуть выше меня.

Но грусть на минуту.

Бабочка!.. Ай-яй! Вы не представляете, как у нас здесь красиво! И зима впереди. Зима! Снег увизку!

Последнее, что он видел в прошлый раз на Земле, — бледное от зеленого света крупное лицо со вскинутыми, как птичьи крылья, бровями да мигающий глазок аппарата. А потом на секунду тьма, только на секунду, и снова свет — рассеянный, дымчато-мягкий, уже не земной.

Тот человек с крупным лицом и вскинутыми мрачными бровями уже давно умер.

Умерли, пожалуй, все, кого он знал, умер Шаблин, умер и... Не стоит об этом думать. Прошло восемьдесят два года.

Этот старичок, что ведет его к себе домой, — директор Института мозга Игорь Александрович Бартенев. А его же самого зовут Бартенев Александр Николаевич. Этот старичок, по сути, его сын.

Над прямыми острыми плечиками — морщинистая шея, жалкие косички волос из-под круглой профессорской шапочки, — восемьдесят лет ему. И двадцатидвятилетний Александр Бартенев вглядывается в того, кто может считаться его сыном.

— Заходите. — Сын-старик распахнул дверь. — Пройдемте в кабинет. Нам нужно кое о чем поговорить. До открытия пресс-конференции есть еще время.

В кабинете Александр Бартенев стал оглядываться.

— Вы знаете, — произнес он, — мне кажется, я здесь бывал.

— Вы не могли здесь бывать. Дом этот выстроен, когда мне было двадцать пять лет. То есть после вас.

И все-таки я здесь многое помню... Этот стол, это окно... И вас, как ни странно, помню. Не юношей, но еще достаточно молодым. И почему-то вы вспоминаетесь в какой-то старинной одежде: мятый черный костюм, кожаный пояс, пистолет на боку, плоская шапочка с лентами. Даже швы у одежды помню — грубые, неуклюжие. Могло это быть?

Морщины на подвижном лице Игоря Александровича натянулись, стали четкими и жесткими.

— Одну минуточку...

Старик вышел, чеканя по паркету скупые шажочки.

А Александр продолжал оглядываться. Он многое узнаёт, чего не должен бы знать. Он вспоминает худенькую женщину с большими удивленными глазами и с мягкими морщинками на лице. Она появлялась там перед ним в покойные минуты, и покой всегда кончался. И уж тогда хватали за душу другие воспоминания, реальные, на которые он имел право.

Вспоминался мост над рекой, корчащаяся, рвущаяся с места луна на черной воде. Вспоминался жидень-

кий парк, молоденькие деревца и она в слепяще белом платье... И запах ее волос, и блеск ее глаз в темноте, и колючий отсвет падающей звезды в зрачках... «Ханской сабли сталь».

Игорь Александрович вернулся с альбомом, обтянутым потертой кожей.

Альбом стар, как сам семейный уклад. Александр протянул к нему руки.

— Батюшки! Альбом-то бабушки.

— Отец привез...

— А-а...

— А вот это узнаете? — Игорь Александрович протянул фотографию.

— Да... Именно таким и представлял.

На фотографии — старомодный матросик в лихо посаженной на ухо бескозырке, с маузером на боку.

— Именно таким.

— Играл в Театре без зрителя матроса с «Авроры». Это было. Это было... Да-да, как раз в тот год, когда вы разъезжали по Коллеге.

— Он вам сообщал что-нибудь? — спросил Александр.

— Мой отец?

— Да.

— Вот для этого-то я вас и пригласил.

Игорь Александрович достал из стола папку.

— Заметки отца. Его завещание... Просил передать вам. Если вы подтвердите то, что он записал, на научном небосклоне грянет гром. Возьмите.

Александр принял папку.

— Хорошо... А сейчас... Я бы попросил...

— Все, что угодно.

— Я бы попросил показать фотографию вашей матери.

Игорь Александрович вскинул взгляд — голубой, острый, понимающий, вскинул и опустил, порывшись в альбоме, достал большую карточку.

Цветной портрет, снятый недюжинным художником-фотографом. Тонкая рука свисает с подлокотника, сдержанно-серые глаза и успокоенно-вдумчи-

вый взгляд в себя. Нет, не та, которая когда-то читала варварски сильные стихи у старого солдатского памятного:

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ,
Имя твое — пять букв.

Для него только год назад читались эти стихи. Год назад всего! Помнил их, повторял про себя. Что знал, открыл коллегам, все отдавал с радостью. Великое счастье поделиться тем, что знаешь. Но эти слова он прятал, это было его, личное, вряд ли чужой мир понимал бы их, как он понимал.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Вскликает так, как тебя зовут...

Год назад, а ее давно уже нет в живых... И все люди теперь кругом новые. Все знакомое, все родное отолело в прошлое. Вернулся на родину. А на родину ли? Его родина на восемьдесят с лишним лет позади, не вернуть ее. Странник, заблудившийся во времени.

Нет ее в живых, а она была единственная, она не повторится!

Александр глядел на портрет, пальцами, сложеными в щепоть, поглаживал висок.

Игорь Александрович невольно содрогнулся: «Отцовский жест!» Не умом, а всем нутром он только теперь почувствовал, что перед ним стоит его, им похороненный отец, с другим лицом, в другом теле, но его отец, моложе старика-сына на пятьдесят лет.

Он включил телеэкран. В узкой рамке — сад, заполненный крикливо-веселыми цветами и солнцем.

— Галочка, где ты? — спросил Игорь Александрович.

— Здесь, дедушка.

— Приготовила — я просил?

— Да, дедушка.

— Неси.

Через минуту озорно-звонкий стук каблучков под дверью, робеющий голос:

— Можно?

— Входи, входи.

Сначала в дверях огромный букет цветов, жаркие астры, от них влажно-землистый запах по всей комнате. Из-за букета выпрыгнуло лицо — мягкий овал подбородка, топкий нос, тень от потупленных ресниц, под ними влага глаз, таящая непобедимое любопытство.

— Да что ж ты стоишь? Отдай!

Ресницы вскинулись, глаза открылись — и куда же делось любопытство зверька? — постновато-доверчивые глаза, без хитрости, вся душа нараспашку.

— Возьмите.

Обронила слово, уронила ресницы, смущенный румянец пополз по щекам.

— Спасибо.

Неуклюжие, широкие, сильные руки задели ее пальцы. Оба одновременно вздрогнули.

— Спасибо, — повторил он, не зная, что сказать, как поблагодарить.

— Иди, Галя. И мы сейчас выйдем.

Галя... Мелькнули темные волосы, плечи, покрытые загаром, захлопнулась дверь. Остался оглушающий своим горячим цветом букет и сложный запах влаги, земли, травы, той потайной ароматной прохлады, которая всегда держится у корней. Эта не похожа на ту. Ну и что ж? Нет повторения, но прекрасное не умирает на Земле. Ничего не теряется совсем.

А старик-сын от житейской мудрости не заметил смущения своего слишком молодого отца, сказал:

— Возьмите этот букет, он вам пригодится сейчас.

Столетние дубы, корявые, в тупых наростах стволов — наглядное воплощение пролетевшего времени. Столетние дубы и массивные скамейки, густая тень и первое дрожание солнечных пятен.

Под деревьями в этом глухом углу парка людно: вооруженные до зубов фоторепортеры, операторы кино и телевидения, ученые.

Посреди нестройной цветочной клумбы — могильная плита. Александр остановился над ней:

БАРТЕНЬЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Он не бог, но он возродится!

Александр опустил букет горячих астр на гладкий, нагретый солнцем камень, на могилу, в которой, собственно, лежал он сам. А со всех сторон целкали нацеленные на него аппараты.

Постоял, кивнул головой и пошел к институту, где с разных материков собрались ученые, корреспонденты, общественные деятели слушать его первую лекцию.

Вадим Шефнер

Родился я в Петрограде в январе 1915 года. Предки мои с парусных давних времен служили на флоте. Некоторые из них достигали крупных чинов, командовали кораблями на Балтике и Тихом океане. И только отец, Сергей Алексеевич Шефнер, был пехотным офицером; служил он в Московском гвардейском полку, а после революции стал помощником командира полка в Красной Армии.

Смутно помнится раннее детство, когда отец был на фронте, а я с матерью жил в Петрограде. Помню траву между булыжниками на линиях Васильевского острова, серые корабли на Неве, запыленные пустые витрины Гостиного двора на Шестой линии, своды Андреевского собора, куда водила меня мать молиться за отца. Помню, дома на подоконнике долго лежала железная стрела, короткая и тяжелая, — ее привез кто-то с фронта; такие стрелы в самом начале войны немецкие авиаторы вручную сбрасывали со своих самолетов, бомб еще не было. Тупым концом этой стрелы я колол косточки от компота. Позже, когда стало голодно, мать увезла меня в деревню к няне, в Тверскую губернию. Место было глухое; помню, зимой няня держала собаку в сенях, а меня и днем не выпускали на улицу одного: волки забегали в деревушку среди бела дня. Керосину не было, по вечерам жгли лучину — помню это не только «умственно», но и чисто зрительно. Лучину вставляли в каганец — довольно конструктивный прибор из кованого железа; огарки падали в корытце с водой. Теперь, в век атома, странно сознавать, что я видел это своими глазами, что это было именно в моей, а не чьей-то другой жизни. Так обыкновенный письменный стол, за которым пишу эти строки, превращается в машину времени. Жизнь фантастична и странна.

Что натолкнуло меня на писание фантастики? Оче-

видно, ощущение странности, фантастичности жизни, сказочности ее. А может быть, стихи. Всю жизнь я пишу стихи, а фантастика ходит где-то рядом с поэзией. Они не антиподы, они родные сестры. Фантастика для меня — это, перефразируя Клаузевица, продолжение поэзии иными средствами. Если вдуматься, то в поэзии и фантастике действуют те же силы и те же законы — только в фантастике они накладываются на более широкие пространственные и временные категории. Но когда я здесь веду речь о фантастике, я подразумеваю под этим словом не так называемую научно-техническую фантастику, а ту фантастику, которая вытекает из понятия «фантазия». Сказочность, странность, возможность творить чудеса, возможность ставить героев в невозможные ситуации — вот что меня привлекает.

А что касается научно-фантастических романов, где речь идет только об открытиях и изобретениях, то они для меня не интересны. Для меня не столь важен фантастико-техничко-научный антураж, а та над-фантастическая задача, которую ставит себе писатель. Поэтому я очень люблю Уэллса. Его «Машина времени» никогда не устареет, ибо, в сущности, каждый из нас ездит в этой машине.

Никогда не устареет и «Борьба миров». Написана эта вещь в конце прошлого века, когда на Земле еще не было авиации и тем более не было атомного оружия. Высадись эти марсиане на Землю в наше время — их бы земляне разгромили за сутки. Казалось бы, вещь устарела. Аи нет! По своей над-фантастической сути она накладывается не только на войну с марсианами. Эту вещь я часто перечитываю. Однажды я перечитал ее, лежа в госпитале, в блокаде, в марте 1942 года. А перед этим я перечитал «На Западном фронте без перемен» Ремарка. И странно — все ужасы войны Ремарка не произвели на меня тогда большого, прежнего, довоенного впечатления, а вот «Борьба миров» не потускнела. Описание безлюдного Лондона, зарастающего красной марсианской травой, описание исхода колоссальных человеческих толп из обреченного города взволновали меня так же, как в дни

детства, когда я прочел эту книгу впервые. Еще я очень люблю его рассказ «Зеленая калитка», очень поэтический и грустный рассказ.

В чем тайна обаяния Уэллса? Быть может, отчасти и в том, что у него на любом фантастическом фоне и в любой фантастической, порой страшной, ситуации действуют обыкновенные, вовсе не фантастические люди со всеми их достоинствами и недостатками. Действуют глупые и умные, герои и трусы, добрые и злые, но все в человеческих нормах и пределах. И вот автор вталкивает этих людей в фантастические события и смотрит, что из этого получится. А получается вот что: люди остаются людьми. В сущности, это очень человеческий писатель.

Еще мне нравятся Рэй Брэдбери и Станислав Лем, хоть это совсем разные фантасты. Еще мне нравятся Стругацкие.

Романов на технико-космические темы сейчас пишется очень много и у нас и за рубежом. В них почти нет живых людей, в них действуют схемы, манекены. Космическая фантастика из искусства превращается в промышленность. Будущее фантастики лежит, на мой взгляд, в ее смыкании со сказкой.

Вадим Шернер

ДЕВУШКА У ОБРЫВА, ИЛИ ЗАПИСКИ КОВРИГИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ К 338-МУ ЮБИЛЕЙНОМУ ИЗДАНИЮ

Семьдесят пять лет назад, в 2231 году, впервые вышла из печати эта небольшая книжка. С тех пор она выдержала 337 изданий только на русском языке. По выходе в свет она была переведена на все языки мира, а ныне известна всем жителям нашей Объединенной Планеты, а также и нашим землякам, живущим на Марсе и Венере. За семьдесят пять лет о «Девушке у обрыва» написано столько статей, исследований и диссертаций, что одно их перечисление занимает девять больших томов.

Выпуская в свет это юбилейное издание, мы хотим вкратце напомнить читателям историю возникновения «Записок Ковригина» и пояснить, почему каждое новое поколение читает эту книгу с неослабевающим интересом.

Надо сказать, что причина нестареющей популярности «Девушки у обрыва» кроется отнюдь не в художественных достоинствах этой книги. Не ищите здесь и обобщающих мыслей, широких картин эпохи. Все, что выходит за ограниченный круг его темы, автора просто не интересует. Да он и не справился бы с таким самозадаанием — ведь по профессии он не был Писателем. Автор «Девушки у обрыва» Матвей Ковригин (2102—2231), работая над этой книгой, отнюдь не

претендовал на литературную славу. Будучи по образованию Историком литературы и изучая XX век, он ждал славы или хотя бы известности от своих историко-литературных компилятивных трудов, которых он издал довольно много и которые не пользовались популярностью уже при жизни автора, а ныне совершенно забыты. А эта небольшая книжка, вышедшая после смерти автора, принесла ему посмертную славу, и слава эта не меркнет с годами. Ибо в этой книжке Ковригин рассказывает об Андрее Светочеве, а каждое слово об этом величайшем Ученом дорого Человечеству.

Еще раз напоминаем: «Записки Ковригина» — повествование узконаправленное. Автора очень мало занимает бытовая и научный фон. О технике своего времени он упоминает только в тех случаях, когда сталкивается с нею лично или когда от нее зависит судьба его друзей. Порой по ходу действия он довольно подробно описывает некоторые агрегаты, существовавшие в его время, но в этих описаниях чувствуется не только глубокое равнодушие к технике, но и непонимание, граничащее порой с обывательщиной и технической малограмотностью. О Космосе, о полетах Человека в пространство он даже и не упоминает, словно живет в эпоху геоцентризма. И даже великий научный смысл открытия своего друга Андрея Светочева он понял только к концу своей жизни, да и то чисто утилитарно.

Узкая направленность автора сказывается и в том, что Андрея Светочева он изображает вне его окружения, только со своих личных позиций. Не упоминает он ни о Сотрудниках Светочева, ни о его Учителях и предшественниках. Если верить Ковригину, то получается, что Светочев все делал один, а ведь на самом деле он был окружен единомышленниками, многие из которых (Иванников, Лемер, Караджаран, Келая) были крупнейшими Учеными своего века.

Стиль книги архаичен, несовременен. Будучи специалистом по литературе XX века, автор, не найдя своей творческой манеры, подражает писателям XX века, причем писателям отнюдь не перворазрядным.

К этому недостатку надо добавить и еще один. Даже повествуя о своих юных годах, Ковригин говорит о себе как о пожившем, солидном, многоопытном Человеке. Но не надо забывать, что книгу свою Ковригин создал на закате жизни.

К автору «Девушки у обрыва» Матвеем Ковригину разные Исследователи относятся по-разному. Одним он правится, другим он антипатичен. Ковригин — фигура противоречивая. Наряду с искренностью, добротой, безусловной личной смелостью и готовностью всегда прийти на помощь в нем уживаются мелкий педантизм, брюзжание, отсутствие самокритики, граничащее с самовлюбленностью.

«Рассказ посредственности о гении», «Моцарт и Сальери XXII века» — так характеризуют некоторые Критики эту книгу, забывая, что именно Ковригину мы обязаны наиболее полным описанием жизни Андрея Светочева. Надо помнить, что Ковригин был другом величайшего Гения технической мысли и, как умел, рассказал о нем. Будем же благодарны ему за это.

Так как многие понятия, наименования, агрегаты, приборы и механизмы, о которых упоминает автор, давно устарели, забыты, заменены другими и молодое поколение уже не знает о них, мы взяли на себя смелость снабдить текст сносками, поясняющими историческое значение этих понятий и предметов.

С искренним уважением

Издательство

«Планета»,

Русская редакция

2306 дод

1. ВСТУПЛЕНИЕ

«...Девушка стояла у обрыва на берегу реки. Это было осенью, когда идут затяжные дожди, когда размокает береговая глина и на ней так четко отпечатываются следы. Девушка стояла у обрыва и задумчиво смотрела на осеннюю реку, по которой плыли желтые листья.

Мимо проходил юноша, и увидел он девушку, стоящую у обрыва, и полюбил ее с первого взгляда. И она тоже полюбила его с первого взгляда, — ибо так полагается в сказках.

Этот юноша жил у реки, и, когда девушка вызвала аэролет и улетела в большой город, обещав вернуться весной, юноша остался один в избушке на берегу реки и стал ждать ее возвращения. Зачем он жил один на берегу реки и кем он был — не спрашивайте, ибо это сказка.

Каждый день приходил юноша на обрыв, где когда-то стояла девушка. Он протоптал в глине узкую тропинку рядом с ее следами. Он не наступал на ее следы, и каждый раз ему казалось, что девушка невидимо идет рядом с ним к обрыву и рядом с ним стоит и смотрит на осеннюю реку, по которой плывут желтые листья.

Потом пошли большие дожди, и следы от туфельки девушки наполнились водой, и в них отражалось небо поздней осени. Потом ударил мороз, и следы стали льдом.

И однажды юноша вынул один след и принес его в свою избушку. Он положил его на стол, а когда проснулся утром, то увидел, что след растаял. И юноша очень удивился и огорчился. Не удивляйтесь — в сказках люди изумляются самым обычным вещам.

Огорчился юноша и подумал: «Следы моей возлюбленной достойны вечности. Но лед не вечен. Не вечен и металл, ибо он ржавеет; не вечно и стекло, ибо оно бьется; не вечен и камень, ибо он выветривается и трескается от жары и холода. Я должен создать такой материал, который отливался бы в любую форму и не боялся бы ни огня, ни холода, ни времени».

И пришел день, когда он создал вещество, которое заменило нам камень и металл, стекло и пластмассу, дерево и бетон, бумагу и лен. Он создал Единый Материал, который называется аквалидом. Из этого материала люди стали строить города на земле и под водой, делать все машины и все вещи. И это уже не сказка, ибо мы живем в этом мире.

Вот куда привели следы девушки, которая однаж-

ды стояла у обрыва в осенний день, когда по реке плыли желтые листья.

Но однажды девушка, которую ждал юноша...»
И т. д. и т. д.

Вы и сами, дорогой мой читатель, с детских лет знаете эту сентиментальную историю, ведь ее даже в школе проходят. Сочиненная досужим Поэтом и посвященная Андрею Светочеву и Нине Астаховой, эта полуполегеда-полусказка почему-то считается весьма поэтичной и трогательной, и, быть может, некоторые не в меру наивные Люди склонны думать, что именно таким путем и пришли мы к современной аквалидной цивилизации.

Действительно: девушка на берегу стояла. А все остальное было не так, не так. Все придумал от себя досужий сочинитель.

— А как же все было? — спросите вы, почтенный мой Читатель.

Сейчас я начну свое повествование, и вы узнаете, с чего все началось, что привело Андрея Светочева к его открытию, где и как он встретил Нину Астахову. И еще вы узнаете многое другое.

Я прожил свой МИДЖ* с избытком, жизнь моя клонится к закату, и недалек тот день, когда мой неслез легким облаком упадет с Белой Банни на цветы, растущие у ее подножия. Но я еще успею поведать вам правдивую историю о Нине Астаховой, об Андрее Светочеве, другом которого я был, и о себе, ибо когда-то моя жизнь была тесно связана с жизнью этих двух Людей.

2. СЛУЧАЙ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОЧТАМТЕ

Я начну с давних-давних времен. Рассказ мой начинается в тот день, когда отменили деньги. В кни-

* МИДЖ (Минимум Индивидуальной Длительности Жизни) — норма долголетия, гарантированная каждому жителю Планеты медициной и Обществом. В описываемую Автором эпоху МИДЖ равнялся ста десяти годам, но фактически средняя продолжительность жизни уже и тогда была значительно выше.

гах вы все читали об этом дне, а я помню его лично и знаю, что в книгах он сильно приукрашен. В сущности, ничего особенного в этот день не произошло. Дело в том, что процесс отмирания денег шел уже давно. Деньги не погибли внезапно — они тихо скопчались, как Человек, проживший свой МИДЖ с избытком. Последнее время они имели скорее статистическое, нежели ценностное значение. Если вам не хватало денежных знаков на покупку какой-либо нужной вам вещи, вы просто вырывали из своей записной книжки листок и писали на нем «15 коп.», или «3 рубля», или «20 рублей» и платили им Продавщице или ПАВЛИ-Ну*. Или вы могли попросить деньги у любого прохожего, и он давал вам требуемую сумму и, не спрашивая вашего имени, шел своей дорогой.

В день отмены денег у нас в Университете состоялось небольшое собрание в актовом зале, а затем все разошлись по своим делам. Помню, шагая с собрания к зданию филологического факультета, я шел рядом с Ниной Астаховой, и разговор у нас был вовсе не об отмененных деньгах, а об «Антологии Забытых Поэтов XX века», над которой я тогда работал. Нина (она училась на втором курсе) была прикреплена ко мне, Аспиранту, в качестве Технического Помощника и помогала мне в составлении этой «Антологии». Она была добросовестна, много времени проводила в библиотеках и архивах, выискивая стихи и данные о забытых ныне Поэтах XX века, по мне не слишком правилась в ней некоторая строптивость и излишняя самостоятельность. Так, например, Нина настаивала, что в «Антологию» обязательно надо включить стихи некоего Вадима Шефнера (1915—1984?), я же противился этому. Мне не нравились нотки грусти и излишние размышления в его стихах. Я предпочитал Поэтов с бодрыми, звонкими стихами, где все было просто и ясно. Я считал, что именно такие Поэты должны войти в мою «Антологию», чтобы Читатель имел верное пред-

* ПАВЛИН (Продавец-Автомат Вежливый, Легкоподвижный, Интеллектуальный, Надежный) — старинный агрегат, давно снят с производства.

ставление о поэзии XX века. Нина же продолжала настаивать на включении этого Шефнера — дался он ей. При этом она горячилась, даже сердилась. Она никак не могла понять, что я составляю научный труд, а наука требует бесстрастия.

Вообще же Нина мне нравилась. Часто мы вместе ходили с ней под парусами на яхте — она очень любила море. А иногда мы брали такси-легколет и летели куда-нибудь за город. Там мы гуляли по аллеям. Мне нравилось быть с ней вместе, но меня несколько отпугивал ее странный характер. Иногда она была смешлива и даже насмешлива, а то вдруг становилась молчаливой и задумчивой. Иногда ее лицо принимало такое выражение, будто она ждет, что вот-вот произойдет что-то необыкновенное, какое-то чудо.

Нина, о чем ты думаешь сейчас? — спросил я ее однажды в такую минуту, когда мы шли по загородной аллее.

Так... Сама не знаю о чем... Знаешь, мне иногда кажется, что в моей жизни случится что-то очень-очень хорошее. Что будет какая-то радость.

— Ты, очевидно, имеешь в виду тот факт, что скоро я закончу «Антологию» и, когда она выйдет из печати, твое имя будет упомянуто в предисловии как имя моей Помощницы? — сказал я. — Это действительно большая радость. И заслуженная.

Ах, ты совсем не о том говоришь, — досадливо возразила она. — И я сама то не знаю, какого счастья я жду.

Меня несколько удивили эти ее слова и даже огорчили. Как можно ждать счастья, не зная, какого именно счастья ждешь? Где тут логика?

Тебе нужно развивать в себе научное мышление, — посоветовал я ей. — Ты не прожила еще и четверти МИДЖа, впереди тебя ждет большая жизнь — научная и личная. Когда-нибудь ты выйдешь замуж, муж твой, быть может, будет Ученым, и твой уровень мышления должен быть не ниже его уровня. Ты об этом когда-нибудь думала?

Но Нина сделала вид, будто не поняла моих слов. Ничего она мне не ответила, а подпрыгнула и сорвала

со свешивающейся ветки листок и стала сквозь него смотреть на солнце.

— Сегодня зеленое солнце! — объявила она мне. — Вот забавно!

Я не стал убеждать ее, что солнце сегодня, как и всегда, самое обыкновенное, а вовсе не зеленое. Я просто терпелся, когда она говорила такие странные вещи.

Тем не менее Нина мне нравилась. Но только не думайте, что она была такой красавицей, какой ее изображают теперь Художники и Скульпторы. Нет, красавицей я бы ее не назвал. Это была стройная, подвижная девушка, с очень легкой походкой, с лицом выразительным и даже привлекательным, но вовсе не было в ней той красоты, которую приписывают ей сейчас.

Но вернусь ко дню отмены денег.

Как я уже говорил, после собрания в актовом зале мы с Ниной отправились на филфак. Нина пошла на лекцию, я же засел в библиотеке и долго работал над своей «Антологией», а затем направился в университетскую столовую. Когда ко мне подошел САТИР*, я, как обычно, заказал себе щи, салат-печенку и компот. Отобедав, я по привычке подождал САТИРа, чтобы расплатиться, и хотел было уже сунуть монеты в отверстие на его пластмассовой груди, но вдруг увидел, что это отверстие заклеено бумажкой.

— Обед бесплатен. Обед бесплатен, — равнодушно сказал САТИР.

— Не «обед бесплатен» надо говорить, а «обед отпускается бесплатно», — поправил я САТИРа. — Идите и вызовите ко мне САВАОФа**.

Вскоре к моему столику подошел громоздкий САВАОФ. Я сказал ему, чтобы он исправил фонозапись в подчиненных ему САТИРах — они выражаются не вполне грамотно. Стыдно, ведь здесь Университет, центр культуры.

* САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) — примитивный агрегат начала XXII века. нечто вроде древнего Официанта.

** САВАОФ (Столовый Агрегат, Выполняющий Арбитражные Организационные Функции) — агрегат XXII века. Выполнял ту же работу, что в старину Завстодовой.

— Встревожен. Взволнован. Приму меры, — ответил САВАОФ. — Есть еще замечания?

— К сожалению, есть. Мне подали пережаренную синтет-печенку. Неужели вы предполагаете, что если все теперь бесплатно, то можно кормить людей пережаренной печенкой?

— Встревожен. Взволнован. Приму меры, — ответил САВАОФ. — Есть еще замечания?

— Нет. Можете идти.

Пообедав, я вышел на набережную и пошел по направлению к Первой линии. На набережной все было почти так, как в обычные дни, только на судах виднелись флаги расцвечивания да у гранитного спуска толпилось множество мальчишек и девчонок. Они оставались всех прохожих и просили у них денег. Получив просимое, дети бежали по ступенькам к воде и бросали монетки в воду. А из бумажных купюр они делали маленькие лодочки и пускали их по волнам. В школах по случаю отмены денег занятия в этот день были отменены, что, на мой взгляд, едва ли способствовало укреплению дисциплины.

Когда я свернул на Первую линию, то увидел Чепьювина*. Приплысывая и что-то невнятно плавая, он шел по пластмассовым плиткам мостовой, мешая движению элмобилей, которые почтительно его обьезжали. Люди с интересом и удивлением, а некоторые и с явным испугом глядели на него. Я и сам остановился посмотреть на редчайшее зрелище — в последний раз я видел одного Чепьювина в детстве, когда мне было лет девять.

Я постоял немного, надеясь, что Чепьювин выругается и мне удастся записать какое-либо новое для меня бравное выражение. Но Чепьювин только напевал — и все. Я пошел дальше, несколько огорченный тем, что мне не удалось пополнить составляемый мной СОСУД. Дело в том, что я с двенадцати лет начал со-

* Чепьювин (Человек, Пьющий вино) — медицинский и частично бытовой термин XXI—XXII веков. В прямом смысле — пьяница, алкоголик. Под Чепьювинами не подразумевались люди, умеренно пьющие виноградные вина; как известно, такие вина пьют и поныне.

ставлять словарь, который называл СОСУДОМ (Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними). Мой СОСУД состоял из чегырех разделов: 1) Ругательства, 2) Воровские термины, 3) Охотничьи термины, 4) Военные термины. Если второй, третий и четвертый разделы СОСУДА я мог пополнять за счет старинных книг и архивов, то первый раздел пополнялся очень скудно, так как ругань на Земле давно вышла из обихода, а письменных источников не было. Приходилось собирать этот раздел по крупицам, и составление его подвигалось весьма медленно.

На Большом проспекте былолюдно. Здесь чувствовался праздник. Из открытых окон и с балконов летели бумажные деньги и, планируя, падали под ноги прохожим. Проходя мимо сберкасс, я заглянул туда. Там толпились дети. Они смеялись, прыгали и бросали друг в друга распахованными пачками денег. Весь пол был покрыт бумажками. Время от времени ребята подбегали к столу, и сидящая за столом ФЭМИДА* выдавала им новые пачки.

На углу Большого проспекта и Шестой линии я встретил своего друга Андрея Светочева. Да, да, того самого Светочева, имя которого ныне известно каждому Человеку на Земле. Но тогда он был еще ничем не знаменит. Впрочем, среди Ученых он и тогда уже был известен.

Андрея я знал с детских лет — мы жили с ним в одном доме и учились в одной школе. Потом учебные пути наши разошлись — Андрей всегда интересовался техникой и после школы был принят в Академию Высших Научных Знаний, я же поступил на филологический факультет Университета. И хоть мы могли жить дома, потому что родители наши находились в Ленинграде, но мы разъехались по общежитиям — так удобнее было учиться. Однако мы остались друзьями и часто встречались. Со школьных лет в нас сохранилась страсть к коллекционированию марок, и это тоже сближало нас. Встречаясь, мы хвастались сво-

* ФЭМИДА (Финансовый Электронный Многооперационный Идеально Действующий Агрегат) — агрегат, упраздненный после отмены денег. Ныне имеется в музеях.

ими коллекциями и толковали о жизни вообще, о своих планах и надеждах. А планы и надежды были у нас очень разные.

Последние месяцы Андрей был мрачен, молчалив. Однажды, когда я заглянул к нему в общежитие, он признался мне, что задумал одно очень важное открытие, но дело не клеится. Он мечется от одного опыта к другому — и все без толку.

Я тогда посочувствовал ему и дружески посоветовал взять какую-нибудь менее сложную работу и не стремиться к недостижимым целям. Ведь недостижимое — недостижимо и невозможное — невозможно. Надо намечать ближние цели и шагать от вехи к вехе.

Но Андрей остался недоволен моим дружеским советом и указал на картину, которая висела над его рабочим столом. Там был изображен Геракл, догоняющий Кирпейскую лань. Геракл бежал за ланью по снежным горным вершинам.

— Видишь, как он бежит? — сказал Андрей. — Он бежит по самым высоким вершинам, а тех вершин и скал, что пониже, он не касается ногой, он перепрыгивает через них. Поэтому он и догнал лань.

— Он мог и не нагнать ее, — резонно возразил я. — Он мог упасть и разбиться. И потом Геракл — это Геракл, а ты — простой смертный.

— Ну, это уж другое дело, — сухо ответил Андрей и перевел разговор на марки.

В тот день я ушел от него с ощущением, что он избрал какой-то ложный путь в науке и не хочет сойти с него из упрямства. Мне даже жалко его стало. Мне давно казалось, что он топчется на месте, в то время как я шаг за шагом неуклонно иду вперед. Моя «Антология» и комментарии к ней были не так далеки от завершения, и я уже подумывал о следующей работе: «Писатели-фантасты XX века в свете современных этических воззрений». Кроме того, я неустанно работал над своим СОСУДОМ. Как я уже упоминал, это был весьма кропотливый труд. За каждым бранным словом для первого раздела СОСУДА мне приходилось буквально гоняться с пеной у рта, как говорилось в старину. Дело осложнялось и тем, что свою Помощ-

ницу, Нину Астахову, щадя ее девическую стыдливость, к этой работе привлечь я не мог. В целом же я медленно и верно продвигался вперед, в то время как Андрей топтался на месте, поставив перед собой невыполнимую, как мне тогда казалось, задачу.

Но вернусь к описываемому мною дню. Итак, я встретил Андрея на углу Большого проспекта и Шестой линии. Андрей опять был мрачен.

— Куда ты спешишь, Андрей? — спросил я его.

— На Почтамт, — хмуро ответил он. — Ты ведь знаешь, что марки отменены. Прежде мне хоть в марках везло, а теперь и марки отменили.

— Отменили? — удивился я. — Как же так? А наши коллекции?

— Ты плохо слушал сообщение об отмене денег. Там сказано: отменяются деньги, а также всякие знаки оплаты. А марки — это и есть знаки оплаты.

— Действительно, — догадался я. — Раз нет денег, то и марки отпадают... А как же быть филателистам?

— Ну как! — буркнул Андрей. — Едем к Почтамту.

Движением руки он подозвал проходящий мимо такси-автомобиль, и мы сели в него.

— Везите нас к Почтамту, — сказал я АВТОРУ*.

— Понял. Везу к Почтамту. Оплата отменена, — произнес АВТОР, склонив над приборами металлическую голову с тремя глазами. Четвертый глаз — большая затылочная линза — смотрел на нас.

— Поедем с перепрыгом, — сказал Андрей. — Мы спешим.

— Предупреждаю об опасности, — сказал АВТОР. — К Почтамту сегодня большое движение. Перепрыгивание опасно...

— Все равно, — махнул рукой Андрей. — Подумаешь, опасно...

— Везти с разговором? — спросил АВТОР. — За разговор надбавка отменена.

* АВТОР (Автоматический Водитель Транспорта, Обладающий Речью) — старинный агрегат конца XXI — начала XXII века. Давно заменен более совершенными устройствами.

— Везите с разговором, — сказал я.

— До вас вез к Почтамту седого старика, возраст приблизительно МИДЖ и сорок лет. Старик имел огорченный вид. На куртке у него Гуманитарный знак. Старик был очень сердит.

— Он не ругался? — с надеждой спросил я.

— Нет, он не делал того, о чем вы упомянули. Но у него был огорченный вид.

— И не надоела вам эта болтовня! — сердито сказал Андрей. — Не пойму, что за удовольствие разговаривать с механизмами!

Мы замолчали.

До Почтамта было довольно далеко, он находился в новом центре города, который сместился по направлению к Пушкину. Эмобилей было в этот час много. Когда впереди, за несколькими машинами, намечался просвет, наши эмобиль выпускал подкрылки и перелезал через идущие впереди машины, занимая свободное место. Наконец мы подъехали к Почтамту — небольшому двадцатипятиэтажному зданию, стоящему среди площади.

На площади толпилось довольно много народу. Здесь были и школьники, и люди среднего возраста, и совсем пожилые люди. Некоторые пришли с альбомами для марок и «справочниками филателиста». У всех был очень недовольный вид. Все смотрели на гигантский телеэкран, который был вделан в стену Почтамта.

Мы с Андреем тоже стали смотреть на экран и вскоре увидели Москву. Площадь перед Московским Почтамтом тоже была полна филателистами. Потом на экране появился Почтамт в Буэнос-Айресе. Там была уже ночь, и толпа филателистов стояла с факелами. Некоторые держали в руках какие-то дудки и дудели в них. Потом возник Почтамт в Риме. Здесь тысячи филателистов сидели на пластмассовой мостовой, не давая двигаться транспорту. Затем Рим померк, и на экран паплыл какой-то городок — где-то в Черноземной полосе. Здесь перед зданием Почты стояли школьники и взрослые, держа в руках плакаты с надписью: «Почтовики! Людям нужны марки!»

Затем экран погас, и Диктор сказал:

— В Женеве непрерывно заседает Всемирный Почтовый Совет. Вопрос о марках будет решен в ближайший час. Включаем Женеву.

— Идем в зал, — сказал мне Андрей и стал пробираться к подъезду Почтамта.

Я пошел за ним, вслушиваясь в разговоры Людей и надеясь услышать какое-нибудь ругательство, дабы пополнить свой СОСУД. Но, к сожалению, никто не ругался, хоть все и были возбуждены.

В зале Почтамта народу было много, однако меньше, чем я ожидал. Мы подошли к окнам, где еще вчера продавались марки. Теперь здесь висел афишлаг: «В связи с отменой денег марки отменены. Письма пересылаются бесплатно».

Девушка-почтовичка терпеливо объясняла какому-то старичку МИДЖей двух, что раз деньги отменены, то и марки не нужны, и его письмо дойдет по адресу без всякой марки. В ушах девушки покачивались серьги. Они были очень простые — два металлических шарика на тонких цепочках, но все-таки сразу бросались в глаза: в наше время эти ушные украшения давно вышли из моды. Впрочем, девушка была хороша собой, и серьги ей шли.

— Собрание марок — это историческая традиция, — сказал Андрей, подходя к окошечку. — И не вам, Почтовикам, ее отменять.

— Марки отменены не Почтовиками, а временем, — скремно возразила девушка с серьгами. — Собрание марок — ненужный, отживший предрассудок.

— Раз есть люди, интересующиеся марками, — значит марки должны существовать, — громко и сердито сказал Андрей.

— Как вы смешны со своими марками! — вспыхнув, ответила девушка.

— А вы глупы со своими рассуждениями о марках и со своими допотопными серьгами! — воскликнул Андрей. — Вы просто суцая кикимора!

Девушка с испугом и обидой посмотрела на Андрея.

— Андрей! До чего ты дошел! — сказал я. — Ты произнес ругательство! Мне стыдно за тебя!

— Простите меня, — обратился Андрей к девушке с серьгами. — Никогда еще со мной не бывало такого. Простите, что я вас обидел.

— Я прощаю вам, — сказала девушка. — Вы просто очень чем-то взволнованы... А что это такое — кикимора?

— Не знаю, — ответил Андрей. — Так говорил мой прадедушка моей прабабушке, когда был сердит.

— Под кикиморами в глубокой древности подразумевались некие лесные мифические существа, — сказал я. — В дальнейшем же слово «кикимора», утратив свое первоначальное значение, стало употребляться в фольклоре как бранное слово, применяемое по отношению к сварливым и не обладающим внешней привлекательностью женщинам. Могу вас заверить, что на кикимору вы не похожи, и с этой точки зрения мой друг ошибся.

— Это очень интересно! — сказала девушка. — И откуда вы все это знаете?

— Я знаю не только это, но и много больше этого, — скромно ответил я. И далее я пояснил, что Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними, сокращенно именуемый СОСУДОМ, вмещает в себя очень много слов, понятий и идиоматических выражений. Далее я сказал, как меня зовут и кто я такой. Девушка слушала меня с интересом, а затем сказала несколько слов о себе. Ее звали Надей. Впоследствии Нада стала моей женой, но сейчас речь не о том.

Когда мы с Андреем вышли из зала Почтамта, то на гигантском телеэкране увидели Диктора, который сообщил следующее:

1. Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакой пользы.

2. Всемирный Почтовый Совет считает коллекционирование марок пережитком, не приносящим Человечеству никакого вреда.

3. Поскольку Коллекционеры хотят, чтобы марки существовали, пусть они существуют, но не как знаки оплаты.

4. Впредь каждый Человек получает право выпускать свои марки, для чего выделяются типографии и прочая техника.

5. Каждый Человек за свою жизнь имеет право выпустить три марки общим тиражом не более 1 000 000 экземпляров.

— Вот видишь, — сказал я Андрею, — все кончилось очень хорошо. И не следовало тебе обижать девушку и присваивать совсем не идущее к ней определение «сухая кикимора». Ты оскорбил Человека. Тебе придется искупить свою вину.

— Я и сам это знаю, — ответил Андрей. — Я вел себя недостойно. И дело тут не в марках, а в том, что мне очень не везет. Одно время мне казалось, что я близок к великому открытию, а теперь начинаю думать, что шел по ложному пути...

— В наш век не может быть великих открытий, — возразил я. — В наш век возможны только усовершенствования.

Андрей промолчал в ответ, и мне показалось тогда, что внутренне он со мной согласен, но из ложной гордости не высказывает этого.

Но я ошибался. В Андрее было много непонятного для меня. А ведь я его знал с детства.

3. ДЕТСТВО

В самом раннем детстве я жил с родителями в доме на Одиннадцатой линии Васильевского острова. Отец преподавал литературу в школе-двенадцатилетке, мать же работала модельершей на фабрике женских украшений. Там отливали кольца и всевозможные украшения из химически чистого железа (золото давно вышло из моды). Там же изготавливались перстни и диадемы с марсианскими камешками. На этой фабрике мать моя подружилась с Анной Светочевой, матерью Андрея. Потом подружились и наши отцы, и мы съехались в одну квартиру в Гавани, в дом на самом взморье. В то время начался процесс так называемой вторичной коммунизации жилья. Дело в том, что

когда-то многие Люди вынуждены были жить в больших коммунальных квартирах. Так как в этих больших квартирах жили Люди разных характеров, профессий и привычек, то между ними порой возникали ссоры, недовольство друг другом. Меж тем темпы жилищного строительства все нарастали, и вот настал год, когда все, кто хотел жить в отдельных квартирах, жили в них. Но прошло некоторое время — и отдельные Люди и семьи, дружившие меж собой, стали съезжаться в общие квартиры, но уже на новой основе — на основе дружбы и расположения друг к другу. Это было учтено, и снова часть новых зданий стали строить с большими квартирами. Люди в таких квартирах жили как бы одной семьей, внося деньги в общий котел, независимо от величины заработка. Сейчас этот естественный процесс продолжается, все ускоряясь, тем более что деньги давно отменены и все стало гораздо проще.

Дом, куда мы въехали со Светочевыми, обменявшись с какой-то большой семьей, был старый, кирпичный. По сравнению с новыми домами из цельнобетона, которые стояли рядом с ним, он казался старинным. В нашем доме, в дверях, выходявших из квартир на лестницу, были даже замки, и мне очень понравилась эта старина. Двери закрывались, конечно, просто так — ключи давно были потеряны или сданы в утиль, — но само наличие этих странных приспособлений придавало квартире какую-то таинственность.

Жили наши семьи очень дружно. Отец Андрея, Сергей Иванович Светочев, был добродушный, веселый человек. Он работал на бумажной фабрике и очень гордился своей профессией. «Все течет, все меняется, а бумажное производство остается, — говаривал он. — Без нас Людям не прожить». Мог ли он предполагать, что сын его сделает такое великое открытие, что даже и бумага будет не нужна!

Нас с Андреем поместили в одну большую комнату — детскую, и наши кровати стояли рядом. Квартира была невеселка, но уютна, — да кто из вас, уважаемые читатели, не побывал в ней! Ведь дом сохранен в неприкосновенности в память об Андрее Светочеве,

и все в квартире такое, как в старину. Только настил пола там меняют теперь дважды в год — его протирают ноги бесчисленных экскурсантов со всех материков нашей Земли. Посетителям дома-музея квартира эта кажется скромной, но мне в детстве она казалась очень большой. В ту пору еще не было такого изобилия жилой площади, как сейчас, и норма — комната на человека — еще была в силе. Это теперь, когда за одни сутки воздвигаются гигантские дома из аквалида, вы можете, если вам в голову придет такая нелепая идея, заказать для себя личный дворец, и в Жилистрое удивятся вашей причуде, но зайку ванну удовлетворят, и через день вы въедете в свой дворец, а еще через неделю сбежите из него от скуки.

Но возвращаюсь к Андрею. Итак, мы с ним жили в одном доме и ходили в один детский сад, а затем вместе поступили в двенадцатилетку. Жили мы с ним дружно и всегда поверяли друг другу свои тайны и планы на будущее. В учебе мы помогали друг другу: я неплохо шел по родному языку, Андрей же был силен в математике. Однако никаких признаков гениальности у него в ту пору не было. Это был мальчишка как мальчишка. В начальных классах он учился в общем-то средне, а тетради вел хуже, чем я, и меня нередко ставили ему в пример.

Должен заметить, что хоть мы и очень дружили, но были в характере Андрея черты, которые мне не очень нравились. Мне казалось, что как мы ни дружны, но Андрей всегда чего-то не договаривает до конца, точно боясь, что я не смогу его понять. Обижало меня и его стремление к уединению и молчанию, овладевавшее им порой. Он мог просидеть час-другой, не шевелясь, уставясь в одну точку и о чем-то думая. На мои вопросы он отвечал в таких случаях невпопад, и это, естественно, сердило меня.

Еще любил он бродить один по берегу залива, там, где пляж. Осенью пляж был безлюден, и, когда мы возвращались из школы, я напрямик шагал домой, а Андрей иногда зачем-то сворачивал на этот пустынный пляж, где нет ничего интересного.

Однажды я, как часто бывало, вернулся домой

без Андрея, а тут его мать послала меня за ним. «Ведь сегодня день рождения Андрюши, — сказала она, — неужели он забыл об этом?» Я пришел на берег. Было в тот день пасмурно, сыро. Шел мелкий дождик. Вода была неподвижна, только иголочки дождя тихо втыкались в нее и исчезали. Андрей в дождевике стоял у самой кромки залива. Смотрел он не вдаль, а прямо под ноги, на воду.

— И охота тебе торчать на этом пляже! — сказал я. — Ведь сейчас не лето. Иди домой, тебя мама зовет. Или ты забыл, что тебе сегодня исполняется десять лет? И о чем ты думаешь?

— Я думаю о воде, — ответил Андрей. — Вода — очень странная, правда? Она ни на что на свете не похожа.

— Чего странного нашел ты в воде? — удивился я. — Вода — это и есть вода.

— Нет, вода — странная и непонятная, — упрямо повторил Андрей. — Она жидкая, но если по ней плашмя ударить палкой, то даже руке больно, такая она упругая. Вот если сделать воду совсем твердой...

— Настанет зима — вода превратится в лед и станет твердой, — прервал я Андрея.

— Да я не о льде, — с какой-то обидой сказал он.

Мы молча пошли домой.

Дома мать Андрея обняла его и подарила пакетик с марками, а моя мама подарила ему «Справочник филателиста».

Ура! Пикарагуа! Пикарагуа! — закричал мой товарищ, рассмотрев марки. Он запрыгал от радости и стал бегать по всем комнатам, выкрикивая: «Пикарагуа! Пикарагуа!»

Когда он пробежал мимо дивана, я сделал ему подножку, и он упал на диван. Я тоже плюхнулся на диван, и мы стали бороться, а потом схватили по диванному валику и начали бить друг друга. Конечно, все это делалось в шутку.

Бей зверинчиков! — кричал я, замахиваясь интеллоним валиком на Андрея.

Бей портретников! — кричал он, опуская мне на голову валик.

Портретниками в нашем школьном филателистическом кружке называли тех, кто собирал марки с портретами. Я, например, подбирал марки с изображением знаменитых Людей. Андрей же принадлежал к «зверинщикам» — он собирал так называемые красивые марки; особенно он любил изображения разных экзотических зверей. Вкус у него был странный: ему нравились самые яркие, даже аляповатые марки, нравились пестрые птицы и звери, изображенные на них. Коллекцией своей он очень дорожил, но если кто-нибудь из ребят просил у него даже самую яркую марку, он отдавал ее. Сам же он редко обращался к кому-либо с просьбами, и из-за этого некоторые считали его гордецом. Но гордецом он не был, просто он был сдержанным, и с годами эта сдержанность росла.

С годами росла в нем и некоторая тяга к отвлеченным рассуждениям. Рассуждения эти, признаться, нагоняли на меня скуку.

Так однажды, когда мы учились в четвертом классе, у нас состоялась экскурсия в старинный Исаакиевский собор — вернее, на его колоннаду. В этот день на площадку крышу нашей школы сел средний аэролет, мы быстро прошли в его салон и вскоре полетели к Исаакию. Остановившись в воздухе у верхней колоннады собора, аэролет выдвинул наклонный трап, и весь наш класс во главе с Учителем сошел под колонны. С вершины собора нам виден был весь город, и Нева с ее четырнадцатью мостами, и «Аврора», стоящая на вечном причале, и залив, и корабли на нем.

— Как красиво! — сказал я Андрею. — Правда?

— Очень красиво, — согласился он. — Только все кругом из разного сделано. Из камня, из железа, из кирпича, из бетона, из пластмассы, из стекла... Все из разного.

— Чего же ты хочешь? — удивился я. — Так и должно быть. Одно делают из одного, другое — из другого. Так всегда было, так всегда и будет.

— Надо делать все не из разного, а все из одного, — задумчиво сказал Андрей. — И дома, и корабли, и машины, и ракеты, и ботинки, и мебель, и все-все.

— Ну, это ты ерунду говоришь, — возразил я. — И потом вот из пластмасс очень много делают.

— Но не все, — сказал Андрей. — А нужно такую пластмассу, что ли, изобрести, чтобы из нее все делать.

— Не строй из себя умника! — рассердился я. — Мы с тобой в школе учимся, и незачем нам думать о том, чего не может быть.

После этой моей отповеди Андрей обиделся и долго не разговаривал со мной на отвлеченные темы. Зато он начал таскать домой всевозможные научные книги, в которых речь шла главным образом о воде. Когда мы перешли в следующий класс, Андрей стал почти все вечера проводить в Вольной лаборатории — такие лаборатории и сейчас имеются при каждой школе. Там было много всяких машин и приборов, и он возился около них, забывая даже о еде. Как это ни странно, но ни мои, ни его родители не принимали никаких мер против этого увлечения. Когда я намекал им, что Андрею это ни к чему и только идет во вред здоровью и общей успеваемости, они мягко отвечали мне, что я чего-то недопонимаю. Однако для своего возраста я был совсем не глуп, и успеваемость моя была совсем неплохая. Что касается Андрея, то чем дальше, тем все выше были его успехи в области точных наук, в то время как по остальным предметам он шел весьма посредственно. А некоторые уроки он вообще пропускал ради своих опытов, и, как ни странно, Педагоги ему это почему-то прощали. Так, на физкультуру он ходил очень редко, а на уроки плавания в школьный бассейн — еще реже. Только подумать — он так и не научился плавать!

Несмотря на некоторые странности своего характера, Андрей был хорошим товарищем. Иногда мы с ним спорили, но почти никогда не ссорились. Раз только он вспылал по пустякам и даже обидел меня. Когда мы в седьмом классе проходили теорию Эйнштейна, мне не все было в ней понятно, и дома я прибежал к помощи ЭРАЗМа*. И знаю, что сейчас этот

* ЭРАЗМ — Электронный Рас тол ко вы в а т е л ь н ы й А г р е г а т, Знающий Многое.

агрегат не применяется, он признан непедагогичным и давно снят с производства, но в мои юные годы некоторые ученики прибегали к его помощи. Андрей же к ЭРАЗМу относился неуважительно и даже дал ему грубую кличку — Зубрильник.

Я вложил книгу в отверстие агрегата, включил контакт, и механические пальцы начали листать страницы. ЭРАЗМ стал читать книгу вслух, пояснять ее зрительно на экране и давать свои, упрощенные и доходчивые, пояснения.

И вдруг Андрей, который до этого тихо сидел за своим столом, ничего не делая и уставясь в одну точку, сказал сердитым голосом:

— Да выключи ты этот несчастный Зубрильник! Неужели ты не понимаешь таких простых вещей?

— Андрей, ты груб! — сказал я. — Этот прибор называется ЭРАЗМ, а никакой он не Зубрильник.

— И кто придумывает всем этим агрегатам такие названия! — буркнул Андрей. — Тоже мне ЭРАЗМ!

— Названия всем агрегатам придумывает Специальная Добровольная Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов, — ответил я. — Поэтому, оскорбляя агрегат, ты тем самым оскорбляешь Поэтов, которые добровольно и безвозмездно дают названия механизмам. А поскольку я пользуюсь услугами ЭРАЗМа, ты оскорбляешь и меня.

— Прости, я вовсе не хотел обидеть тебя, — проговорил Андрей. — Дай мне книгу, и я поясню тебе эту главу.

Он стал втолковывать мне смысл Теории, но пояснения его были какие-то странные, парадоксальные и совсем непопятные мне. Я сказал об этом Андрею, и он искренне удивился.

— Но ведь все это так просто. Эта книга случайно попалась мне, когда мы учились еще во втором классе, и я ничего непонятного в ней не нашел.

— Ты не нашел, а я вот нахожу! — ответил я и вновь включил ЭРАЗМа.

Но эта размолвка не нарушила нашей дружбы. И когда нам исполнилось по шестнадцати лет и мы получили право пользоваться Усилительной Станцией

Мыслепередач, мы с Андреем взяли общую волну и стали «двойниками» * по мыслепередачам. Вскоре это пришлось очень кстати — моя помощь понадобилась Андрею.

Случилось это так. Ранней весной родители наши взяли отпуск и улетели на Мадагаскар, предварительно дав нам соответствующие наставления. Андрей, пользуясь отсутствием родителей, стал до глубокой ночи пропадать в Вольной лаборатории. Он приходил туда один и проделывал опыты с водой, на которой он, как в старину говорилось, совсем помещался. Как потом выяснилось, некоторые из этих опытов были отнюдь не безопасны, и ДРАКОН ** не раз делал Андрею замечания и даже выключал электропитание в лаборатории, дабы прервать эти опыты. За это Андрей невзлюбил ни в чем не повинного ДРАКОНА и даже дал ему псеную клетку Дылдон.

Однажды Андрей задержался в лаборатории что-то очень уж надолго, но я не слишком беспокоился за него, так как был уверен, что поскольку он производит свои опыты в присутствии дежурного ДРАКОНА, ему ничто не угрожает. И я спокойно лег спать.

Я начал уже засыпать, как вдруг услышал мыслесигнал Андрея.

— Что случилось? — спросил я.

— Состояние опасности, — сообщил Андрей. — Иди в лабораторию. Все. Мыслепередача окончена.

Я тотчас оделся и выбежал на улицу. У ворот меня окликнул дежурный ВАКХ ***.

— Вы встревожены? Поручений нет?

* Передача мыслей в те годы могла осуществляться только между двумя абонентами по схеме А—Б; Б—А. Работа Усилительных станций требовала чрезвычайно больших затрат энергии, поэтому прибегать к мыслепередачам рекомендовалось только в случае крайней необходимости и при отсутствии других средств связи.

** ДРАКОН (Движущийся Регламентационный Агрегат, Контролирующий Опыты Неопытных) — старинный агрегат, ныне замененный более совершенным.

*** ВАКХ (Всеисполняющий Агрегат Коммунального Хозяйства) — механизм XXI—XXII веков. Выполнял приблизительно ту же работу, что Дворник в древности.

— Благодарю вас, поручений нет, — ответил я и побежал по самосветящейся пластмассовой мостовой по направлению к школе. Улица была пустынная, только на скамейках бульвара кое-где сидели парочки. Навстречу мне попался ГОНОРАРУС *. Он шел в своей пластмассовой руке букетик розовых цветов, а на лбу его горела розовая лампочка. Розовый цвет означал, что родилась девочка, — ГОНОРАРУС шел извещать об этом отца. Я едва не спиб с ног этот агрегат, так я торопился.

Но вот и школа. На площадке перед ней днем всегда висела статуя Ники Самофракийской, причем голова ее была восстановлена с помощью точнейших кибернетических расчетов, и вся статуя (точнее, ее копия) выглядела такой, какой ее сотворил скульптор. Она была отлита из нержавеющей металла и с помощью электромагнитов висела в воздухе над невысоким постаментом, как бы летя вперед. На ночь электромагниты выключались, и статуя плавно опускалась на постамент. А утром, когда луч солнца касался включающего устройства, Ника плавно подымалась в воздух, продолжая свой полет. В дни моей молодости было немало таких висящих в воздухе статуй. Теперь, к сожалению, от электромагнитов отказались, считая это дурным вкусом, и вновь вернулись к обычным пьедесталам. А жаль! Не слишком ли усердно нынешняя молодежь зачеркивает творческие достижения прошлого?

В окнах большого здания Вольной лаборатории горел свет. Я вошел в технический зал. Здесь, среди множества приборов и машин, я увидел Андрея. Он сидел на пластмассовой табуретке, и с руки его стекала кровь. Падшим, неуклюже наклоняясь, стоял ДРАКОН и давал ему какие-то медицинские советы. Андрей был очень бледен. Я кинулся к аптечному шкафу, достал необходимые медикаменты и занялся оказанием помощи. Андрей был ранен в плечо и потерял много крови. Рана была небольшая, но довольно глубо-

* ГОНОРАРУС (Громкоговорящий, оптимистичный, Несущий Отцам Радость Агрегированный Работник Устной Связи) — старинный агрегат, давно снят с производства.

кая. Я залил ее Универсальным бальзамом и сделал перевязку, а затем вызвал по телефону Врача.

— Что здесь произошло? — спросил я Андрея.

— Небольшой просчет, — ответил он. — Я думал, что будет совсем другой эффект. Понимаешь, мне нужно было узнать поведение воды при некоторых особых условиях. Я переохладил ее под давлением и вбрызнул в раскаленную золотую трубу. Я думал, что перепад температур...

— А вы что смотрели? — строго обратился я к ДРАКОНУ. — Ведь вы должны прерывать опасные опыты!

— Опыт безопасен, — бесстрастно ответил ДРАКОН. — Опыт целесообразен, нужен, необходим, обязательен, полезен, безопасен.

— Как же он безопасен, если человека ранило! — рассердился я. — И посмотрите, что здесь делается!

Действительно, на полу лежали какие-то разбитые циферблаты, осколки плексигласа, обломки металла, погнувшая искореженная золотая труба с довольно толстыми стенками...

— Дылдон не виноват, — сказал вдруг Андрей. — Если кто виноват — так это я. Я доказал Дылдону, что опыт безопасен.

— Значит, ты обманул его! Пусть это не Человек, а механизм, но все равно ты совершил обман. Обманывая механизм, ты обманываешь Общество!

— Я не обманул его, я убедил. Я внес поправки в его электропную схему. Он даже помогал мне делать опыт.

— Опыты не напрасны, безопасны, оправданы, обоснованы, объективны, перспективны, — глухо забормотал ДРАКОН.

— Ну, с вами толковать — что воду в ступе толочь! — сердито сказал я.

— Воду в ступе? Толочь? Новый опыт? — заинтересовался ДРАКОН.

— Никаких опытов мы делать не будем, — ответил я. — Лучше наведите здесь порядок.

ДРАКОН поспешно нагнулся над люком мусоропровода, выдвинул из своей ноги пластмассовую лопа-

точку и, пританцовывая, стал сбрасывать туда осколки и обломки. Столкнув остатки искалеченной золотой трубы, он захлопнул люк.

— Все. Могу выключаться?

— Да, — ответил я. — И скажите Людям, чтобы вас заменили. Вы неисправны.

В это время подоспел Врач.

Рана Андрея скоро зажила, остался только шрам. Самое странное, что за свою проделку Андрей, в сущности, не понес никакого наказания. Его только на короткий срок отстранили от опытов, а потом он опять принялся за свое. Уж чего-чего, а упрямства у него хватало.

4. ИЗ ЮНОСТИ

Однажды ранней осенью мы шли с Андреем по берегу залива. Поравнявшись с лодочной станцией, Андрей сказал:

Возьмем лодку. Давно мы с тобой не катались на лодке.

Мы взяли шлюпку и стали выгребать в залив. Мимо нас проходили яхты, прогулочные электроходы, а мористее видны были не сиемн идущие морские пассажирские корабли, грузовые суда и большие парусники. Эти парусники были очень красивы — совсем как на старинных гравюрах. Только на них не было команд: паруса поднимались и убирались специальными механизмами, которыми управлял КАПИТАН*. Парусники эти перевозили несрочные грузы и вполне себя оправдывали. Правда, иногда из-за чрезвычайной сложности управляющего устройства с некоторыми из этих парусников происходили странные вещи. Они вдруг начинали блуждать по морям, не заходя ни в какие порты. Такие блуждающие корабли были опасны для мореплавания, и их старались выследить и

* КАПИТАН (Кибернетический Антиаварийный Первоклассно Интеллектуализованный Точный Агрегат Навигации) — весьма совершенный для своего времени агрегат. Ныне модифицирован.

обезвредить, что было не так-то просто. У КАПИТАНОВ вырабатывался эффект сопротивления, и они норовили уйти от преследования.

Мы с Андреем гребли все дальше в залив. Но вот двухпалубный атомоход прошел недалеко от нас, подняв большую волну. Андрей замешкался с веслами — греб он плохо, — но я успел поставить шлюпку носом к волне. Нас тряхнуло, немного воды перелилось через борт, но все обошлось благополучно.

— Могло кончиться и хуже, — сказал я Андрею. — Мы могли очутиться в воде, а ты ведь до сих пор не умеешь плавать. Как это странно: изучаешь воду, делаешь с ней опыты, а плавать не умеешь. Может быть, ты хочешь усмирить бури и штормы?

— Нет, бури и штормы останутся. Но вода, по моему убеждению, со временем станет слугой Человека. И время это, быть может, не так уж далеко.

Я промолчал. Я давно знал, что вода — пунктик Андрея, и не хотел с ним спорить. Это было бесполезно.

— К такому выводу можно прийти не только исследовательским, научно-техническим путем, но сама логика жизни говорит об этом, — продолжал Андрей. — У Человека есть друзья: металл, камень, дерево, стекло, пластмассы — друзья верные и испытанные. Но Человечество растет, ему нужен новый сильный друг и союзник. Такого друга у него пока нет. Зато у него есть враг — вода. Вода — враждебная стихия, вода антистабильна.

— Вода — это и есть вода, и ничего с ней не сделаешь, — вставил я словечко.

— Но когда Человек подчиняет себе сильного и опасного врага, то именно этот сильный и опасный враг становится самым верным и надежным союзником. А Человеку нужен сейчас великий новый союзник. Только подчинив себе воду, Человек станет полным властелином планеты.

— Мели, Емеля, твоя неделя, — сказал я Андрею, выслушав его слова.

— Какой Емеля? — удивился Андрей.

— Это просто есть такая старинная поговорка. Не буду тебе ее расшифровывать.

В то время я уже серьезно интересовался историей литературы и фольклором XX века и имел на этом пути несомненные успехи. В старинных книгах я выискивал древние поговорки, пословицы, прибаутки и выписывал их в отдельную тетрадь. Кроме того, я изучал Поэтов XX века, надеясь со временем написать о них историческое исследование. Одновременно я работал над моим любимым детищем — СОСУДОМ.

Одиннадцатые и двенадцатые классы в нашей школе были специализированные, и после окончания десятого класса я пошел на гуманитарное отделение. Андрей же — на техническое. Мы по-прежнему отправлялись в школу вместе, но, придя в нее, расставались до конца учебного дня. Мы, как и прежде, были с Андреем дружны, вместе ходили в театр и кино, а во время летних каникул вместе путешествовали то по Америке, то по Австралии, то по Швеции. Но лучше всего сохранились в моей памяти наши совместные прогулки по родному городу. Мы бродили и по старинным улицам, сохранившим свой вид в неприкосновенности с XX века, и по Новому городу, где выросли новые здания, казавшиеся мне тогда очень высокими, — ведь аквалидного строительства еще не было.

Раз, проходя мимо одного здания, я заметил у входа надпись:

«ОРФЕУС (Определитель Реальных Фактических Естественных Умственных Способностей)».

Я давненько уже хотел проверить свои умственные возможности, в широте которых я при всей своей скромности не сомневался. Поэтому я шутливо предложил Андрею:

— Давай зайдём сюда, узнаем, на сколько баллов тянут наши умы.

— Зайдем, если тебе хочется, — согласился Андрей. — Только я не очень верю в точность этого агрегата.

— Может быть, ты боишься, что кто-то из нас окажется потенциальным идиотом? — поддразнил я его.

— Все возможно, — ответил Андрей. — Иногда я чувствую себя таким глупцом...

Мы вошли в помещение, и вскоре нас повели каждого в отдельную комнату, обставленную какими-то приборами. Ассистент подвинул мне кресло, надел мне на голову какой-то пластмассовый шлем с идущими от него проводами.

— Думайте о том, что вас больше всего интересует и о чем вы чаще всего размышляете, — сказал Ассистент.

Я стал думать о своем любимом детище — СОСУДЕ, и вскоре на приборах задвигались стрелки, вспыхнули лампочки. Затем Ассистент подошел к какому-то экрану, поглядел на него и выключил всю механику.

— Готово, — сказал он. — У вас уклон к систематике.

— А сколько у меня баллов?

— Четыре балла. Совсем неплохо.

— Как, всего четыре балла?! — возмутился я. — Это при десятибалльной-то системе! Тут какая-то ошибка. Очевидно, ваш ОРФЕУС нуждается в ремонте.

— Четыре балла — совсем неплохая оценка, — возразил мне Ассистент. — Есть много Людей, которым ОРФЕУС дает гораздо меньшую оценку, и они работают в области науки, искусства и литературы и считаются умными Людьми. А Режиссеры и Сценаристы зачастую имеют по ОРФЕУСУ оценку «единица», однако вы смотрите их фильмы да еще похваливаете.

Это ваше утверждение лишний раз убеждает меня в истинности вашего агрегата. Если Кинорежиссер ставит картины, а Критик пишет о них статьи, то это одно уже доказывает, что ОРФЕУС ошибся, поставив им единицу.

— Это ничего не доказывает, — возразил Ассистент. — Можно быть глупым Ученым и можно быть мудрым работником ассенизационной системы.

— А дает ваш ОРФЕУС кому-нибудь высокие баллы? — заинтересовался я. — Ставит он восьмерки, девятки, десятки?

— Десяти баллов со дня его изобретения ОРФЕУС никому не присуждал. Десять баллов — это состоятельные гениальности. Гении не так часто рождаются. Уже девять баллов — преддверие гениальности... Вы знаете историю жизни Нилса Индестрома?

— Я знаю Теорию Недоступности. Мы ее проходили в восьмом классе. Неужели вы думаете, что если ваш ОРФЕУС поставил мне четверку, то я настолько туп, что не знаю ТН Индестрома!

— Никто не сомневается, что вы знаете ТН, — успокоил меня Ассистент. — Я просто хочу напомнить вам историю его жизни. Тридцать лет тому назад в маленьком шведском городе Ультафиорде на текстильном заводе работал палачником станков молодой Рабочий. У него было минимальное земное образование — двенадцатилетка с техническим уклоном. В свободное от работы время юный Нилс посещал теоретические курсы общей физики, а также читал книги по квантовой теории, космографии и сопромату. Кроме того, в уме он мог делать столь сложные и быстрые подсчеты, что обгонял кибернетическую машину среднего класса. Он готовился в вуз, но, отличаясь крайней скромностью, не смел подавать туда заявление. Однажды товарищи, зная его чрезмерную скромность и необычайные способности, чуть ли не силой затащили Нилса к ОРФЕУСУ, который присудил ему девять баллов. Вскоре Индестром был принят на второй курс Академии Высших Научных Знаний. Через два года он создал Теорию Недоступности. Памятники, воздвигнутые ему, стоят во всех крупных городах мира.

— Я все это знаю, — сказал я. — Но мне всегда казалось странным, что ставят памятники творцу негативного закона.

— Мудрость может быть и негативной, — возразил Ассистент. — Тем более что ТН при всей своей негативности играет положительную роль. Она предохраняет Человечество от напрасных попыток прорваться к Дальним Звездам. Индестром спас много человеческих жизней. Так что памятники свои он заслужил.

Я вышел в приемный зал и стал ждать Андрея. Он почему-то задержался в своей испытательной комнате. Мне пришлось ждать его чуть ли не час. Наконец он вышел в сопровождении своего Ассистента и еще каких-то двух пожилых Людей профессорского вида.

— Идем, — сказал он мне. — Кончилась эта пытка.

Мы попрощались с работниками испытательной станции, и мне показалось, что все они прощаются с Андреем чересчур уж почтительно, не по его возрасту. Один из Профессоров даже проводил его до подъезда.

— Что это тебя так долго испытывали? — спросил я Андрея.

— Давали разные дополнительные задания и анкеты. Совсем замучили. И вели зачем-то переговоры с нашей школой. И еще звонили во Всемирную Академию Паук.

— Видно, их ОРФЕУС очень несовершенен, вот они и берут дополнительную информацию, — сказал я, чтобы утешить Андрея. — Мне этот ОРФЕУС дал всего четыре балла, это явная ошибка.

— Да, это очень несовершенный агрегат, — согласился Андрей. — Мне он дал десять баллов. Я этого, конечно, не заслуживаю. Иногда я чувствую себя безмозглым щенком.

Окончив школу, я поступил в Университет на филологический факультет, Андрей же был принят в Академию Высших Знаний, сразу на третий курс. Жили мы теперь в разных общежитиях, но встречались довольно часто.

5. ЗАСЛУЖЕННОЕ НАКАЗАНИЕ

Но возвращаясь к тому, с чего я начал свое повествование.

Через несколько дней после «марочного бунта» Андрей пришел ко мне в гости. Вид у него был грустный.

— Говори, что такое случилось? — спросил я его. — Опять очередной неудачный опыт? Пора бы тебе привыкнуть к неудачам. Ты в них как рыба в воде.

— Нет, неприятность другого рода, — ответил Андрей, пропустив мою шпильку мимо ушей и не оценив скрытого в ней каламбура. — Ты понимаешь, на общем собрании я рассказал о своем поступке, о том, что обругал девушку...

— Ну, еще бы ты умолчал об этом! Скрывающий плохое — лжет... Что же решило общее собрание?

— Решили наказать меня охотой. Я должен отпираться в Лужский заповедник и убить одного зайца. Их там развелось очень много, и они портят плодовые сады в окрестностях заповедника.

— Неприятное дело, — поморщился я. — Но это заслуженное наказание. Только подумать: заявить девушке, что она — кикимора!

— Ты не полетел бы со мной туда, в заповедник? — спросил Андрей. — Как-то тоскливо идти на это дело одному. Задание я, разумеется, сам выполню.

Я вспомнил, что один Студент рассказывал мне, будто Смотритель этого заповедника — глубокий старик, знает старинный фольклор, древние заклинания, прибаутки и бранные слова. «Может быть, мне удастся пополнить мой СОСУД», — подумал я и согласился сопровождать Андрея. Андрей ушел, обрадованный моим решением.

В тот же час я сообщил Нине, что завтра улетаю на один-два дня, и попросил ее не прерывать работы над сбором материала для «Антологии». Но, узнав, что я отправляюсь в заповедник, Нина тоже захотела лететь со мной.

— Как, ты хочешь видеть, как убивают зверей? — удивился я. — Вот уж не ожидал!

— Да нет, что ты! — возразила Нина. — Просто я хочу побыть среди природы. И лишний раз посмотреть на живых зверей.

— Ну, это другое дело, — сказал я. — Тогда завтра утром я зайду за тобой.

В глубине души я был очень рад, что Нина решила отправиться со мной в заповедник. Я решил, что дело тут не в природе, а во мне. Быть может, она ждет от меня объяснения. И ради этого она даже согласилась отправиться на охоту.

Охота для Людей давно перестала быть удовольствием и превратилась в неприятную обязанность, которая возникала время от времени, когда зверей в заповедниках становилось слишком много. С тех пор как на Земле навсегда прекратились войны и исчезли нищета и социальное неравенство, нравы Человечества смягчились и преступность сошла на нет. Перестав быть жестокими друг к другу, Люди изменили и свое отношение к животным. Еще задолго до моего рождения вышел всемирный закон, запрещающий производить опыты над животными, — их теперь вполне заменяли электронно-бионические модели. Держать зверей в неволе, в так называемых зоологических садах, было признано жестоким, и зоосады были раскассированы. Это никого не огорчало, так как совершенство и быстрота путей сообщения позволяли каждому видеть зверей в местах их естественных обиталищ — в заповедниках. Человек уже не нуждался в охоте — ни для мяса, ни для шкур, ни даже для мехов. Звериные меха давно заменила синтетика, и синтемы (синтетические меха) были теперь гораздо красивее и теплее естественного меха. Таким образом, экономическая нужда в охоте давно отпала, а морально она теперь Человеку претила, как всякое пасивное и убийство. Помню, что когда мы в школе проходили старинных классиков, мы всегда с удивлением читали превосходно написанные сцены охоты. Нам казалось странным это любованье жестокостью.

На следующее утро я направился к Нине. Она жила не в общежитии, а дома, вместе с матерью. Отец Нины погиб во время подводной экспедиции, и хотя это произошло давно, но у Нининой матери порой бывал такой вид, будто это произошло только вчера. Однако в доме у них было уютно, мне нравилось бывать там. В то утро и Нина и ее мать встретили меня, как всегда, приветливо. Это утро запомнилось мне

очень хорошо, потому что именно с этого дня в судьбе моей и Нининой начались большие изменения.

— Вам надо поесть как следует перед дорогой, — сказала мне Нинина мать. — Там, в университетской столовой, вы едите то, что предлагает вам САВАОФ, а у него фантазия небогатая. Я же сама программирую наш ДИВЭР*, и он накопил уже большой опыт.

— Я с удовольствием поем домашней еды, — согласился я. — Закажите, пожалуйста, ДИВЭРу две синте-бараньих отбивных.

— Заработайте своим трудом эти отбивные, — засмеялась Нинина мать. — Спрограммируйте сами. Идемте, я вас научу. Ведь когда-нибудь на ком-нибудь вы женитесь, и это вам пригодится.

Она повела меня в кухню. При нашем приближении ДИВЭР вышел из ниши и протянул нам подобие металлической ладони, на которой была видна клавиатура с изображением цифр, букв и значков.

— Вот баранина для вас, — сказала Нинина мать, нажимая на какие-то значки и буквы, — а вот телячья отбивная для Нины. Все это так просто.

ДИВЭР опустил руку и застыл в позе готовности.

— А это не опасно — лететь на охоту? — спросила Нинина мать. — Я так боюсь за Нину, она такая неосторожная, вся в отца.

— Не беспокойтесь, я не взял бы ее с собой, если бы это было опасно, — ответил я.

— Да, да, вы правы. Когда она с вами, я за нее спокойна. Вы Человек выдержанный и рассудительный.

— К этому меня обязывает моя профессия, — скромно ответил я.

— Я хотела бы, — призналась Нинина мать, — чтобы у Нины был муж безопасной профессии, вроде вашей... Однако покинем кухню, а то мы не даем ДИВЭРу работать.

Мы вышли из кухни, и ДИВЭР принялся за работу. При людях работать он не мог, ибо был снабжен

* ДИВЭР (Домашний Индивидуальный Всевыполняющий Электронный Работник) — старинный кухонный агрегат. Давно заменен более совершенным.

эффектом стыдливости. За все минувшие века женщинам настолько надоело возиться в кухнях, приготавливая обеды и моя посуду, что теперь это дело считалось неэстетичным, и при Людях ДИВЭР не действовал, дабы не портить им настроения. Если вы входили в кухню, он прерывал работу в ожидании ваших указаний. Получив же их, он почтительно ждал, когда вы уйдете, чтобы приняться за дело.

Мы вернулись в комнату, и Нина завела разговор об «Антологии забытых поэтов» и о том, что надо включить стихи Вадима Шефнера.

— А что он за Человек был? — спросила Нинина мать. — Он не был Чельювином?

— Этого я сказать точно не могу, — ответил я. — Вот Чекуртаб* он был определенно: у него в стихах где-то упоминаются папиросы. Но вполне возможно, что он был и Чельювином. От этих Поэтов Двадцатого века всего ожидать можно.

— О Людях нужно судить по их достоинствам, а не по их недостаткам, — заявила вдруг Нина.

— Это не научный подход, — возразил я. — Для меня и моей науки важно не только то, что Писатель написал, но и то, как он вел себя в быту.

— Как вы правы! — воскликнула Нинина мать. — А скажите, этот Светочев, с которым вы отправляетесь на охоту, — уравновешенный Человек? Ведь от Человека, которого так строго наказали, можно ждать самых неожиданных поступков.

— Андрей — хороший товарищ, — успокоил я ее. — Он никого никогда еще не подводил. Кроме самого себя.

— Ты, мама, не беспокойся, — вмешалась Нина. — Я хоть никогда и не видала этого Андрея, но вполне представляю его по рассказам Матвея. Это, по-моему, неплохой Человек, только он из породы неудачников. Все ищет чего-то и все ошибается. Мне его почему-то жалко.

— Да, он хороший Человек, — добавил я. —

* Чекуртаб (Человек, Курящий Табак) — медицинский термин того времени.

Звезд с неба он не достанет и пороку не выдумает, но это не мешает ему быть хорошим Человеком и моим другом.

6. ПО ПУТИ В ЗАПОВЕДНИК

Вскоре мы с Ниной вышли из ее дома и направились к авиастоянке, расположенной на крыше высотного дома. Поднявшись лифтом на крышу, мы встретили здесь Андрея. Я познакомил его с Ниной, и мы сели в четырехместный легколет. Я занял место рядом с ЭОЛом*, а Нина и Андрей расположились на задних сиденьях.

— Полеты бесплатные, — сказал ЭОЛ. — Дайте курс и закажите нужную вам скорость: прогулочную, деловую, ускоренную или экстренную.

Мы задали курс и выбрали прогулочную скорость. Погода стояла хорошая, и лететь было одно удовольствие. Город медленно плыл под нами, затем показались огромные белые кубы заводов синтетических продуктов, башни зерновых элеваторов. Вскоре потянулись зеленеющие поля; через равные промежутки среди полей возвынялись башни дистанционного управления электротракторами. Через поля, уходя вдаль, тянулись прямые дороги дальнего следования, крытые желтоватыми и серыми пластмассовыми плитами; видны были лаковые спицы многоместных элмобилей. То параллельно этим дорогам, то отбегая от них в сторону, то совсем уходя в лес, петляя вдоль берегов речек, вились неширокие грунтовые дороги для всадников. Возле этих дорог кое-где стояли небольшие гостиницы, где каждый всадник мог отдохнуть сам, накормить и напоить своего коня и показать его дежурному ФАВНу**, если конь заболел. Хоть население Земли росло и множилось, но с переходом на синтетическое мясо высвободилось столь много земли, что Че-

* ЭОЛ (Электронный Ответственный Летчик) — агрегат XXII века. Впоследствии заменен более совершенным.

** ФАВН (Фармацевтический Агрегат Ветеринарного Назначения) существует и ныне в улучшенном виде (ФАВН-2).

ловечество могло позволить себе роскошь ездить на верховых конях. Впрочем, Ученые доказали, что это, в сущности, даже не роскошь, а выгода. При мне начали создаваться конные клубы, начались массовые состязания всадников. Многие теперь предпочитали ездить на небольшие расстояния верхом. Молодые Люди бросали свои энциклы и в свободное время овладевали конным делом. Некоторые всадники ходили в сукошных племенах с красными звездами и в длиннополых кавалерийских шинелях с поперечными нашивками, воскрешая форму буденновцев. Старики предпочитали механические средства передвижения и были недовольны этим, как они говорили, парадоксом развития транспорта. Однако число коней и всадников росло и сейчас продолжает увеличиваться.

Сидя рядом с ЭОЛом, я толком не слышал, о чем разговаривают Нина с Андреем. Но разговаривали они весьма оживленно, и до меня порой доносились обрывки их фраз и иногда даже смех. Смеялась не только Нина, но и Андрей.

«Странно, как может Андрей смеяться, — думал я. — Ведь он наказан, направляется на такое неприятное дело — и вдруг этот смех!»

— Что смешного рассказала тебе Нина, что ты так смеешься? — спросил я его, перегнувшись через спинку сиденья.

— Ничего особенного, — ответила за него Нина. — Просто я вспомнила, как однажды ради шутки вставила в рукопись «Антологии» пять четверостиший из Омара Хайяма, а ты прочел их и совершенно серьезно сказал, что эти упадочные стихи не отражают Двадцатого века.

— Я в этот момент думал о чем-то другом и ошибся, — ответил я. — Я отлично знаю, когда жил Хайям. Но разве Андрей знает его стихи?

— Представь себе, знает, — ответила Нина.

— Сейчас ему нужно думать не об Омаре Хайяме, а о том наказании, которое он заслужил. И тебе, Нина, совсем незачем пастраивать его на веселый лад. Ведь всякий наказуемый должен не только понести наказание, но и внутренне осознать свою вину.

После этого моего совершенно справедливого, кстати, замечания смех на задних сиденьях прекратился. Однако разговаривать они продолжали, только стали говорить тише.

Вскоре мы приземлились у границы заповедника. ЭОЛ, получив задание вернуться в город на стоянку, поднял машину в воздух и лег на обратный курс.

Здесь, в районе заповедника, запрещалось строить современные сооружения, и мы перешли через речку по бревенчатому мостику и пошли по лесной дороге. Нам нужно было найти жилище Лесного Смотрителя, у которого Андрей должен был взять орудие убийства, чтобы выполнить задание.

Андрей шагал впереди, а я с Ниной шел несколько поодаль за ним. Порой через дорогу перебежали зайцы; в одном месте лисица воровато глянула на нас из подлеска и побежала дальше своим путем. На ветвях несли лесные птицы, и наше приближение ничуть их не пугало.

— Знаешь, я представляла твоего друга совсем другим, — сказала вдруг Нина. — Он лучше, чем ты, рассказывал о нем.

— Я никогда не говорил тебе о нем ничего плохого, — возразил я. — Не понимаю, чего тебе еще надо!

— Ты говорил о нем слишком мало хорошего, — ответила Нина. — По-моему, он не совсем обыкновенный Человек. Ты плохо знаешь его.

— Как ты можешь так говорить, Нина, — спокойно сказал я. — Я его знаю всю жизнь, а ты знакома с ним полтора часа.

— И все-таки он не похож на других.

— Каждый Человек чем-то не похож на других.

— В нем чувствуется устремленность к какой-то высокой цели.

— Можно ставить себе большие цели и оставаться неудачником, — резонно возразил я.

— Что ж, может быть, он и неудачник, — задумчиво сказала Нина. — Но ведь большая неудача лучше маленьких удач.

— Не понимаю тебя, Нина. Удача — это всегда удача, а неудача — это всегда неудача.

— А по-моему, не так. Один Человек, скажем, решил подняться на вершину горы, а другой — стать на болотную кочку. Человек, не дошедший до вершины горы, поднимется все-таки выше того, кто стоит на болотной кочке.

Я не стал продолжать этот бесцельный спор, тем более что мы уже подошли к дому Лесного Смотрителя. Здесь жил тот самый старик, о котором мне сказали, что он знает старинный фольклор. Поэтому я включил свой карманный микромагнитофон, надеясь потом использовать запись разговора со Смотрителем для пополнения своего СОСУДа.

7. СТАРЫЙ ЧЕПЬЮВИН

Жилище Лесного Смотрителя стояло на зеленой поляне у ручья. Это была настоящая деревянно-пласт-массовая изба конца XX века — со старинной телевизионной антенной на крыше, с крылечком и зава-линкой. Возле избы стоял древний мотоцикл. В стороне, под деревьями, видны были зимние кормушки для лосей и оленей и маленькие ящики на столбах — кормушки для птиц. Все здесь так не походило на город!

Из избы, приветливо улыбаясь, вышел навстречу нам статный старик, учтиво поздоровался и повел нас в свое жилище. Комната, куда он ввел нас, была весьма уютна. Все в ней дышало стариной — дряхлый телевизор в потрескавшемся футляре, и поролоновый диван невиданной конструкции, и высокий деревянный стол, и кресла с плетеными спинками. Довершая это впечатление, на отдельном столике с мраморной крыш-кой стоял блестящий электросамовар, а на стене висе-ло два ружья.

— Как у вас тут интересно! — сказала Нина. — Хотела бы я пожить здесь.

А кто вам мешает! — ответил Смотритель. — Приезжайте и живите, мы со старухой потеснимся. Мы всегда рады гостям.

— Видите ли, — вмешался Андрей, — мы по делу

сюда прилетели. Нам, то есть мне, надо убить одного зайца.

— Да, я давал заявку на убийство, — подтвердил старик. — Зайцев много развелось. Тут садоферма есть в десяти километрах, так они стволы грызть начали... А за что же вам такое наказание?

Андрей объяснил, за что он наказан, и старик ска-зал с добродушной насмешкой:

— Строго у вас в городах! Мы с женой тут в глу-ши нет-нет да и поспорим. Если бы мне за каж-дую «дуру» зверя убивать, тут в заповеднике жив-ности бы не осталось... Ну, бери, что ли, ружье. Идем к сараю, стрельбе тебя обучу, — закончил он свою речь.

Старик и Андрей вышли из избы и направились за одну из пристроек. Вскоре оттуда послышался вы-стрел, потом другой. Затем старик вернулся, за ним шел Андрей с ружьем.

— Понятливый парень, — похвалил Андрея Смот-ритель. — Ружье в первый раз в руки взял — и все понял. Сразу в яблочко попал.

— Ну, я пойду зайца убивать, — сказал нам Анд-рей. — Надо скорей покончить с этим неприятным делом... А что потом с ним делать? — спросил он у старика.

— Сюда принесешь, не пропадать же добру. Съедем — и вся недолга.

— Можно, и я с вами пойду? — обратилась вдруг Нина к Андрею.

— Нет, Нина, что вы! Зачем вам-то видеть все это? Я уж один.

Он ушел в лес, а Нина вышла из дому и села на скамейку. К ней подошел олененок и начал тереться мордой о ее колени, а она стала гладить ему спину. Я смотрел на нее в окно, и в эти минуты она показа-лась мне даже привлекательнее, чем обычно.

— А славная девчонка, — сказал вдруг Смотритель, словно угадав мои мысли. — Девчонка что надо.

— Она не девчонка. Она уже на втором курсе, — поправил я старика.

— А по мне, хоть и на двадцать втором. Передо

мной она девчонка. Мне сто восемьдесят семь через палец стукнет.

— Стукнет — значит исполнится, — понимающе сказал я. — На вид вы моложе. Только подумать — МИДЖ плюс семьдесят семь! Вы, наверно, обращались в Комиссию продления жизни?

— Никуда я не обращался. Я сам себе жизнь продлеваю. Мы, Лесники, долго живем.

— А как вы себе продлеваете жизнь? — заинтересовался я. — Может быть, вы знаете какие-либо старинные лекарства, травы?

— И лекарство одно знаю и о смерти и всякой ерунде не думаю — вот и продлеваюсь. А как тебя величать-то?

— Величать — значит звать, — сказал я. — Меня зовут Матвей Людмилович.

— А меня — Степан Степанович. Я этих материнских отчества не признаю, — добавил он с доброй стариновской усмешкой. — Завели новые моды — женские отчества, корабли с парусами, на конях по дорогам скачут... Нет, мне, старику, к этим новинкам уже не привыкнуть.

Окончив свою речь, Смотритель выдвинул ящик стола и вынул оттуда кожаный мешочек и пачечку бумаги.

— Что это такое? — заинтересовался я.

— Это кисет, а в кисете — махорка. Самосад.

— Как, неужели вы Чекуртаб! — изумился я. — И еще в такие годы!

— Никакой я не Чекуртаб, а просто курящий. Напридумывали словечек!

Он ловко загнул край одной бумажки, положил туда табак, затем свернул бумажку в трубочку — и закурил. Тяжелый синий дым пополз ко мне, и я расчихался. В это время из лесу послышался выстрел.

— Был заяц — нету зайца, — затыгиваясь, сказал старик. — Твой приятель не промахнется. А ты — цырлих-манирлих.

— А что это такое — цырлих-манирлих? — спросил я. — Что означает эта фольклорная идиома?

— Так, ничего, — ответил старик. — Это я просто так. Дядя шутит.

— Может быть, это ругательство? — обрадовался я. — Не стесняйтесь, пожалуйста, обругайте меня еще как-нибудь.

— С чего же мне тебя ругать, ты плохого мне не сделал. Да и не под градусом я. Вот лекарства своего приму — тогда, может, поругаюсь. Идем, я тебе аптеку свою покажу, где лекарство мое варится.

Он повел меня на кухню, а из кухни — в небольшую пристройку. Там сильно пахло чем-то. Запах был какой-то странный — и неприятный и в то же время чем-то приятный. На старинной электрической плите стояли какие-то баки, тянулись трубки. В баках что-то хлопотало. Из одной трубочки в пластмассовую миску капала пахучая жидкость.

— Что это? — спросил я. — Химическая лаборатория?

— Она самая, — бодро ответил старик, отливая жидкость из миски в стакан и протягивая стакан мне.

Я медлил, начиная подозревать самое худшее.

— Да ты бери, пей. Как слеза! К своему будущему дню рождения тоно. Выпей ты, а потом и я хватану.

— Вы Чепьювин! — воскликнул я. — Как несовместимо это с вашим почтенным возрастом!

— Пей, — ласково повторил старик. — А то обидашь меня.

— А вы скажете мне бранные выражения?

— Скажу, скажу. Только пей. Все скажу.

Решив пожертвовать своим здоровьем для науки и не желая обижать старика, я сделал несколько глотков. Сперва мне было противно, но затем это чувство начало проходить.

— Пей да закусывай! — отечески сказал Смотритель, сунув мне в руки кусок сыра.

Я закусил и, чтобы не обижать старика, выпил стакан до дна. Мне стало совсем хорошо и весело. Это было новое состояние души и тела. Затем выпил и старик, и мы вернулись в комнату.

— Нейдет что-то охотничек-то наш, — сказал Смотритель. — И девчонка куда-то делась, верно, в лес побежала... А парень он, видать, с головой. Отобьет он ее у тебя. Я-то заметил, как она на него поглядывает. Даст она тебе отскок.

— Что это такое — «отскок»? — спросил я.

В ответ Старый Чепьювин запел нетвердым голосом:

Эх, сама садочек я садила,
Сама, как вишенка, цвела,
Сама я милого любила,
Сама отскок ему дала.

И закончил так:

— Отошьет она тебя — вот что. Забудет — и вся недолга.

— Вы мне обещали обругать меня некоторыми фольклорными словами, — напомнил я старику.

— Это пожалуйста, это мы за милую душу, — ответил Чепьювин. — Этого добра я много помню. Бывало, дед мой как начнет загибать, а я запоминаю.

И Смотритель действительно стал произносить бранные слова, а я их повторял, — и мой карманный микромагнитофон все это записывал. СОСУД пополнялся. Но в это время в комнату вошел Андрей, а за ним Нина, и наша беседа со старым Чепьювином прервалась. Андрей поставил ружье в угол, отдал убитого зайца Смотрителю, и тот понес его на кухню.

— Неприятно было его убивать, — сказал Андрей. — Они совсем ручные... А что это с тобой? — спросил он, пристально поглядев на меня.

— Со мной ничего, — ответил я и неожиданно для себя самого запел:

Эх, сама садочек я садила,
Сама, как вишенка, цвела....

— Что с тобой творится? — засмеялась Нина. — Никогда я тебя таким не знала.

— Э, да он выпил! Он стал Чепьювином! — догадался Андрей. — Вот тебе и будущий Профессор.

— Только для пользы науки! — заплетающимся языком сказал я. — Только ради пополнения СОСУДа!

В этот миг появился Старый Чепьювин, неся полный стакан своего «лекарства». Он преподнес его Андрею.

— Выпей половину, а потом девчонке передай, — сказал он. — Не выпьете за мой будущий день рождения — обижусь. Вот только обеда хорошего нет, старуха моя в Австралию улетела кенгуровые заповедники осматривать. А ДИВЭР наш испортился — я его хотел научить самогона гнать, а он возьми да и сломайся. Несознательный агрегат! — С этими словами Смотритель поставил на стол несколько банок консервов и начал их открывать старинным охотничьим ножом.

Андрей отпил половину стакана и протянул его Нине.

— Нина, Нина, что ты делаешь! Опомнись, Нина! — воскликнул я, ибо хоть я и был в состоянии опьянения, но все-таки сознание еще не покинуло меня.

— Э, что там! — засмеялась Нина и, к моему ужасу, выпила стакан до дна.

— Правильно! — вскричал Старый Чепьювин. — Молодцы, ребята! Знаете, какая примета в старину была? Если парень с девушкой из одного стакана выпили — быть свадьбе.

Мне почему-то стало очень грустно, и я заплакал. Но старик принес мне еще стакан напитка, и, выпив его, я вновь развеселился. Тем временем Старый Чепьювин вытащил откуда-то старинный, дедовский магнитофон, включил его — и стал плясать под какую-то странную древнюю музыку. Андрей и Нина присоединились к нему. Я же сидел и улыбался. Все вокруг казалось мне очень милым и приятным, но с места встать я не мог. Потом голова у меня закружилась, и больше я ничего не помню.

8. МОСТ БЕЗ ПЕРИЛ

Утром я проснулся оттого, что белка прямо из открытого окна прыгнула на старинный диван, на кото-

ром я спал. Голова у меня болела, но Старый Чепьювин дал мне выпить какого-то снадобья, и я вновь почувствовал себя здоровым.

Все давно уже встали. Смотритель накормил нас завтраком, дал еды на дорогу, и мы втроем отправились к лесному озеру. Дорогу туда нам объяснил Старый Чепьювин, сказав, что там очень красиво.

Мы не спеша — Андрей и я с рюкзаками, а Нина палатке — зашагали по лесной дороге, потом свернули на тропку и шли по ней километра три — сперва лесом, потом через моховое болото. Затем начались невысокие холмы, поросшие вереском и можжевельником. Солнце поднималось все выше, было уже тепло, даже жарко. Вскоре с одного из холмов нам открылось озеро и небольшая река, впадающая в него.

— Пойдемте на тот берег, — сказала Нина. — Смотрите, как там хорошо!

Тот берег действительно был очень красив. На пологом берегу виднелись серые валуны, немного подальше начинался лес. На берегу стояла маленькая бревенчатая избушка. Однако все это было довольно далеко.

— Стоит ли идти туда? — сказал я. — Разве плох этот берег?

— А тот лучше! — возразил Андрей. И Нина присоединилась к нему.

Я примкнул к большинству, и мы пошли под изволок к реке. Мост через нее никак не походил на то, что мы обычно подразумеваем под этим словом. Просто в двух местах были вбиты сваи, и с берега на берег были перекиннуты три связи из бревен, по два бревна в каждой. Никаких перил не было.

Андрей первый вступил на этот мост, за ним Нина, я же замыкал шествие. Мы шли осторожно. Вода внизу была темна от глубины, она бурлила у свай, здесь чувствовалась сила течения. Слева от моста река сразу расширялась — там был омут. Маленькие водороты тихо двигались по его поверхности.

— Как хорошо! — сказала Нина, остановясь и заглядывая вниз, в глубину. И вдруг, потеряв равнове-

сие, испуганно вскрикнув, она упала вниз, в эту темную от глубины воду.

И в то же мгновение Андрей кинулся за ней с моста. Он забыл снять рюкзак, и я понял, что он может утонуть, — ведь плавать-то он так и не научился. Тогда, скинув с плеч свой рюкзак, я положил его на бревно, затем быстро снял ботинки и швырнул их на берег. После этого я нырнул в воду. Когда я вынырнул, то увидел, что Нину уже далеко отнесло течением и она плывет к берегу. Я за нее не боялся, так как знал, что она хороший пловец. Андрея же нигде не было видно. Я стал нырять и наконец нашел его под водой. Сорвав с него рюкзак, я вытащил своего друга на поверхность и поплыл с ним к берегу. Вскоре ноги мои коснулись дна. Я вынес Андрея на берег — на тот самый, куда мы направлялись, — и тут ко мне подбежала Нина.

— Что с ним? Что с ним? — крикнула она. — Это я во всем виновата!

— Ни в чем ты не виновата, — успокоил я ее. — Просто ему не следовало кидаться за тобой. Не зная броду, не суйся в воду — так говорит старинная поговорка. Ведь он плавать не умеет! А ты, чем попусту плакать, лучше окажи ему помощь.

Мы сняли с Андрея куртку и рубашку. Он не шевелился и не дышал, тело его было совсем бледное, и только у плеча синел небольшой шрам — след разорванной золотой трубы, когда он производил опыты в Вольной лаборатории.

Мы стали делать ему искусственное дыхание, но он оставался недвижим. Поняв, что дело серьезно, я решил вызвать Врача. Я никогда не снимал с запястья Личного Прибора, и теперь он пригодился. Я нажал кнопку автокоординатора и кнопку с красным крестом и восклицательным знаком — срочный вызов Врача.

— Нина, я буду делать ему искусственное дыхание, а ты беги вон на ту полянку и маши руками. Или, еще лучше,ними свою блузку и размахивай ею. Тогда Врач из экстролета скорее обнаружит нас.

Я взглянул на Личный Прибор. Рядом с кнопкой

вызова уже засветилась зеленая точка — знак, что вызов принят. Но я продолжал делать Андрею искусственное дыхание, хоть от этого и было мало толку.

Вдруг из лесу слышался хруст валежника, шум раздвигаемых веток, и на берег выбежал Человек. Вид у него был такой, будто он спрыгнул с ленты старинного фильма. Рукава его рубашки были засучены по локоть, в правой руке он держал опущенный дулом вниз старинный дуэльный пистолет. На запястье одной руки его блестел Личный Прибор, — что было вполне современно, — но на запястье другой виднелось нечто напоминавшее ручные часы. «Болен потрепанный чувства времени, бедняга», — успел подумать я.

Человек бросил пистолет на песок и, подбежав к лежащему без движения Андрею, положил руку с приборчиком, который я принял за часы, ему на лоб. Тогда я догадался, что выкакие это не часы, а просто ЭСКУЛАППП*. Значит, Человек этот был Врач.

Едва Врач приложил ЭСКУЛАППП к лбу Андрея, как на приборе засветилась тонкая зеленая черточка. Затем ЭСКУЛАППП негромко, но внятно заговорил:

— Семьдесят восемь болевых единиц по восходящей. Летальный исход предотвратим. Внутренних повреждений нет. Состояние по Мюллеру и Борщенко — альфа семь дробь восемь. Делать искусственное дыхание типа А три. Делать искусственное дыхание. Летальный исход предотвратим.

— Ну, это уж я сам знаю, — сказал Врач, обращаясь не то к прибору, не то к нам, не то к самому себе, и стал делать Андрею искусственное дыхание по всем медицинским правилам.

Вскоре Андрей начал подавать признаки жизни. Врач снова приложил ЭСКУЛАППП к его лбу. Зеленая черточка на приборе теперь не дрожала, она стала шире. Прибор снова заговорил:

* ЭСКУЛАППП (Электронный Скоростной Консилиум, Указывающий Лечащему Абсолютно Правильные Приемы Помощи) — старинный медицинский агрегат. Ныне заменен более совершенным, действующим дистанционно.

— Летальный исход предотвращен. Одиннадцать болевых единиц по нисходящей. Данные по Степанову и Брозиусу — бета один плюс зет семь. Больному нужен полный отдых четверо суток. Питание обычное. Летальный исход предотвращен.

Андрей тем временем совсем ожил. Он только был очень бледен после пережитого.

— Пусть он полежит еще немного, — сказал Врач. — А потом отведите его в ту избушку, и пусть он отоспится. А затем его надо как следует накормить. Моя помощь больше не нужна. Сейчас мне предстоит куда более неприятное дело — пойду убивать зайца. Понимаете, я только прицелился — и вдруг ваш вызов...

— А вас-то за что наказали охотой? — спросил я.

— Меня? А разве вы не слыхали об этом ужасном случае в районе Невского? Там умер Человек девятиста шести лет от роду. Не дожил до МИДЖа целых четырнадцать лет! А я Врач-Профилактор, я отвечаю за длительность жизни Людей в этом районе. Я сам на собрании Врачей потребовал себе наказания.

— А почему вы избрали такое неудобное орудие убийства? — спросил я. — Ведь из ружья легче попасть.

— У меня есть друг — Смотритель Музея Старинных Предметов, он дал мне этот пистолет и научил из него стрелять. Пистолет легче носить.

Врач поднял свое оружие и направился в лес, а мы с Ниной остались возле Андрея. Вскоре он почувствовал себя настолько хорошо, что мог передвигаться. Я навьючил на себя рюкзак, затем мы с Ниной взяли моего друга под руки и речным берегом повели его к озеру, где среди валунов виднелась старинная деревянная избушка в одно окно.

— Пойдите! — спохватился я и, быстро вернувшись к месту происшествия, разделся и нырнул в омут, где довольно быстро отыскал рюкзак Андрея.

Вскоре мы добрались до избушки. Она была очень старая. Внутри там были печь, стол, стул, а на полу

толстым слоем лежало сено — оно здесь хранилось для зимней подкормки лосей. На чердак вела лестница. Там тоже лежало сено.

— Чур, я на чердаке почую! — крикнула Нина. — Здесь так уютно.

— О ночлеге думать еще рано, — резонно возразил я. — Прежде всего нам надо обсухнуть и поесть. Ты, Нина, иди по ту сторону избышки и раздевайся там, а мы расположимся по эту сторону.

Вскоре мы с Андреем уже лежали голышом на песке, а наша одежда была расстелена рядом. Я лежал на спине и смотрел на небо. Оно было светло-голубое, даже белесоватое, как всегда в жаркие безоблачные летние дни. Я думал о том, что это легкое, невесомое небо, как бы состоящее из ничего, всегда остается самым собой, а вот на прочной вещественной земле все меняется.

— Пока ты бегал вытаскивать мой рюкзак, Нина мне рассказала, как все произошло, — прервал мои размышления Андрей. — Мне обязательно надо научиться плавать...

Я знал, что Андрей благодарен мне, но в наше время выражать благодарность было уже не принято. Ведь если А благодарит Б за то, что тот поступил как должно, то этим самым А как бы предполагает, что Б мог поступить и иначе.

Из-за избышки слышался смех Нины. Потом она закричала:

— Он бежит к вам, он мой платочек утащил!

— Кто бежит? — крикнул я. — Никого тут нет.

— Ежик! Подошел и платочек унес! Такой хитрый.

Действительно, из-за угла избышки показался еж. На его иглы был наколот платочек. Я взял этот платочек, еж сердито зафырчал, потоптался на месте и пошел в лес.

Вскоре у всех у нас одежда просохла, и мы втроем принялись за еду. Рюкзак Андрея промок, но в нем, к счастью, лежали консервы, и им ничего не сделалось. Хлеб же и дорожная посуда находились в моем рюкзаке. Лесные птицы летали и прыгали возле нас, собирая крошки, которые мы им бросали.

Утром я проснулся довольно поздно, очень хорошо было спать на сене. Когда я открыл глаза, то увидел, что Андрей сидит у окна за столом и что-то пишет. Он почувствовал мой взгляд и обернулся ко мне.

— Ничего, что я взял из твоего рюкзака тетрадь и разнял ее на листы? — спросил он. — В моем рюкзаке была бумага, да она вся промокла.

— Работай, работай, — ответил я. — Только там у меня записаны кое-какие мысли по поводу «Апологии», ты не вздумай делать поверх них свои записи.

— Нет, что ты! — сказал Андрей. — Я пишу на другой стороне.

Я встал и подошел к нему. Весь стол был покрыт написанными листками*.

— Только цифры, формулы, знаки и значки и ни одного человеческого слова, — сказал я. — И давно ты встал?

— С рассветом, — ответил Андрей. — Я спал очень крепко, но потом меня словно что-то толкнуло. Я проснулся и сел сюда.

— Ты уже хорошо себя чувствуешь?

— Физически — не очень. Есть еще какая-то слабость, усталость. Но голова работает хорошо. Знаешь, я, кажется, прихожу к важному решению.

— Ты уже много раз приходил к разным важным решениям, а потом оказывалось, что это ошибки.

— Нет, теперь — нет. Кажется, я на этот раз поймал черта за хвост. Совсем неожиданный вывод. Я даже сам не понимаю себя, как я мог до этого додуматься.

— По-моему, тебе необходимо как следует выспаться, отлежаться. А потом на свежую голову ты опять можешь заняться этим делом, — осторожно посоветовал я.

— Ты, кажется, думаешь, что я свихнулся? — засмеялся Андрей. — Если я и свихнулся, то со знаком

* Эти листы ныне хранятся в Музее имени Светочева. На их обратной стороне действительно есть записи Матвея Ковригина.

плюс. Ты знаешь, если взять сто электронных машин и перед заданием расштатать их схемы, то девяносто девять машин впадут в технический идиотизм, а сотая может впасть в состояние гениальности и дать какое-то парадоксальное, но верное решение...

— Не буду спорить с тобой, — мягко ответил я. — А Нина все еще спит?

— Нет. Она на озере. Вот она стоит.

Я выглянул из окна вправо. Нина стояла на невысоком песчаном обрыве и смотрела куда-то через озеро, вдаль. Ветер чуть шевелил ее платье. Солнце освещало ее сбоку, и она была очень хорошо видна.

— Девушка у обрыва, — сказал вдруг Андрей. — Как в одном стихотворении.

— Что за стихотворение? — поинтересовался я.

Просто там девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Перед ней озеро, кувшинки в воде; за ней — лес и утреннее солнце. А она стоит и смотрит вдаль. И кто-то смотрит на нее и думает: «Вот девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль. Теперь я ее буду помнить всегда. Она уйдет в лес, а мне все будет казаться, что она стоит у обрыва. И когда я состарюсь, я приду к этому берегу и увижу: девушка стоит у обрыва и смотрит вдаль...»

— Не понимаю, чего хорошего нашел ты в этом стихотворении? Не люблю этих сантиментов... В Двадцатом веке и то лучше писали.

Андрей что-то пробормотал в ответ и уткнулся в свои записи, а я пошел на озеро. У самого берега росли в воде водяные лилии и кувавы. Я прошел по шатким деревянным мосткам к открытой воде и долго умывался. Затем я пошел к Нине. Она все еще стояла на невысоком песчаном обрыве и бесцельно смотрела куда-то через озеро.

— Нина, ты хорошо спала? — спросил я.

— Очень хорошо. Вначале мне мешали летучие мыши. Они все влетали в окопечко и вылетали. Но они совсем бесшумные. Сейчас они там спят вниз головой — такие забавные. А ведь когда-то люди боялись их.

— Нина, а ты не забыла об «Антологии»? — напомнил я. — Нам надо возвращаться в город.

— Нет, я останусь здесь на четыре дня, — спокойно ответила она. — Андрею нужно четыре дня покоя. Я буду готовить ему еду.

— Ну, не так уж он слаб, чтобы ему нужно было готовить еду, — возразил я. — Больной Человек не встанет с рассветом и не сядет за стол, чтобы вывести какие-то бесконечные формулы. Если Человек болен, он лежит и не рыпается.

— Что? — переспросила Нина. — Лежит и что?..

— Не рыпается, — повторил я. — Это такое идиоматическое выражение Двадцатого века.

— Но я все-таки останусь, — сказала Нина.

— Что ж, поступай так, как считаешь нужным, — ответил я. — Как-никак мы живем в Двадцать Втором веке и знаем, что разубеждать решившегося — недостойное дело. Если зрячий идет к пропасти — останавливающий его подобен слепцу.

— Ах, не читай мне школьных прописей, — досадливо ответила Нина. — И к пропасти я пока что не иду. — Она спрыгнула с невысокого обрыва на береговой песок и, сбросив туфли, вошла в воду и стала рвать кувшинки.

— На тебе! — крикнула она, бросая мне цветок. — И не делай строгого лица.

Я вернулся в избушку. Андрей все корпел над своими формулами.

— Вот смотри, — сказал он, когда я подошел к нему. — Вот она.

Он показал мне одну из страниц, всю исписанную и исчерканную. Внизу, обведенная жирной чертой, видна была какая-то формула, очень длинная.

— Ну и что? — спросил я.

— Я нашел то, что искал. Теперь надо только проверять, проверять и проверять себя.

— Ладно, проверяй себя, а мне нужно возвращаться в город. Нина останется тут.

— Нина приносит мне счастье, — задумчиво сказал Андрей. — Никогда не верил в такие вещи, но она приносит мне счастье.

Вскоре я отправился в город. Дойдя пешком до границы заповедника, я вызвал легколет и вскоре был в Ленинграде.

10. САПИЕНС СКАЗАЛ: ДА

Вернувшись в Ленинград, я так погрузился в работу над «Антологией Забытых Поэтов XX века», что на время позабыл все и вся. Правда, мне не хватало Пины — ее помощь была бы весьма ощутимой, но тем не менее работа моя двигалась. Целые дни я проводил в трудах и лишь изредка покидал свой рабочий стол, чтобы подышать свежим воздухом.

Однажды я поехал на Острова. Я шел по аллее и вышел на площадку, где стоят памятники Победителям рака Иванову и Смиту, Экипажу «Марс-1» и Антону Стенанову — одному из крупнейших Поэтов XXI века. Здесь же возвышается памятник Нилсу Индестрому, автору Закона Недоступности. Вы все знаете этот памятник: на черном цоколе стоит гигант из черного металла; простертая его рука как бы застыла в повелительном жесте, пригвождающем все земное к Земле, вернее — к Солнечной Системе. В те годы на цоколе памятника виднелась бронзовая доска со словами Индестрома: «Путь к Дальним Мирам закрыт навсегда. Тело слабее крыльев». Под этими словами была начертана формула Недоступности — итог жизни Нилса Индестрома. Формулу эту мы все знали со школьной скамьи. Она доказывала, что, если даже человек создаст энергию, достаточную для пропикновения за пределы Солнечной Системы, ему никогда не создать такого материала, который не деформировался бы во время полета. Мне никогда не нравился этот памятник. Мне вообще казалось странным, что люди поставили его Ученому, который доказал нечто отрицательное.

Я присел на скамью и поделился своими мыслями с человеком, сидящим рядом. Судя по значку на отвороте куртки, это был Студент технического направления. Он не согласился со мной и сказал, что своим

отрицательным законом Нилс Индестром спас много жизней. Далее он добавил, что памятник этот должен стоять вечно, если даже Закон Недоступности будет опровергнут.

— Закон потому и закон, что он неопровержим, — возразил я.

— Сейчас он неопровержим, но под него уже подкапываются, — сказал Студент. Вся специальная техническая пресса пестрит статьями о том, что мы накануне технической революции. Человечеству нужен единый сверхирочный универсальный материал. Человечеству тесна его металло-каменно-деревянно-пластмассово-керамическая рубашка. Она трещит по швам.

— Не знаю, меня эта рубашка вполне удовлетворяет, — возразил я. — Да и где в наш век найдется такой Человек, который сможет создать материал, о котором вы говорите?

— В этой области работает много Ученых, — ответил Студент. — В частности, Андрей Светочев. Правда, он идет очень трудным путем...

— Разве у него есть какие-либо реальные достижения? — перебил я своего собеседника.

— В обычном понимании — нет. Но если...

— Если бы да кабы, да во рту росли грибы, — ответил я старинной поговоркой, после чего мой собеседник замолчал, ибо ему, как в старину говорилось, «крыть было нечем».

Я ведь тогда еще не знал, что формула Светочева в скором времени обратится в техническую реальность.

На следующий день, когда я работал над своей «Антологией», ко мне явилась Пина. Я сразу же заметил, что у нее какой-то праздничный вид и что она очень похорошела за эти дни.

— Тебе пошел на пользу воздух заповедника, — сказал я, и она почему-то смутилась.

— Я пробыла там вместо четырех дней целую декаду, потому что Андрей был так занят... — каким-то извиняющимся тоном произнесла она. — Я готовила

ему еду. Если его не накормить, он сам не догадается поесть. Но он очень продвинулся в своей работе. Он проверил свою формулу, и она...

— А еды вам хватило? — спросил я. — Ведь в заповедник нельзя вызывать транспорт.

— Я два раза ходила к Смотрителю. Это такой славный Человек. А жена его вернулась из Австралии, и...

— Нина, меня интересует не Австралия, а «Антология», — мягко сказал я. — И хоть твоя помощь сводится только к чисто технической работе, но все же твое участие весьма желательно. Но договаривай об Андрее. Итак, он проверил свою формулу, и она, как и все у него, оказалась ошибочной? Ведь так?

— Пока что ничего не известно. Он сдал материалы в Академию, а там их отдали на проверку САПИЕНСу*. Но расчеты, представленные Андреем, настолько сложны и парадоксальны, что САПИЕНС бьется над ними уже сутки и не может ни опровергнуть их, ни подтвердить их правильность. А ведь обычно САПИЕНС уже через несколько минут решает, прав или не прав Исследователь.

— Я хоть не электронный САПИЕНС, а простой гомо сапиенс, но и я могу предвидеть результат, — пошутил я. — Опять будет неудача.

Нина промолчала, сделав вид, что погружена в чтение материала для «Антологии».

— Мне не очень нравится твой подбор авторов, — сказала вдруг она. — Ты обедняешь Двадцатый век. Он был сложнее, чем ты думаешь. Так мне кажется.

— Меня удивляет твое замечание! — сказал я. — Не забудь, что «Антологию» составляю я, а ты только моя Техническая Помощница.

Этот выпад Нины против моей работы так расстроил меня, что в тот вечер я долго не мог уснуть. Уснул я только в два часа ночи, а в три часа был разбужен мыслесигналом Андрея.

* САПИЕНС (Специализированный Агрегат, Проверяющий Исследователю Его Научные Сведения) — старинный агрегат XXI века.

— Что случилось? — спросил я. — Нужна помощь? Сейчас выхожу.

— Помощи не нужно, — гласила мыслеграмма Андрея. — Поздравь меня. Три минуты тому назад САПИЕНС подтвердил правильность моей формулы.

— Поздравляю, рад за тебя, — ответил я. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я был очень рад, что Андрею наконец-то повезло. Правда, меня несколько удивило, что он не сообщил мне это известие каким-то другим способом. Ведь в наше время к мыслеграммам прибегали только в случае крайней необходимости. Только много позже я понял, какие огромные перемены в наш мир внесло открытие Андрея.

11. АНТРОПОС ПРЕДСКАЗЫВАЕТ...

На следующее утро, когда я работал над своей «Антологией», ко мне опять пришла Нина. Прямо с порога она мне сообщила новости:

— Ты не представляешь, что у Андрея в Академии творится! Туда сиенно прилетел Глава Всемирной Академии Наук, прибыла целая делегация от Института Космонавтики! Андрею выделяют специальный институт, лабораторию, дают право набирать любое количество Сотрудников!

— Ты уже успела побывать у него? — спросил я.

— Да, — ответила она. — А что?

— Так, ничего. Я спросил просто так.

— Можно подумать, что ты не рад успеху своего друга! — сказала Нина.

— Я очень рад его успеху, — ответил я. — Но меня несколько беспокоит эта обстановка сенсации, которая создается вокруг Андрея. Можно подумать, что мы вернулись в Двадцатый век.

— В нашем Двадцать Втором тоже возможны великие открытия, — возразила Нина.

Я не стал с ней спорить, зная, что это бесполезно. Вместо этого я напомнил ей, что начинаются каникулы, и предложил отправиться вместе на Гавайские острова.

— Нет, это лето я хочу провести в Ленинграде, — ответила Нина.

— Что ж, вольному воля, спасенному рай, — отпарировал я старинной поговоркой. — Сейчас я пойду в Бюро Отпускных Маршрутов.

— Я тебя провожу, — сказала Нина. Она, видимо, хотела хоть чем-то загладить резкость своего отказа.

Мы вышли на улицу. Когда мы проходили мимо станции метро, я обратил Нинино внимание на солидно-скромную медную дощечку с надписью АНТРОПОС*.

— Давай узнаем свое будущее, — предложил я. — Ты никогда не была в гостях у АНТРОПОСа?

— Нет, не была, — ответила Нина. — Пойдем, если хочешь.

Мы спустились в метро, но не стали садиться в поезд, а пошли вниз, в сторону от платформы, по наклонному коридору. АНТРОПОС помещался значительно ниже уровня тоннелей метро. Это был агрегат настолько точный и чувствительный, что мог работать только глубоко в земле, где отсутствуют колебания почвы и всегда царит единая ровная температура.

Мы долго шли по наклонному коридору. Затем перед нами, беззвучно уйдя в стену, раскрылась дверь и столь же беззвучно закрылась за нами. «Снимите жесткую обувь, наденьте бесшумные туфли» — вспыхнула надпись на стене, и к нам подошел автомат и подал нам какие-то очень мягкие тапочки из синтетического пуха. Когда мы сменили обувь, перед нами бесшумно ушли в стену другие двери, и мы вошли в приемный зал. К нам подошел Ассистент и провел к столу. Мы сели в кресла, и Ассистент дал нам прочесть табличку с правилами. Правила были такие:

1. Главное назначение АНТРОПОСа — предупреждать Людей о неудачах, несчастьях и ката-

* АНТРОПОС (Агрегат Наивысшего Типа, Ретроспективно Отражающий Предстоящие Отдаленные События) — весьма совершенный для своего времени агрегат. Ныне заменен АНТРОПОСом-2.

строфах — с той целью, чтобы Люди могли избежать их.

2. Сам Испытуемый не должен видеть изображения своего будущего на экране АНТРОПОСа.

3. Право на это имеет только Посредник — то есть Человек, выбранный Испытуемым, которому Испытуемый доверяет вполне.

4. Посредник, увидев на экране будущее Испытуемого, должен затем пересказать Испытуемому то, что он узнал о его будущем. Но только то, что считает нужным сообщить, не причинив Испытуемому горя.

5. О длительности жизни и обстоятельствах смерти Испытуемого Посредник сообщать Испытуемому не имеет права, дабы не ввергнуть Испытуемого в состояние безнадежности. Тактичными намеками и дружескими действиями Посредник должен способствовать устранению причин несчастья, если оно угрожает Испытуемому.

6. Испытуемый не может быть Посредником тому Человеку, который был Посредником ему.

7. Лица, находящиеся в ближайшей степени родства, не могут быть Посредниками друг друга.

8. АНТРОПОС — агрегат не вполне совершенный. В двадцати трех случаях из ста он дает неверные прогнозы.

9. АНТРОПОС работает на международном языковом коде, основой которому служит латынь и древнегреческий язык. Поэтому порой он дает только приблизительные зрительные толкования. Посредник должен мысленно подбирать синонимы на своем родном языке.

10. АНТРОПОС не дает последовательной картины жизни Испытуемого, а только узловые моменты.

— Значит, согласно этим правилам, только один из нас сегодня может узнать свою судьбу, — сказал я.

— Не судьбу, а картины будущего, — поправил меня Ассистент. — Судьбу свою Человек делает сам. АНТРОПОС как бы дает ряд кинокадров из этого будущего.

— Что ж, Нина, раз я тебя «втравил в это дело», как в старину говорилось, то я согласен быть твоим Посредником.

— А что мне нужно делать? — спросила Нина Ассистента.

— Идемте, — сказал ей Ассистент.

Он открыл дверь и ввел Нину в комнату, всю уставленную какими-то приборами. На одной стене был виден большой матово-белый экран. Затем дверь за Ниной закрылась, а Ассистент вернулся и сел рядом со мной.

— Долго она там пробудет? — поинтересовался я.

— Приблизительно полчаса. АНТРОПОС исследует ее здоровье, наследственность, узнает ее почерк, услышит ее голос, расспросит о прошлом — одним словом, узнает о ней тысячи вещей. Узнает даже то, чего она сама о себе не знает. На основании всего этого путем очень сложных расчетов и сопоставлений АНТРОПОС даст прогноз будущего вашей знакомой. Но только приблизительный — имейте это в виду.

— Скажите, а если поручить эту работу не одному, а, скажем, четырем таким АНТРОПОСам, — ведь тогда точность прогнозов была бы выше? — задал я вопрос Ассистенту.

— Вы, очевидно, Человек не технического направления, — улыбнулся Ассистент, — иначе бы вы не задали такого вопроса. Знайте: АНТРОПОС — это агрегат агрегатов. Он состоит из тысячи двухсот самостоятельно работающих электронных агрегатов. Все эти агрегаты неодинаковы: все они принимают одинаковые данные, но решают их по-своему. Каждый из тысячи двухсот агрегатов создает свою картину будущего. Затем они автоматически подключаются к спормашине, то есть к машине спора. Они начинают безмолвно спорить между собой, и каждый агрегат путем логических доказательств отстаивает свой вариант будущего и в то же время, в процессе спора, вносит в этот вариант некоторые поправки. Постепенно некоторые агрегаты, подавленные логикой других, начинают выходить из игры. Когда останется только десять спорящих, в дело вступает агрегат-судья. Пока агрегаты спорили между

собой, этот судья как бы слушал их, не вмешиваясь в спор, но все мотая на ус. Он вырабатывал свое мнение. От каждого побежденного в споре агрегата он брал частицу его правоты. На основании того, что он знает, судья вступает в переговоры с оставшимися десятью агрегатами и присуждает победу тому, чье мнение считает наиболее совпадающим со своим. Теперь, как понимаете, остаются два агрегата: победитель в споре и судья. Их прогнозы поступают в примирительное устройство, где вырабатывается основной прогноз. Этот прогноз идет в преобразователь, где преобразуется в зрительные образы и записывается на видеоленту. Звуковой, речевой записи АНТРОПОС не даст. Видеолента поступает в корректировочный агрегат, где из нее вычеркиваются зрительные моменты,носящие интимный характер. После этого Посредник может идти к экрану. Видите, все это довольно просто.

— Ничего себе просто! — воскликнул я. — Сплошная абракадабра.

— Что? — удивился Ассистент. — Сплошная что?..

— Абракадабра, — повторил я. — Этим словом в старину определяли непонятные речи и явления... Знаете, все-таки мне неясно, на основе чего агрегаты составляют свои прогнозы.

— На основе знаний, — ответил Ассистент. — Они напичканы миллионами сведений. Они знают самые неожиданные вещи: сколько миллиметров осадков выпадает в июне в городе Армавире; на сколько миллиметров снашивается подошва человека, весящего столько-то, за километр пути; как повлияет ближайшее противостояние Марса на точные навигационные приборы; сколько метеоритов упадет в такой-то день в Тихий океан; как повлияет ближайшая Олимпиада на моду...

— Спасибо, — сказал я. — С меня довольно. Сыт по горло этой премудростью.

Вскоре Нина вышла из комнаты, где властвовал АНТРОПОС.

— Теперь вы увидите на экране АНТРОПОСа некоторые события будущего этой девушки, — обратился ко мне Ассистент. — Идемте.

Он ввел меня в комнату, где до этого находилась

Нина. Затем он вышел, и двери бесшумно закрылись за ним. Я сидел в кресле в абсолютной тишине. Затем на стене вспыхнула надпись: «Соблюдайте молчание! Если смешно — не смейтесь. Если грустно — не плачьте. Клавиатура справа от вас». Надпись на стене погасла.

В темноте обозначился голубоватый прямоугольник экрана. Затем зеленоватым фосфорическим светом замерцала клавиатура, она была по правую руку от меня. Клавиш было много. На первой было написано: «В этом году»; на следующей: «В будущем году», а затем: «Через два года» — и так до ста десяти лет.

Я нажал первую клавишу — и на экране возникла Нина. Она стояла рядом со мной на улице, и мы о чем-то говорили. Потом она потупилась и что-то сказала с решительным и смущенным видом. Затем взяла руками меня за голову, поцеловала в лоб, и я пошел в одну сторону, а она — в другую. Вслед за этим экран подернулся туманом, а потом я снова увидел Нину, но уже с Андреем. Они шли по взморью, и у обоих были счастливые лица. Я нажал синюю кнопку с надписью «Фиксация», и Нина с Андреем застыли, как на моментальном снимке.

— Да, все ясно, — сказал я сам себе. — Но что будет лет через сорок? Будет ли она с ним счастлива?

Я нажал клавишу «Через сорок лет». Нина и Андрей исчезли с экрана. По экрану, наплывая одна на другую, пошли темные полосы.

«Очевидно, какие-нибудь неполадки в АНТРОПОСе», — решил я и стал нажимать на клавиши в обратном порядке — «Через тридцать девять лет», «Через тридцать восемь», «Через тридцать семь»... Но по экрану по-прежнему двигались эти темные линии. В них было что-то подавляющее душу, и я снова стал нажимать на клавиши — опять в обратном порядке, но уже не подряд, а через две — в третью, через четыре — в пятую. Когда я нажал клавишу «Через три года» и увидел все те же темные полосы, я пришел к выводу, что АНТРОПОС просто испорчен.

«Вот она, наша хваленая техника, — подумал я. — Недалеко Человечество ушло от прадедовских телевизо-

ров, которые вечно портились и служили постоянной темой для юмористов Двадцатого века. Сейчас пойду к Ассистенту и скажу ему, что АНТРОПОС надо переименовать в Питекантропус — и тогда все станет на свои места».

Я и в самом деле собрался уже уходить, но в последнее мгновение, для очистки совести, нажал на клавишу «Через год» — и на экране возникла Нина. Она стояла в каком-то большом зале рядом с Андреем. Зал был полон непонятных машин и приборов. Но на экран снова наплыл туман, а затем опять я увидел Нину. На этот раз она была одна. Освещенная солнцем, весело улыбаясь, шла она к небольшой пристаньке, возле которой на гладкой, не колеблемой ни малейшим востерком воде стояли ярко окрашенные электромоторные лодки. Вот она прошла мимо «Аквилона» и прыгнула в «Эос» — небольшую красную электромоторку — и повела ее в залив. Экран замгнул, потускнел, а затем я снова увидел Нину в той же лодке. Но теперь суденышко плясало на волпах, и седые валы гнали его к скалистому берегу. Внезапно изображение на экране задрожало, померкло, потом снова вспыхнуло. Теперь я увидел Нину уже на суше, на скалистом острове. Она стояла у невысокого обрыва и выглядывалась в даль. Затем что-то темное нагнулось над ней — и ее не стало видно. По экрану заметались какие-то красные и желтые нити. А затем снова поплыли, надвигаясь одна на другую, темные полосы.

Тогда я нажал кнопку «Реле забвения». Экран погас, а в комнате зажегся свет. Но я не ушел из комнаты, а надавил на клавишу «Вызов Ассистента», и тот тотчас явился. Я рассказал ему все, что увидел.

— Это очень серьезно, — сказал Ассистент. — АНТРОПОС дал прогноз несчастного случая.

— Есть ли возможность избежать этого события? — спросил я.

— АНТРОПОС для того и создан, чтобы заглядывать в дальние события и давать Человеку сигнал опасности. В позапрошлом году был снят с рейсов один Астронавт, которому АНТРОПОС предсказал катастрофу. Астронавт этот жив и поныне. Но здесь случай слож-

нее. Можно снять с рейсов Астронавта, но нельзя Человеку запретить ездить в лодке, если Человек любит море. И уж никак невозможно запретить ходить ему по земле, — а ведь несчастье здесь предсказано на земле.

— Значит, несчастье неизбежно?

— Нет, его можно избежать. Но для этого, по-видимому, надо перестроить всю жизнь Испытуемой. Надо перемонтировать всю схему событий, причин, следствий. И тогда жизнь этой девушки будет долгой и счастливой.

— Но как это сделать? — спросил я.

— Простите меня за мой вопрос, — тихо сказал Ассистент, — вы любите эту девушку?

— Да, — ответил я.

— Тогда все зависит от вас.

— Ну, говори, что интересного ты увидел? — довольно легкомысленным тоном обратилась ко мне Нина, когда мы покинули помещение, где находился АНТРОПОС.

— Нина, тебе угрожает опасность, — сказал я. — Ты должна перестроить схему своей жизни.

— А что для этого нужно сделать? — спросила Нина.

— Тебе надо забыть об Андрее. Есть другой человек, который тебя давно любит и с которым ты можешь прожить долгую и счастливую жизнь.

— Но я люблю Андрея, — ответила Нина. — Тут уж ничего не поделаешь... И прошу тебя ничего не говорить Андрею об этом прогнозе.

— Даю слово, что буду молчать об этом, — сказал я. — Но ведь опасность угрожает именно тебе. И вот что я скажу: никогда не садись в лодку, на корабль или на иное средство водного транспорта, если оно будет называться «Эос».

— Эос, эос... Какое странное и красивое слово, — задумчиво сказала Нина. — Где-то я его слышала или читала. Кажется, в стихах.

— Некоторые поэты любят придумывать такие бес-

смысленные, но звучные слова... Ну, я пойду заказывать себе билет для каникулярного путешествия. Может быть, заказать два билета?

— Нет, я останусь. Иди и бери себе один билет. И не сердись на меня. — Она положила ладони мне на плечи и поцеловала меня в лоб. — Иди. Желаю тебе счастья.

12. СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ

В раздумье шел я по людному проспекту. Мне было грустно. Прав был Старый Ченьювин — он сразу понял, что Нина меня не любит и никогда не полюбит. В чем-то тут была и моя ошибка, но в чем — я не знал. И вот я шагал по светлой улице, среди веселых и счастливых людей, а сам был невесел и не слишком-то счастлив.

То, что показал АНТРОПОС, меня удивило и встревожило. И первая половина его прогноза была очень похожа на правду. Но сбудется ли вторая часть предвиденья? Размышляя об этом, я вспомнил, как мы с Андреем были у ОРФЕУСА и как этот агрегат ошибочно аттестовал мои умственные способности явно заниженным баллом — четверкой. И вообще все эти агрегаты и механизмы еще весьма несовершенны, и тот же самый АНТРОПОС ошибается в одном случае из пяти. Поэтому вторая, более отдаленная во времени, часть его предвидения, касающаяся Нины, очевидно, просто неверна. «Страшен сон, да милостив бог», — вспомнил я старинную пословицу, и на душе у меня полегчало. Однако в дальние края лететь мне уже не хотелось, и я решил провести свои каникулы в работе и только переменить на время свое местопребывание. Зная, что в Новосибирске есть большая библиотека, где имеется много старинных книг, я решил отправиться на лето именно туда. А по пути я заеду в Москву, там мне нужно навести кое-какие библиографические справки в Центральной библиотеке имени Ленина. Придя к этому решению, я вернулся домой, взял портфель и отправился на подземный вокзал, чтобы сесть в пнев-

моснаряд. В то время этот вид скоростного транспорта был в новинку, и я часто пользовался им.

— Есть ли свободные места в пневмоснаряде? — спросил я у Дежурного.

— Есть одно, — ответил тот. — Отправка через четыре минуты. Садитесь в коллективный скафандр.

Он открыл герметическую дверь, и я вошел в длинный круглый баллон из очень толстой самосветящейся резины. Внутри его были сиденья из того же материала, на которых уже сидели пассажиры, я был последним, пятидесятым.

— Скафандр-амортизатор подземно-баллистического вагона-снаряда пассажирами укомплектован полностью! — сказал Сопровождающий в микрофон. — Двери загерметизированы, ждем отправки. Заряжайте!

Наш скафандр начал слегка покачиваться. Это означало, что его вставляют в полый металлический снаряд. Потом покачивание усилилось — это заливали амортизационной жидкостью пространство между наружными стенками скафандра и внутренними стенками металлического снаряда. Наш скафандр как бы плавал внутри снаряда.

— Все готово! — послышался голос из репродуктора.

— Стреляйте нами! — скомандовал в микрофон Сопровождающий.

Я, как обычно, почувствовал легкий толчок, затем у меня слегка захватило дыхание от нарастающей скорости. Чувство было такое, будто я нахожусь в сверхскоростном лифте, который движется не вертикально, а по горизонтали. Затем в тело вошла приятная легкость, и вскоре я уже плавал в воздухе, держась за поручень, как и остальные пассажиры. Баллистический подземный вагон-снаряд летел по идеально гладкой трубе-тоннелю. Вскоре скорость замедлилась, состояние невесомости прекратилось. Затем вагон-снаряд остановился, двери открылись, и я поднялся лифтом на улицу Москвы и направился в библиотеку. Там я просидел до вечера, делая нужные мне выписки. Я сидел в тихом зале и работал, а в памяти моей нет-

нет да и всплывало предсказание АНТРОПОСа. «Нет, этого не случится, это очередная ошибка техники», — отгонял я тревожные мысли и с новым упорством принимался за работу, зная, что труд мой нужен Человечеству.

Когда я вышел из библиотеки, уже стемнело и от самосветящихся мостовых исходил ровный, спокойный свет. Пора думать о ночлеге.

К счастью, в мое время это уже не было трудной проблемой для всех приезжающих в знакомые и незнакомые города. Гостиницы в мое время еще существовали, но пользовались ими главным образом в курортных городах, в остальных же крупных и мелких населенных пунктах они уже были непопулярны. Любый Человек мог войти в любой дом, и всюду ему были рады и встречали как друга. Спрашивать гостя, откуда он, кто он и зачем приехал в этот город, считалось невежливым. Гость, если хотел, рассказывал о себе, а если не хотел — не рассказывал.

Мне понравился один небольшой дом на берегу Москвы-реки, и я вошел в его подъезд и поднялся лифтом на двадцатый этаж — я люблю верхние этажи, в них светлее. На лестничную площадку выходили двери четырех квартир, и я на минуту задумался — в какую именно войти. Я любил эти мгновения, когда не знаешь, какие именно люди тебя встретят, кто они по специальности, но знаешь: кто бы тебя ни встретил — ты будешь желанным гостем. В старину такая ситуация называлась бесприкрышной лотереей. Впрочем, одна из четырех дверей отпадала: на ней висел знак одиночества. Я открыл дверь противоположной квартиры и прошел по коридору в комнату, откуда слышались голоса.

Войдя в эту комнату, я увидел, что группа Людей сидит перед объемным телевизором.

— Здравствуйте! — сказал я. — Хочу быть вашим гостем.

— Мы вам рады! — откликнулось несколько голосов.

От сидящих отделилась молодая женщина и подошла ко мне.

— Я сегодня за Хозяйку, — сказала она. — Идемте, я вам покажу свободную комнату и квартиру вообще. И потом вы, наверно, проголодались?

— А завтра мы вас поводим по Москве, — сказал кто-то из сидящих.

— Нет, по Москве меня водить не надо. Я ее хорошо знаю, я ведь ленинградец, — ответил я и затем поведal о себе.

Присутствующие тоже сообщили мне свои имена и профессии.

В мое время люди уже не торчали часами перед телевизорами, смотря все подряд, как это делали многие люди Двадцатого века, судя по старинным книгам и журналам. Поэтому меня удивило, что вся квартира смотрит какой-то довольно посредственный фильм, — увы, их довольно много и в наше время. Я спросил у присутствующих, чем объясняется их странный интерес к этому фильму.

— Как, разве вы не знаете! — удивились все. — Ведь вам-то в первую очередь надо знать новость — вы же только что из Ленинграда. Мы ждем чрезвычайного сообщения.

— Какого чрезвычайного сообщения? — удивился я в свою очередь. — Разве в наш век могут быть чрезвычайные сообщения?

— Это касается открытия Андрея Светочева, — пояснили мне.

На экране телевизора тем временем ничего особенного не происходило. Шел обычный фильм, который можно смотреть, но можно и не смотреть. Какой-то молодой человек и девушка то ссорились, то мирились, то собирались вместе лететь на Марс, то раздумывали.

— А что случилось у ваших соседей? — спросил я присутствующих. — Почему у них на двери висит знак одиночества?

— У них большое несчастье. В их квартире жил молодой инженер-строитель. Месяц назад он полетел в командировку на Венеру и там погиб. Обрушилось какое-то сооружение. Вы же знаете, что наши земные материалы плохо переносят инопланетные условия...

— Ему не было и шестидесяти лет, — тихо сказал

один из присутствующих. — А АНТРОПОС предлагал ему полный МИДЖ.

— Очень часто ошибаются все эти усложненные агрегаты, — сказал я.

— Агрегаты ошибаются, здания на Венере рушатся, пропадают без вести космические корабли — и все это из-за несовершенства материала, — сказала Хозяйка.

Внезапно фильм прервался, и на экране телевизора возник Старший Диктор, окруженный переводящими машинами. Диктор был взволнован.

— Внимание! Внимание! — сказал он. — Слушайте чрезвычайное сообщение. Работают все земные и внеземные передающие системы.

Всемирный Научный Совет обсудил теоретические выкладки, представленные Андреем Светочевым, а также проверил правильность формулы Светочева. Теория Светочева о возможности создания принципиально нового единого универсального материала признана правильной и технически осуществимой. Андрею Светочеву дают неограниченные технические полномочия.

Предоставляю слово Андрею Светочеву.

На экране появился Андрей. Он был бледен, и вообще вид у него был скорее встревоженный, чем радостный. Глухим, невыразительным голосом начал излагать он сущность своего открытия. Он часто запинаясь, не находил нужных слов, некоторые слова повторял без всякой надобности — вообще культура речи у него хромала. Я вспомнил, что в школе отметки его по устному разделу русского языка были всегда ниже моих. Но сейчас он говорил совсем плохо — на тройку, если даже не на двойку. Только когда он подходил к стоящей поодаль световой доске и начинал чертить какие-то формулы и таблицы, голос его звучал увереннее, выразительнее. Сейчас эту речь Андрея знает наизусть каждый школьник, но знает ее в подчищенном виде, без всех этих пауз, запинок и повторений. На меня же тогда, признаться, она не произвела сильного впе-

чатления. Андрей употреблял слишком много научных и технических терминов, понять которые я не мог. Сущность же его открытия, как вы все знаете, сводилась к тому, что он теоретически доказал возможность создания единого универсального материала из единого исходного сырья — воды.

Но вот Андрей умолк, экран погас, и в комнате на миг воцарилось молчание. Затем все мои новые знакомые, не стовариваясь, встали в знак высокого уважения. Пришлось встать и мне, хоть в глубине души я считал излишним такое преувеличенное выражение чувств.

— Начинается новая техническая эра, — тихо сказал кто-то.

Мы вышли на балкон. С высоты двадцатого этажа видны были уходящие за горизонт огни Москвы. Справа от нас виднелись башни Кремля, озаренные особыми прожекторами солнечного свечения. Казалось, над Кремлем вечное солнце, вечный полдень.

Когда я проснулся на следующий день в отведенной мне комнате, то сразу почувствовал, что уже девять часов одиннадцать минут. Квартира была пуста, все ее жители ушли на работу. Я умылся, съел приготовленный мне завтрак и просмотрел утреннюю газету, которая почти целиком была посвящена Андрею и его открытию. Затем я вышел на балкон.

Внизу, на набережной Москвы-реки, тек людской поток, и все в одном направлении — к Красной площади. Этот поток не влезался на тротуаре, он захлестывал мостовую, и из-за этого не могли двигаться элмобили и элтобусы.

«Странно, — подумал я. — Сегодня не Первое мая, и не Седьмое ноября, и не День космонавтики. Неужели вся эта суматоха из-за Андрея?»

Я включил телевизор. Показывали Ленинград. «Стихийный митинг на Дворцовой площади», — сказал Диктор, и я увидел на площади множество людей. У всех были счастливые лица, будто невеста какое чудо случилось. Группы Студентов несли довольно аля-

поватые, наспех сделанные плакаты. «Давно пора!», «Дасень единый универсальный!», «Химики рады, физики — тоже!!!», «Ура Андрею!» — вот что было написано на этих плакатах. Толпа вела себя совершенно недисциплинированно — она громко пела, гудела, шумела на все лады. Я выключил Ленинград и включил Иркутск, но и там было то же самое. На площади толпился народ, пестрели самодельные плакаты. На одном было написано: «Металлы, камень, дерево, стекло» — и все эти слова были жирно зачеркнуты, а поверх начертано: «Единый универсальный». Затем я включил Лондон, Париж, Берлин — там происходило то же самое, только надписи на плакатах были на других языках.

«Эта всемирная суматоха не должна мешать моей работе, — подумал я. — Каждый должен делать свое дело».

Вскоре я вышел из квартиры и через двадцать минут был на воздушном вокзале.

13. САМОДЕЛЬНЫЙ АТИЛЛА

В те времена до Новосибирска можно было лететь экстролетом, скоростным ракетопланом, рейсовым дирижаблем и дирижаблем-санаторием. Так как спешить мне было незачем, то я выбрал дирижабль-санаторий и вскоре был на его борту. Дежурный Врач провел меня в двухместную каюту и указал мне мою постель. Затем он приложил к моему лбу ЭСКУЛАППП, который показал всего три болевые единицы по восходящей.

— Ну, вы, товарищ, два МИДЖа проживете, — улыбнулся врач. — Но у вас легкое переутомление, поэтому я назначу вам кое-какие процедуры. Есть ли у вас какие-нибудь особые пожелания?

— Если можно, то пусть моим однокаютником будет Человек гуманитарного направления, — попросил я. — Голова уже гудит от всех этих технических разговоров.

Врач ушел, а в каюту вскоре вошел Человек средних лет. При нем был довольно большой чемодан, что

меня несколько удивило: как правило, Люди давно уже путешествовали без ручной клади. Мой спутник сообщил мне, что зовут его Валентин Екатеринович Красотухин и что у него две специальности: он Ихтиолог и Писатель. Признаться, имя это мне ничего не говорило, хоть я знал не только литературу XX века, но и современную. Назвав себя и свою профессию, я заинтересовался, какие произведения созданы моим одноклассником.

— Видите ли, — ответил Валентин Екатеринович, — Ихтиолог я по образованию и по роду работы. А Писатель я по внутреннему призванию. Правда, я смотрю истине в лицо и сознаю, что таланта у меня нет, но я сконструировал кибернетическую машину и с ее помощью надеюсь со временем создать поэзо-прозо-драматическую эпопею, которая прославит меня и...

— Но послушайте, — перебил я своего нового знакомого, — всем известно, ведь уже в конце Двадцатого века было доказано, что никакая, даже самая совершенная машина не может заменить творческий процесс. Это так же ясно, как то, что невозможно создать вечный двигатель.

— Но я сам сконструировал свой творческий агрегат, — возразил Красотухин. — Я верю, что мой АТИЛЛА не подведет меня! Вот полюбуемся на него!

С этими словами Писатель-Ихтиолог раскрыл чемодан и извлек из него довольно большой прибор со множеством кнопок и клавиш и поставил его на стол каюты.

— Вот он, мой АТИЛЛА!

Мне стало немного грустно: и здесь я не избежал техники. Но мне не хотелось огорчать своего спутника.

— Почему именно АТИЛЛА? — проявил я интерес.

— АТИЛЛА — это Автоматически Творящий Импульсный Логический Литературный Агрегат, — пояснил Красотухин. — Правда, он еще не вполне вошел в творческую силу, он еще учится. Ежедневно я читаю ему художественные произведения классиков и современных авторов, учу его грамматике, читаю ему словари. Кроме того, я беру его на лекции по ихтио-

логии, которые он внимательно слушает. Еще я читаю ему главы из Курса Поэтики, из Истории Искусств. Года через три он будет знать все и сможет работать с полной творческой отдачей. Но уже и сейчас мы с ним творим на уровне начинающего среднего Литератора.

— А вы не можете продемонстрировать АТИЛЛУ в действии? — спросил я.

— С удовольствием! — воскликнул Красотухин. — Дайте творческую программу.

— Ну, пусть он сочинит что-нибудь для детей, что-нибудь там про кошечку, например, — предложил я, выбирая тему полегче.

Красотухин нажал на АТИЛЛЕ кнопку с надписью «Внимание». Вспыхнул зеленый глазок, агрегат глухо заурчал. Тогда Красотухин нажал клавишу с надписью «Стихи д/детей». Прибор заурчал громче. Из него выдвинулся черный рупор.

— АТИЛЛУшка, творческое задание прими. Прокота что-нибудь сочини, — просительно произнес Писатель-Ихтиолог в рупор.

— Творческое задание принято! — глухо произнес голос из прибора, и сразу же вспыхнуло табло с надписью «Творческая отдача». Затем из продолговатого узкого отверстия вылез лист бумаги. На нем было напечатано:

Кот и малышки

— Здравствуй, здравствуй, кот Василий,
Как идут у вас дела? —
Дети козлика спросили...
Зарыдала камбала.
И малышкам кот ответил,
Потрясая бородой:
— Отправляйтесь в школу, дети!..
Окунь плачет под водой.

Сотворил АТИЛЛА

— Не так уж плохо, — утешающе сказал я. — В некоторых детских журналах Двадцатого века я читал нечто подобное. Только тут нужна правка. Ваш АТИЛЛА путает кота с козлом. И потом откуда-то, ни к селу ни к городу, камбала с окунем появились.

— У АТИЛЛЫ еще смещены некоторые понятия, — несколько смущенно ответил Писатель-Ихтиолог. — А рыдающая камбала — это, конечно, творческая неувязка. Но в строке «окунь плачет под водой» есть нечто высокотрагедийное, здесь чувствуется некая натурфилософская концепция. Впрочем, стихи АТИЛЛЕ даются труднее, чем проза. Сейчас вы в этом убедитесь.

И Красотухин заказал АТИЛЛЕ сотворить сказку с лирической концовкой. В сказке должны упоминаться человек, лес и звери. Вскоре агрегат дал нам возможность ознакомиться со своим произведением.

Лес, полный чудес

Лес шумел угрюмо (мрачно? огорченно?). Лесные звери амелись в лесу том повселебно. Тем временем человек и человекица (человейка? человечка?) шли по речью (речейку?) к речке. В лесу встретились им лес и лесница, волк и волчица, лось и лосница, медведь и медведица (медвежка?). «Съем-ка я вас, человеки!» — произнес медведь. «Не питайся нами, Михаил (Виктор? Григорий?), мы хотим жить-поживать!» — «Хорошо, — ответил медведь, — я вами столоваться не буду...» Радостно, дружно, синхронно запели гимн восходящему светилу (луне? солнцу?) сидящие на ветвях снегири, фазаны, сазаны, миноги, светки и караси. Лес шумел весело (удовлетворенно? унитанно?).

Сотворил АТИЛЛА

— Сказка несколько примитивна, — сказал я. — И потом опять тут рыбы.

— Да, мой АТИЛЛА любит упоминать рыб, — огорченно признался Красотухин. — Боюсь, что я несколько перегрузил его ихтиологическими знаниями. Но не хотите ли дать АТИЛЛЕ творческое задание в области драматургии?

— Смотрите, какой прекрасный вид под нами, — сказал я Красотухину, чтобы отвлечь его от АТИЛЛЫ. — И видимость тоже прекрасная.

Наш дирижабль-санаторий давно уже отчалил и теперь плыл в воздухе на высоте восьмисот метров. Из большого иллюминатора в стене каюты можно было наблюдать, как не спеша движется под нами какой-то небольшой город-сад. Его прямые улицы

с домами, крытыми голубой пластмассой, казались каналами, прорытыми среди зелени. И только черные шары на тонких мачтах — усилители мыслепередач — говорили о том, что это все-таки город, где живет несколько тысяч людей. Потом снова внизу потянулись поля, среди которых кое-где возвышались башни дистанционного управления электротракторами.

Вскоре нас позвали на купанье. Плавательный бассейн был накрыт огромным прозрачным пластмассовым колпаком; чуть выше, почти задевая его, проплывали порой редкие летние облака. Дно бассейна тоже было из прозрачной, чуть голубоватой пластмассы. Купаясь, мы видели под собой луга, леса, реки, дороги с пробегающими по ним элтобусами. Казалось, мы плавали не в бассейне, не в воде, а в самом небе, в бескрайнем, подернутом голубоватой дымкой пространстве. Мы словно парили в нем, как птицы, вольно и легко, и эта легкость подчеркивалась тишиной, ибо дирижабль летел беззвучно, как во сне. К одному борту бассейна была пристроена выпшка для прыжков в воду, и каждый раз, ныряя с нее в бассейн вниз головой, я испытывал жутковатое ощущение, будто я лечу в пропасть, в бездну, на дне которой растут деревья, зеленеют поля, тянутся нити дорог. И вдруг меня упруго подхватывала вода, не давая падать дальше.

Вечером, после ужина, я разговорился с Писателем-Ихтиологом. Это был совсем неглупый человек; пока не заходила речь об АТИЛЛЕ, он рассуждал вполне здраво и логично. Так, например, он рассказал мне о своем проекте использования старинных военных кораблей — тех, которые еще не пошли на переплавку, — под живорыбные садки. Все эти древние линкоры, авианосцы, без пользы стоящие в портах, вполне подойдут для этой цели. Нужны только некоторые переделки, весьма незначительные. Когда я, в свою очередь, завел речь об «Антологии Забытых Поэтов XX века», Писатель-Ихтиолог согласился со мной, что дело это очень важное и нужное, и сделал несколько полез-

ных замечаний, свидетельствующих о его начитанности и живости ума. Узнав же, что я работаю над пополнением СОСУДа, мой новый знакомый горячо одобрил это начинание и присовокупил, что я делаю для потомства дело нужное и важное, так как людей, употребляющих ругательства, на Земле почти не осталось, и этот вид фольклорного творчества надо закрепить письменно для потомства.

Но затем мой собеседник снова сел на своего конька, завел речь об АТИЛЛЕ и попросил меня научить АТИЛЛУ ругательствам.

— Для меня это не составит большого труда, — ответил я. — Но целесообразно ли это?

— Для будущей прозо-драмо-лирической эпопеи, которую я создам в соавторстве с АТИЛЛой, потребуются и бранные выражения. Ведь эпопея будет охватывать все века, а, как вам известно, в минувшие столетия брань употреблялась весьма нередко. И потом, как вы сами убедились, я несколько перегрузил АТИЛЛУ ихтиологическими знаниями, и поэтому некоторое количество ругательств как бы уравновесит его словарь.

— Хорошо, я согласен дать вашему АТИЛЛЕ урок неизящной словесности, но вас прошу выйти на это время из каюты. Мне неудобно произносить при Человеке грубые слова.

Ночью мы миновали Урал и теперь летели над Сибирью. К вечеру начались леса промышленного значения — с просеками и лесоперерабатывающими пунктами. Но затем все чаще стали проплывать под нами участки настоящей тайги — это были заповедники, где она сохранялась в своем естественном виде. Мы летели малой высотой, и к нам доносился запах зелени и хвои. Настроение у меня было превосходное, о чем я и сообщил своему соседу.

— Я думаю, что не испорчу вашего настроения, если попрошу вас дать моему АТИЛЛЕ новое задание, — сказал Писатель-Ихтиолог. — Завтра мы с вами расстанемся, а мне хочется, чтобы у вас осталось

приятное воспоминание о моем детище. Вчера АТИЛЛА работал почему-то не в полную творческую силу, и мне хочется реабилитировать его в вашем мнении.

Я подумал, что иметь дело с АТИЛЛОЙ — это как раз самый верный способ испортить себе настроение. Но затем я вспомнил, что еще в четвертом классе школы на уроке морали нас учили: «Никогда не огорчай Человека, если этого не требуют особые обстоятельства. Слабости хороших Людей не делают их плохими Людьюми». Поэтому я скрепя сердце согласился еще на одно творческое испытание АТИЛЛы.

— Я иногда даю ему узкоспециализированные задания, — сказал Писатель-Ихтиолог, обрадованный моим согласием. — Например: подобрать рифмы к слову «окунь» или сочинить рассказ, в котором все слова начинаются на одну букву. Так легче следить за ростом словарного фонда АТИЛЛЫ... Не хотите ли дать ему специализированную задачу?

— Пусть он напишет рассказ с лирико-меланхолическим уклоном о солнце, и пусть все слова в этом рассказе начинаются с «С», — сказал я.

Тотчас же мой спутник дал АТИЛЛЕ творческую программу, и тот заурчал и замигал своими зенками.

— Ну, друг АТИЛЛА, не подведи на этот раз, — ласково сказал Писатель-Ихтиолог в рупор. — Подушевнее, полиричнее сотвори.

Вскоре АТИЛЛА выполнил задание. Листок этот, равно как и два предыдущих, и поныне хранится в моем архиве.

Солнечный сабантуй

Светозарное солнышко справляло свой сабантуй, светило сказочно светло, сияло самозабвенно. Самоцветно синела садовая сирень, старались сладкогласные соловьи, стрекотали стрекозы, струилось ситро, сахарился сладкий сливовый сироп. Серебристым симпатичным смехом синхронно смеялись совершенно счастливые супруги. Седовласая стерлядь скандировала стройные строфы сонета.

Солнце стало склоняться севернее, сгущались сизые сумерки. Смеркалось.

— Сукки сын! Слюнтяй! Солдафон! Стервец! — сказала

сому строгая соленая святейшая селедка, сиротливо скучавшая среди салаки, скумбрии, семги.

— Сама скотина, склочница, симулянтка! Свинские слова слышу! — смачно сплюнув, свирепо съязвила сумасбродной соседке седоусая сметливая свежесолененная сардинка, спойкой спавшая среди сетей.

— Собаки! Стрекулисты! Спекулянты! Сплетники! Сычи сонные! Сидни сидячие! Самодуры сиволапые! Скандалисты! Святотатцы! Скобари! Скопидомы! Скрыги! Саботажники! Сутяги! — степенно сказала совершеннолетняя самостоятельная севрюга, слушавшая спор.

Солнышко село, скапутилось, смылось, съежилось. Стало совсем сумрачно.

Скоропостижно скончался сиг.

Сотворил АТИЛЛА

— Опять рыбы всякие! — огорченно сказал Писатель-Ихтиолог. — И потом много каких-то непонятных слов.

— Но это же отжившие слова! Это слова из моего СОСУДА, — пояснил я. — Ваш АТИЛЛА почему-то очень хорошо их усвоил и вводит в текст в непропорционально большом количестве.

— Неужели в старину Люди употребляли столько ненужных слов? — спросил мой новый знакомый.

— Не все ругательства были словами-пустышками, — ответил я. — Под некоторыми из них подразумевались вполне определенные отрицательные явления.

— А что такое «сплетник», «скандалист», «спекулянт»? — стал расспрашивать меня Ихтиолог.

— Это долго объяснять, — ответил я. — Когда выйдет из печати мой СОСУД, вы сможете узнать смысловое значение всех этих выражений.

— Не хотите ли еще раз испытать моего АТИЛЛУ? — с робкой надеждой в голосе спросил меня Писатель-Ихтиолог.

К счастью, в этот миг в каюту постучал дежурный Врач и пригласил нас в салон к телевизору смотреть и слушать новое выступление Андрея Светочева. Выбрав из двух зол меньшее, я поспешил откликнуться на этот зов.

В салоне перед большим телевизором собрались все пассажиры-пациенты дирижабля-санатория. Вскоре на экране появился Андрей. Его сообщение показалось

мне каким-то бесцветным. Он сообщил, что выступает только потому, что в его адрес поступает очень много вопросов. Но ничего нового он пока сказать не может. Он сделал только одно конкретное сообщение: для строительства Главной Лаборатории по созданию единого материала выделен пустынный островок в Балтийском море, в пятидесяти километрах от Ленинграда. Островок будет расширен за счет намыва донного песка. Работы начинаются завтра.

Незначительное это сообщение, вдобавок произнесенное каким-то усталым, невыразительным голосом, показалось мне не предвещавшим удачи моему другу. Но слушатели, как я успел заметить, остались довольны и этой скудной информацией.

14. ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ. ВСТРЕЧА С НАДЕЙ

Шла третья неделя моего пребывания в Новосибирске. Целые дни просиживал я в библиотеке, подбирая материал для своей «Антологии», и дело уже близилось к концу. Однажды утром в читальный зал вошел старший Библиотекарь и пригласил всех желающих в телевизионный блок, сказав, что будет выступать Андрей Светочев. Я вместе со всеми направился к телевизору.

На экране возник Андрей. Он сидел в небольшом зале за столом, на котором стояло множество переводящих машин. Все кресла и все проходы в зале были заполнены Людьми — это были главным образом Корреспонденты. Происходило нечто вроде пресс-конференции. Вопросы задавались бессистемно, и я привожу их в таком виде и порядке, как их записал мой карманный микромагнитофон.

Андрей. Готов отвечать на ваши вопросы.

1-й корреспондент. Когда идея о создании единого материала будет осуществлена вами практически?

Андрей. На это, возможно, уйдет один год.

2-й корреспондент. Можно ли вкратце охарактеризовать ваш единый материал как не-

кую пластмассу с универсальными свойствами?

Андрей. Можно, если вам это нравится. Но вообще-то это принципиально новый материал.

3-й корреспондент. В некоторых газетах высказана мысль, что применение единого материала может вызвать «сытую безработицу». Ведь многие профессии станут просто ненужны.

Андрей (*роясь в каких-то бумагах*). Я не компетентен в этих вопросах. Но вот Экономисты Сергеев, Тропиниус и Маорти утверждают, что никакой «сытой безработицы» не возникнет. Работы хватит всем, но многим придется перекалфицироваться.

4-й корреспондент. Как все это отразится на продолжительности рабочего дня?

Андрей (*опять роясь в бумагах*). Вот тут произведены подсчеты. Не мной, а Экономистами. Через три года после полного перехода на аквалид средний рабочий день на Планете сократится до двух часов восемнадцати минут.

5-й корреспондент. Что это такое — аквалид?

Андрей. Так я решил назвать единый универсальный материал.

6-й корреспондент. Как вы относитесь к Нилсу Индестрому?

Андрей. С величайшим уважением.

6-й корреспондент. Однако ваше открытие, если оно будет осуществлено практически, опровергнет Закон Недоступности Нилса Индестрома?

Андрей. Да.

7-й корреспондент. Следовательно, будет создан материал, который позволит строить космические корабли, могущие проникнуть за пределы Солнечной Системы?

Андрей. Да. Но это уж дело Строителей и Космонавтов. Меня больше интересуют земные и подводные дела.

8-й корреспондент. Как это понимать — «подводные»?

Андрей. Аквалид даст возможность строить сооружения из воды под водой.

9-й корреспондент. Следовательно, Человечество получит большую новую «жилиую площадь» под океаном и сможет спокойно расти? Так это понять?

Андрей. Да. На дне океанов будут прокладываться тоннели, строить предприятия и возводить жилые города.

Длительная пауза. Затем все встают. Аплодисменты и возгласы восхищения.

После паузы.

10-й корреспондент. Почему ваша Опытная Лаборатория строится на острове? Почему не на материке, не в Ленинграде?

Андрей. Я сам просил об этом. Так безопаснее.

10-й корреспондент. Для кого безопаснее?

Андрей. Для города. Дело в том, что при практическом осуществлении моего проекта на одной из фаз производства аквалида существует опасность взрыва. Теоретически расчеты верны, но технологически я иду на некоторый риск.

10-й корреспондент. Если произойдет взрыв — значит вы шли по ложному пути и создание единого универсального материала останется недостижимой мечтой Человечества. Так надо понимать?

Андрей. Нет. Не так. Повторяю: теоретически расчеты верны. Если произойдет взрыв, то кто-то, идущий за мной, найдет более верную технологическую схему.

11-й корреспондент. А как называется ваш остров?

Андрей. Пока это безымянный островок. Но я предложил назвать его Матвеевским островом, в честь моего друга.

12-й корреспондент. Ваш друг — Физик, Химик, Математик?

Андрей. Нет. Он Литературовед.

13-й корреспондент. Что натолкнуло вас на мысль о едином материале?

Андрей. Мне всегда казалось странным, что машины, корабли, дома, предметы обихода делаются из разных материалов. Уже в детстве это казалось мне нелепым, нерациональным.

14-й корреспондент. Что можно будет производить из аквалида?

Андрей. Из него нельзя будет производить продукты питания, горючее и удобрения. Все остальное — можно.

15-й корреспондент. Следовательно, из аквалида можно производить все нужные Человечеству машины, сооружения и предметы?

Андрей. Да. Все, кроме гробов и спичек.

16-й корреспондент (со значком юмористического журнала). Но ведь спичек давно не производят.

Андрей. Я пошутил.

17-й корреспондент. Как идут работы на острове... на Матвеевском острове?

Андрей. Сейчас вы это увидите.

Андрей исчез с экрана. На экране появилось море. Мы как бы летим над ним. Вот показался островок. Вот он приблизился. Видны деревянные временные причалы, около них множество небольших суденышек. Мы облетаем остров. Он невелик и пустынен. Вдали, мористее, видны землесосы, намывающие песок. На островке еще нет капитальных зданий — только длинные пластмассовые бараки. Островок кишит Людьми. Одни простыми лопатами копают котлованы, другие выравнивают линию берега, третьи, четвертые, десятые тоже заняты земляными и прочими работами. Слышен гул, шум, звучат песни на разных языках. Работающие — главным образом молодежь — всех национальностей и цветов кожи. Но встречаются и пожилые Люди.

Затем остров исчез, и на экране снова появился Андрей. Корреспонденты опять стали задавать вопросы.

18-й корреспондент. Меня удивило, что на острове применяются столь примитивные орудия труда. Можно подумать, что мы вернулись в первую половину Двадцатого века. Из какого музея извлекли вы эти лопаты, кирки, ломы?

Андрей. Я их ниоткуда не извлекал. Это они сами заказали их по старинным чертежам какому-то ленинградскому заводу, сами привезли их на остров.

18-й корреспондент. Кто «они»?

Андрей. Добровольцы. Они съехались со всех концов света.

19-й корреспондент. Но есть же на вашем острове современная техника для земляных работ. Ведь есть?

Андрей. Есть. Но они не дают ей работать. Они ее оттеснили. Хотят работать сами, своими руками.

20-й корреспондент. Но ведь на острове есть Врачи охраны труда. Слово Врача — закон.

Андрей. Врачей они не слушаются. И потому, добровольцев так много, что они работают не более часа. Так что здоровью это не вредит.

21-й корреспондент. Есть ли на острове травмы в результате применения несовершенных орудий труда?

Андрей. Крупных травм нет. Но есть ушибы, мозоли. Вчера один чилиец повредил лопатой палец на ноге.

21-й корреспондент. Надеюсь, его немедленно эвакуировали в больницу на материк?

Андрей. Не сразу. За почетное ранение друзья разрешили ему поработать еще час вне очереди.

21-й корреспондент. Разрешая Людям работать примитивными орудиями труда, вы сокращаете их МИДЖ. Как вы на это смотрите?

Андрей. Земляные работы скоро кончатся, и тогда за дело примутся специалисты.

22-й корреспондент. Попробуйте в краткой популярной форме изложить сущность своего открытия.

Здесь Андрей начал объяснять суть открытия, но говорил он столь невнятно и отвлеченно, что я ничего не понял и отошел от экрана, не дослушав своего друга до конца. Но, не скрою, я был тронут вниманием Андрея. Мне было приятно, что он назвал остров моим именем.

В этот же день я решил съездить на местный Почтамт. Меня интересовали марки. На улице я остановил этакси и вскоре вошел в зал Почтамта. Первое, что мне бросилось в глаза, — это бесконечное количество стендов, на которых были выставлены марки. Решение Всемирного Почтового Совета о том, что каждый Человек может выпускать свои марки, уже действовало, многие филателисты успели выпустить личные почтовые знаки и предлагали их на выбор всем желающим. Марки были самые разные по расцветке и по тематике. Очень много было женских портретов — это филателисты увековечивали своих возлюбленных. Хоть почта стала бесплатной, но по традиции на каждой марке была обозначена цена. Цену ставили кто во что горазд — от копейки до ста миллионов рублей. Я выбрал несколько марок для себя и несколько для Андрея и немедленно послал их ему, сопроводив коротким дружеским посланием. Затем я направился в Бюро Выполнения Желаний, организованное при Почтамте, с целью заказать свою марку. Я уже решил, какой она должна быть. На марке я решил изобразить самого себя, держащего в руках рукопись СОСУДА. Направляясь через зал к двери Бюро, я вдруг услышал свое имя, произнесенное приятным женским голосом. Я оглянулся и увидел — кого бы вы подумали, мой читатель? — я увидел Надю, ту девушку, с которой познакомился на Ленинградском Почтамте при весьма странных обстоятельствах.

— Что вы здесь делаете? — удивился я. — Вы

перевелись на Новосибирский Почтамт? Неужели на вас так подействовал тяжелый случай, имевший место на Ленинградском Почтамте?

— Я здесь ничего не делаю. Просто зашла посмотреть, как здесь работают, — с улыбкой ответила Надя. И далее она пояснила, что приехала сюда в отпуск, ибо в Новосибирске живет ее брат.

Я, в свою очередь, поведал Наде, что приехал в Новосибирск поработать в здешней библиотеке.

— А как пополняется ваш СОСУД? — спросила Надя.

Признаться, мне весьма польстило, что она помнит о моей работе и интересуется ею, и я ей поведал, что СОСУД пока что не пополняется, ибо в Сибири совсем вывелись Люди, умеющие ругаться, и что я в данное время занят «Антологией».

— А сюда вы, видно, зашли как филателист? — поинтересовалась Надя.

— И как отправитель письма. Только что я отослал письмо Андрею Светочеву — человеку, благодаря которому мы с вами познакомились.

— Неужели это был Светочев? — воскликнула Надя. — Вот бы уж не подумала на него! Я ведь и не разглядела тогда, кто был моим обидчиком. Когда будете писать ему в следующий раз, пожелайте ему удачи и передайте от меня, что я несколько на него не сержусь.

— Он уже наказан за свой проступок, — сказал я. — Ему пришлось убить зайца.

— Как? Его наказали охотой? — огорчилась Надя. — Это так неприятно...

— Не волнуйтесь за него, — мягко сказал я. — Он обидел вас, он был послан в наказание на охоту, но благодаря сцеплению этих обстоятельств он встретил девушку, которую полюбил и которая полюбила его.

— Но почему вы не радуетесь этому? — спросила Надя. — В вашем голосе мне послышалась грусть.

— Я рад за него и рад за нее, — ответил я. — Но за себя я не рад.

Надя ничего не сказала, не стала меня утешать —

и мне это очень понравилось. Мы молча вышли из Почтамта и тихо пошли по улице.

— Вам далеко? — спросил я. — Давайте я вас провожу пешком.

— Буду рада, — ответила Надя. — Я очень люблю ходить пешком. Я хотела бы быть девушкой-почтальоном из одного исторического романа, который я как-то прочла. Эта девушка-почтальон не любила ездить на мотоцикле, а ходила от деревни до деревни пешком. Я хотела бы, как она, ходить в лаптях от деревни к деревне по старинному асфальту, стучать клюкой в заборы и отдавать людям письма и радиogramмы.

— Только не в заборы, а в ворота, — поправил я.

— Вы, наверно, очень хорошо знаете историю, — почтительно сказала Надя. — Как приятно вести беседу с высокообразованным Гуманитарием.

Не скрою, мне было приятно слышать такой отзыв от этой симпатичной девушки, которая, хоть была знакома со мной совсем недавно, уже сумела оценить меня по достоинству. «Разве хоть раз отозвалась Нина обо мне столь справедливо?» — шевельнулась у меня мысль. Тем не менее я скромно возразил Наде, что хоть я и съел, как говорится, собаку на истории XX века, но я еще познал не все, что надо познать. Так, например, лингвистический мой багаж оставляет желать лучшего. Правда, я знаю, кроме родного русского языка, английский, немецкий и романские языки, а также группу славянских языков и латынь, однако древнегреческого я еще, к сожалению, не знаю.

— Нет, вы очень много всего знаете, — мягко возразила Надя. — Я вот, кроме английского и французского, никаких языков не знаю... Правда, я еще понимаю международный код.

— Ну, это не язык, — возразил я. — Много еще воды утечет, прежде чем международный код станет языком. Пока что он состоит почти сплошь из технизмов.

— А где вы остановились? — поинтересовалась вдруг Надя.

— Так как я прилетел сюда на сравнительно долгий срок, то я остановился в гостинице.

— Переселяйтесь к нам, — предложила Надя. — Никто вас не будет беспокоить, и я в том числе. Квартира у нас сейчас почти пуста, все разъехались на лето. Брат мой тоже мешать вам не будет, он тихий.

— А кто он, ваш брат?

— Памятник, — ответила Надя.

— То есть как это «памятник»? — изумился я. — Очевидно, вашу речь надо понимать иносказательно: ваш брат был каким-либо известным Ученым, а затем скончался, и ему воздвигли памятник? Так? Но почему я не слышу в вашем голосе скорби по усопшему? При вашей привлекательной внешности такая бесчувственность не делает вам чести.

— Да живехонек мой брат, — засмеялась Надя. — Он по специальности Памятник, он разрабатывает вопросы усиления памяти.

Век живи — век учись, — сказал я. — И преуспевает ваш брат Памятник на своем ученом поприще?

— Да. Несколько лет назад он сконструировал прибор, усиливающий память. Однако этот прибор нуждается в длительной проверке, и только после этого его можно будет пустить в массовое производство.

— Интересно было бы взглянуть на этот аппарат, — сказал я.

— Вы его видите на мне, — ответила Надя и коснулась пальцами своих серег.

— Как, эти маленькие сережки и есть упомянутый вами прибор?

— Да. В них вмонтированы два микроагрегата, которые создают вокруг моей головы усильтельное поле.

— А как называется этот аппарат? — поинтересовался я.

— Полное его название — Опытный Прибор Усиления Памяти. Сокращенно — ОПУП.

— ОПУП! — воскликнул я. — Какое неблагозвучное название! Такие нелепо звучащие сокращения нередко употреблялись в Двадцатом веке, но ныне, когда существует Наименовательная Комиссия, состоящая из Поэтов-Добровольцев...

— Я понимаю вас, — перебила меня Надя. — Но брат еще не зарегистрировал свой прибор в Наименовательной Комиссии. А сам он не мог придумать ничего лучшего. Но в конце концов дело ведь не в названии. Прибор действует хорошо.

«Едва ли может быть удачным аппарат с таким неудачным названием, очевидно, по Сеньке и шапка», — подумал я, но ничего не сказал Наде, дабы не огорчать ее*.

Мы простились с Надей у подъезда, а на следующий день я переехал в ее квартиру и поселился в тихой угловой комнате. Брат ее оказался человеком весьма молчаливым. Если я из вежливости за обедом заводил с ним разговор о его работе, то он отвечал мне весьма охотно, но речь его настолько была насыщена научными терминами, что я ничего в ней понять не мог. В Надином изложении все это выглядело гораздо проще и понятнее.

Теперь я работал на дому. Набрав в библиотеку книг, я читал их и выбирал из них те стихи, которые, на мой взгляд, подходили для «Антологии». Затем я читал их вслух, а МУЗА** их записывала. Однажды я засиделся за этой работой до поздней ночи, но не успел выполнить своей программы. Утром мне надо было сдать книги в библиотеку, как я обещал Библиотекарю, но у меня осталось одиннадцать стихотворений одного автора, которые я не успел задиктовать. За завтраком я обратился к Наде с просьбой — не задиктует ли она МУЗЕ эти стихи в мое отсутствие, пока я пойду в библиотеку, чтобы отнести те книги, которые мне уже не нужны. А эту книгу я отнесу после обеда.

Надя охотно согласилась, но добавила, что я могу

* Характерно для Ковригина, что в дальнейшем он восхищается Надиной памятью, приписывая это свойство лично Наде и как бы совсем не признавая, что девушка обязана этим изобретению своего брата. В этом весь Ковригин с его предвзятым отношением к технике, с его недоверием к новшествам. (Примечание редакции.)

** МУЗА (Модуляционный Ускоренно Записывающий Агрегат) — весьма несовершенный агрегат XXII века. Нечто вроде диктовально-пишущей машинки.

отнести и ту книгу, где помещены эти одиннадцать стихотворений. Она прочтет их сейчас, запомнит и продиктует МУЗЕ.

— Ну, что вы говорите, Надя! — возразил я. — Разве может Человек сразу, с бухты-баряхты, запомнить одиннадцать длинных стихотворений!

— А вот увидите, — спокойно ответила девушка. Затем она быстро и, как мне показалось, даже не очень внимательно прочла помеченные мной стихи и вручила мне книгу. — Несите спокойно в библиотеку.

Я понес книги в библиотеку, но ту книгу я все-таки не сдал, отерочив ее возвращение на день. Но как-то же было мое удивление, когда, вернувшись, я нашел на своем столе одиннадцать стихотворений, аккуратно перепечатанных МУЗОЙ в трех экземплярах! Вынув из портфеля песочную книгу, я сверил текст. И что же? Я не обнаружил ни единой ошибки! Надя за несколько минут запомнила трудный старинный текст и безошибочно задиктовала.

— Надя! Надя! — стал я ее звать и, не дозвавшись, выбежал из комнаты.

Я застал ее в кухне, где она программировала ДИВЭРА к обеду.

— Надя! Я поражен вашей феноменальной памятью! — воскликнул я.

— Да, благодаря прибору брата память у меня хорошая, — с улыбкой ответила девушка. — У меня градация девятиности девять при стобалльной системе. Но мой брат говорит, что хвастать этим нечего: можно быть глупым Человеком и иметь отличную память. Когда я была у ОРФЕУСа, он дал мне только четыре балла.

— Надя, у вас память не просто отличная, а сверхфеноменальная, — сказал я. — Я завидую вашей памяти.

— Это, пожалуй, единственное мое достоинство, — скромно ответила она. — И если я могу быть иногда полезной вам в работе над «Антологией», смело прибегайте к моей помощи.

И действительно, Надя с этого дня стала помогать мне в моей работе, и помощь ее (конечно, чисто техническая) была весьма ощутимой.

15. ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

Однажды Надя предложила мне отправиться вместе с ней в таежный заповедник.

— С экскурсией? — спросил я.

— Нет, вдвоем. Массовые экскурсии туда не допускаются, это заповедник группы «А». Я собиралась лететь туда на десять дней с подругой, но та почему-то раздумала. Путевка пропадает.

— А что мы там будем делать целых десять дней? — поинтересовался я.

— Бездельничать, — ответила Надя. — Вам это полезно, у вас усталый вид.

— Согласен, — сказал я. — А в чем мы там будем жить?

— В домике-контейнере. Нас в нем и сбросят в тайгу. Ведь дорог там нет.

На следующее утро мы отправились на специальный аэродром. Дежурный нам объяснил, что Заповедник № 7 — один из самых больших в мире. Так как это Заповедник группы «А», то в нем не только нельзя возводить какие-либо сооружения, но даже радио пользоваться нельзя. Затем Дежурный дал нам мазь от комаров и два пистолета.

— Но зачем пистолеты? — удивился я. — Мы не совершили никаких проступков, а вы хотите послать нас на охоту!

— Не беспокойтесь, — ответил Дежурный, — убить из этого нельзя. Но если на вас нападет медведь, вы выстрелите в него, и он уснет на сорок семь минут. За это время вы успеете далеко уйти.

Вскоре нас подвели к домику-контейнеру, и мы с Надей вошли в него. Домик состоял из двух комнат-отсеков, разделенных переборкой, и из тамбура. В каждом отсеке был выдвижной диван, кресло и шкафчик с одеждой. В тамбуре имелся стол-ящик с тарелками, кастрюлями и прочей утварью.

В крышу домика было вмонтировано металлическое кольцо. Вскоре подлетел вертоплан, из его брюха выдвинулась алюминиевая лапа, ухватила за кольцо — и мы полетели. Тихоходный вертоплан летел невысо-

ко. Домик-контейнер слегка покачивало, но это, пожалуй, было даже приятно. Я глядел в окно, и все мне казалось розовым — и небо и земля. Я догадался, что это зависит от стекла, и спросил у Нади, почему здесь вставлено розовое стекло.

— Оно из леденцовой массы, — объяснила Надя. И далее она поведала мне, что такие домики-контейнеры предполагается транспортировать на Венеру. Там их будут сбрасывать на парашютах в венерианские джунгли. В этих джунглях Исследователи часто теряют ориентировку, и в домиках контейнерах они смогут найти себе временный кров, отдых и пищу.

— Но при чем же здесь леденцовые стекла? — спросил я.

— Но ведь это съедобный домик, — сказала Надя. — Если у нашего приют в этом домике выйдут все запасы еды, то он сможет питаться самим домиком. Весь домик-контейнер состоит из сильно спрессованных пищевых концентратов. А снаружи он обтянут тончайшей влагонепроницаемой пленкой.

Я вынул из кармана техническое описание, данное нам Дежурным, и прочел, что стены сделаны из хлебного концентрата, потолок — из прессованного шоколада, кресло — из яичного порошка, и даже одеяла были съедобными: стоило отрезать квадратный дециметр и бросить его в кипяток — и получался стакан клюквенного киселя.

— Конечно, голод не тетка, как в старину говорились, а нужда научит калачи есть, но нам, надеюсь, не придется питаться своим жилищем? — пошутил я, обращаясь к Наде, и она улыбнулась в ответ.

Наконец вертоплан снизился, бережно опустил наш домик на лесную полянку возле ручья — и улетел. Я открыл дверь, мы вышли, и нас обступила высокая, по пояс, трава.

Весь день мы бродили по тайге, а когда свечерело, разожгли костер на берегу ручья и поужинали консервами. Потом мы пошли в свои отсеки, и я мгновенно уснул. Проснулся я оттого, что Надя постучала в окно.

— Вставайте, Лентий Лентевич, завтрак готов!

После завтрака мы опять пошли ходить по тайге. Когда мы вернулись к своему пряничному домику, из которого ушли, не закрыв дверей, то обнаружили, что в нем кто-то побывал: ножка у одного кресла была обгрызена, угол стола-ящика в тамбуре тоже кто-то прогрыз. А карамельные стекла в некоторых местах были проклеваны. Это маленькое происшествие не отразилось на нашем отличном настроении, а скорее развеселило нас.

Вечером, за ужином, я высказал Наде мысль, что зря, пожалуй, мы не взяли с собой никаких книг.

— А что бы вы хотели прочесть? — спросила Надя.

— В Ленинграде я начал читать новый роман Меридини, перевод с итальянского, — сказал я. И далее я пояснил Наде, что роман этот интересен для меня тем, что переводчик его обратился ко мне за консультацией. В романе, вернее в одной из его глав, автор употребляет слова, бытовавшие в старину среди уголовного мира, и переводчик не мог их перевести на русский язык. Узнав, что я работаю над СОСУДОМ, он обратился ко мне за помощью, и я любезно дал ему возможность ознакомиться с тем разделом СОСУДА, где собран уголовный фольклор. Но я еще не успел прочесть эту главу.

— Вы, очевидно, имеете в виду роман, который называется «Второй пришелец»? — спросила Надя. — До какого места вы дошли? Я недавно прочла эту вещь.

— Я дочитал до того места, где Сантиано пересекает Тихий океан и прибывает в Ламст... Только не рассказывайте мне, Надя, чем все кончилось, а то читать потом будет неинтересно.

— Но я же могу прочесть вам весь роман дословно, по памяти, — сказала Надя. — Вы остановились на четвертой главе.

— Я знаю, Надя, что память у вас феноменальная, но неужели до такой степени? — изумился я.

Вместо ответа Надя уселась поудобнее у костра и начала:

«— ...Поговорим для начала о множественности миров,— рассуждал Сантиано сам с собой, сидя на веранде. — Множественность миров предполагает и существование миров, подобных нашей Земле. Будучи сама безграничной, Вселенная не ограничивает и их количества. Следовательно, есть миры, тождественные нашей Земле. В силу своей множественности, какие-то из них являются ее копиями. Впрочем, вряд ли копиями абсолютными. Так, на Земле-2 в этот момент на веранде сидит такой же Сантиано, как я, но на голове у него, скажем, не 998 761 волос, а только 998 760. А на Земле-347 мой двойник абсолютен, но у какой-то девочки из Мелитополя на щеке — капелька варенья, в то время как у девочки из Мелитополя на нашей Земле варенья на щеке нет. А на Земле-6 798 654 267 — все как у нас, но одной лягушкой больше.

Мы, кажется, продираемся к истине, — сказал себе Сантиано. — Но продолжим наш монолог. Помимо миров близкотождественных, есть и миры, схожие с нашим, но более отдаленно. Одни из них обогнали нас в своем развитии, другие отстали от нас. На первых, вероятно, преодолена формула Недоступности, и пришельцы могут явиться к нам. Но это добрые гости. Из миров второго типа пришельцы явиться не могут в силу технической отсталости. Следовательно, эти двое не явились с планеты, подобной нашей. Они из другой системы миров, и их человеческий облик — только маска. А добрый гость маски не наденет.

Сантиано склонился над столом и стал читать старинный «Спутник следователя». Эта профессия давно исчезла на Земле, и нашему герою пришлось учиться заново. Он долго читал, повторяя незнакомые древние слова. Иногда он прерывал чтение и бросался к полке со словарями. Наконец он сказал УЛИССУ*, стоящему возле стола:

* УЛИСС (Универсальный Логический Исполнитель Специальной Службы) — весьма примитивный агрегат XXII века.

— Приведите арестованного.
 — Кого? — переспросил агрегат, не двигаясь с места.
 — Приведите обвиняемого, — сказал Сантиано.
 — Кого? — переспросил УЛИСС.
 — Приведите подсудимого.
 — Кого? — переспросил УЛИСС.
 — Приведите злоумышленника.
 — Кого? — переспросил УЛИСС.
 — Приведите преступника.
 — Кого?
 — Приведите существо, запертое в подвале.

Понятно?

— Теперь понятно, — ответил УЛИСС.

Вскоре он привел Пришелеца. Тот испуганно косился на УЛИССа.

— Чего ты, кореш, на меня зверюгу такую напустил? — обратился он к Сантиано.

— Садитесь! — сказал Сантиано Пришельцу.

— Знаем мы вас! «Садитесь, садитесь», а потом лет пять отсидки припаляешь! Мы уж постоим.

— Сколько вам лет? — спросил Сантиано. — В каком году по земному летосчислению вы родились?

Пришелец замялся.

— Вот тут в паспорте все есть, — сказал он, вынимая из кармана книжечку. — Тут все без фальши прописано. Читай сам.

Сантиано взял книжечку, раскрыл ее, посмотрел и положил на край стола.

— Послушайте, — обратился он к Пришельцу, — вы даете мне документ, а на Земле давно отменена документация. Она отменена за много лет до вашего года рождения, указанного в этой книжечке.

— Брось мне вкручивать, браток, — сказал Пришелец. — Чистый документ. И под судом я не был, и приводов не имел, и в тюрьме не сидел. За что вы меня, мальчишечку, замели?

— Вы бы не могли пребывать в тюрьме, даже если бы хотели этого, — возразил Сантиано. —

Когда вы родились, на Земле давно уже не было тюрем. Если только вы родились на Земле...

— А где мне еще было родиться! — воскликнул Пришелец. — Что я, с Луны, что ли, свалился! Давай, корешок, замнем это дело для ясности. Я тебе барашка в бумажке, а ты меня — на волю. — Пришелец вынул из кармана пачку денег и положил ее на край стола.

— Где сейчас ваш сотрапезник? — спросил Сантиано. Затем, взглянув в словарь, поправился: — Где ваш сообщник, соучастник?

— А, вот до чего дело дошло! — крикнул Пришелец и выхватил из кармана пистолет.

Но УЛИСС мгновенно кинулся к нему и обезвредил.

— Теперь для меня все ясно, — сказал Сантиано. — Вы не Человек. Родились вы не на Земле и не на аналогичной планете. Вы явились сюда из мира какой-то иной системы. Вы обладаете сильными средствами маскировки и проникновения, но беда ваша в том, что информация ваша о Земле очень устарела. Вы явились не туда, куда направлялись. Ведь так?

Пришелец ничего не ответил. Там, где он стоял, возникла вспышка, подобная беззвучному разряду шаровой молнии, и его не стало. Только на керамических плитках пола остались два оплавленных следа от его подошв. Пистолет в кобальтовой руке УЛИССа тоже вспыхнул и испарился. И от документа и пачки денег остались только прямоугольные подпалины на поверхности стола.

...Тем временем второй Пришелец не дремал. В Алкабусе был замечен Человек, державший в руке нечто вроде старинного электрического фонарика. Луч фонарика он направлял на дома. Через четыре дня после облучения дома распадались без взрыва. Они становились пылью. Был Пришелец замечен и в порту. Ни один из восьми кораблей, вышедших в тот день в море, не вернулся. Они исчезли в океане, не успев даже подать сигналов опасности...»

— Вам не надоело слушать? — спросила вдруг Надя. — Может быть, я слишком быстро читаю?

— Нет, нет, продолжайте, Надя! — воскликнул я. — Я слушаю вас с удовольствием.

Действительно, мне было приятно слушать Надю. В ее голос вплеталось тихое журчанье таежного ручейка, и я думал о том, что совсем недавно я тоже сидел у костра, но в другом заповеднике. И вот круг замкнулся. Снова костер, снова заповедник, но там я был третьим, лишним. А здесь — нет. Что-то говорило мне, что здесь я не лишний.

16. БУРЯ В ТАЙГЕ

Ночью меня разбудил гром. За розоватым леденцовым стеклом вспыхивали молнии. Ливень хлестал в стену. Ветер нарастал. Домик вздрагивал от его порывов. При свете молний было видно, как гнутся деревья. Я торопливо оделся, постучал в перегородку.

— Вставайте, Надя, и идите в тамбур. Состояние опасности.

— Я давно оделась. Мне не спалось, — ответила Надя.

Мы вышли в тамбур и стали по очереди пить горячий чай из термоса. Было холодно. Домик все тревожнее вздрагивал от ударов ветра. Вдруг при свете молнии, через маленькое окошко тамбура я увидел, что одна сосна, стоящая у края поляны, как-то странно наклонилась. Тогда я мгновенно схватил Надю в охапку, ударом ноги распахнул дверь и побежал со своей ношей на середину поляны. За спиной я слышал нарастающий шум, глухой удар, скрежет ломающихся ветвей.

Я поставил Надю на землю, а мы оба взглянули на домик. Сосна упала вершиной на него, но домик уцелел.

— Простите, Надя, что я вас так грубо вытащил прямо под ливень, — сказал я. — Я думал, что домик развалится.

— Зачем вы просите прощения, — укоризненно ответила Надя. — Ведь вы хотели мне добра.

Вымокшие, мы вернулись к нашему жилищу, но подход к двери был закрыт кроной рухнувшей сосны. Я пробрался сквозь ветви к двери, но открыть ее было невозможно — сосна, упав, не только захлопнула, но и заклинила ее. К окну моего отсека тоже нельзя было подступиться из-за ветвей. Надино же окно было свободно. К счастью, оно открывалось и снаружи, и я влез в домик и помог влезть в него Наде.

Ложитесь и спите, — сказал я. — Вы совсем продрогли, и все из-за меня. А я пойду управлюсь с этой сосной.

— Хорошо, — ответила Надя. — Я действительно очень замерзла.

Я вышел в тамбур и увидел, что окно его пробито большой веткой сосны. И как раз против того места, где стояла Надя, когда мы пили чай.

«Значит, не зря я вытащил эту девушку отсюда. Ее бы в живых уже не было», — подумал я и, отыскав в ящике топор, расклинил им дверь и вышел наружу. И первым делом я отрубил от ствола ту ветвь, что пробила окно, чтобы Надя не увидела, какая опасность ей угрожала. Ведь некоторые люди задним числом переживают миновавшие события, и поэтому им лучше не знать о том, что могло быть. Затем я постепенно отрубил все ветки, перерубил ствол и таким образом очистил вход в наш домик. Я работал, не обращая внимания на дождь и ветер. Топорище было из спрессованного кофейно-молочного концентрата, сам же топор был, к счастью, обыкновенный, несъедобный, иначе он не выдержал бы той нагрузки, которую я задал ему.

Окончив работу, я пошел в свой отсек, разделся и лег. Но вскоре почувствовал озноб. Меня бросало то в жар, то в холод, и я еле-еле уснул. А когда проснулся — меня снова стало трясти.

— Что вы не встаете? — крикнула Надя, постучав в стенку. — Уже день давно.

— Надя, я заболел, кажется, — сказал я.

Надя вошла в отсек и положила ладонь мне на лоб. Ладонь ее показалась мне очень холодной.

— У вас сильный жар, — сказала Надя. — Вы больны. Но не огорчайтесь, все обойдется. — Она принесла мне горячего чая и дала каких-то таблеток, после чего я уснул.

Пробудился я оттого, что лбу моему стало холодно. На меня лилась струйка с потолка. Я взглянул вверх — потолок разбух, покособился. Стена тоже имела необычный вид: она дала трещины и стала влажной. Я догадался, что сосна, рухнув на домик, своими ветвями и иглами содрала с него влагонепроницаемый слой, и наше съедобное жилище начало впитывать в себя воду, тем более что дождь все шел и шел. Как известно, домик-контейнер предназначался для венерианских джунглей, а на Венере деревья хоть и высокие, но масса у них неплотная, травянистая. Падай такие деревья на домик хоть ежедневно — ему не будет вреда. Но наши земные деревья с их плотной древесиной — дело другое.

— Надя! — тихо произнес я, и девушка, задремавшая в кресле, мгновенно проснулась.

— Я только на минутку уснула, — сказала она. — Все время сидела возле вас. Вы бредили. Вот уж не думала, что все так получится с этим отдыхом в тайге. Это я виновата.

— Ни в чем вы не виноваты, Надя. Но о чем я бредил?

— Все время упоминали Нину, АНТРОПОСа и СОСУД... Но я могу процитировать ваш бред.

— Нет, Надя, бред есть бред. Постарайтесь забыть.

— Я обещаю никогда не напоминать вам о том, о чем вы говорили в бреду. А теперь надо вызвать Врача — вы серьезно больны.

— Врача сюда можно вызвать только по Личному Наручному Прибору, — ответил я. — Но этот Прибор — радиоприбор. А пользоваться радио в заповедниках группы «А» запрещено.

— Но ведь это особый случай, — возразила Надя. — Здесь можно сделать исключение.

— Надя, разве вы не помните, что мы проходили на уроках морали в пятом классе? «Одно допущенное

исключение может породить тысячу, тысяча исключений может породить хаос».

— Но что же делать? — чуть не плача, спросила Надя.

— Можно прибегнуть к мыслепередаче, — сказал я. — Мыслепередача не имеет к радио никакого отношения. Кому-нибудь из нас надо послать мыслеграмму своему двойнику, и тот сообщит по радио в экскурсионный пункт, что я захворал. Но мне неудобно беспокоить моего двойника — Андрея. Он сейчас по горло занят... Может быть, вы свяжетесь со своим двойником?

— У меня нет двойника, — смутилась, ответила Надя. — Когда-то я была влюблена в одного юношу, мы были двойниками, а потом мы поссорились навсегда...

— Простите, что задал неуместный вопрос, — сказал я. — Сейчас pošлю мыслесигнал Андрею.

— Сигнал принят, — ответил Андрей. — Что с тобой?

— Состояние опасности, — сообщил я. — Ты очень занят?

— Очень, — ответил Андрей. — Не спал две ночи. Неполладки на строительстве Главного корпуса. Но это не имеет значения. Объясни, что я должен сделать.

Я поведал ему, что заболел. Он должен связаться с Новосибирским экскурсионным центром. Пусть оттуда пришлют санитарный вертоплан.

— Все будет сделано, — ответил Андрей. — Крепись. Приму меры. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Надя с волнением следила за мной, стараясь по выражению моего лица догадаться о результатах мыслеобмена.

— Все будет хорошо, Надя, — сказал я ей. — Скоро придет помощь. И потом, знаете, нет худа без добра — так говорит старинная пословица.

— Какое же добро в том плохом, что мы сейчас переживаем? — спросила Надя.

— Это я объясню вам когда-нибудь потом, — ответил я и поспешил укрыться с головой, потому что с потолка текло все сильнее. Меня снова начал бить озноб, и я уснул тяжелым и беспокойным сном.

— Вставайте! — разбудила меня Надя. — За нами прилетели!

Она вышла из отсека, я кое-как оделся и покинул домик. Дождь перестал, светало. Было пять часов тридцать две минуты. Нас поразило огромное количество птиц, слетевшихся к домику. Они расклевывали его размокшие стены и крышу. Над поляной висел санитарный вертоплан с красным крестом на брюхе. Вот из этого брюха выдвинулось нечто вроде люльки и спустилось на тросе вниз. Мы сели в люльку, нас подняли, и мы очутились в вертоплане, который сразу лег на обратный курс.

Первым делом Врач повел меня в душевую кабину, и я долго стоял под горячим душем, смывая с себя липкую шоколадно-сахарную массу, которая еще недавно лилась на меня с потолка пряничного домика. Затем я облачился в чистое белье, и меня уложили на койку. Врач приложил к моему лбу ЭСКУЛАППИ, и тот сообщил следующее:

— Пятьдесят одна болевая единица по психодящей. Состояние — А-2 по Гринвальдусу и Вороткевичу. Лечение по схеме лямбда-прим, семь дробь пять. Дополнительно рекомендуется микстура Каракулина. На продолжительности МИДЖа болезнь не скажется.

— Вот увидите, все будет хорошо, — улыбнулся Врач. — Тем более у вас такая милая Сиделка, — добавил он, указав взглядом на Надю.

Затем он ушел, предварительно дав мне какого-то горьковатого снадобья, от которого мне сразу стало легче. Я взглянул на Надю, сидевшую рядом с моей койкой на пластмассовой табуретке, и сказал ей:

— Надя, идите отдыхать. Ведь вы устали!

Вскоре мы приземлились в Новосибирске, и меня в сопровождении Нади и Врача отвезли в больницу. Надя осталась в больнице и ухаживала за мной, буквально не смыкая глаз. Неоднократно АСТАРТА* пы-

* АСТАРТА (Автоматическая Сиделка Трогательного Абриса, Работящая, Терпеливая Абсолютно) — старинный медицинский агрегат.

талась сменить ее, но Надя каждый раз приказывала ей не вмешиваться, и та покорно удалялась. По утрам, когда температура моя понижалась, Надя читала мне по памяти книги современных писателей и исторические романы, пропуская в последних описание охоты. Однажды, прервав чтение, она спросила меня:

— Вы там, в тайге, как-то сказали, что нет худа без добра. Как это понимать?

— Это, Надя, надо так понимать, что если бы не произошло всего того, что произошло, то я бы не встретился с вами.

И тоже рада, что все случилось так, как случилось, — просто ответила Надя. И за это нам надо благодарить вашего друга Андрея Светочева.

Я снова вспомнил случай на Ленинградском Почтамте, мой первый разговор с Надей, затем полет с Ниной и Андреем в заповедник, затем мой последний разговор с Ниной после посещения АНТРОПОСа и новую встречу с Надей. Да, круг замкнулся, и замкнулся, кажется, счастливо — для меня и для Нади...

Вскоре я выздоровел и вместе с Надей вернулся в Ленинград. Осенью Надя стала моей женой. Наш брак был и остается счастливым. И если мои благосклонные Читатели одобряют эти «Записки» и найдут в них пищу для ума, то пусть они знают, что появлением этих «Записок» они обязаны не только мне, но и Наде, которая немало помогла мне в работе над рукописью.

17. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Кроме женитьбы, эта осень ознаменовалась одним важным событием в моей жизни. Я закончил составление своей «Антологии Забытых Поэтов XX века» и отнес рукопись в Издательство, в Исторический отдел. Редактор отдела встретил меня весьма сочувственно и попросил зайти через неделю. Мой благосклонный Читатель, даже не будучи Автором, легко может себе представить, что я пережил за эти семь дней, ожидая

решения своей судьбы. Меня утешало только то, что, как известно из истории, в старину Авторы гораздо дольше ждали оценки своим трудам и порой месяцами пребывали в состоянии неизвестности, пока их рукописи читались в редакциях.

И вот ровно через неделю, явившись в Издательство, я узнал, что рукопись моя прочтена Сотрудниками Исторического отдела и самим Редактором и получила положительную оценку. Правда, некоторые замечания были явно односторонни и необъективны и тираж был назначен всего в пять тысяч экземпляров, но все это меркло перед основным фактом: моя «Антология» будет издана, и литература Планеты обогатится еще одной ценной и нужной книгой. Когда же был подписан договор (что теперь стало чисто символическим актом, ибо деньги были уже отменены и гонорара не полагалось) и схлынула первая волна моей радости, я обратился к Редактору с просьбой дать прочесть мою рукопись какому-либо агрегату, — быть может, тот будет более справедлив и объективен, нежели Сотрудники отдела, и наметит мне больший тираж.

На эту мою скромную просьбу Редактор ответил даже с некоторой обидой, что в его отделе, так же как и в прочих отделах Издательства (за исключением Поэтического), все рукописи читают Люди, а никаких агрегатов нет.

— Почему же Поэты исключаются из этого правила? — спросил я. — Почему им такое предпочтение? Ведь моя «Антология» тоже состоит из стихов — правда, авторов их нет в живых, ибо они жили давно, в Двадцатом веке.

— Поэтов слишком много, и работники Поэтического отдела не справляются с нагрузкой, — ответил мне Редактор. — Поэтому приходится применять агрегаты.

Далее он высказал мысль, что непрерывный рост культурного уровня и всеобщее высшее образование имеют, по его мнению, 999 достоинств и один недостаток. А недостаток этот заключается в том, что очень многие Люди теперь пишут стихи и несут их в Издательства, считая себя Поэтами, на самом деле не будучи ими. Правда, количество истинных Поэтов тоже

растет, но в процентном и абсолютном отношении их, как и всегда это было, гораздо меньше, чем Людей, мнящих себя Поэтами. И так как Издательство силами Людей не может справиться с наплывом рукописей, то оно вынуждено прибегать к помощи БАРСов*, МОПСов**, ВОЛКов***, ТАНКов**** и прочих вспомогательных агрегатов. Трудно приходится этим агрегатам — ведь обидеть Человека ни один агрегат не имеет права, а правду говорить Авторам он обязан, и эта правда порой горька. А тут еще Специальная Наименовательная Комиссия, которая, как известно, состоит из Поэтов-Добровольцев, дала этим агрегатам такие устрашающие прозвища...

Я попросил Редактора сводить меня в Отдел Поэзии, и он охотно провел меня через тихие редакционные коридоры в большой и довольно шумный зал, у входа в который висело объявление:

«Палки, зонты и иные опасные предметы просьба оставлять в прихожей!»

— Какое зловещее предупреждение! — сказал я Редактору. — Неужели в наш век возможно рукоприкладство, палкоприкладство и зонтоприкладство?

— Увы, от Поэтов всего можно ожидать, — ответил Редактор. — Правда, на Людей они не покушаются, но агрегаты от них иногда страдают. Так, в минувшем году один молодой Поэт ударил палкой БАРСа, когда тот сказал ему, что рифмы «любовь — кровь» вновь — бровь» существуют уже четыреста лет и не являются открытием этого Автора. А в позапрошлом году одна начинающая Поэтесса побила зонтиком МОПСа, когда тот отверг ее стихи.

— Никогда не думал, что в наше время могут процветать столь жестокие нравы, — сказал я. — Какое счастье, что, составляя свою «Антологию», я имел дело не с живыми, а давно почившими Поэтами!

* БАРС — Беспристрастный Агрегат, Рецензирующий Стихи.

** МОПС — Механизм, Отвергающий Плохие Стихи.

*** ВОЛК — Всесторонне Образованный Литературный Консультант.

**** ТАНК — Тактичный Агрегат Нелицеприятной Критики.

Тем временем перед нами растворились стеклянные двери, и мы вошли в зал. Тотчас же к нам подошла СЛАВА* и ласковым голосом спросила, чем мы намерены порадовать Отдел Поэзии: стихами или поэмой. Узнав, что мы еще не написали стихов, она скромно отошла в сторону. Я стал разглядывать зал. Посреди этого зала стояли диваны и кресла, на которых сидели Поэты. Они мирно беседовали меж собой, и жестокости в выражении их лиц я не заметил. По краям зала стояли столы, за которыми сидели БАРСы, ВОЛКи и МОПСы; все эти агрегаты вовсе не походили на зверей, имена которых присвоила им Наименовательная Комиссия. Это были обыкновенные специализированные механизмы, довольно хрупкие и безобидные на вид. ТАНКи тоже отнюдь не напоминали собой эти древние орудия убийства. Тем грустнее было мне увидеть над столами некоторых из этих агрегатов воззвания, свидетельствующие о том, что эти беззащитные механизмы порой подвергаются грубому обращению и даже побоям. Так, над МОПСом висел стишок, сочиненный, возможно, им самим:

Я всего лишь агрегат,
Не причина бед.
Бедный МОПС не виноват,
Если плох поэт.

Над БАРСом висело четверостишие, написанное классическим ямбом:

Поэт! Ты юноша, или дева,
Или старый деятель стиха, —
Но бей меня в порыве гнева,
Да будет скорбь твоя тиха!

А что означает эта надпись на стене: «Просьба поданная агрегатам на чтение рукописи без металлических скрепок»? — спросил я своего провожатого.

Эта надпись появилась после одного прискорбного недоразумения, — поведал мне Редактор. — Однажды некий Поэт дал на чтение ВОЛКу лирическую поэму, листы которой были соединены скрепками из

* СЛАВА (Специализированный Логический Агрегат, Встречающий Автор) — механизм XXII века; то же, что в древности Секретарша.

намагниченного железа. ВОЛК, прочтя произведение, нашел его гениальным и немедленно побежал с ним к Редактору-Человеку. Тот же не обнаружил в поэме никаких достоинств. Оказалось, что намагниченное железо внесло путаницу в электронную схему ВОЛКа. После этого ВОЛК-27 стал считать всех Поэтов гениями, и его пришлось демонтировать.

— Надеюсь, что Поэт не намеренно совершил свой ужасный проступок? — спросил я.

— Поэт тут не виноват, — успокоил меня мой провожатый. — Он работает в лаборатории, где имеют дело с магнитами.

Не решаясь злоупотреблять далее любезностью моего спутника, я сказал ему, что дальнейший осмотр зала я продолжу один, и он ушел. Я же смешался с толпой Поэтов, и, когда один из них подошел с рукописью к МОПСу, я последовал за ним. МОПС очень быстро прочел рукопись и начал ее комментировать. Очевидно, от многократного общения с Поэтами и плохими стихами он давно научился говорить прозой. Произносил он свою речь-рецензию параспев, мягким баритоном, стараясь не обидеть Автора:

Стихи — силоватая ната, рифмовка слабовата,
Читать их трудноовато, жалеем вас как брата.
Стихи рациональны, не эмоциональны,
Отнюдь не гениальны, а выводы печальны.
Шенну вам осторожно: печатать их не можно,
Читатель нынче строгий, а стих у вас убогий.
Творить вы не бросайте, но классиков читайте...

Я не стал слушать продолжения и подошел к БАРСу, возле которого сидел другой Поэт. БАРС тоже вел литконсультацию стихами:

...Поэма «Водопой» суха, и нет в ней музыки стиха;
Она уныла и длинна, отсутствует в ней глубина;
Я очень уважаю вас, но мал в поэме слов запас,
В ней образов удачных нет, хоть вы талантливый Поэт.
С печалью МАВРА* вам вернет раздумий ваших мудрый

В печать поэма не пойдет, но вас в грядущем слава ждет...

* МАВРА — Меланхолический Агрегат, Возвращающий Рукописи Авторам.

И отошел от БАРСа и направился к агрегату по прозвищу ПУМА *. Одновременно со мной к этому механизму подошел Человек средних лет и подал довольно толстую рукопись.

— Не просмотрите ли мою книгу «Вздохи и выдохи»? Сто сорок стихотворений...

ПУМА взяла рукопись и моментально прочла ее.

— У ВОЛКА были?

— У всех был. И у Людей и у агрегатов. Недопонимают, — уныло ответил Поэт.

— «Вздохи и выдохи» можно издать тиражом в один экземпляр, — ласково сказала ПУМА. — Вас это устроит?

— А нельзя ли хотя бы в два экземпляра? — робко молвил малоталантливый Поэт. — И чтобы тираж на последней странице был указан в миллион экземпляров. Или даже больше.

«Какое безобразие! — подумал я. — В старину это называлось очковтирательством и липой. Конечно, ПУМА откажет ему в этой дикой просьбе и сделает соответствующее внушение».

Но каково же было мое удивление, когда ПУМА ответила согласием на просьбу Поэта!

— Хорошо, — сказала она. — Издадим «Вздохи и выдохи» условным тиражом в два миллиона и фактическим в два экземпляра. Укажите, какую обложку вы предпочитаете, какой формат, какой шрифт и какой сорт бумаги, — с этими словами она подала малоталантливому Поэту папку с образцами. — Выбирайте.

Возмущенный действиями Поэта и агрегата, я поспешил к Редактору-Человеку Отдела Поэзии. Не желая делать неприятность данному Поэту, я задал вопрос в общей форме: бывают ли случаи, когда ПУМА ошибается и выполняет заведомо аморальные требования Авторы? Так, например, может ли она, запланировав тираж в два экземпляра, указать в тексте книги, точнее — в издательских данных, что книга вышла тиражом в два миллиона экземпляров?

* ПУМА — Прибор, Утешающий Малоталантливых Авторы.

К моему удивлению, Редактор ответил, что ПУМА так и программирована.

— Агрегат запрограммирован на ложь! — воскликнул я. — Первый раз слышу такое!

— «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — процитировал Редактор слова классика. И затем добавил: — Этот обман никому не причинит зла. Поэт обманывает только себя, утешаясь этим обманом. И не надо его огорчать.

— Мне вообще непонятно, зачем издавать книгу, которую никто не будет читать, — сказал я.

— Надо быть терпимым, — проговорил Редактор. — Общество настолько богато, что может издать. Поэту книгу, хоть Обществу эта книга и не нужна. Почему бы не доставить радость Человеку!

Признаться, такая логика показалась мне странной, и я ушел от Редактора, несколько не убежденный им. «Хорошо все-таки, что я не Поэт, — подумал я. — И книга моя выйдет не условным миллионным тиражом, а самым реальным пятидесятичным».

18. ОСТРОВ МОЕГО ИМЕНИ

Зима в том достопамятном году была суровая. Нева стала рано, залит уже в ноябре прочным льдом, из моего окна видны были лыжники и аэробуеры, скользящие по его поверхности. Мы с Надей жили теперь в том же доме, где и мои и Андрея родители, только в другой квартире. Моя «Антология» была сдана в набор, и я ждал корректуру, а тем временем принялся за новый труд — «Писатели-фантасты XX века в свете этических воззрений XXII века». Надя помогала мне в этой работе — разумеется, чисто технически. Ее идеальная память нашла, наконец, себе должное применение. Андрея я давно не видел — я знал, что он очень занят, и не хотел ему мешать. Все только о нем и трубили. Поэты сочиняли скороспелые вирши об Андрее Светочеве, где сравнивали его то с Прометеем, то еще бог весть с кем; газеты посвящали ему целые подвалы с громкими шапками вроде: «Аквалидная ци-

визация», «Техническая революция» и т. д. В журналах же печатались большие статьи под заголовками «Аквалид и Дальние Звезды», «Эра моносырья», «Пересмотр земной экономики». Меня удивляла эта шумиха, она казалась мне несерьезной и преждевременной: ведь самого-то аквалида еще не было. Впрочем, зная характер Андрея, я был за него спокоен: все эти воздаваемые авансом почести ничуть не волновали его, и пужны они ему были как собаке пятая нога, — да простит меня Читатель за некоторую грубость этой старинной поговорки.

Надя уже не раз говорила мне, чтобы я съездил навестить Андрея на Матвеевский остров — остров моего имени. Однако поглощенный своей новой работой, я все время откладывал эту поездку. Но, как в старину говорились, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Однажды вечером Андрей навестил меня.

— Я к тебе с просьбой, — начал он с места в карьер. — Не поможешь ли ты мне пригладить одну статью? Я написал ее для детского научно-популярного журнала, очень просили. Но я не умею излагать свои мысли в общепонятной форме, это у меня коряво получается. Ты прочти, почеркай. Ничего, что я от руки написал? У меня почерк неразборчивый.

— Почерк-то у тебя разборчивый, — ответил я, — но ведь вся эта техническая премудрость мне непонятна.

— Да нет, я тут все без формул изложил, ведь это для детей. Тебе надо только причесать статью стилистически. Ведь у тебя хороший слог.

— Хорошо, я сделаю что могу, — ответил я. — Но, кстати, почему Нина не взялась за это дело?

— Нина во многом мне помогает, но тут она побоялась быть необъективной. Ей почему-то нравится все, что я делаю. Она сама посоветовала мне обратиться к тебе.

Когда Андрей ушел, я прочел статью — и ничего, признаться, не понял. В ней действительно не было формул, но она изобилвала техническими терминами, таблицами и ссылками на труды всевозможных исследователей. Когда Надя пришла с работы, я дал ей про-

честь произведение Андрея, и она сказала, что все понятно, но кое-что надо упростить. С помощью Нади и словарей я заменил наиболее непонятные выражения, пригладил статью стилистически, но смысл ее остался для меня темным.

— Ничего, — улыбнулась Надя. — Дети поймут. Ты просто закоренелый Гуманитарий. Тут все просто до гениальности.

Оригинал этой статьи, написанный рукой Андрея, и поныне находится у меня, а после моей смерти будет храниться в мемориальном музее Светочева.

Когда статья получила мою литературную обработку и я продиктовал ее исправленный вариант МУЗЕ, Надя сказала мне:

— Почему бы тебе самому не отвезти ее Андрею на остров твоего имени? Твой друг в твою честь назвал остров, а ты на нем не бывал.

— Нет, я завтра отошлю статью почтой, — ответил я. — На острове я хоть и не бывал, но отлично знаю его по телепередачам и фотографиям в газетах.

Нади как будто согласилась с моими доводами.

На следующий день — это был Надин выходной — мы с утра вышли на заливе побегать на лыжах. Перед этим мы едва не поссорились, выбирая лыжи.

— Возьми самодвижки, — сказала Надя. — На обыкновенных мне надоело кататься.

— Зачем же брать самодвижки, ведь на заливе нет гор, — резонно возразил я.

— А мне вот хочется на самодвижках!

— Бог с тобой, как в старину говорились, — согласился я.

Лыжи-самодвижки тогда только входили в моду. Внешне они напоминали обыкновенные пластмассовые лыжи, но в них были вмонтированы микродвигатели. Стоило сильнее надавить каблуком на упор, и они включались. На них удобно было въезжать в гору.

Мы вышли на залив и вскоре очутились у ледяной дороги, ведущей на остров моего имени. По ней двигались элмоби́ли, элциклы — и все в сторону Ленинграда. Мы остановили один из элмоби́лей и спросили, почему это все едут с острова и никто не едет на остров.

Раньше вы не слышали спецсообщения? — удивился один из пассажиров. — Оно передавалось полчаса тому назад.

— Изгнание из аквалидного рая, — пошутил второй пассажир. — Рай становится опасным.

Вот как! — засмеялась Надя. — А мы как раз туда.

Она включила лыжи на самоход и помчалась по лыжне, шедшей параллельно ледяной дороге. Пришлось и мне включить самодвижки и догонять ее.

— Надя, ведь это далеко! — воскликнул я, догнав ее. — И ведь все покидают остров.

— Но остров назван твоим именем. Тебя должны пустить на него, — сказала Надя.

— Странная логика, — подивился я. — И потом, уж если ехать на остров, то со статьей, а я ее с собой не взял.

Надя сняла рукавичку и приложила ладонь к своему лбу.

— Статья здесь, не беспокойся.

— Мы рискуем отморозить себе лица, — сказал я. — Смотри, какой сильный встречный ветер.

— И это предусмотрено, — ответила Надя и вынула из кармана куртки две обогревательные маски.

Надя, значит, ты сознательно пошла на обман! — удивился я. Ты обдумала эту поездку заранее!

Милый, да как же иначе можно тебя выманить, — засмеялась Надя. — То ты над своими «фантастами» сидишь, то над СОСУДом, а к другу ни погой. Вот я и подстроила эту поездку.

И все таки нехорошо обманывать. Помнишь, что мы учили во втором классе: «Малый обман — это тоже обман. И капля и океан едины в своей сути».

Ну, мой обман — это очень маленькая капля, — улыбнулась Надя.

Вскоре показался Матвеевский остров, и мы увидели, что на льду возле берега через равные интервалы стоят УЛИССы*. В своих металлических руках они

* Напоминаем: УЛИСС (Универсальный Логический Исследователь. Специальной Службы) — старинный механизм доаквалидной эпохи.

держали аншлаги: на остров нельзя, состояние опасности. Это же самое они время от времени выкрикивали.

— Вот видишь, мы напрасно явились сюда, — сказал я Наде. — УЛИССы нас не пустят.

— Мы просто пройдем мимо них, — возразила Надя. — Ни один механизм не может применять силу против Людей.

— Нельзя злоупотреблять этим свойством агрегатов, — строго сказал я. — Механизмы — слуги Общества.

— Эвакуация закончена. На остров нельзя, — сказал мне один из УЛИССов, когда я подошел к нему.

Но я попросил его найти Андрея Светочева и сообщить о нашем с Надей прибытии. УЛИСС пошел в глубь острова и вскоре вернулся. Рядом с ним шагал Андрей. Он обрадовался нам, но удивленно осведомился: разве мы не слышали чрезвычайного сообщения? Мы ответили, что были в пути. Тогда Андрей сообщил, что завтра начнет действовать Главная Опытная Лабораторная установка по производству аквалида. Как известно, одна из стадий преобразования до сих пор технологически неясна. Только в результате практического опыта будет выяснено, верен ли этот узел технологического процесса. Короче говоря, может произойти взрыв.

— Если произойдет взрыв, значит аквалид — фикция, мираж? — спросил я.

Нет. Это будет означать только то, что технологический процесс несовершенен. Другие потом найдут верный путь, утятя эту ошибку.

— Дорогостоящая это будет ошибка, — сказал я.

— А что Человечеству далось даром? — возразил Андрей.

Остров был совсем безлюден. Лишь иногда дорогу нам пересекали УЛИССы, идущие по каким-то заданиям. Корпуса, башни, какие-то непонятные строения, уступами идущие ввысь, окружали нас со всех сторон. Толстые трубопроводы, окрашенные яркой самосветящейся краской, шли от здания к зданию, то стелясь по земле, то взбираясь на высокие фермы.

— Каким большим стал остров! — сказал я. — И сколько на нем настроили!

— Тут весь земной шарик потрудился, — не спеша ответил Андрей. — А завтра от всего этого, быть может, ничего не останется.

— А когда начнется опыт? — спросила Надя.

— Не бойтесь, я не прогоню вас с острова на ночь глядя, — улыбнулся Андрей. — Опыт начнется завтра в десять утра. Вообще-то намечалось начать в два ночи, но пришлось отложить — Нина захворала.

— При чем здесь Нина? — удивился я. — И разве она не эвакуирована на материк?

— Нет. Она захотела быть со мной во время опыта. Поскольку ее решение твердо, она будет сидеть у дублирульта. Все равно мне нужен помощник. А так, в случае аварии, мы сэкономим чью-то жизнь.

— А много было добровольцев, желающих провести с тобой этот опыт?

— Отбою не было. Замучили меня просьбами.

— Но ведь стоять у этого, как ты говоришь, дублирульта, наверно, не так уж просто. Тут, наверно, нужны специальные знания?

— Никаких знаний. Только здоровье, внимание и элементарная грамотность. Не техническая, а просто грамотность. Даже ты, со своей нежной любовью к технике и глубочайшим ее пониманием, справился бы с этим делом, — тяжеловесно пошутил Андрей.

— А что с Ниной? — спросил я.

— Вчера она каталась на буере и не рассчитала, налетела на торос. Ушибла плечо. Сидит теперь дома и плотает порошки, а Врача вызывать не хочет. Боится, что тот эвакуирует ее с острова.

— Скажи, какого цвета был буер? — обратился я к Андрею.

Андрей посмотрел на меня удивленно и ответил:

— Красного. Но что за странный вопрос!

— Ничего не странного, — небрежно сказал я. — Вам, Техникам, все кажется странным.

Конечно, с точки зрения всякого здравомыслящего человека, мой вопрос был странным. Но ведь я-то видел на экране АНТРОПОСа, что Нина садилась в крас-

ную лодку. Я сразу отчетливо представил себе эту красную электромоторку с надписью «Эос» на борту. Лодка была красная, буер тоже красный... И внезапно на сердце у меня полегчало. Все эти месяцы я тайно беспокоился за будущее Нины, помня прогноз АНТРОПОСа, а теперь мне стало ясно, что АНТРОПОС ошибся. То есть в какой-то мере он оказался прав, но в самой печальной части своего прогноза он ошибся.

Ход моих рассуждений был таков. АНТРОПОС мыслит расширенными общемировыми категориями. Залив, море — для него это масса воды. Лед — это частное, местное явление. Логически лед — это просто замерзшая вода. АНТРОПОС и даст его как воду. Буер — это небольшое суденышко, движущееся по поверхности воды — льда. АНТРОПОС воспринимает его как лодку. Торос, на который налетел буер, — это тот скалистый берег, на котором якобы погибла Нина. Но исхода аварии АНТРОПОС не предвидел, недаром он ошибается в двадцати из ста: Нина жива, только ушибла плечо.

С души моей спала подспудная тяжесть, мне стало легко. И сам этот остров, названный моим именем, весь застроенный непонятными сооружениями, казался мне милым и уютным.

— Вот мы и пришли, — сказал Андрей.

Мы стояли перед одноэтажным пластмассовым домом, в котором жил Андрей. Не стану описывать вам этот дом, — вы все его отлично знаете: там теперь филиал мемориального музея А. Светочева.

Мы вошли. Нас встретила Нина. Она очень похорошела с той поры, когда я расстался с нею. Правда, она была бледна, но и это к ней шло. Плечо у нее, видно, болело сильно, но она крепилась. Я познакомил ее с Надей. С огорчением я заметил, что они друг другу не понравились. Не то чтоб между ними возникла неприязнь, — нет, они просто не нашли общего языка. И даже когда Надя на память продиктовала МУЗЕ исправленную мною статью Андрея, Нина нисколько не восхитилась ее феноменальной памятью. Сама же статья понравилась и Нине и Андрею.

После ужина Надя сразу же ушла спать в отведенную нам комнату, Нина осталась в столовой-гостиной,

а мы с Андреем пошли в его рабочую комнату. Он за-сел за какие-то чертежи и таблицы, я же принялся рассматривать его альбом с марками. Это длилось до-вольно долго.

— Иди-ка лучше спать, — сказал я Андрею, — утро вечера мудреней. И потом, есть такая старинная поговорка: перед смертью не надыхаешься. Только не пойми ее буквально.

— Ты завтра увези этот альбом с собой, — прого-ворил Андрей. — Если что-нибудь со мной случится — бери себе. А если все будет в порядке — верни. Чур, не заклинивать!

— Ладно, возьму, так и быть, — ответил я. — И че-стно верну. Очень пужны мне твои аляповатые зве-рюшки!

— От портретника слышу! Бей портретников! — Он вскочил со стула, схватил с дивана подушку и ударил меня по голове. Я схватил другую подушку — и нача-лась катавасия, как в старину говорилось.

— Развозились как маленькие! — с притворной строгостью сказала Нина, войдя в комнату. — Весь дом трясется.

— Не мешай, Нина, идет бой между добром и злом! — крикнул Андрей, принимая мой очередной удар подушкой и пытаясь нанести мне ответный.

В это время кто-то постучал в паружную дверь. Я сразу догадался, что это какой-нибудь механизм: Люди имели право входить без стука.

— Можно, — сказал Андрей, выходя в прихожую.

Дверь открылась, и в клубах морозного пара по-явился УЛИСС.

— Срочное сообщение, — изрек он. — В суперреак-торе номер три обнаружил неполадку типа альфа три-ста двадцать один.

— С этим надо обращаться к ЭЗОПУ*, — строго сказал Андрей. — Сколько раз говорил, что вопросы, степень важности которых ниже градации В, меня не интересуют.

* ЭЗОП (Электронный Заместитель Организатора Произ-водства) — довольно совершенный для своего времени агрегат. Впоследствии заменен ЭЗОПом-2.

— Выслушал. Иду к ЭЗОПу, — бесстрастно ответил УЛИСС и вышел, аккуратно закрыв за собою дверь.

— Удивительно бестолковы эти УЛИССы, — посе-товал Андрей. — Горе мне с ними. И когда, наконец, мы избавимся от этой допотопной техники!

Не прошло и минуты, как наружная дверь снова открылась и в прихожую без стука вошел другой агре-гат. Он был невелик — ростом с десятилетнего ре-бенка; за плечами его поблескивали сложенные крылья.

— Почему вы вошли без стука? — строго спросил я его. — Много воли вашему брату агрегату дают!

— Мне разрешено без стука, — с некоторой обидой ответил механизм и затем, обратясь к Андрею, сооб-щил: — Накопление субстрата идет нормально. Но в главном корпусе, в узле дельта сто семнадцать обнару-жил неполадку типа «А» двадцать один.

— Сейчас иду, — ответил Андрей. Затем, обра-тясь ко мне, сказал: — Это ЭРОТ*, новинка нашей техники. Ему разрешено входить без стука. А ты не хочешь посмотреть Главный корпус?

— Почему же нет, охотно посмотрю, — с готов-ностью ответил я, чтобы не огорчать Андрея.

— Я тоже, пожалуй, пройду с вами, — сказала Нина. — Похожу — может, и плечо пройдет.

— Ничего себе способ лечения, — молвил я, набра-сывая Нине на плечи синтемовую шубку. — Медицина на уровне шаманов. Тебе надо просто вызвать Врача.

Но она пропустила мои слова мимо ушей — это бы-ло в ее духе.

Мы вышли из дома на мороз. Красный вращающий-ся прожектор горел на мачте, и весь остров был залит красноватым тревожным светом. Впереди нас молча шагал странный агрегат со сложенными крыльями. В нем чувствовалась какая-то неприятная самостоя-тельность, даже самоуверенность.

* ЭРОТ (Электронный Разведчик Облегченного Типа) — один из наиболее совершенных агрегатов доаквалидной эпо-хи. Ныне на Земле не применяется, но в измененном и усо-вершенствованном виде, выполненный из аквалида, работает на радиоактивных плато Марса.

— Мы отлично знаем дорогу, — сказал ему Андрей, — а вот в Главном корпусе надо включить свет.

ЭРОТ легко оттолкнулся от земли, расправил крылья и полетел. Вскоре в Главном корпусе зажглись окна.

Когда мы вошли в это здание, меня поразила его величина: снаружи Лаборатория не казалась такой большой. Огромный, ярко освещенный зал уходил вдаль. По обеим сторонам прохода стояли какие-то чудовищные машины и сооружения. У приборов, следя за циферблатами, молча стояли дежурные УЛИССы. Вверху, под прозрачной крышей, где переплетались тысячи кабелей и трубопроводов, беззвучно летали два ЭРОТа.

Андрей пошел в дальний конец зала, и вскоре его не стало видно, он совсем затерялся в этом механизированном пространстве. Нина подвела меня к столу-пульте, на котором было множество цветных кнопок, и села в кресло.

— Вот здесь я завтра будут работать, — беспечно сказала она. — Буду в определенное время нажимать кнопки.

— А ты не запутаешься? — спросил я.

— Нет, ведь есть схема. — Она вынула из выдвижного ящика большую, наклеенную на картон таблицу. — Вот здесь все показано. Ребенок — и тот не спутает.

Действительно, на таблице были изображены те же самые кнопки, что и на пульте, и указано время, когда надо нажимать на каждую из них.

— А это что за большая красная кнопка?

— Это кнопка критического перепада. Та самая.

— И ты нажмешь на нее?

— Нажму, — улыбнулась Нина.

— У тебя совсем большой вид, — сказал я. — Очень болит плечо?

— Побаливает, — неохотно призналась она. — Но завтра все пройдет.

— А если не пройдет?

— Тогда придется вызывать Добровольца. Но я все равно останусь на острове.

Утром меня разбудила Надя.

— Вставай, иди завтракать. Я уже позавтракала. Скоро нам надо отправляться домой.

Я встал, глянул в окно. За ночь потеплело, шел снег. На фоне высокой ярко-желтой башни отстойника он был очень хорошо виден. Уже рассветало, но тревожный красный свет вращающегося прожектора по-прежнему падал на остров моего имени. Было очень тихо.

За завтраком я внимательно смотрел на Нину. У нее был совсем большой вид. Я так прямо и сказал ей об этом, но она промолчала.

— Да, придется вызывать Добровольцев и выбирать из них наиболее подходящего, — молвил Андрей. — Выбрать такого не особенно трудно — был бы Человек с крепкими нервами.

— А я? — обратился я к Андрею.

Что ты? удивился Андрей.

— Я и есть такой Человек. Правда, не слишком технически грамотный, но с крепкими нервами.

— А ты представляешь, как это рискованно? — тихо спросил Андрей.

— Ну, представляю... Но почему кто-то другой должен рисковать, а не я? Ведь естественнее пойти на это именно мне. Как-никак мы с тобой друзья.

Андрей задумался. Потом сказал:

— Ты меня устраиваешь даже больше, чем кто-либо другой. Ведь пульты отстоят далеко один от другого, а с тобой мы можем вести мыслепередачи. Это удобнее радио и телевизии и удобнее, чем телефонная связь.

Вот все и устроилось, — сказал я Нине. — Ты спокойно можешь лететь в Ленинград вместе с Надей.

В это мгновение без стука открылась дверь. Вошел ЭРОТ. На его сложенных крыльях блестел снег. Снег таял и стекал на пол.

Явился по распоряжению ЭЗОПа, — сказал агрегат. Емкости заполнены субстратом. Через двадцать три минуты необходимо вводить в действие систему А.

— Принял и понял, — ответил Андрей

ЭРОТ вышел, оставив на полу влажные следы.

«Не потрудился даже отряхнуть с себя снег, перед тем как войти к Людям, — подумал я. — До чего специализирован, до чего избалован!»

Я пошел в отведенную нам с Надей комнату и объяснил Наде, в чем дело. Узнав о моем решении, она заплакала. Затем спросила:

— Но ты веришь, что все обойдется благополучно?

— Сказать по правде — не очень, — ответил я. — Андрей неудачник. До этого у него были неудачи маленькие, средние и большие. Теперь, вероятно, его ждет полное крушение. Но когда у друга беда, надо быть с ним рядом.

— Да, ты прав, — сказала Надя сквозь слезы. — Но я верю, что все кончится хорошо.

— Будем надеяться, — ответил я. — Если же со мной что-либо случится, то постарайся, чтобы работу над СОСУДОМ продолжил достойный преемник. Что касается корректуры «Антологин», то все надежды я возлагаю на тебя и на твою память.

Вскоре прибыл легколет. Надя улетела на нем одна. Нина лететь отказалась, несмотря на то, что присутствие ее на острове моего имени было теперь не только не обязательно, но и просто бессмысленно.

Когда Надя села в кабину рядом с ЭОЛОМ, я шепнул ей:

— Пожелай нам удачи.

— Ни пуха ни пера, — громко сказала Надя.

— Убирайся к черту! — ответил я.

Нина с Андреем удивленно посмотрели на меня.

— Это так полагается, — пояснил я им. — В данном случае это не ругательство, а нечто вроде заклинания.

Вскоре мы с Андреем отправились в Главную Лабораторию, а Нина пошла в дом. Она решила прилечь. Выглядела она совсем неважно.

Без десяти минут десять я сел за дубль-пульт. Андрей пошел в другой конец огромного зала, чтобы занять место у главного пульта.

В 10.00 я включил первую кнопку. Она была зеленого цвета. Весь зал наполнился глухим вибрирующим гудением. УЛИССы, стоящие у приборов, на минуту подняли вверх металлические руки — в знак того, что системы действуют нормально. ЭРОТ легко спланировал откуда-то из-под стеклянной крыши, где извивались бесчисленные трубопроводы и кабели, и, встав на мгновение перед пультом, расправил крылья, которые светились зеленоватым светом.

— Пеноладок в узлах нет, — доложил он и опять извился вверх.

Затем из круглого люка в полу вылез механизм, какого я никогда и не видывал. Он был облицован пластмассовой чешуей и полз, как змея. На хвосте у него был крючок. Плавно извиваясь, подполз он к подпояску пульта и поднял голову; за металлической обрешеткой головы светился круглый зеленый глаз.

— Подземное хозяйство в порядке, — отпортовал агрегат-змея. — Вводы силовых кабелей в порядке, контакты группы Беста в порядке. Распоряжений нет?

— Раз все в порядке, то какие могут быть распоряжения, — резонно ответил я. — Можете ползти обратно.

Через восемь минут после включения первой кнопки я согласно лежащей передо мной схеме нажал вторую — белую. Гудение в зале перешло в другую тональность. За хрустальным щитом какого-то огромного агрегата, вмонтированного в пол неподалеку от пульта, заматались синие молнии.

В эту минуту я услышал мыслесигнал Андрея.

— Ну как? — поинтересовался Андрей.

— Все в порядке, — ответил я. — В этой работе действительно нет ничего сложного. Я не против нее, но удивляюсь, почему ты не поручил это дело какому-нибудь там ЭРОТУ или УЛИССу.

— Дело слишком ответственное, — ответил Андрей. — Человек — это Человек, а агрегат — это только агрегат.

— Мне вообще не совсем понятен этот принцип дублинга, — сказал я. — Ведь у тебя точно такой же пульт и те же самые кнопки, что и у меня. Только

не подумай, что я хочу уйти на попятный двор, как в старину говорилось. Просто мне это странно. Или это просто перестраховка? Было в древности такое понятие.

— Не перестраховка, а страховка, — ответил Андрей. — Процесс преобразования, как я тебе говорил, длится сорок пять часов тридцать девять минут. За это время кто-то из нас может устать, сделать ошибку невнимания. Но так как нас двое, то ошибка почти исключена.

— Что ж, один ум хорошо, а два лучше, — согласился я. — А скажи, как называется агрегат-змея, который ко мне приползал?

— ПИТОН*, — ответил Андрей. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

В 10.27 я нажал третью — синюю кнопку. В 10.49 — желтую. В 11.04 какую-то полосатую. Все шло как по маслу — по старинному выражению. Между нажатиями на некоторые кнопки интервалы были всего шесть-восемь минут, но были в сорок минут и в час десять. В один из таких черерывов я успел сходиться в душ, в другой — успел пообедать с Андреем. Время от времени прямо к пульта под подходил САТИР** и приносил еду и горячий чай. Изредка мы вели мыслепередачи с Андреем, подбадривая друг друга. Так прошел день, и так прошла ночь.

— Сутки отдежурили, поздравляю! — сообщил мне Андрей в десять утра.

— День и ночь — сутки прочь, — ответил я старинной поговоркой. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответил Андрей. — А ты?

— Тоже хорошо. А как Нина?

— Сейчас говорил с ней и видел ее по видеофону. Лежит. Но-видимому, у нее не только сильный ушиб, но и простуда.

* ПИТОН (Подземный Исследователь-Техник, Обнаруживающий Неполадки) — старинный агрегат, давно снят с производства.

** Напоминаем Читателю: САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу) — примитивный агрегат начала XXII века.

— Отправь ее, пока не поздно, на материк, — дружелюбно посоветовал я.

— Да разве она послушается! — ответил Андрей. — Ты же знаешь ее... Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Прошел и этот день, наступила вторая ночь нашего бдения. Было нажато уже много кнопок самых различных цветов и оттенков. В 2 часа 5 минут ночи я нажал черную кнопку. Следующая была красная — та, от которой зависело многое. Ее надо было нажать через двадцать пять минут после черной.

— Ну как? — спросил меня по мыслепередаче Андрей. — Как ты себя чувствуешь? Не страшно?

— Страшновато, ответил я. Но что ж поделаешь.

— Мне тоже страшновато, — сказал Андрей. — Желаю счастья. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я не слышал, как к пульта подошла Нина. Она была бледна, но даже бледность к ней шла. Удивительное дело — к ней все шло.

— Хочу посмотреть, как вы тут, — сказала она, легким движением сбросив на барьер пульта синтемовую пубку.

— Ты выбрала самое подходящее время, — не без пронон заметил я. — И какое на тебе нарядное платье! Точно на бал.

Ее напаялила его, так плечо болит, — улыбнулась Нина. — Но как-никак — торжественный случай. А у тебя тут все в порядке?

— Все в норме.

— И Змей Горыныч приползал?

— Ты имеешь в виду ПИТОНа? Приползал.

— Он очень смешной. Раз я наценила ему на хвост бумажку, он так с нею и уполз в свое подземелье.

— Нехорошо издеваться над механизмами, — сделал я замечание Нине. — Механизмы служат Обществу.

— А ты все такой же.

— Уж какой есть, — ответил я.

— Ну, до свиданья, — Нина перегнулась через

барьер и торопливо поцеловала меня. — Вот так. Будь счастливы!

Она пошла по голубоватым плиткам пола в другой конец зала, к Андрею. Легкой походкой, в ярком оранжевом платье проходила она мимо УЛИССов, настоженно стоящих у непонятных мне приборов, мимо этого дьявольского нагромождения техники, — мимо всего того, что через несколько минут могло нас убить.

По пришло время нажать на красную кнопку. Я положил на нее палец и подумал: что я сейчас почувствую? Наверно, ничего не почувствую. Все произойдет мгновенно. В таких случаях, напоследок, люди всегда вспоминают что-то очень важное — так я читал в книгах. Что мне надо вспомнить — Надю, «Антологию»?

Я нажал на красную кнопку и вспомнил в этот миг Нину. Вот она стоит у невысокого песчаного обрыва, отражаясь в тихой воде озера...

20. АКВАЛИД ЕСТЬ!

Кнопка была утоплена мною в ее гнезде до конца. Но ничего не произошло. Только гул в зале стал громче. Он шел волнами, то замирая, то нарастая. Кажется, все эти бесчисленные агрегаты с трудом, задыхаясь, лезут куда-то в гору. УЛИССы, стоящие у приборов, подняли на минуту свои металлические руки в знак того, что все в порядке. Из стеклянного поднебесья слетел ЭРОТ и, расправив крылья, отпартовал:

— Узлы системы омикроп-два вступили в действие. Неполадок нет.

Затем ЭРОТ улетел, а из люка выполз Змей Горыныч и сообщил, что подземное хозяйство в порядке.

Я связался с Андреем по мыслепередаче и поздравил его с тем, что опасность миновала.

— Да, теперь все ясно, — ответил он. — Аквалид будет. Ты очень устал?

— Потерплю, — сказал я. — Ведь осталось всего четыре часа.

Через некоторое время я согласно графику нажал синюю кнопку, затем голубую. И вот в 7.39 утра была нажата последняя — белая с зеленым восклицательным знаком. После этого я откинулся на спинку кресла и задремал под негромкий гул агрегатов — этот гул был теперь ровным, убаюкивающим. Потом, сквозь дрему, я различил какие-то новые звуки. Где-то далеко, в середине зала, что-то падало через равномерные промежутки времени — падало с каким-то не то металлическим, не то стеклянным звоном. И вдруг я почувствовал, что кто-то коснулся моего плеча. Я открыл глаза. Передо мной стояла Нина.

Вставай, соня, — сказала она. Аквалид пошел!

Кто пошел? Куда пошел? — не понял я спросонок.

Ах, да идем же! Какой ты чудак!

Я окончательно проснулся, поглядел на Нину и увидел слезы в ее глазах.

Что-нибудь опять неладно? — спросил я. — Ты плачешь.

Да нет же, все чудесно. Я так рада за Андрея! Уж и поплакать нельзя...

— Ну, плакать надо было раньше, — резонно заметил я. — Часа так четыре тому назад, — и, встав с кресла, пошел следом за Ниной.

Мы долго шли по залу, затем свернули в какой-то закоулок. Здесь у стены стояли сменявшиеся УЛИССы — они будто спали стоя. Смежив крылья и прислонившись к могучим УЛИССам, словно малые дети, спали ЭРОТЫ. У их ног с потухшими линзами, без движения лежали ПИТОНЫ.

— Сонная семейка, — сказала Нина и походила дала щелчок ЭРОТУ — прямо по лбу.

Я хотел было сделать ей замечание и напомнить, что механизмы — слуги Общества и их надо уважать, но промолчал. Я знал, что она просто засмеется в ответ. Такой уж был у нее характер.

Мы шли по направлению к тем ритмичным звукам, к звонким ударам падения, которые я слышал сквозь сон еще у пульта. Звуки эти все приближались. Вот мы свернули в коридор между какими-то машинами, и

я увидел Андрея. Он осунулся, глаза ввалились. У него был вид безумного. Он стоял перед большим агрегатом, а из квадратной пасти этого агрегата в металлический ящик, стоящий на полу, со звоном падали какие-то кирпичики, похожие на лед. Один такой брусок был у Андрея, и он его перебрасывал с руки на руку, словно боясь отморозить пальцы. У меня мелькнула мысль, что все это сплошная ошибка, что вместо своего пресловутого аквалида Андрей получил самый обыкновенный лед. Боясь высказать эту мысль, я нагнулся и схватил брусок. Но, схватив, я тотчас же выронил его. Брусок обжег мне пальцы. Он тяжело, с глухим звоном упал на пол — и не разбился.

— На, возьми мой, он уже остывает, — глухо сказал Андрей и сунул мне в руку свой кирпичик. Я взвесил его на руке — он был весьма тяжел. Потом оглядел его со всех сторон. Это было похоже и на лед, и на полупрозрачный металл, и на стекло, а вообще-то говоря — ни на что не похоже.

— Значит, это и есть аквалид? — спросил я.

— Да. Это аквалид градации А. Можно получить всякие другие разновидности, с другими свойствами. Но пока будем испытывать этот. Сейчас пойдем к КАИНу*. За ним будет последнее слово.

По крытому переходу мы направились в соседнее здание. Стены перехода были прозрачными. За ними лежали сугробы. На них ложился зеленый свет вращающегося прожектора. Состояние опасности кончилось.

Мы вошли в зал, посредине которого возвышался огромный агрегат. Он уходил далеко в глубь зала, нам видна была только его лицевая сторона с двумя круглыми большими циферблатами. Над ними белел телеэкран, а внизу чернело квадратное отверстие. Все это напоминало лицо какого-то сердитого великана.

— Сейчас КАИН не покажет силы, — сказал

* КАИН (Катастрофический Агрегат Испытания Надежности) был весьма нужен для своего времени, но утратил значение с открытием аквалида. Ныне экспонируется в мемориальном музее А. Светочева.

Андрей и швырнул брусок аквалида в квадратную пасть агрегата. Тот глухо заурчал, потом взревел; я ощутил, как пол дрожит у меня под ногами. Два циферблата зажглись красным огнем. На телеэкране стало видно, что происходит с бруском в чреве КАИНа.

На брусок спускались стальные молоты, в него пытались вонзиться алмазные сверла, его схватывали клещи из сверхтвердых сплавов. КАИН то раскалял брусок, то бросал его в жидкие газы, охлажденные почти до абсолютного нуля. Он погружал его в кислоты и щелочи, вталкивал его во взрывную камеру, подвергал губительным излучениям. Стрелка правого циферблата, показывающая силу испытания, все время дрожала на красной черте. Но стрелка циферблата, показывающего степень разрушения материала, по-прежнему стояла на белой черте, не подвигаясь ни на микрон.

Испытание длилось долго. Наконец КАИН взревел, словно в злобе на свои бессилие, и умолк. Из его пасти на пол упал брусок. Андрей поднял его. Аквалид был точно таким, как до испытания. На нем не было ни одной царапины.

Пот теперь можно сообщить на материк, что аквалид есть, — сказал Андрей.

После этого мы пошли в столовую, расположенную в центре острова моего имени. Втроем сели мы за столик в огромном пустом зале. Здесь было очень тихо, и от усталости, от необычности всего происходящего мне вдруг показалось, что я просто сплю и вижу сон. Мне захотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться и очутиться в своем кабинете, где на столе лежат рукописи и записи для СОСУДа, где на полках стоят привычные ряды книг...

Но вот к столу подошел САТИР и остановился, ожидая распоряжений, и я убедился, что все это явь.

— А не выпить ли нам шампанского? — сказал Андрей. — Что-то, а бутылку шампанского мы заслужили.

— Сейчас доложу САВАОФу, — произнес САТИР.

Он ушел, а я намекнул Андрею, что этак и Чепьюином стать недолго — один раз шампанское, другой раз шампанское...

— Другого такого раза не будет, — ответил Андрей. — Аквалид есть, больше мне открывать нечего... — В его голосе мне послышалась тайная грусть, будто ему стало жаль, что все уже сделано.

К столику вернулся САТИР, неся бокалы и фрукты. Следом за ним грузно шел сам САВАОФ, торжественно неся бутылку. Он лично раскупорил ее и налил вино в наши бокалы. Мы сдвинули бокалы и слегка ударили их друг о друга («чокнулись», как в старину говорились) и только потом выпили.

Когда мы покинули столовую, я попрощался с Ниной и Андреем и вызвал легкомёт. Я знал, что здесь мне больше делать нечего: сейчас нахлынут Журналисты, Корреспонденты, Ученые. Объясняться с ними — это дело Андрея.

Было уже совсем светло, и когда я летел по направлению к Ленинграду, я видел, что вся дорога на остров теперь забита автомобилями. Масса людей, неся приветственные плакаты, шла к Матвеевскому острову, увязая в глубоком снегу, по упорно продвигаясь вперед. Такого множества людей я никогда не видел.

Вернувшись домой, я завалился спать и проспал четырнадцать часов.

24. КОРАБЛЬ ПРИСПУСКАЕТ ФЛАГ

Все последующие месяцы, вплоть до июля, я усиленно работал над новым своим литературно-исследовательским трудом «Фантасты XX века». Мои Читатели, впоследствии ознакомившиеся с этой значительной (смею думать — не только по объему) книгой, едва ли поверили бы, что это монументальное исследование я создал за столь короткий срок.

Всецело поглощенный работой, я за все эти месяцы ни разу не смог побывать у Андрея на острове моего имени. Впрочем, я отлично знал, что друг мой жив и здоров. Стоило включить телевизор или развернуть га-

зету — и сразу можно было наткнуться на его имя. Эпоха аквалида уже началась. Во всем мире строились заводы по производству единого материала, и Андрей работал над упрощением и усовершенствованием технологического процесса.

Однажды, совершая прогулку, мы с Надей остановились у памятника творцу Закона Недоступности — Нилсу Индестрому. Памятник высился все такой же мрачный, но медная доска с формулой Закона была с пьедестала снята, ибо Закон этот был опровергнут Светочевым. В таком виде памятник стоит и поныне.

В школах и институтах вводился курс аквалидоведения. Свертывалась металлургическая промышленность. Открывались массовые курсы по переквалификации Металлистов, Керамиков, Химиков, Строителей, Деревообделочников и многих других специалистов. К счастью, мне не надо было менять своей профессии.

В конце июня вышла из печати моя «Антология». С прискорбием должен сказать, что она не встретила достойного отклика. Многие журналы сделали вид, что не заметили ее, и других же появились небольшие статейки, которые никак нельзя было назвать объективными и доброжелательными. Их авторы с энергией, достойной лучшего применения, обвиняли меня в узости взглядов, в одностороннем подборе материалов, в том, что якобы я обедняю поэзию XX века. Но так или иначе, «Антология» вышла в свет, и я был весьма доволен этим крупным событием, оставив на совести Критиков их недостойные нападки на мой капитальный труд.

Накануне того достопамятного и печального дня, о котором пойдет речь в этой главе, Андрей связался со мной по мыслепередаче и пригласил меня на следующий день к себе, на остров моего имени. Он сообщил, что будут производиться испытания подводного тоннелепрокладчика. Не желая огорчать друга своим отсутствием, я согласился, хотя мне был дорог каждый час.

Встав на следующее утро, я не пожалел, что принял приглашение Андрея. Погода была прекрасная, на небе ни облачка. Простившись с Надей (она в этот день

не могла сопровождать меня) и взяв портфель, где лежал экземпляр «Антологии» с дарственной надписью Нине и Андрею, я вышел из дому и направился к берегу, до которого от моего жилища рукой подать. Здесь, спустившись на бон лодочной станции, я выбрал себе голубую электромоторку и стал отвязывать ее от причала.

В этот миг ко мне подошел дежурный САМСОН*. Предостерегающе прогудев, он поднял правую руку, и на металлической ее ладони зажегся красный огонек. Это был знак запрета. Другой рукой САМСОН указал мне на берег, точнее — на кабинку, где находилась электронная метеокарта. Я поглядел на небо, на горизонт. Нигде не было ни единого облачка. Придя к выводу, что САМСОН ошибся, я отвязал конец и сел в лодку.

Уважаемый мой Читатель! Никто никогда не мог обвинить меня в невыполнении каких-либо правил, и ко всем механизмам я всегда относился с должным уважением, памятуя, что они слуги Общества. По с этим САМСОНОМ № 871 у меня были личные счеты. Еще в дни моего безмятежного детства этот САМСОН № 871 не раз портил мне настроение, запрещая садиться в лодку при малейшем волнении на море. Уже и тогда этот агрегат был стар и бестолок, а даром речи он вообще снабжен не был. Теперь же он стал еще и подслушивать и часто принимал взрослых за детей. Поэтому я решил пренебречь его сигналами и, включив двигатель, отчалил от берега.

Увидев, что я его не послушался, САМСОН забежал по бону, тревожно гудя и все время поднимая руку с красным огоньком, а другой тыча в сторону будки с метеокарткой. Но я вовсе не желал, чтобы мой свободный день, единственный за несколько месяцев, был испорчен из-за старческой строптивости, а возможно, и личной неприязни ко мне этого САМСОНа № 871. Все дальше и дальше уходил я от него в залив, задав курс электромоторке на остров моего имени.

* САМСОН (Самодвижущийся Агрегат Метеорологической Службы Общественного Назначения) — старинный агрегат, считавшийся несовершенным уже в дни молодости Автора.

Море лежало передо мной гладкое, словно лакированное, без единой морщинки, и очень пустынное. Ни одного корабля не заметил я ни вблизи, ни у черты горизонта. Я не придавал этому значения, целиком занятый своими мыслями. А следовало бы обратить на это внимание!

Когда я подходил к острову, подул легкий ветерок с юго-юго-запада. Мне показалось это даже приятным — слишком жарко было до этого. Привязав лодку, я вступил на остров своего имени. Меня удивило, что он безлюден. Остановив проходящего мимо УЛИССа, я спросил, где же все люди.

— Все на испытаниях. Все на испытаниях, — ответил УЛИСС.

Я начал расспрашивать его, где проводятся испытания, но этот малосообразительный детина все время сыпал какими-то терминами, а толком объяснить ничего не мог. Я отпустил его и поманил к себе пролетающего мимо ЭРОТа — я знал, что эти потолковее. Действительно, ЭРОТ снизился, сложил крылья и встал передо мной как лист перед травой, как говорили наши прадеды, и довольно толково объяснил, что все люди сейчас находятся на Опытном поле, где скоро начнутся испытания НЕПТУНа*.

Боясь заплутаться среди всех этих корпусов, башен и иных непонятных сооружений, я попросил ЭРОТа указать мне дорогу, что тот и исполнил. Он полетел впереди меня, и через некоторое время я очутился на большой немощенной площади, которая находилась на отнятом у моря пространстве за зданием Главной Лаборатории. На площади толпилось много народу, а посреди ее возвышалось зеленоватое чудовище метров пятнадцать в длину и метра четыре высотой.

— Это и есть пресловутый НЕПТУН? — спросил я какого-то Человека.

— Да, это НЕПТУН.

Тогда я поблагодарил ЭРОТа за внимание и отпу-

* НЕПТУН (Новейший Единоматериальный Подводный Тоннелепрокладчик Учебного Назначения) — первый агрегат подводного типа. Ныне экспонирован в музее А. Светочева.

стил его лететь по своим делам, а сам, лавируя среди зрителей, подошел к НЕПТУНу поближе.

Агрегат напоминал гигантскую ящерицу, только без ног. Сделан он был из аквалида. Все тело чудища было усеяно маленькими круглыми отверстиями, а ввыз, у самого брюха, виделось нечто напоминавшее жабры. Туловище оканчивалось гибким плоским хвостом на валиках. Здесь, на хвосте, был расположен небольшой пульт с кнопками, циферблатами приборов и прочей премудростью, а дальше шло несколько рядов сидений — что-то вроде скамеечек, на трех человек каждая. В целом НЕПТУН произвел на меня большое впечатление. Конечно, нынешние подводные агрегаты куда больше, но ведь это был первый агрегат такого типа.

Вскоре я увидел Андрея. В сопровождении Ученых и Журналистов он вышел из-за противоположной стороны НЕПТУНа и подошел к пульта, что-то объясняя своим спутникам. Лица многих из этих Людей были мне хорошо знакомы по книгам, газетам, журналам и телепередачам. Здесь находились все научные светила нашей планеты, а также несколько знаменитых Космонавтов; причина их интереса к этому подводному чудищу, признаться, была мне тогда не вполне ясна.

При появлении Андрея послышались приветственные возгласы, толпа зрителей зашевелилась, и получилось как-то так, что я очутился в первом ряду. В эту минуту Андрей, оторвав взгляд от пульта, выпрямился и поглядел на зрителей. Тут наши взоры встретились. Выйдя из окружения ученых светил, Андрей подбежал ко мне, схватил за руку и подвел к НЕПТУНу. Здесь он представил мне своих коллег и затем отвел меня к пульта.

— Ты как раз вовремя, — сказал он. — Сейчас побываешь под водой — и не промокнешь. Будем испытывать агрегат. А что у тебя в портфеле?

Я пояснил ему, что в портфеле лежит экземпляр моей «Антологии» с дарственной надписью. Но я хотел бы вручить книгу сразу им обоим — и Нине и ему. А где Нина?

— Полчаса назад уехала на островок номер семь проверить записи приборов.

— А скоро она вернется?

— Часа через полтора. Я нарочно послал ее на этот островок. Она хотела покататься на лодке вокруг нашего острова, а я ей сказал: «Уж если хочешь покататься, то поезжай на островок номер семь, сними показания».

— Там что, важные какие-нибудь приборы?

— Вовсе нет. Просто она очень устала от гостей. Пусть отдохнет от них, побудет подольше в море. Одолевают нас гости.

— Но разве ей не интересно присутствовать на испытании НЕПТУНа? Или это, быть может, небезопасно?

— Абсолютно безопасно. А на испытаниях она уже была. Мы третьего дня провели негласное испытание. А сейчас будет показательное — для всех.

Меж тем легкий ветерок, который я едва ощутил при прибытии на остров моего имени, стал сильнее. С юго-юго-запада надвигалась туча. Какая-то смутная тревога закралась в мою душу.

— Андрей, на какой лодке уехала Нина? — спросил я.

Андрей недоуменно посмотрел на меня, удивляясь кажущейся никчемности моего вопроса. Потом сказал:

— Она всегда ездит на той электромоторке, что стоит у причала за нашим домом. Такая красная лодка. А что?

— Лодка под названием или номерная?

— Под названием. «Зорька». Но почему ты спрашиваешь об этом? — В голосе Андрея прозвучала тревога.

А в моей памяти уже вертелась строка древнего, но вечно молодого Поэта: «...Когда розоперстая Эос...», «...Когда розоперстая Эос...» Но почему меня пугает это имя «Эос»? Ведь лодка называется «Зорька». Да, но ведь «Эос» по-древнегречески — это «заря», «зорька»!.. АНТРОПОС в своем прогнозе показал красную лодку, на борту которой было название «Эос».

— Андрей! Бежим к спасательному катеру! Отмени испытание!

Андрей побледнел — видно, мое волнение передавалось ему, и он почувствовал, что с Ниной что-то неладно.

— Объявите всем, что испытания НЕПТУНа откладываются, — тихо сказал он Лаборанту.

Мы побежали к пристани. Здесь дежурный САМСОН № 223 поднял руку с красным огоньком на ладони и не хотел пустить нас на спасательный катер.

Но нам было не до САМСОНа. Мы отчалили, включив двигатель на полную мощность и дав приборам курс на островок № 7.

— Вот тут обычно стоит «Зорька», вот у этой пристаньки, — сказал Андрей, показывая на маленький причал возле дома. Здесь нет САМСОНа, а то он бы не пустил Нину в залив.

Меж тем ветер крепчал. По заливу шли волны. На них уже появились белые гребни. Тучи заволокли все небо. Стало темно.

— Я сам послал Нину навстречу этой непогоде, — сказал вдруг Андрей. — Когда я посоветовал ей поехать на островок номер семь, я сидел за рабочим столом, а за моей спиной была электронная метеокарта. Я даже не обернулся, не посмотрел, какая ожидается погода на ближайшие часы. Небо с утра было такое ясное...

Увы, небо перестало быть ясным. Ветер все нарастал. По морю шли уже не волны, а валы. Наш катер бросало, он зарывался носом в воду, вода перехлестывала через фальшборт на палубу. Капли дождя и брызги, летя почти по горизонтали, кололи лицо.

— Я вызову АИСТов*, — сказал Андрей. — Пусть они летят к островку номер семь.

Он вызвал по Личному Научному Прибору диспетчерскую ВСС** и дал координаты. Диспетчер немедленно ответил, что АИСТы вылетают на поиски. Далее

* АИСТ (Аэролет, Ищущий, Спасующий Тонущих) — очень сильная и маневренная для того времени машина.

** ВСС — Воздушные Спасательные Силы. Существуют и ныне на базе новой техники.

он добавил, что немедленно свяжется с береговыми шведскими и финскими ВСС.

— Но почему Нина сама не вызвала АИСТов по Личному Наручному Прибору? — спросил я. — Может быть, она сейчас сидит на этом островке в безопасности и ждет, когда буря утихнет?

— Этот прибор у нее вечно валяется на столе, — ответил Андрей. — И на этот раз, очевидно, она его не взяла.

«Час от часу не легче», — подумал я и вдруг заметил, что все еще держу в руке портфель с «Аптекой». Затем, открыв люк в кокпите, я бросил туда этот мокрый портфель. «Придется ли вручить Нине эту книгу?» — с тревогой подумал я.

А где двойник Нины по мыслепередаче? — спросил я. — Помнится, эта ее подруга жила в Ленинграде.

— Она давно вышла замуж за моряка и сейчас живет во Владивостоке, — ответил Андрей.

— Одно к одному, одно к одному, — тихо сказала я.

Вскоре мы услышали рокот, шедший с неба, — он был слышен даже сквозь вой штормового ветра. Потом мы увидели пять АИСТов. Они летели со стороны Ленинграда, это были машины знаменитой Второй Балтийской Эскадрильи ВСС. Они летели, то взмывая в тучи, то снижаясь и почти касаясь крыльями валов. АИСТы напоминали своими очертаниями «ястребков» из исторических фильмов. Сходство, конечно, чисто внешнее: это были очень современные и маневренные воздушные машины. Управление на них было вдвоенное — рядом с ЭОЛом сидел Пилот-Человек. Если Пилот выбывал из строя, ЭОЛ принимал управление. АИСТы иногда гибли, процент опасности у Пилотов ВСС был много выше, чем у Космонавтов. Но на место каждого погибшего Пилота сразу же просились тысячи молодых людей. В Пилоты ВСС охотно брали молодых Космонавтов, списанных за чрезмерное пренебрежение опасностью. На АИСТАх излишняя смелость никому не грозила гибелью, за исключением самого Пилота, но зато он, идя на риск, мог спасти чью-то жизнь. Личный состав ВСС имел свое знамя и

носила одежду, напоминавшую форму военных Летчиков XX века.

Когда над нами пролетели и скрылись вдаль АИСТы, на душе у меня стало спокойно. Однако теперь нам самим пришлось туго. Шторм все усиливался, нас швыряло и мотало, вперед мы продвигались медленно — мы даже еще не вышли из фарватера. Неожиданно огромный вал подхватил наш катер и ударил его бортом о фарватерный бакен. Ход замедлился. Вскоре мы почувствовали, что суденышко дало крен на правый борт. Открыв люк, я полез в трюм. Там было много воды.

— Через полчаса мы пойдем ко дну, — сказал я Андрею. — Может быть, вызовем сюда АИСТов?

— Там они пужнее, — ответил Андрей. — Двигатель ведь работает нормально. Как-нибудь продержимся.

Я пошел в кокпит. Там было по колено воды, и в воде плавал мой портфель. «Пропала моя «Антология», — подумал я, но, как ни странно, даже не испытал при этой мысли большого огорчения. Открыв стеной шкафчик, я вынул оттуда два спасательных пояса и вынес их на палубу. Один пояс я дал Андрею, а другой — положил возле себя.

— Зачем это? — спросил Андрей.

— Случись что, ты пойдешь ко дну, как утюг, как в старину говорились, — пошутил я, чтобы поднять настроение своего друга.

Но моя несколько грубоватая шутка не оказала никакого действия. Андрей будто и не слышал ее.

— Я вижу что-то впереди, — неожиданно сказал он. — Кажется, это корабль.

Я стал вглядываться сквозь дождь и брызги пены. Затем я разглядел очертания парусного корабля.

— Как будто парусник, — сказал я. — Но что он делает в море в шторм? Все корабли сейчас отстояются в гаванях, а парусные тем более.

Мы уже вышли из фарватера и шли открытым морем. Парусник двигался наперерез нам. Черный корпус его влажно блестел, острый форштевень мощно рассекал волны. Это был большой трехмачтовый кли-

пер. На гафеле его развевался голландский флаг. Клипер шел при неполной парусности — да и какой сумасшедший поднял бы все паруса в такой шторм!

Вскоре судно убрало почти все паруса и, замедлив ход, встало с наветренной стороны. Палуба его была безлюдна. Затем на ней показался МАРС*. Перегнувшись через фальшборт, он спустил штормтрап и крикнул нам:

— Терпящие бедствие, держите сюда!

Заслоненные от ветра громадой парусника, мы подвели катер к его борту и по штормтрану вскарабкались на палубу. Я успел захватить свой портфель. Карабкаясь по трану, я держал его в зубах, чтобы руки были свободны.

— Где КАПИТАН? — обратился к МАРСу Андрей. — Я должен видеть КАПИТАНА!

— КАПИТАН стационарен, — ответил МАРС. — Могу свести к нему. Идемте.

Шатаясь от качки, мы пошли за механизмом. Он же шатался ровно, будто никакого шторма не было; его тяжелые ноги с резиновыми присосками на металлических ступнях спокойно ступали по мокрым доскам палубы.

— КАПИТАН здесь, — сказал МАРС, подойдя к рубке и нажав на дверную кнопку. — КАПИТАН ждет вас. Входите.

Мы вошли в помещение, где мерцали приборы, где какие-то черные и белые стрелы двигались по желтым квадратам, вделанным в стену.

— Встаньте лицом ко мне! — сказал КАПИТАН**.

Мы повернулись к большому черному щиту с круглым глазом-линзой. Голос шел от него.

— Вижу вас. Вы — Люди. Докладываю обста-

* МАРС (Матрос — Агрегат Регулярной Службы) — не сложный, но довольно удачно сконструированный агрегат XXII века.

** Напоминаем Читателю: КАПИТАН (Кибернетический Антиаварийный Превосходно Интеллектуализированный Точный Агрегат Навигации) — старинный агрегат, весьма совершенный для своего времени.

попку. Везу груз из Амстердама в Выборг. Попал в шторм. Хочу переждать шторм в море. Боюсь приблизиться к берегу, разбить судно. Увидел вас локационно. Отклонился от курса, чтобы помочь. Есть желания?

— Помогите нам! — сказал Андрей и стал объяснять КАПИТАНУ, чего он от него хочет.

Впервые я слышал, что мой друг так почтительно разговаривает с агрегатом. Правда, электронный КАПИТАН был не простой механизм, а агрегат агрегатов.

— Выслушал. Понял все. Сложные условия, — сказал КАПИТАН. — Ждите решения одну минуту семнадцать секунд.

Наступило молчание. Я вдруг услышал биение своего сердца, до этого я думал, что удары своего сердца слышат только вымышленные герои в плохих романах. А кругом шла таинственная жизнь. Вспыхивали и перемигивались огоньки на приборах, жужжали какие-то аппараты. Металлическая тонкая рука высунулась из стены, завертела черный барабан, и из него выпала белая картонная карточка. Карточку сразу же всосало отверстие в той же стене, и над этим отверстием зажглись какие-то цифры и значки... Все кругом двигалось, но двигалось почти беззвучно, как во сне.

— Принял решение, — послышался голос КАПИТАНА. — Меняю курс, иду по указанному вами. Процент опасности — пятьдесят семь три десятых. Избавьте меня от страха. Отключите реле осторожности.

Внезапно все приборы в капитанской рубке погасли, и только на стене справа от нас засветилось стекло с надписью: «Реле опасности. Стекло разбить и повернуть верньер до красной черты».

Андрей подбежал к стеклу, разбил его и выключил у КАПИТАНА эффект страха. Все приборы в рубке снова засветились.

— Идите на бак для визуального наблюдения, — сказал КАПИТАН. — Крепче держитесь за леера.

— А вы найдете, вы заметите этот островок? — спросил Андрей.

— Я вижу дальше вас, — ответил КАПИТАН. — Все вижу, все слышу, все понимаю.

Сопровождаемые МАРСом, мы с Андреем пошли на бак. Тем временем из отверстий в палубе выдвинулись трубчатые телескопические конструкции, от них ответвились витые змеевидные отростки и потянулись к реям. Клипер оделся парусами, изменил курс и пошел бейдевинд. Нос его глубоко зарывался в волны, нас обдавало брызгами. Корпус и такелаж вибрировали от напряжения. Андрей смотрел вперед, не отрывая глаз от моря. С правой руки его на мокрые доски палубы падали капли крови; руки он поранил, разбивая охранительное стекло в рубке.

«Надо бы чем-то продезинфицировать рану», — подумал я и обратился к МАРСУ, стоящему возле нас:

— Где у вас тут аптечка? Есть лекарства?

— Груза, о котором вы говорите, на судне нет, — ответил МАРС, и я понял, что вопрос мой был нелеп: на корабле, где нет Людей, не может быть и лекарств. Тогда я вынул из кармана своей промокшей куртки платок и кое-как перевязал руку Андрею. Но он, кажется, даже и не заметил моей скромной медицинской помощи.

Прошло немого времени, и вдали показались очертания островка № 7. Он все приближался. В сущности, это был просто кусок скалы, торчащей из моря. Над ним вились АИСТы — тут были и машины Второй Балтийской Эскадрильи ВСС, и финские АИСТы с голубыми крыльями, и шведские — белые с золотыми геральдическими львами на плоскостях. Но когда мы ближе подошли к островку, над ним уже никого и ничего не было — машины улетели на свои базы. Только два АИСТА Второй Балтийской качались на волнах возле берега.

Поперек островка лежало какое-то сооружение, очевидно поваленное ветром. Нечто вроде башенки или вышки. Возле этой упавшей вышки кто-то лежал, и кто-то другой стоял на коленях, наклонившись над лежащим. Поодаль, у самой воды, понуро стоял Человек в форме Пилота.

Клипер убрал паруса и бросил якорь. МАРС спустил шлюпку, и мы с Андреем сели в нее и, преодо-

левая волны, приблизились к островку. Пилот помог нам выбраться на берег.

— Что с ней? — спросил Андрей.

Пилот ничего не ответил, только повел глазами в ту сторону, где Человек в форме Воздушного Врача стоял на коленях, склонившись над кем-то. Мы побежали туда.

— Она жива? — задыхающимся голосом спросил Андрей. — Почему вы не делаете ей искусственное дыхание?

— Она не утонула. Ее задело вот тем выступом вышки. Смотрите. — Врач откинул волосы с виска Нины. Ранка была совсем небольшая, крови почти не было.

— Это произошло мгновенно. Это легкая смерть, — утешающе сказал Врач, и, чтобы внести окончательную ясность в то, что случилось, он приложил ЭСКУ-ЛАНИН ко лбу лежащей.

— Ноль болевых единиц, — сказал прибор. — Ноль болевых единиц. Причина смертельного исхода по Харитонову и Бармею: градация пять-бета прим-два дробь три при полной необратимости. Смерть наступила двадцать восемь минут две секунды тому назад. Смерть наступила двадцать восемь минут три секунды тому назад. Смерть наступила двадцать восемь минут четыре секунды тому назад...

— Довольно, — тронул я Врача за плечо. — Все ясно и так...

Мы с Врачом отошли в сторону, туда, где стоял Пилот, к самой воде. Шторм шел на убыль, ветер стихал. Корабль терпеливо ждал нас. И вдруг на нем тревожно и жалобно завывала сирена. Потом я увидел, что флаг на грот-мачте тихо пополз вниз — и так и остался приспущенным в знак траура.

«Все вижу, все слышу, все понимаю...» — вспомнил я слова КАПИТАНА.

Через два дня я пришел в Дом Расставаний, в большой зал, стены которого были облицованы мрамором.

Похоронный обряд был прост, длинные надгробные речи давно отошли в прошлое. После краткого прощального слова гроб по стеклянному переходу понесли к Белой Башне на подъемник — и он вознесся ввысь.

Ближайшие родственники и друзья, в том числе и я, поднялись на открытую вершину Башни, поставили печальный груз в плоскую чашу из темного металла и возложили цветы. Затем мы спустились вниз, во двор, мощный светлым камнем. Откуда-то послышалась тихая грустная музыка, и над Белой Башней взвилось легкое облако пепла и тихо спустилось к ее подножию, где растут красные и белые ирисы.

Все было кончено.

К родственникам и друзьям подошло было несколько АВГУРов*, но им велели отойти в сторону. При большом горе эти агрегаты только раздражали Людей. Во многом склонен я винить нынешнее поколение — и в запосчивости и в неуважении старших, но не могу не одобрить его отказа от некоторых ненужных агрегатов, созданных в эпоху чрезмерного увлечения техническими новинками.

Когда Андрей молча, с опущенной головой вышел из Дома Расставаний, я нагнал его и спросил, не нужна ли ему в чем либо моя помощь.

— Нет, — ответил он. — Мне уже ничем не помочь... Я сам послал ее на смерть.

— Не говори так, Андрей! — воскликнул я. — Ты ни в чем не виноват.

— Я сам послал ее на смерть, — повторил он. — Это моя вина.

Он ускорил шаг, и я подошел к Нининой матери, чтобы сказать ей сочувственные слова.

— Этого не случилось бы, если бы она стала вашей женой, — сквозь слезы сказала Нинина мать. — С вами она прожила бы свой МИДЖ спокойно.

В глубине души я не мог не согласиться с этим утверждением.

* АВГУР (Агрегат Высокой Гуманности, Утешающий Родственников) признан ненужным и снят с производства еще при жизни Ковригина.

22. ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА

Через день я связался с Андреем по мыслепередаче и был несколько удивлен, что он опять находится на островке моего имени, в своей Главной Лаборатории. Мне казалось, что горе, переживаемое им, заставит его прервать работу хоть на короткое время.

— Чем ты занят? — спросил я его.

— Сегодня состоится испытание НЕПТУНа, которое было отложено... Приезжай, если хочешь. Начало в два часа дня.

— Хорошо. Я приеду, — ответил я. — Мыслепередача окончена.

Прибыв на остров своего имени, я направился на Опытное поле, уже знакомое и мне и вам, мой Читатель, и застал здесь большую толпу, любующуюся НЕПТУНом. Но на этот раз она была молчалива: все знали о несчастье, постигшем Андрея.

Перед началом испытаний Андрей усадил меня между собой и Лаборантом на сиденье у пульта и нажал какую-то кнопку. Чудище тихо двинулось вперед, таща нас на своем хвосте.

Вскоре я понял, что НЕПТУН входит в землю. Он входил в нее под очень малым углом, и вначале уклон был почти незаметен. Сперва мы очутились как бы в овраге, а затем агрегат втащил нас в прорытый им же подземный тоннель. На агрегате зажглись лампы, и я увидел круглые стены этого тоннеля; они были как бы облицованы спекшейся массой, похожей на керамику. От них веяло теплом.

Внезапно ровный гул, издаваемый НЕПТУНом, перешел в натужливый рев. Агрегат начал содрогаться, словно встретив какое-то труднопреодолимое препятствие.

— НЕПТУН входит в воду, — сказал Лаборант.

Вскоре забрезжил неяркий свет — стены тоннеля стали прозрачными. За ними виднелись водоросли. Над головами у нас проплывали стайки рыб. Мы медленно, но неуклонно двигались по дну залива, отделенные от воды тонким слоем прозрачного аквалида, который

НЕПТУН выработал из той же самой воды. Ощущение, надо сказать, было странное и даже жутковатое.

— А этот тоннель выдержит давление воды? — спросил я Лаборанта.

— Он выдержит любое давление. Его можно проложить хоть по дну Марианской впадины, ничего ему не сделается, — ответил Лаборант.

В тоннеле становилось все темнее: мы шли в глубину. Затем Андрей нажал какую-то кнопку — и НЕПТУН начал медленно поворачивать вправо, описывая широкий полукруг. Снова посветлело, стали видны водоросли. Вскоре мы очутились на том же самом Опытном поле, только на другом его конце. Вслед за НЕПТУНом, вытащившим нас на своем хвосте к дневному свету, из тоннеля начали выходить Люди; оказывается, целая толпа шла за нами, совершая подземно-подводную экскурсию.

— Ну, вот и все, — сказал Андрей, отходя от пульта НЕПТУНа.

Что все? — спросил я.

Вообще все.

Я не стал расспрашивать его, что он подразумевает под этим «вообще все». Его окружили Ученые, Космонавты, Журналисты, и я отошел в сторону, чтобы не мешать техническим разговорам. Однако слова Андрея показались мне многозначительными, и я решил не выпускать его из виду. Когда толпа научных светил, окружавших Андрея, несколько схлынула, я подошел к нему и сказал, что провожу его до дома, на что он охотно согласился.

— Хочешь, я тебе подарю свой альбом марок? — сказал он. — Я сегодня разбирал вещи...

— Мне не нужен твой альбом, — ответил я. — Но если хочешь, я возьму его на хранение. Когда-нибудь ты снова заинтересуешься марками, и я тебе верну его.

Мы вошли в дом. Как неуютно и пусто было в нем теперь.

— Тебе надо куда-нибудь переехать отсюда, — сказал я своему другу.

В это время мы услышали, что кто-то без стука отворил наружную дверь и вошел в прихожую. Андрей

встрепенулся. Мне показалось, что отражение какой-то безумной надежды блеснуло в его глазах.

Но это явился агрегат, это был ЭРОТ — он прилетел за указаниями. Сложив крылья, он стоял в прихожей и ждал.

— С сегодняшнего дня по всем вопросам надо обращаться к Старшему Лаборанту или к ЭЗОПу, — сказал Андрей. — Я больше здесь не работаю.

— Все понял, — ответил ЭРОТ и вышел из прихожей, тихо затворив за собой дверь.

— Вполне одобряю твое решение уехать отсюда, — молвил я. — Но неужели ты хочешь совсем бросить свою работу?

— Моя работа кончена. Теперь все пойдет и без меня, — ответил Андрей.

— А куда ты намерен переехать? — поинтересовался я.

— Я буду жить в той избушке. Помнишь избушку в лесу, у озера?..

— Конечно, помню. Но едва ли ты там долго выдержишь, ведь там нет никаких удобств.

Андрей на это ничего не ответил, а разубеждать его я не стал — я знал его упрямство. «Ничего, — подумал я, — пусть поживет в лесу, в тишине, пусть там выплачется и успокоится». Правда, меня тревожило то, что он не только тоскует по Нине, а и считает себя виноватым в ее гибели. Но все излечит время, думал я.

Вернувшись домой и положив на стол альбом с марками, я рассказал Паде про свое посещение Матвеевского острова и о беседе с Андреем. Надя восприняла это трагичнее, чем я. Взяв альбом в руки и перелистав его, она вдруг заплакала.

— Это все не к добру, не к добру. Ты скоро потянешь своего друга...

К сожалению, она оказалась права.

Вскоре Андрей покинул город и поселился у озера. Об этом кратко сообщила печать, тактично не приводя излишних подробностей. Газеты по-прежнему были полны восхвалениями создателя аквалида Андрея Светочева.

В особенности хвалы эти усилились после испытания НЕПТУНА. Сообщалось, в частности, что Комиссия Продления Жизни предложила Андрею три дополнительных МИДЖа (только подумать — триста тридцать лет!), а Комиссия Наименований хочет назвать его именем один из новых городов. Писали о проектах памятника Светочеву, о медалях в его честь... И вдруг в печати появилось знаменитое Письмо Светочева. Хотя я уверен, что Читатели мои знают это письмо наизусть, но для полноты впечатления и дабы не нарушить стройность повествования, приведу здесь его текст:

«В силу известной мне причины не считаю себя вправе жить больше своего МИДЖа и от продления жизни отказываюсь. Кроме того, прошу не ставить мне памятников ни при жизни, ни после смерти. Прошу не давать моего имени городам, улицам, промышленным предприятиям, кораблям и космическим средствам транспорта. Прошу не упоминать моего имени в печати, если в этом нет крайней необходимости.

С полным уважением

Андрей Светочев».

Это письмо Андрея поразило меня. Я знал, что он способен на самые странные и неожиданные поступки, но такого я от него все-таки не ожидал. Отказаться от трех МИДЖей! Отказаться от трехсот тридцати лет добавочной жизни на Земле!..

Не мог я взять в толк, да и сейчас не могу понять, и его столь категорического отказа от памятников, от всего того, чем вполне заслуженно хотело наградить его Общество. И до сих пор не могу я уразуметь, зачем он ушел в это добровольное изгнание, зачем поселился в старой избушке на берегу озера. Знаю: он был в большой горе. Но ведь всякое горе проходит...

23. РАДОСТЬ И ГОРЕ

А в моей жизни тем временем произошло радостное событие: я стал отцом. Накануне я отвез Надю в роддом на углу Четырнадцатой линии и Большого

проспекта и всю ночь не мог сомкнуть глаз. На рассвете послышался стук в наружную дверь. Я сразу догадался, что это какой-нибудь механизм: ведь Люди в квартиры обычно входят без стука.

— Войдите! — крикнул я из комнаты и с трепетом стал вслушиваться в приближающиеся по коридору шаги механизма. Недавние печальные события так подействовали на меня, что теперь я ожидал любой напасти. «Вдруг это идет АСПИД?»* — возникла в моем уме страшная мысль.

Но в комнату вошел ГОНОРАРУС**, и у меня отлегло от сердца. В руке агрегат держал букет голубых садовых колокольчиков — это означало, что родился мальчик.

— Если не ошибаюсь, вы известный Историк Литературы Матвей Ковригин? — громким бодрым голосом спросил ГОНОРАРУС.

— Да, я тот, кого вы ищете, — ответил я. — Присаживайтесь.

— Ничего, я постою, — с мажорными нотами в голосе произнес мой добрый гость, кладя на стол букет. — Рад поздравить вас с рождением мальчика.

Далее он поведал мне, что Надя находится в хорошем состоянии, сообщил параметры младенца, час его рождения и откланился. Я же поспешил в роддом, чтобы написать Наде поздравительную записку.

Мне очень хотелось в этот день связаться с Андреем по мыслепередаче и сообщить ему о том, что я стал отцом. Но затем мне показалось, что сейчас не время для такого сообщения, ибо мое счастье только подчеркнет глубину несчастья, постигшего моего друга. Поэтому я решил отложить мыслепереговоры на некоторое время.

В сентябре я послал Андрею мыслесигнал. Андрей немедленно откликнулся.

* АСПИД (Агрегат, Сообщающий Печальные Известия Домашним) — старинный механизм начала XXII века. Давно снят с производства.

** Напоминаем Читателю: ГОНОРАРУС (Громкоговорящий, Оптимистичный, Несущий Отцам Радость, Агрегированный Работник Устной Связи) — старинный агрегат, давно признан ненужным и снят с производства.

— Хочу навестить тебя, — сказал я.

— Прилетай в любое время, — ответил Андрей. — Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

В тот же день я полетел в заповедник. Я высадился из аэролета на том же самом месте, где мы втроем сошли год с лишним назад. Сказав ЭОЛУ, чтобы он летел обратно, я вступил на знакомую мне территорию. Меня охватила грусть. Только подумать, как все изменилось за это время! Тогда мы шагали здесь втроем...

И погода была не та, что в прошлый приезд. Теперь моросил дождик, лес был затянут туманом. Путь мой был устлан опавшими листьями.

Но вот и жилище Лесничего. Увидав меня в окно, Старый Чепьювин вышел на крыльцо и приветливо пригласил в дом. Старик по-прежнему выглядел бодро — смотрел орлом, а не мокрой курицей, как говорили наши предки. Но, увы, опять от него пахло самогоном.

Ну, выкладывай, какая полочка тебя сюда занесла? — спросил он, усадив меня на старинный диван возле столика с древним электросамоваром. Верно, приятеля навестить решил? Плох твой приятель, плох... Жалко мне его. Не жилец он.

— Он болен? — спросил я.

— Болен бы был — это полбеды. Здоров он. Только тоскует сильно. Не проживет он долго.

— Печаль при потере близкого свойственна каждому Человеку, — резонно возразил я. — Но от этого не умирают.

— Кто не помирает, а кто и помирает. Ты, цирлих-манирлих, по себе всех не равняй.

Эти его слова показались мне не вполне тактичными, но я не сделал ему замечания, ибо он был гораздо старше меня и к тому же «под градусом», как говорилось в древности.

— Ну что ж, я пойду к Андрею, — сказал я.

— Ишь какой приткий, — улыбнулся Лесничий. — А посошок-то на дорожку? Гляди, мокреть какая, в такую погоду хороший хозяин собаки на улицу

не выгонит. Как же я тебя без посошка отпущу!.. Ой, старуха, тащи-ка нам сюда три наперстка.

Появилась жена Старого Чепьювина и поставила на стол три больших стакана и блюдце с закуской. Я поздоровался с ней, отрекомендовался и стал ждать дальнейших действий.

— Ну, хватанем, что ли! — сказал Лесничий, подавая мне стакан. — Выпьем за мою дважды бриллиантовую свадьбу. Через четыре месяца сто пятьдесят лет исполнится, как мы со старухой вместе.

Я подумал, что хоть юбилей дело почетное, но не рановато ли начинать праздновать это событие за четыре месяца до его календарной даты. Однако к просьбе Старого Чепьювина присоединилась и его жена, и из уважения к женщине я вынужден был исполнить до дна чашу сию, как говорилось в древности. Закусив соленым огурцом, я распростился с почтенными супругами и направился к Андрею.

В ушах у меня шумело, голова слегка кружилась, но не было во мне той беспричинной легкой веселости, которая овладела мной при прошлогодней вынужке. Теперь мне было тоскливо, неуютно. Пробуждались воспоминания о недавнем прошлом. Вот здесь, возле дома Чепьювина, сидела тогда на скамейке Нина, и олененок терся мордочкой об ее колени, а она гладила его по спине... А вот по этой лесной дороге шли мы тогда вдвоем, и нам светило солнце.

Вскоре мне открылись с холма знакомое озеро, и речка, впадающая в него, и памятный мост без перил. Я осторожно перешел на другой берег по ослизлым от осенней сырости бревнам и пошел к избушке. Шагах в пятидесяти от нее я наткнулся на знак одиночества. Он был прибит к ветке сухой ольхи. Но ко мне это не относилось — ведь Андрей сказал, что он будет рад моему посещению.

Войдя в избушку, я увидел, что Андрея в ней нет. Я огляделся. Комната имела жилой вид. У печки лежали дрова*, кровать была застлана, на полке стояли

* Дрова — продолговатые куски распиленных по горизонтали и расколотых топором (см. Энциклопедию) деревьев. В древности употреблялись как топливо.

книги. Меня поразила намеренная бедность всей обстановки — ни одного агрегата, ни одного вспомогательного механизма! Только напротив простого деревянного стола на стене висела электронная метеокарта — такая же, как та, а быть может, и та самая, которую я видел на острове моего имени в рабочей комнате Андрея. Я стал смотреть на эту непрерывно меняющуюся карту. С северо-запада выплывало сероватое пятно; это означало, что дождь будет идти еще минимум часа два. «Зачем Андрей повесил здесь эту карту? — подумал я. — Ведь она ему ежедневно и ежедневно напоминает о том печальном дне...»

Внезапно я вздрогнул от какого-то странного пофыркивания. Оказывается, откуда-то вылез еж и направился к печке, возле которой на полу стояло блюдце с едой. Ежик ел, несколько не боясь меня, — видно, Андрей приручил его.

Мне стало еще грустнее. Этот лесной зверек только подчеркивал то одиночество, в котором жил теперь мой друг.

От печальных мыслей меня отвлечь приход Андрея. Он явился в болотных сапогах, в непромокаемом плаще — после блуждания по лесу. Он искренне обрадовался моему приходу, а когда я сказал, что у меня теперь есть сын и что мы с Надей решили назвать его Андреем — Андреем Надеждовичем, — лицо моего друга оживилось, и он стал похож на прежнего самого себя. Увы, недолго длилось это оживление. Беседа наша продолжалась, но я не мог не видеть, что моего друга она интересует все меньше и меньше. Он снова вернулся к своим невеселым мыслям, и я чувствовал, что разговаривает он только потому, что не хочет обидеть меня.

— Андрей, — спросил я его, — зачем у тебя на стене висит эта метеокарта? Хочешь, я отвезу ее в город?

— Был день, когда я должен был на нее оглянуться — и не оглянулся. Так пусть теперь она всегда будет у меня перед глазами.

Я ничего не сказал ему на это: я понимал, что разубеждать его бесполезно. Вскоре я попрощался с

Андреем, пожелав ему бодрости и скорого возвращения в Ленинград.

Шли дни и месяцы, а Андрей все не возвращался в город. Иногда я слал ему мыслеграммы. Он отвечал, но ответы его были односложны. Меж тем настало лето. Приближалась годовщина гибели Нины. За несколько дней до этого печального дня я связался с Андреем по мыслепередаче. На мой вопрос, как он себя чувствует, он ответил: «Плохо». До этого он никогда ни на что не жаловался, и меня очень встревожил этот ответ.

— Ты болен? — спросил я.

— Нет, я здоров, — ответил он.

— Может быть, навестить тебя?

— Нет, не надо. На днях я слетаю в город и зайду к тебе. Все?

— Все. Мыслепередача окончена.

Я догадался, что Андрей хочет в день печальной годовщины согласно обычаю побывать у подножия Белой Башни.

Но вот настал этот день, а Андрей в Ленинград не явился. Вечером я решил узнать, в чем дело, почему он изменил свое решение, — это было так не похоже на него. Я послал ему мыслесигнал, но ответа не получил. А живые всегда отвечают на вызов...

Позже Старый Чепьювин, который часто навещал моего друга в его уединении, поведал, что в этот июльский день, войдя в избушку, он увидел Андрея, лежащего без движения на полу. Лесничий немедленно вызвал Врача по Личному Наручному Прибору. Прибывший Врач констатировал смерть от острого приступа сердечной болезни. Старый же Чепьювин нашел свое медицинское определение случившемуся: «Любовь не картошка. Тосковал он сильно — вот сердце и надорвал. Если б он с горя самогонку стал пить — может, и не помер бы, горе бы рассосалось». Эти слова старого Лесничего до сих пор почему-то очень любят цитировать биографы Светочева, находя какой-то скрытый глубокий смысл в высказывании добродуш-

ного, но малообразованного и к тому же часто нетрезвого Чепьювина.

Когда стало известно, что умер Андрей Светочев, на всей Планете был объявлен трехдневный траур. В миг, когда его пепел упал на цветы у подножия Белой Башни, на всей Земле раздался тревожный вой сирен Космической Опасности. До сих пор помню этот тонкий, вибрирующий, леденящий душу вопль. Сирены эти никогда прежде в действие не приводили. В этот день их включили как бы в знак того, что потеря, понесенная Человечеством, огромна и имеет космическое значение.

24. ЭПИЛОГ

Любезный Читатель!

Восемьдесят с лишним лет прошло после событий, изложенных в моем повествовании. Мир преобразовывался на моих глазах, он становился все более непохожим на тот доаквадильный мир, который изображен в моей повести. Земля вступила в эпоху Единого Сырья, в эпоху аквадильной цивилизации, основоположником которой стал мой друг Андрей Светочев. Человечество полностью освоило просторы своей Планеты и смело продвигается в Космос. Но в мою задачу не входило сравнивать минувшее с настоящим, — ведь о минувшем вы знаете из истории, а настоящее видите своими молодыми глазами, которые зорче моих. Ибо я уже стар, я прожил свой МИДЖ с избытком, и недалек тот день, когда мой пепел упадет с вершины Белой Башни на цветы, растущие у ее подножия.

Прежде чем закончить свои «Записки» и поставить точку, хочу сказать несколько слов о себе.

Моя жизнь прошла не бесплодно. После «Антологий» я выпустил немало книг. Не буду перечислять их здесь, ибо каждый культурный Человек, а тем более Человек, интересующийся XX веком, должен знать эти книги.

Жена моя Надя состарилась, но, как и я, пребывает в добром здравии. Ее феноменальная память сохранилась, что немало помогло мне в работе над этими «Записками». У нас с Надей есть сыновья, дочери, внуки и правнуки. Почти все они, продолжая семейную традицию, стали Гуманитариями, а один из моих внуков, Валентин, прямо пошел по моим стопам и избрал поприще Литературоведа-Историка. Его перу принадлежит капитальный труд «Любовь в романах XXI века в свете современной морали». К сожалению, книга эта не встретила достойного отклика и вызвала нападки некоторых недоброжелательно настроенных Критиков. Они обвиняют моего внука в тенденциозном подборе цитат, в односторонности, в поверхностном взгляде на историю литературы и даже в «наследственной узколобости». Да, пылкая молодежь не стесняется в выражениях. Но я спокоен за судьбу Валентина, я верю в него и горжусь им.

Некоторые опасения вызывает у меня один из моих правнуков. Порвав с семейной традицией, он стал не Гуманитарием, а Физиком, да вдобавок еще примкнул к группе Белосветова — молодого теоретика, о котором сейчас излишне много шумит пресса. Этот Белосветов со своими неопитами разрабатывает некую теорию «Великого вакуума», поражающую всякого здравомыслящего Человека своей несбыточностью. Не буду излагать вам ее подробно, так как, к сожалению, вы все ее знаете, — печать вам все уны прожужжала об этой теории. Скажу вкратце, как я понимаю, о чем тут идет речь. Этот Белосветов утверждает, что если в каком-либо сосуде из абсолютно прочного материала (то есть из аквалида) создать абсолютный («великий») вакуум, а затем чем-то там воздействовать на этот вакуум, то можно получить Нечто. Это Нечто по желанию экспериментатора можно будет превратить или в универсальное вещество, или в энергию. Вот до каких геркулесовых столбов нездравомыслия и зазнайства доходят некоторые горячие головы! Наш мир стоит на аквалиде, а им мало аквалида, им подавай Ничто, превращенное в Нечто!

Прости, любезный мой Читатель, за это научно-ли-

рическое отступление. Но мне становится горько за моего друга Андрея, создателя аквалида, когда я слышу эти рассуждения о «Великом вакууме» — и от кого же? — от своего правнука! Уже не раз говорил я ему, что напрасно он верит в этого Белосветова, что в пустом сосуде, как ни крути, ничего не возникнет.

Но уж если речь зашла о сосудах, то, отбросив ложную скромность, напомины благосклонному Читателю о моем СОСУДе, который в противоположность сосудам некоторых лжеученых не пуст и продолжает пополняться. Правда, пополняется он все медленнее, ибо на Земле совсем не осталось Людей, которые знают бранные слова. Старый Челювин, у которого я в свое время почерпнул немало крепких словечек и добротных ругательств для своего СОСУДа, ныне, увы, замолчал навеки. Несмотря на употребление крепких напитков, он прожил два МИДЖа с лишним и умер не от болезни, а в результате несчастного случая. Летя в город на совещание Лесничих и находясь в нетрезвом состоянии, он пытался спить ЭОЛа, забыв, что это не Человек, а агрегат. ЭОЛ потерял управление и врезался в землю. Теперь Лесничим в заповеднике работает сын Старого Челювина. Он Человек неспящий. Но зато он не обладает тем фольклорным богатством, которым по праву мог гордиться его отец.

Время от времени я посещаю заповедник и хожу к озеру, где стоит избушка Андрея. Она и снаружи и внутри имеет точно такой же вид, как и при жизни моего друга. Но все это — и сама избушка и внутренняя ее обстановка — сделано из аквалида. Ведь дерево, камень и металл разрушаются, а аквалид — вечен. На берегу озера, у обрыва, теперь стоит статуя Нины. Статуя очень красива, ее выполнил лучший Скульптор Планеты. Вообще изображения Нины можно встретить всюду, они стоят в каждом городе, в каждом саду. Как известно, Андрей просил не ставить памятников ему, и это завещание свято выполняется. Но, воздвигая статуи Нины, Люди как бы косвенно чтят и память Андрея. Скульпторы и Художники, желающие изобразить Нину, часто консультируются у меня. Однако, несмотря на консультацию, они избира-

жают ее каждый раз по-своему и обычно красивее, чем она была в жизни.

Не так давно я был приглашен в один из новых подводных городов, который решено было назвать Нипианполисом. Город мне понравился. Все в нем из аквалида, а от океана его отделяет прозрачный аквалидный купол. И ехал я в этот город прозрачным тоннелем из аквалида, проложенным по дну океана.

Вообще аквалид настолько вошел в жизнь, что многие не представляют, как это прежде Человечество существовало без него. Однажды один из моих правнуков, самый младший, подбежал ко мне и спросил:

— Дедушка, а правда, что ты жил еще тогда, когда все вещи делали из разного? Дома — из одного, машины — из другого, корабли — из третьего, мебель — из четвертого, книги из пятого...

Да, это правда, — ответил я. — И первая моя книга была напечатана не на аквалидных пластинах, а на бумаге.

— А что такое бумага? — спросил правнук.

Тогда я вынул из шкафа один из экземпляров «Антологии» и показал его правнуку. Мне попался тот экземпляр с дарственной надписью, который так и не был вручен тем, кому он предназначался. От пребывания в воде надпись на заглавном листе расплылась, но слова «Нине и Андрею...» видны были довольно четко. Мне стало грустно.

— О чем это ты задумался, дедушка? — спросил меня правнук.

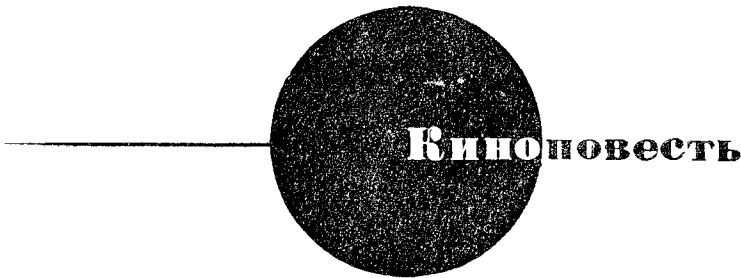
— Я вспомнил свою молодость, — ответил я.

— Тогда расскажи мне про то, как ты был молодым, — попросил правнук.

— Об этом долго рассказывать, — ответил я. — И потом, ты многого не поймешь и многому не поверишь.

— Тогда напиши об этом сказку, — предложил правнук.

— Я подумаю, — сказал я. — Может быть, я и напишу об этом. Только напишу не сказку, а правду. Но эта правда будет как сказка.

Киноновость

Леонид Леонов

ОТ АВТОРА

На примере заурядного человека автор стремился показать переживания многих честных и симпатичных людей на Западе, также накидать предположительный ход вещей, если дело с разоружением затянется и международная жизнь останется без изменений.

Как это сразу видно, страна, люди и прежде всего рассказанные события явно вымышлены автором, хотя последние, по его глубокому убеждению, пока не состоялись единственно по нерасторопности изобретателей и бизнесменов. Поэтому даже комические сцены, если они найдутся здесь, должны читаться и сниматься всерьез, даже в грустном стиле, как возможный вариант действительности.

Хотя и недолговременное, появление дьявола — в разговоре со священником — не должно смущать присяжных мыслителей. Это всего лишь условная философская категория, принятая на Западе в рассуждениях о добре и зле.

Этим памфлетом автор подает свой голос за желанный мир на земле.

БЕГСТВО МИСТЕРА МАК-КИНЛИ

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

М-р Мак-Кинли, клерк 49 лет.
М-с Шамуэй, вдова 50 лет.
Мисс Беттл, девушка 32 лет.
Изобретатель.
Шеф конторы.
Мосье Кокильон.
Его супруга.
Священник.
Хозяйка, ее муж и дочка.
Сэр Самуэль Д. Боулдер.
Администратор фирмы «BS».
Председатель в сенате.
Оратор там же.
Продавец.
Ребята из свиты Боулдера.
Соседи во дворе.
Потаскушка.
Дьявол.
Дети.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ НА ЭКРАНЕ

Сейчас вам будет показана забавная история некоего м-ра Мак-Кинли, из которой всякий сделает выводы по силе разума. Он задумал бежать из своей жизнеопасной эпохи, вместо того чтобы сообща с современниками внести в нее кое-какие поправки. Это совсем напрасное приключение могло длиться почти триста лет, если бы герой своевременно не пришел к более разумному решению.

Одновременно — по развернутой, в меркаторской проекции, карте планеты гуляют дымки и вспышки всех происшедших с начала века военных бурь и сражений.

На фоне сатанинского хаоса звуков: отдаленной артиллерийской пальбы, воздушных тревог, грохота обвалов, визга падающих бомб, сигналов горниста к атаке, стонов, крика и довольно некрасивой брани — странно приятная, властно запоминающаяся, как позывные райской радиостанции, куда то вдаль манящая мелодия. Одно захлестывает другое.

Надписи на экране следуют поверх равного, загнанного человека, который из глубины набегает на экран, мечется, потом в отчаянии замирает на месте, раскинув руки и с поднятым к небу кровоточащим лицом, посреди абсолютно голой, бескрайней, исковерканной местности.

Голос диктора. За минувшие полвека в небе над нами то в отдалении, то почти рядом непрерывно гремели тучки очередных международных осложнений. И так сложилось, что все наперечет детские воспоминания м-ра Мак-Кинли были подсвечены тревожным и как бы праздничным отсветом войны.

Следуют кадры, снятые в виде выцветших неподвижных фотографий. По застылой улице с толпою на тротуарах ликующей походкой движутся войска. Отличный день, выкинутые вперед

на марше ноги, сверкающие трубы оркестра. Толстая прозаическая стрелка указывает на тоненького, лет четырех, мальчика, который на руках матери с видимым удовлетворением наблюдает шествие пехоты, уходящей к назначенным ей подвигам и могилам.

Диктор. Познакомьтесь, юный господин на руках у м-с Мак-Кинли и есть симпатичный герой нашей повести. По молодости он еще не понимает, что перед ним происходит отправка экспедиционного корпуса в Европу, и тем более не предвидит, какие приключения ожидают его самого впереди.

Фотография оживает, все начинает двигаться со старинной скоростью в 16 кадров, мигать и галдеть. Слышны две-три музыкальные оркестровые фразы, потом видение замирает.

Диктор. Все это остается у нашего маленького наблюдателя далеко за пределами детской памяти... Более глубокий след в душе м-ра Мак-Кинли оставили начальные радости бытия, в особенности подарки, которые время от времени слал своему любимцу его дядя, одинокий фермер из Канзаса.

У стола, на котором только что закончилась батальная оловянных солдатиков, тот же худенький мальчик с ружьем, саблей и барабаном на перевязи. Внезапно видение оживает, слышна короткая, прерываемая стрельбой из пугача барабанная дробь, и снова все застывает.

Диктор. С любимым дядей юный м-р Мак-Кинли познакомился лишь три года спустя в госпитале, где тот находился на излечении после первой мировой войны.

Такая же подслеповатая, постепенно яснеющая фотография. Вооруженный игрушечной саблей мальчик в каскетке стоит перед забинтованной кульяшкой в хирургическом кресле; в просвет меж поязков выглядывает крупный трагический глаз. Дядя тянет руку к племяннику, который с визгом прячется в коленях у матери. И снова посредством обратного хода кадров все становится на свои места.

Диктор. Благодаря длительным скитаниям дорожного инженера, старшего Мак-Кинли, по Европе и колониальным захолюстьям познания ребенка о войне значительно обогатились как с парадной стороны

— пленительно для детского воображения сменяется караул у знаменитого дворца,

— подобно событию, перед мальчиком проходит фантастический офицер в перьях на шляпе, в лентах и эполетах, с громадным волочащимся плащом,

— гарцует на смотре опереточного вида кавалерийская часть в одной восточной столице.

Диктор. ...так и с изнанки

— закутанный в дымную мглу, колониальный, с пальмовыми крышами, красиво горит подожженный поселок,

— легкие пушки весело палят по отступающей толпе туземцев,

— но вот и они сами бегут навстречу удирающим поработителям с копытами и другим самодельным оружием паперевес.

Затем следует целая серия родственников — сняты по двое, по трое, поодиночке, большинство мужчин в военной форме. Одновременно возникают два голоса: глуховатый — Мак-Кинли, и другой, скороговорчатый, нетерпеливый временами — мисс Беттл. Видимо, на квартире у Мак-Кинли происходит маленькая пирушка, музыкальные отзвуки которой и всплески голосов то и дело врываются в разговор.

Мак-Кинли. Ну, здесь еще раз мой дядя... как он выглядел раньше, до постигшей его неприятности. Это мои родители... я очень похож на отца, не правда ли?

Мисс Беттл. А по-моему, еще больше сходства с вашей матерью!

Мак-Кинли. О, я бы очень хотел, благодарю вас! У отца тяжкая судьба. Он погиб при бомбежке Амстердама... я был уже на военной службе. А вот и я сам в военной форме, еду в Африку бить Роммеля. Вам нравится, мисс Беттл?

Мисс Беттл (*с заминкой*). Я бы не сказала, что война ваша стихия, м-р Мак-Кинли!

Лишь теперь видна женская, еще без колечка на безымянном пальце рука мисс Беттл, листающая, как выясняется, старинный семейный фотоальбом. Большинство снимков относится к военному времени.

М-р Мак-Кинли смотрит на милую руку девушки. Его воображение надевает ей на палец обручальное кольцо, которое затем исчезает.

Мак-Кинли. Ну, здесь я отравился рыбой, лежу в лазарете. Это почта горит в Таммерзее... необыкновенный дым, похож на летящую утку, правда? Тут мои разные друзья тех лет... как видите, я самый трезвый между ними!

Дальнейший диалог невидимых пока собеседников, временами переходящий как бы в журчание ручейков, ведется при чередовании совершенно неподходящих к теме снимков. Одиноким солдат мокнет в карауле под проливным дождем, опрокинутый грузовик пылает на разбитой дороге, расстреливают у стенки шпиона с завязанными глазами.

Мисс Беттл. У вас тяжелый опыт за плечами, м-р Мак-Кинли.

Мак-Кинли. И, к сожалению, он не молодит... все труднее становится по утрам отрывать голову от подушки.

Мисс Беттл. Ну, это бывает и у меня, к перемене погоды... Какая, однако, жаркая ночь! Неужели же у вас не сохранилось других, более отрадных воспоминаний?

Мак-Кинли. Что вы имеете в виду, мисс Беттл?

Мисс Беттл. Хотя бы сердечные привязанности. Ходят слухи, что вы самый влюбчивый человек на свете... что почти каждую на улице вы провожаете взглядом. У нас в конторе вы даже слывете под именем Синей Бороды. (*Кокетливо.*) Ну-ка, признавайтесь, где вы их хороните?.. Неужели в этой комнате?

Мак-Кинли. О да, они у меня здесь, всегда под рукой.

Мисс Беттл. Так сколько же их было всего?

Мак-Кинли. Не ревнуйте меня к могилкам, мисс Беттл.

Точно из-за отвращения к гадким картинкам войны, объектив сползает сперва на колени мисс Беттл с дешевой сумочкой на них, потом своею нравно, зигзагами блуждает по комнате с оставшейся от родителей старомодной, под стать фотоальбому, мебелью. В поле зрения случайно попадают то ноги мужчины, то несколько острый локоть его собеседницы, то их совместное, плечо к плечу, отражение в смутном зеркале, со спины. Лишь бы отыскать главные сведения, объектив даже выглядывает на улицу, но там нет ничего примечательного, кроме пляшущей ночной рекламы. Тогда, как бы нехотя, объектив возвращается на собеседников, участников объяснения. Это Мак-Кинли и его сослуживица из конторы двумя этажами ниже, худенькая мисс Беттл, еще достаточно миловидная и, наверно, даже привлекательная лет десять тому назад. Она могла бы составить отличную пару м-ру Мак-Кинли, благообразному мужчине лет сорока шести на вид, несколько пасторского облика, с оплывающей фигурой и поразительно неподвижным, всегда без улыбки лицом, выражающим глубокомысленное уныние. Вследствие какого-то органического поражения голова у него чуть набок. Впрочем, это маленькое уродство не портит его, а на службе даже придает ему вид сосредоточенной внимательности к клиенту.

Мисс Беттл. Вы не находите, что здесь очень душно, м-р Мак-Кинли? Как же люди в Африке живут?

Мак-Кинли. Я принесу вам что-нибудь выпить, мисс Беттл.

Он удаляется на свет и музыку в соседнее помещение, гостя неспешно движется по комнате. Ей попадаются на глаза главным образом характерные для холостяцкого быта несообразности. На камине она находит шесть положен-

ных лицом вниз женских карточек. Вот оно, кладбище неосуществленных мечтаний! Все красотики в одинаковых рамочках, с засушенным цветочком под стеклом. Прежние, более ранние, по-моложе. Следовательно, седьмая по счету, повернутая лицом к стенке, должна быть она сама, мисс Беттл?.. Так и есть! Молниеносно она обследует содержимое коробочки рядом. В ней припасенное заранее обручальное колечко, так и не доставшееся ее неизвестным соперницам. Мисс Беттл обнадеживающе улыбается себе в зеркало... Впрочем, она успевает отойти к окну, когда, удостоверившись в отсутствии жильца, в комнату заходит пожилая полная женщина, квартирная хозяйка м-ра Мак-Кинли.

Хозяйка. Ну, сделал он вам предложение наконец, этот ужасный человек?

Мисс Беттл. Пока нет, миссис Перкинс. Что-то мешает ему произнести решающее слово...

Хозяйка. За четырнадцать лет, что он живет у нас, мы так изучили его характер, что решили нарочно устроить для вас обоих эту вечеринку...

Мисс Беттл. Вы так добры к нам, миссис Перкинс.

Хозяйка. Ну, не теряйте бодрости. В атаку, и на смерть холостякам!

Ночная улица за окном, движение огней, сквер внизу. Над площадью нависает загадочный рекламный транспарант: «Первый в мире Сальваторий Боулдер и К°».

Возвращается м-р Мак-Кинли с бокалами, один из них — для невесты.

Они чокаются, отпивают по глотку, потом — глаза в глаза:

Мисс Беттл. Что вы любите больше всего на свете, м-р Мак-Кинли?

Мак-Кинли. Детей.

Мисс Беттл. О, мне известно, вы кумир всех ребятшек в нашем районе. За что же вы так любите их?

Мак-Кинли (*тихо и внятно*). За беспорядок, за

хлопоты, за бесконечные тревоги, которыми они наполняют нашу бездарную порой житейскую скуку...

Мисс Беттл смятенно и признательно тискает ему руку. Молчание. Кто-то заглядывает в дверь, видит скрещенные руки этой незадачливой пары и благородно исчезает. Первое мигание световой рекламы за окном.

Мисс Беттл. На каждом шагу эта мрачная реклама... на спичках, в трамваях, в подземке, даже на тротуарах под ногами... Что они продают, в конце концов?

Мак-Кинли. Не помню, какой-то газообразный соус, в котором покойники сохраняются без порчи хоть тыщу лет. Патент из серии ДОУ... Видимо, что-то по транспортировке портящихся грузов на дальние расстояния.

Доносится танцевальная музыка.

Мак-Кинли. Хотите потанцевать?

Мисс Беттл. Да... (*Они танцуют в довольно тесном пространстве.*) Почему вы не женились в свое время, м-р Мак-Кинли?

Мак-Кинли. Ну, видите ли... я одинокий, неселый человек. И потом... я вам открою секрет. После простуды на фронте мы простояли целую ночь в окопе по пояс в воде — и вот у меня всегда немножко... как видите, шея пабоку.

Мисс Беттл. О, это не портит мужчину в вашем возрасте, напротив... Это может выглядеть и достоинством в глазах разумной жены. (*Очень душевно.*) А ведь у вас могло бы быть уже множество детей... да и теперь... если, конечно, спохватиться не слишком поздно. Что же мешало вам завести их?

Мак-Кинли. Страх...

Мисс Беттл. ...страх утратить свои холостяцкие свободы?

Мак-Кинли. Нет, другое. Я столько наглядился детских несчастий в последнюю войну. О детях мало писали в газетах и судебных следствиях. В те годы еще более крупные купюры зверства были в ходу. Но так уж у меня устроен глаз, везде я вижу в первую очередь их. Они лежали даже под откосом у до-

рог... и у них были такие суровые, ничем не умягчить, прокурорские лица. Так вот: я не могу взять на себя ответственность перед моими будущими малютками. Вот и сегодня: опять обещают серию проб новой водородной бомбы, а мир так верил в наступившее затишье.

Мисс Беттл (*убежденно*). Вы благородный человек, но теперь войне баста, она не встанет больше, она убила себя. Мой сосед... тоже вот прозевал жизнь, теперь наверстывает!.. Вчера в кино со мной обронил шутку, что отныне накал войны будет мериться количеством пены на устах противников. Это очень обнадеживает, правда? (*Приблизив к нему лицо.*) Прошу вас, не прячьтесь больше, взгляните мне в глаза, Мак-Кинли!

Он медлит, не хочет, отстраняется: он серьезный человек. Но ревность делает свое дело.

Мак-Кинли. Кто этот шутник?.. Я его знаю?

Мисс Беттл. На днях фирма переводит его в Африку.

Похожая на ультиматум пауза.

Мак-Кинли (*со вздохом*). Хорошо, давайте встретимся в очередную субботу на том же месте... Кстати, я приготовил для вас одну вещь!

Мисс Беттл. Но вы опять обманете?

Мак-Кинли. В тот раз объявили репетицию, воздушную тревогу номер один. Все утро город был в панике...

Мисс Беттл. Свидание было назначено на вечер! (*Безответное молчание.*) Пойдемте же, повеселимся хоть немножко, бедный м-р Мак-Кинли.

Диктор. Общеизвестно, что, передавая детям накопленные труды ума и рук, боль и надежды сердца, мы через этот взнос в будущее приобретаем право волноваться за весь род людской в его историческом пробеге. Это и есть единственно доступный нам вид бессмертия. Но не имея склонности к азартным играм, м-р Мак-Кинли гнался лишь за тем простым счастьем, которое происходит от общения с малышами, доверчивыми и бескорыстными гражданами земли.

М-ра Мак-Кинли знают в районе, и, едва он появляется в своем районном сквере, все ребячье

население немедля, словно под действием магнитной силы, устремляется к нему. Он невозмутимо движется со своеобразно поджатой на сторону головой, и, едва опускается на скамью, десятки ребячьих рук немедля обследуют содержание его карманов, портфеля, свертка, даже сжатых кулаков. Это напоминает налет воробьев на вишневое дерево. Удостоверясь в напрасности дальнейших поисков, стайка разлетается — каждый уносит что-нибудь с собою. Родители и няньки с улыбкой наблюдают привычную сценку. Всем интересно, чем кончится у этого смешного господина его неутоленное влечение.

Он задерживается на скамье поглазеть на прохожих. Идет не очень молодая, несколько полная женщина, и м-р Мак-Кинли тотчас видит в воображении, как он сам шагает под руку с нею, ведя за собою сперва одного, другого, четвертого и пятого — и вот уже целую вереницу детей! Старшая девочка катит колясочку младшего братца впереди; очаровательный мальчуган с беззвучным, как всегда у привраков, барабанным завершает шествие семьи Мак-Кинли. (*Кстати, это свойство м-ра Мак-Кинли проясняется в продолжение всей повести о нем.*) И куда ни посмотрит по дороге домой, всюду либо это повторяющееся в разных вариантах искусительное видение, либо рекламные объявления фирмы «Боулдер и К°».

Образцы рекламных объявлений
на пути м-ра Мак-Кинли.

«Не скупитесь, не торопитесь умирать. Жизнь продолжается. Обращайтесь в районные отделения фирмы «Боулдер и К°».

«Комфортабельно, выгодно, безопасно. Сальватории Боулдера и К°».

«Ваши шансы уцелеть ограничены. Первые две тысячи сто мест в Сальватории Боулдера проданы. Завтра станет поздно».

М-р Мак-Кинли после ужина присел отдохнуть с газеткой.

Образцы газетных заголовков.

«Крупные бои в Индонезии. Озеро пылающего напалма. Рекордный взрыв артиллерийских складов».

«Новое военное ассигнование. Еще 30 000 000 чего-то там на баллистическое вооружение».

«Коронация водородной новинки Королева Смерти. Воронка в полкилометра глубиной».

«Совещание атлантических штабов. Пробная мобилизация семи офицерских возрастов».

М-р Мак-Кинли присаживается к телевизору.

Образцы программ по всем каналам. Спуск на воду авианосца, и за кадром кто-то смеется на столь наивные, старомодные игрушки прошлого. Это старая кинохроника, сопровождаемая хлестким скороговорчатым обзором комментатора. «...Посмотрите на эту незащищенную, глупую игрушку, и вы поймете, какой детской пошлостью двигался вчерашний прогресс. Боевое вооружение состояло лишь в напрасной растрате бесчисленных ассигнований... и даже странно, что вопреки таким промахам человечество все еще осуществляет свой древний благородный девиз — через страдания и лишения к звездам! Если вчерашняя война, как правило, представляла собою лишь развлекательную прогулку с веселыми фехтовальными поединками, хоровыми спевками и пирушками у бивачных костров, с веселой круговой чаркой или ночными приключениями на сеновалах в завоеванной стране, то ныне человечество становится перед более серьезной задачей воспитания боевого духа. Надвигается так называемая объемная концентрированная война, при которой всякая жизнь абсолютно выключается в обреченных секторах благодаря значительно повышенному коэффициенту полезного действия современного оружия. Мы вступаем в эпоху, когда один человек простым нажатием кнопки может поднять на воздух соседний материк, хотя, правда, нет гарантии, что он сам успеет усмехнуться при этом своей удаче. Поэтому, если вчера еще...»

М-р Мак-Кинли включает следующий канал.

Там художественный фильм. Рыскающие в ночном небе прожекторы. Сквозь грязь и сумрак непогоды, по минутно прячась по горло в стылую воду артиллерийской воронки, шестеро ползут взрывать железнодорожный мост. Тянущие за душу визг и стук шарящего вокруг пулеметного обстрела.

М-р Мак-Кинли мужественно ищет чего-нибудь для вечернего отдохновения.

Почему-то без всякого словесного сопровождения выступление какого-то осатанелого общественного деятеля, видимо сенатора. По выражению лица и жестикующей нетрудно догадаться о содержании его речи.

Телевизор стоит у самого изголовья кровати Мак-Кинли. Уже с головой на подушке он наугад поворотами рычажка подбирает себе что-нибудь утешительное на сон грядущий. Ему попадает атака, и солдаты в шлемах бегут сквозь убийственно раздражающее мельканье куда-то в дымную тоскливую мглу. М-р Мак-Кинли закрывает глаза, но и во сне видит продолжение начатой телепередачи. Только теперь и он сам бежит с атакующими, пока не взрывается что-то у него на плече, и он падает, но уцелевшей рукой в воинском ожесточении хватает из-под ног свою другую, оторванную вместе с автоматом в ней, и продолжает этот вдохновенный бег к гибели.

Очнувшись, м-р Мак-Кинли некоторое время лежит, одолеваемый звуковым хаосом сражения, потом пьет воду и беспомощно бредет к окну. Где-то плачет ребенок. Над городом, вдалеке, несокрушимо стоит огромный, грозный, сверкающий, на длинных металлических фермах плакат: «Не падайте духом. Боулдер и К^о спешит к вам на помощь!»

Но в голове м-ра Мак-Кинли еще держатся впечатления сна. Бодрый, маршевый, подхлестывающий мотив гремит над спящим городом, огромные ночные призраки с походной выкладкой идут сквозь него в сумрак неба.

Диктор. Задолго до излагаемых событий в про- даже стали появляться всякие патентованные средст-

на, способные если не ослабить некоторые великие изобретения по части термоядерной энергии, то хотя бы выключать рассудок на время их действия.

В море шарлатанских выдумок выгодно выделились два разных по стоимости и принципу действия средства, лишь в силу посторонних причин не получившие широкого распространения. Третье вызвало наибольший спрос у современников и сыграло особую роль в судьбе нашего героя.

Надпись. — По должности м-р Мак-Кинли присутствовал на заседаниях Высшего Научно-Лицензионного Совета, где получали утверждение все три эпихальных контризобретения.

В уютном, нарядном зале идет заседание Высшего Научно-Лицензионного Совета. Экспертные пройдохи, штатные работники, гении разных специальностей. За особым столиком м-р Мак-Кинли ведет протокол, рядом пульт для команд в проекционную и другие подсобные помещения.

Председатель *(с видом иронического разочарования по поводу современной цивилизации)*. Следующим пунктом у нас... *(справившись с повесткой)* о, пытливая научная мысль предлагает вашему вниманию, господа, некие оптимистические пилюли с очаровательно-зловещим названием Дрим. Автор — доктор Френсис Липпинсток. Несколько забегаю вперед, я скажу, что перед нами феномен, достаточно показательный для нашего печального времени, господа! Если не ошибаюсь, м-р Кипрей, вам предстоит докладывать об этой радостной новинке?

М-р Кипрей *(с поклоном, методично, даже скучно)*. Представленные Фармацевтическим обществом на наше рассмотрение так называемые оптимистические таблетки созданы для защиты расшатанной психики населения от некоторых... я бы сказал, все более усложняющихся впечатлений атомного века и представляют собою довольно благодетельное, хотя, на мой взгляд, чрезмерно сильное, я бы даже сказал — двойного действия! — средство... с одной стороны, на основе общеизвестных подавляющих растительных алкалоидов круга *Scopolia*, усиленного добавкой тетра-

этил-свинца... а с другой стороны — присоединением редко применяемых пока сверхвозбудителей из кураринов, которые являются четвертичным аммониевым основанием производных дибензилизо-хинолина. Указанное средство пластично и властно действует на спинной мозг, правда, иногда с длительным побочным параличом всех лицевых мышц и впоследствии конечностей... что открывает, впрочем, блистательные возможности для военного применения!.. Несомненный элемент новизны заключается здесь в последовательном включении составляющих элементов... прошу вас, м-р Мак-Кинли!

Пока докладчик чертит на доске химическую формулу пилюли, на экране рядом по мановению Мак-Кинли возникает увеличенное изображение пилюли в виде шарика с помещенным внутри зловеще колючим ядром.

М-р Кипрей. Я имею в виду остроумнейший механизм воздействия. Как видите, курарин начинает свое контрдействие в условиях столбнячного затишья, образовавшегося после растворения скупуламино-содовой оболочки. В человеческом организме получается как бы бешеное завихрение, почти внутренний взрыв, и это стойкое ошеломление, я бы сказал, надежно охраняет психику от вторжения даже наиболее грозных внешних возбудителей. Таким образом, до сознания пациента вовсе не дойдет никакая бомба: ему просто будет не до нее... Я пока кончил, сэр!

Председатель. Благодарю вас, доктор Кипрей! Что ж... если в условиях термоядерного бедствия пренебречь сохранностью самого потребителя, то, несомненно, это счастливая находка в мировой фармакопее... хотя лично я предпочел бы полстакана виски со стрихнином! *(Все жмутся и подавленно улыбаются.)* Что там имеется из документов?

Мак-Кинли *(привстав)*. Здесь также прислано заключение Института ядохимикатов, где в целом подтверждается благоприятное мнение доктора Кипрея. Следует читать, сэр?

Председатель. Полагаю, в этом нет нужды. Имеются вопросы у коллег?

Восторженный старичок (с юным голосом и крохотным личиком). Я считаю эти пилюли необычайной находкой нашего времени... и не забывайте, что по дешевизне ингредиентов ведь это же доступно для самых необеспеченных слоев населения!

Лысый ученый (похожий на дога с вислыми ушами). Но доктор Кинрей указал нам лишь, в чем именно состоит самый эффект применения, а вот какие производились пробы на живом материале?

М-р Кинрей (с поклоном в сторону кивнувшего ему председателя). Постараюсь вкратце... Любые воздействия на подопытную личность, включая выстрелы холостым пушечным зарядом почти в самое лицо испытуемого, неизменно вызывали у него после приема всего только двух пилюль припадок гебефренического... признаться, довольно заразительного для окружающих смеха. Если позволительно польстить присутствующим здесь авторам, то мне еще не приходилось наблюдать ничего равного по силе воздействия на кору головного мозга...

Трое присутствующих, очень разных по внешности и возрасту фармацевтов-изобретателей, скромно улыбаются.

М-р Кинрей (с соответственным теме юмором). ...если не считать травматическое вмешательство, скажем, наезд автомобиля или падение с крыши небоскреба! Число залпов доводилось нами до семи... Примечательно, что в дальнейшем самый показ пилюли вызывал у клиента немедленный приступ такого же рефлекторного веселья, благодаря которому он становился совершенно безразличен к окружающей обстановке. Единственным минусом средства надо считать остаточные явления слабоумия длительностью до полугода и выше. Кстати, подопытный субъект находится здесь и, если угодно уважаемому собранию, может быть представлен для осмотра и обследования.

М-р Кинрей с видом утомления опускается на свое место.

Председатель. Все это крайне соблазнительно... Однако не лучше ли вместо этого выслушать замечания авторов?.. Желаете, мистер Липпинсток?

Один из авторов, с чертами раннего палеозоя в лице, мелкими поклонами благодарит аудиторию за аплодисменты, потраченное время и оказанное внимание.

М-р Липпинсток. Нами доставлен сюда также стреляющий механизм, и мы могли бы повторить эксперимент в присутствии уважаемого собрания!

Председатель. О, я не вижу в этом особой нужды!.. Сущность открытия и без того очевидна, а у нас еще довольно большая программа впереди.

Слегка занкающийся ученый. Мне все же хотелось бы удостовериться в нынешнем состоянии подопытного лица!

Председатель подает знак согласия. Служители вводят на помост представительного, непричесанного господина в длинной белой сорочке. Доктор Кинрей с безопасного расстояния показывает ему припасенную пилюлю. Следует взрыв раскатистого смеха, и затем постепенно всем собранием овладевает такое же угрожающе-смешливое, вплоть до катания по полу, беснование, в котором порою слышится нежелательный патологический всхлип. Подопытного господина уводит.

Доктор. Второе изобретение, которое при некоторой доработке могло стать вершиной человеческого гения, опиралось на одно поразительное, знакомое нам со школьной скамьи соображение высшей математики.

Тот же самый, с тем же председателем зал заседаний Научно-Лицензионного Совета, только состав его несколько иной. В прежней позе сидит за своим пультом и м-р Мак-Кинли, производя необходимые по ходу собрания манипуляции.

Докладчик. За немногими исключениями, мы все мечтали в юные годы о полете в межзвездное пространство к своей первоначальной родине. Это пленительное, в детстве сводившее нас с ума стремление, ставшее ныне достижимым, господа, связано с одним общеизвестным математическим парадоксом. Он гласит, что за сравнительно краткий срок, проведенный воображаемым пассажиром в ракете, движущейся на

почти предельной скорости, на земле протечет несо-
размерно больший отрезок времени. Я позволю себе
напомнить уважаемому собранию, что вывод этот есте-
ственно вытекает из уравнения... Попрошу вас, м-р Мак-
Кинли!

Тот включает рычаги, на экране появляется
формула —

$$t_1 = t_0 \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$$

Докладчик. ...где t^0 есть наше земное время,
 t_1 — время ракеты...

Голоса (*нетерпеливо*). Все понятно, понятно, про-
должайте... Дальше!

Докладчик. Следовательно, в случае разгона ра-
кеты до скорости V с разностью в одну сотысячную
от C можно добиться того, что за время двухлетнего
пробывания в космосе на земле пройдет четыреста-
пятьсот лет. А это и есть оптимальный срок, на ко-
торый благоразумие повелевает нам покинуть этот
мир ввиду чреватого опасностями международного пе-
ренапряжения...

Голос с места. Прошу одну рядовую справку.
А не поступало ли заявок на какой-либо более целе-
сообразный способ избавления от войны... скажем,
обыкновенное разоружение?

Председатель (*строго*). Призываю вас к по-
рядку. Здесь не место для красной пропаганды, сэр!
Продолжайте, м-р Клиффорд...

Докладчик. Учитывая страстное и понятное
стремление современников к бегству в достаточно без-
опасную неизвестность, достоуважаемый доктор Ри-
чард Ластиг, знаменитый также своими классическими
исследованиями океанского дна, построил предлагае-
мую вашему вниманию вместительную, комфортабель-
ную ракету... Пожалуйста, очередную серию, м-р Мак-
Кинли!

М-р Мак-Кинли последовательно включает не-
сколько диаграмм, астронавтических расчетов,
фотографий и чертежей огуцеобразного лета-
тельного аппарата в разрезе.

Докладчик. Как видите, к услугам смельчаков
здесь имеются бар, парикмахерская, бильярдный зал,
ванны с постоянно циркулирующей после очистки во-
дою. (*Обращаясь к председателю.*) Надо ли оглашать
цифровые и прочие сведения, помещенные в проспек-
те, сэр?

Председатель. Ну, разве только общие ука-
зания...

Докладчик. Ракета запускается в космическое
пространство на двухгодичный срок, который исполь-
зуется для посещения незнакомых планет с попутным
сбором гербариев или, скажем, по желанию, изучением
древних языков. Первый пробный запуск ракеты осу-
ществлен неделю назад с мыса Канаверал... ввиду сло-
жившихся традиций, а также имеющихся там прове-
ренных пусковых установок. Отправка сопровождалась
значительным грохотом и внезапным сиянием, столь
характерным для несовершенных устройств этого типа.
Связаться с пилотами, чтобы справиться о самочувст-
вии пассажиров, пока не удалось ввиду того, что, по
расчетам, корабль находится сейчас уже за пределами
солнечной системы... (*со вздохом*) и, возможно, еще
дальше!.. Кстати, изобретатель прислал письмо с пред-
ложением двух мест для желающих членов Лицен-
зионного Совета...

Кто-то с места. Надо думать, по цене это до-
ступно лишь для избранных?

Докладчик. М-р Ластиг оба места предложил
gratis, бесплатно.

Председатель. Имеются ли среди присутствующ-
их джентльменов желающие даром побывать в от-
даленнейших провинциях мироздания?

Задумчивое молчание, по рукам собрания
идет ослепительно сработанная модель ракеты доктора
Ластига.

Тем временем Мак-Кинли рассеянно смотрит
на свесившийся со стола краешек газеты с объяв-
лением:

«Новый Сальваторий Боулдер и К° в Гима-
лаях. Глухо, глубоко, гигиенично. Запись круг-
лые сутки».

Диктор. В отличие от столь рискованных способов эвакуации человечества из современности фирма Боулдер предложила более экономный и впервые с гарантией полной физической сохранности тела и расклада.

Голос диктора вперебивку с надписями. Идея Сальваториес, обителей спасения в переводе, стала осуществима после случайного открытия, происшедшего еще в тридцатых годах в глухом уголке Канады. Школьный учитель мосье Жак Кокильон, несмотря на возраст, пытливый химик-любитель, неожиданно и путем смешения веществ домашнего обихода получил в своей крохотной лаборатории прозрачное, студенистого строения воздухообразное вещество, противоречившее всем общепринятым представлениям о газе. За очевидную ненаучность поступка министерство образования уволило изобретателя из школы, а местная печать успела вдоволь поглумиться над стариком, когда несчастная случайность раскрыла миру истинную ценность находки, вскоре вошедшей в мировую практику под именем коллоидального газа. По ошибке оказавшись в контейнере с указанным газом, мосье Кокильон впал в состояние глубокого и длительного сна, несмотря на трехлетние попытки национальной медицины вернуть учителя к жизни, причем уже через полгода было констатировано заметное улучшение его здоровья. Изношенное сердце мосье Кокильона приобрело четкий, здоровый ритм, а возрастная седина сменилась прежней смоловой окраской волос. Маленький домик в Канаде стал местом паломничества мировой науки, взявшей за разгадку этого биологического феномена.

С середины надписи на экране сменяется картинками довольно заурядной местности, где произошло великое открытие.

Захолустные с крупными стогами сена луга. Низкое небо, вересковые заросли на опушке сквозного соснового бора. Старинный автомобиль, за рулем фермер с потухшей трубкой. Он объясняет нам с экрана, как проехать к дому мосье Кокильона. Невдалеке дощечка с указателем:

«До музея Кокильона — два километра». Из-за холма виднеется колокольня кирхи и купа деревьев — сад прославленного теперь ученого. Одноэтажный домик, вокруг туристические автобусы, грузовики. С одного как раз сгружаются громадная эмалированная машина для изучения здоровья мосье Кокильона.

Лаборатория, самодельные приборы, термостаты и насосные установки. В углу киоск для продажи открыток и жетонов с изображением мосье Кокильона. В другом углу под стеклянным колпаком лежит он сам, сатанинской внешности господин с хохолком и бородкой; с сюртука свисает гораздо позже прикрепленный орден.

С чеканным металлическим звуком качается стрелка постоянного пульсометра, и автоматические перья бегут по бумажным лентам, фиксируя состояние различных физиологических функций в спящем гении. Пока группа ученых из Европы вполголоса беседует с хранительницей музея, пожилой, тонкой и в старинном пенсне на ленте мадам Кокильон, парикмахер в противогазе подстригает усы и бородку у мосье Кокильона, после чего метелочкой смахивает образовавшийся сор с его щек и галстука.

Мадам Кокильон (со вдовьим бесстрастным лицом и заученным тоном). Три года назад, господа, в непогодный осенний вечер, прогнозу на охотничьей прогулке, мой муж зашел погреться в соседний бар (она указывает на фотографию бара с мордатым буфетчиком за стойкой, с бутылочной коллекцией спектральной расцветки за его спиной) и часа два спустя, среди ночи, неизвестным образом оказался здесь, в экспериментальном помещении, где... видимо, зацепившись ногой и падая, сам же открыл рукавом впускной газовый кран. Вбежавшая на стук мадмуазель Лизбет обнаружила мосье Кокильона с бутербродом в зубах на полу, без чувств и уже в довольно высоком газовом слое. Поскольку состав газа еще не изучен до конца, трехлетние попытки пробудить мосье Кокильона не привели ни к чему. Вместе с тем во избежание ле-

тального исхода медицинский совет в Оттаве запрещает выносить мосье Кокильона из газовой среды. (*Коснувшись рукой фотографии своего супруга на стене — серого, довольно противного, анемичного старика.*) Здесь вы видите прежнего мосье Кокильона, откуда можете заключить, что теперь он выглядит гораздо лучше. Открытый им газ Кокильона обладает благотворным влиянием на любое органическое вещество. Как видите, надкушенная ветчина на бутерброде с тех пор еще не испортилась, а этому букету, господа, уже три года!

Ученые качают головами, переглядываются, обмениваются научными непонятными словами. Первый из них (*взволнованно*). Я уверен, когда его разбудят наконец, настанет новая эра в медицине...

Второй. ...особенно в случаях неизлечимых заболеваний. (*Сличая портрет с оригиналом.*) Но, знаете ли, мадам, он у вас чертовски поправился за это время, этот дьявольский Кокильон!

М-м Кокильон (*сокрушенным, доверительным тоном*). Он молодеет с каждым днем, господа... я просто теряюсь, что будет, когда он очнется: это всегда был такой донжуан! Кстати, обратите внимание, господа, случайно понавшая туда, под стекло, муха успела увеличиться в четыре с половиной раза за тот же срок.

Посетители отходят в сторонку, чтоб не мешать. Как раз надвигается киноаппарат в окружении целой группы озабоченных операторов, и начинается научно-документальная съемка феноменального насекомого через толстую трубу с телеобъективом.

Диктор. Вторая мировая война завершилась общеизвестной, еще небывалой убойной силы новинкой, и с той поры технический прогресс продолжал свое стремительное шествие, по отзыву трезвых наблюдателей, в не совсем желательную сторону.

Вихрь переслоенных одна другую картинок — паник, эвакуаций, маршировок, взрывов, заседаний какой-то высокоавторитетной, поразительно

нерадивой организации по разоружению — и все дипломаты, дипломаты — бритые, холеные, очень довольные жизнью — за коктейлями, ленчами и просто так за перекуром в кулуарах.

Диктор. И тогда среди нарастающего международного беспокорства весь мир облетела весть, что секрет мосье Кокильона разгадан, что сам он разбужен наконец, что его неоднократно видели в разных общественных местах.

На экране он сам, запечатленный на нескольких фотографиях: вышивает с кем-то в баре гостиницы, он же в трусиках на пляже с игривой и привлекательной дамой, далеко не супругой, он же при выходе из патентной конторы.

Диктор. Стало известно также, что секрет газа приобрел какой-то никому пока неизвестный Боулдер и в ближайшие затем полгода пророчество о блистательной будущности открытия мосье Кокильона блистательно оправдалось... однако несколько в неожиданном направлении.

На железных дорогах Европы и трансамериканской автомагистрали, на караванных дорогах Африки и Азии, в портах и на аэродромах, даже на телеэкранах в исполнении поющих красоток на всех языках неотвязчивая, языкастая реклама:

«Не старейте, не хныкайте, не сдавайтесь. — «BS».

Диктор. И вдруг эти две буквы «BS», Сальвадорий Боулдера, становятся на Западе паролем спасения, выражающим стремление граждан любой ценой избежать потрясения надвигающейся термоядерной войны.

Так образовался концерн с легендарным коммерческим размахом, поглотивший крупнейшие химические, сталелитейные, горнорудные и другие предприятия мира. Уже не любовь, не голод, не алчность, как раньше, а страх стал править человеческим поведением на Западе, и Сам Боулдер стал его премьером. Эта загадочная вначале фирма строила глубоко в недрах гор и на дне океанов надежные, горизонтального образца убежища, в

которых желающие за известную сумму могли бы переждать, вернее, переспать ближайшие два-три века, пока на планете не установится политическая погода, благоприятная для человеческого существования.

На экране странички из проспекта фирмы и ее филиальные предприятия пока только в долинах Гималаев и в Скалистых горах. Снаружи — сравнительно невзрачные, хотя и прочные плоскостопные сооружения, все остальное и главное — далеко под землей.

Диктор. Имя Боулдера приобрело ореол незримого, победившего смерть избавителя. Впервые мир взглянул в лицо этого неукротимого предпринимателя, оседлавшего самую доходную эмоцию человека — Страх, когда старик был выставлен кандидатом на пост президента. И вот черед газетных заголовков с отказом этого человека от предлагаемой чести. Он одинок, ему за восемьдесят, он не любит власти, его хобби — тюльпаны. Это и был никому дотоле не известный Сэм Боулдер.

Наконец, мы видим на экране этого седого угрюмого старца с пронзительным взглядом и стиснутыми на коленях кулаками.

И тотчас же на экране — выступление министра обороны с требованием двух миллиардов на новейшее ракетное оборудование.

Спекулятивная горячка на бирже. Акции «BS» лезут вверх!

Потом тот же Сэм Боулдер сажает тюльпаны, сидя на скамеечке. Чьи-то неслышные руки, разного цвета и много, помогают ему в этом священнодействии.

На экране дневные и ночные очереди у контор предварительной записи в Сальватории Боулдера — толпа во всевозможных одеждах, в разных столицах Земли. Оживленная, с участием полиции, свалка у входа из-за боязни упустить шанс на спасение.

Вывешивается в окне объявление: «Не спешите, сохраняйте человеческое достоинство.

Места хватит на всех. Начато экстренное бурение в материковых базальтах Антарктики».

И снова Боулдер со своими тюльпанами. Вот, сидя в шезлонге, он созерцает их царственное, до самого горизонта, цветение.

И наконец, новое испытание знаменитой Н-бомбы с повышенными коэффициентами убийного действия.

Заголовок: «Рекорд смерти! Ничего живого — ползающего, плавающего, летающего, бегающего — в кубе со стороной 800 километров!»

На экране взрывной гриб особо причудливой формы. Похоже, что у него сбита пабик, ухмыляющаяся физиономия.

Диктор. Этот вставший над миром призрак и стал фирменной маркой «Боулдер и К°».

Всевозможные отклики моды на это — от дамских причесок и пирожных вплоть до модных значков с непременным водородным грибом и петлицах у молодых людей бездельного вида.

Диктор. Год назад никто не предполагал, что можно добывать такие бешеные деньги из обыкновенного человеческого страха. Запасы этого сырья и безграничные недра земли обеспечивали концерну рекордные доходы: взнос делался немедленно, а получение товара отодвигалось на века. То было стихийное стремление продлить дыхание путем бегства в любую неизвестность из эры оружия, несправедливости и социального насилия. Временами это приобретало черты и размах политического движения... впрочем, м-р Мак-Кинли, чтобы не повредить себе на службе, избегал вникать в события, а тем более объединяться с кем-либо в поисках выхода, который напрашивался сам собой... Он приложил чудовищные усилия, чтобы обратиться на пресс-конференцию, которую окончательно окрепшая фирма давала представителям общественного мнения, газетным агентствам, иностранной прессе.

Беснующаяся толпа в чайнике пропусков у входа. Портрет Сэма Боулдера, похожего на Дарвина, только постарше, встречает в вестибюле над-

писью: «Добро пожаловать!» Переполненный круглый зал заседаний с опоясывающими галереями для публики. Юпитеры выхватывают для ведущей киносъемки отдельные детали из этой гудящей сумрачной бездны. Всюду поражающие выражением нетерпеливого внимания людские лица, лишь один м-р Мак-Кинли, даже стиснутый с боков, сохраняет прежнее невозмутимое спокойствие, даже ухитряется делать какие-то заметки в блокноте, особенно при демонстрации процедурного фильма, и это дает основание думать, что уже в то время он был готов принять свое буквально головоломное решение.

Над президиумом, где красуются священники, генералы, дамы-грымзы благотворительного вида, висит гигантская фирменная марка — термодерный гриб с подписью внизу: «Хотите попробовать?» На трибуне заканчивает свое выступление представитель фирмы, корректный, со стальным голосом господин, почти надменный порою от сознания своего превосходства, отсутствия серьезных конкурентов и безвыходного положения будущей клиентуры.

Гул стихает.

Представитель фирмы. ...Таким образом, господа, за ничтожное, сравнительно с целью, вознаграждение фирма несет всем отчаявшимся единственную в наше время надежду, если не считать, хе-хе, московских деклараций! (И он выразительно смеется.) Однако, иди навстречу имущественным различиям клиентов, при заключении договора мы вынуждены сделать некоторые практические поправки на неизвестность. Поэтому при высадке в любой точке будущего все клиенты, вне зависимости от оплаченной категории, получают при выходе гарантированный горячий завтрак, пачку сигарет, десять долларов в валюте даты прибытия и приспособленный к любым случайностям комбинезон взамен истлевшей за это время одежды... Но, разумеется, желающие могут при поступлении в Сальваторий делать сверх того банковские взносы, возвращаемые с повышенными вдвое и втрое против

обычного процентами. Таким образом, выгодность нашей сделки так же очевидна, как и ее гуманность. Кроме того, за средний срок пребывания у нас в двести пятьдесят лет вы фактически экономите уйму денег...

На экране возникает таблица экономии из среднего расчета в три века:

на ботинках —

на сигаретах —

на выпивке —

на часовых —

на докторях —

на интимных удовольствиях.

Представитель фирмы. Нам остается просмотреть документальный киноочерк, как же все это совершается у нас!

Зал смотрит информационно-процедурный фильм.

На экране снят забавный, восточного типа толстячок, видимо не подозревающий о происходящей съемке. Его колебания, испуг, смущение уступают затем место явным признакам удовольствия. Клиента раздевают ловкие, стерильно-белые, невозмутимые девицы, моют его струями мыльной воды, он попеременно скрывается в облаке пены и пара, его массируют с помощью многорукой электромашины с одновременной подводкой профилактических токов через провода, подключенные к различным точкам тела.

Он чертовски конфузится в своих трусиках, когда эти элегантные, высокие, печальные богини в медицинских халатах прикасаются к нему без единого, впрочем, слова. Слышно его замирающее хихиканье, так как, несмотря на пугающую новизну и цекотку, это довольно приятная, в общем, операция!

Короткий смешок бежит по залу.

Голос представителя фирмы. Обратите внимание, с какой тщательностью удаляются из организма не только телесные, но и духовные шлаки. Прежде всего устранение из памяти всех поводов для

психического, наиболее зловещего в наши дни склероза. Лаборатории фирмы «BS» курируются лучшими психиатрами и невропатологами мира. *(Со смехом.)* Бедняга не догадывается, что мы за ним наблюдаем. По десятизначной шкале счастья, составленной Люэзе и профессором Виджиарачава из Бомбея, наши клиенты достигают девяти с половиной баллов. На десятом месте помещается уже полное освобождение от житейских печалей, так называемая Нирвана... Сами понимаете, что один факт приобретения места в Сальватории не освобождает нашу клиентуру от палогов, семейных обязательств и воинской повинности!

Тем временем электрический подъемник без прикосновения рук бережно перекладывает одетого теперь в розовый хитон волосатого толстяка на предварительную тележку, которая покрывается тканью небесно-голубого цвета. Все это подвергается дополнительной обработке на подготовительном контейнере, в том числе особым бактерицидным облучением, ибо, по словам диктора, как и всякие живые существа, микробы в коллоидальном газе кокильоне также усиливают свою вирулентность. Толстяка с номером 215, серия ПР на пятке вдвигают в продолговатое, таинственно освещенное помещение, которое затем герметически завинчивается подобием огромной круглой пробки. Со вкусным шипением откачивается воздух, уступающий место газу, который, как нам видно в смотровую щель, вызывает блаженную улыбку у засыпающего клиента.

Голос представителя фирмы. При этом клиент видит сон, заказанный им по особому меню... пардон, миссис Грейс, что было заказано господином двести пятнадцать, серия ПР?

Дама смотрит перфорированную учетную карту. *(Происходит их служебное пересчитывание.)*

Голос представителя фирмы. Пардон, оказывается, это не для широкого оглашения... наша фирма гарантирует полное инкогнито, но данный случай исключительный... клиент принят нами с большой скидкой. Этот уважаемый и знатный, разорившийся

на прошлогодних беспорядках господин происходит из Ирана... *(Иериво.)* Намекну лишь: клиентом заказано нечто вроде бурлеска в восточно-райском стиле!

Пока знатного иранского господина водворяют на отведенное ему место, в подземной скале играла приятно запоминающаяся, шелковистая музыка... и когда впоследствии м-р Мак-Кинли попадает в какое-либо житейски затруднительное положение, он подсознательно слышит ту же мелодию.

Диктор объясняет устройство солнечных, под-держивающих режимные условия в Сальваториях, практически вечных батарей, так как, по его словам, ученые сомневаются, чтобы в ближайшую тысячу лет человеку стало посылно погасить солнце с целью доставить противнику предельно крупные неприятности.

Дальше следуют вопросы на пресс-конференции.

1-й вопрос. Имеется ли у клиента «BS» право прервать заключенный договор, если политическая погода установится наконец раньше обозначенного в договоре срока?

Ответ. Разумеется... если вы в своем контракте обусловите такой пункт. В таких случаях производится выплата тридцати пяти процентов оставшейся суммы в валюте франкодаты прибытия.

2-й вопрос. Поступит ли коллоидальный газ в продажу отдельными баллонами?

Ответ *(со смехом снисхождения)*. Боже, для чего вам это и как же вы предполагаете им воспользоваться без специального оборудования?

— Я имею в виду многосемейных... у кого нет личных средств на покупку нескольких индивидуальных кабин.

— Вот я и спрашиваю, какими средствами вы достигнете герметичности в домашних условиях? Ваш газ просто вытечет...

— Но раз вы говорите, что он коллоидальный, значит, он может стоять на месте!

— Да как же сможет что-либо устоять, черт возьми, когда начнется этот адский термоядерный апокалипсис?

Следует перебранка, шум недовольства кругом — зашиканная, потертая жизнью личность снова пропадает в море голов.

3-й вопрос. Какая гарантия, что ваши клиенты проснутся в обозначенный срок, а не останутся навечно замурованными в горе?

Ответ (*после некоторой паузы*). Простите, ваш вопрос имеет скорее философское, чем практическое звучание. Но я постараюсь ответить... Конечно, наши фирменные гарантии не больше, чем гарантия уютной загробной жизни в религии, которую вы исповедуете. Однако на кладбище вы же отправляетесь вовсе без всякого договора! А в данном случае вы имеете дело с реальными, достоверными юридическими лицами, зарегистрированными в Департаменте Торговли. (*С высокомерным терпением.*) Дошло наконец? Мерси... следующий!.. Простите, говорите громче, в микрофон, пожалуйста, ничего не слышно из-за этих проклятых прожекторов.

4-й вопрос. Меня интересует, насколько тесно бывает в этих... ну, ваших сейфах на среднюю цену.

Ответ. Простите, вы собираетесь там играть в бридж или заниматься по утрам гимнастикой?

— Я все же настаиваю на ответе, м-р менаджер.

— Видите ли, себестоимость проходки в граните на такой глубине крайне высока, приходится ужиматься! Королевские, самые дорогие у нас апартаменты строятся в размер трамвайного вагона, а на среднюю цену, как вам сказать... ну, с тем же приблизительно комфортом... как помещалась мумия в египетском саркофаге.

5-й вопрос (*с другого конца зала*). Скажите, ваших клиентов тоже потрошат при этом, как в Египте?

Дерзость вопроса вызывает у высокопоставленного администратора строгий, даже негодующий взгляд.

Ответ. Интересно... это у нас наследственный оптимизм — плясать на похоронах или вы пользуетесь пилюлями Линпинстока?

Общий шум, смех, возгласы, аплодисменты, шиканье.

6-й вопрос. Чем вы объясняете участившиеся слухи, будто ваша уважаемая фирма «BS» всех своих клиентов тотчас по усыплении складывает штабелями на дне приспособленной для этого непромерзающей шахты, после чего их заливают известью на заказанный срок?

Вопрос задан отдельным, невозмутимым, отчетливым голосом. Скандальное замечательство, почти сенсация. Все торопится разглядеть загадочного разоблачителя, а фоторепортеры — сделать снимки для газет. Вопрос принадлежит мистеру Мак-Кинли, который, стоя в своем ярусе, невозмутимо ждет ответа с головой набочок и заложенной за борт пиджака рукой. Растерявшийся было администратор со сдержанной ненавистью цурился влево и вверх, на скандалиста.

Ответ. Пропну вас оставить в бюро внизу ваш адрес и фамилию, сэр. В отмену наших правил вы получите личное приглашение фирмы на осмотр нашего местного филиала заодно с государственной Приемочной Комиссией.

М-р Мак-Кинли благодарит поклоном и, вытирая испарину напряжения с лица, снова принимается за свои таинственные заметки и чертежи в записной книжке.

Надпись на экране. «Тем временем на противоположной половине планеты было объявлено о частичном роспуске своей армии и ликвидации авиабаз на чужих территориях, об односторонней отмене всеотравляющих термоатомных испытаний».

Газетные извещения с заголовками по этому поводу.

Диктор. Таким образом, к тому времени, как Мак-Кинли собрался сделать официальное предложение мисс Бетти, военная тема схлынула с экранов и газетных полос, в мире значительно повеселело.

В назначенную роковую субботу м-р Мак-Кинли проснулся в отличном настроении. Напевая, он готовит себе завтрак, напевая, бредет, напевая, к недоумению соседей-пассажиров, едет в автобусе на службу, напевая, работает у себя в бюро. Он весь в предчувствии назначенных на этот день скромных радостей наступающего уикенда.

До окончания занятий ему оставалось лишь снести шефу неотложные бумаги на подпись... Поглядывая на часы, он отправляется к нему в приемную и застаёт там вопиющий беспорядок, за который кто-то заплатит потерей места. Секретарши нет, неисправный диктофон оказывается включенным. М-р Мак-Кинли невольно становится свидетелем происходящего у шефа сверхсекретного разговора.

Шеф (*раздраженно*). Простите, я так и не понял ни черта из вашей болтовни. По характеру нашей заявки вам нужно в военное министерство. Но у вас нет ничего на руках... вдобавок, по выяснении дела, вы еще, оказывается, энтомолог! Чего вы хотите?.. Объяснитесь ясней и покороче.

Изобретатель. О'кей, я повторю, босс!.. Мои трехмесячные раздумья о современной войне привели меня, знаете, к довольно безотрадным выводам. Как это ни дико звучит, но именно война в наши дни оказалась наиболее запущенной областью человеческой деятельности. Несмотря на все новинки более емкого, чем когда-либо, истребления, война вырождается на наших глазах, приходит к собственному бессловному отрицанию, из бизнеса превращается в нонсенс. Судите сами, босс, классическая война имела целью утоление назревших эгоистических, в национальном масштабе, вождельных за счет непрочного соседа, то есть по возможности дешевое и эффективное ограбление слабейшего... но, прошу внимания, ведь современная-то термоядерная бойня в положение ограбляемого неминуемо ставит самого победителя, хо-хо, если бы даже такой объявился вдруг в силу непредвиденных капризов Провиденья!.. вы следите за развитием моей мыс-

ли? В самом деле, в то время, как всякая полкометражная, как она мыслилась дедом, война предполагала в качестве приза аннексии и контрибуции, то, с вашего позволения, кто именно оплатит вам расходы нынешней войны, босс, когда в результате ее противник начисто исчезнет с лица земли, а его надежно опустошенная, вдобавок зараженная территория станет на много лет адской радиопоражающей ловушкой? Черт возьми, да вам не достанется даже труп врага, чтобы утолить на нем воинский экстаз и раздражение! Напротив, собственные налогоплательщики учинят вам крупные уличные неприятели, тогда как избавленная от житейских хлопот жертва ваша будет безнаказанно потешаться над вами оттуда, ха-ха... если только допустить загробное существование!

Шеф (*начиная вслушиваться*). Довольно свежие мысли!.. Так в чем же, собственно, ваша идея?

Изобретатель. Я имею в виду, босс, что нынешняя высокопроизводительная атомно-водородная война при всей своей мнимой свирепости крайне, я бы даже сказал, непозволительно гуманна... и прежде всего бессмысленна! Вы нажали кнопку — нет столицы противника, а ее население даже без особых болевых ощущений, потому что этак в девятнадцатую секунду окажется на километровой высоте в виде розоватого вулканического облачка. Однако одновременно с вами нажмет кнопку и ваш компаньон по развлечению... И вот вы сами также плывете по небу в состоянии такого газообразного пепелка, хе-хе!.. и даже не успеете занести в дневничок свои попутные переживания. Кстати, вы слышали смешной анекдот про двух чудачков, которые со скуки съели по жабке за скромное взаимное вознаграждение, сколько помнитесь, в полсотни монет? Так вот, к концу года ожидается выпуск так называемых пакетных бомб, в один прием смывающих целые материи... но ведь это же коммерция безумия, босс!

Его собеседник угрожающе шевелится, переставляя предметы на столе.

Шеф. Э-э, позвольте-ка, как вас там... вы это, кажется, насчет так называемого разоружения?

Изобретатель. Наоборот, мистер Гровс! Если бы оно случилось, у вас-то еще хватило бы на первое время хлебных крошек в кармане — перебиться, а мне первому и сразу придется с голоду подыхать. Так вот, слушайте-ка меня поприлежней наконец, пока я не сбежал к вашему конкуренту...

Фу, жара какая!

Действительно, воздух почти раскален, как это бывает там накануне осени. Напрасно жужжат вентиляторы. Чрезвычайно своеобразной и лютой наружности изобретатель составляет себе из напитков на столике загадочную смесь, смотрит на просвет, сознательно терзая разбуженную любознательность шефа, потом пьет, созерцая в окне плывущий, из-за полуденной дымки, вид этих застылых стоэтажных кристаллов. У посетителя хватает пахальства расстегнуть ворот рубашки, — тогда становится видна его грудь, заросшая черным волосом, как, верно, и все остальное тело.

Он продолжает, время от времени давясь хрипучим, металлическим, вроде как при переключении шестерен, смехом.

Изобретатель. Я говорю — напротив, босс... Раз в поколение хорошая потасовка только бодрит прогресс, но я предлагаю взамен бессмысленной концентрации грубой убойной силы применить более тонкие психологические воздействия. Пора освежить войну, вернуть ей былое мистическое величие, этот начисто утраченный ею апокалипсический ужас с его великолепной свитой из адских псов, ухмыляющихся скелетов и прочей замогильной чертовни, как это изображено во фламандском бреду у Брейгеля!.. Снова призвать на вооружение зубовой скрежет, первобытную щекотку страха, затрагивающего наиболее сокровенные биологические клавиши, этакое поработаживающее волю смертное содрогание, трепет почти предельной боли, однако без спасительного летального исхода. Настало время, босс, ввести в обиход нечто поцелесообразнее этих ворчливых и разорительных грибов с сердитой шляпкой, черт бы их побрал, и вместе с тем нечто такое, чтобы человечество завизжало, как мла-

денец на коленях у Вельзевула, босс! Я даже предвижу создание двусторонних психологических средств на манер липпинстоковских пилюль!.. С одной стороны, мобилизующих чувство самосохранения, а с другой — вызывающих физиологическое отвращение к собственному бытию... У-ху-ху, представляете себе современную мотодивизию, пораженную судорогой кровавой рвоты на марше? Надо только пошарить в исторических хрониках, может, там и отыщется что-нибудь вроде великолепного белкового яда Борджиа или того знаменитого лейстеровского насморка...

Шеф. Да, это и вправду увлекательно... тут неночатый край работы. Вы истинный поэт, продолжайте же, прошу вас!

Изобретатель. Словом, отныне вам следует производить не пададь, не бесполезных калек, а прежде всего сумасшедших! Вообразите шествие танцующих в кровотокающих лохмотьях безумцев, которые своею грозной непоправимой немотой, х-ха, красноречивее расскажут о нашем могуществе, чем даже горы гниющих тел. Что-нибудь в духе византийского Василия Болгароктона, который отпустил на родину полтораста тысяч ослепленных им пленных... по десятку слепцов на поводыря! Словом, у меня уйма замыслов в голове и несоответственно мало возможностей!.. Для начала я могу предложить гибриды новых, гомерической отвратности и баснословной плодовитости насекомых, каких еще не бывало на свете... правда, в ограниченном количестве пока. При виде моих трехголовых жучков я и сам тороплюсь опустить глаза, чтобы не слишком расстраиваться. Я мог бы в трехмесячный срок наладить их серийное производство, в условиях гарантированного сбыта, разумеется... а пока угодно ли вам взглянуть на эти картинки?

Каковы милашки!

Слышен шелест бумаги и удовлетворенное крыканье шефа.

Тем временем в приемной собралось много служащих. Не спуская глаз с аппарата, они внимают чугунным перекатам изобретательского баса. Какая-то стенографистка тихонько плачет в уг-

лу, но вот пугается общего внимания и, улыбаясь, делает вид, что красит губы. В окне, несмотря на ясный день, в полную мощность световая реклама фирмы «Боулдер и К°».

Управляющий конторой (*овладев собой*). Сейчас, по-видимому, последует заключение сделки. Приготовьте регистрационные бланки, м-р Мак-Кинли, а пока... (*окончательно придя в себя*), кто дал вам разрешение покинуть свои рабочие места, господа?

Люди долго не могут опомниться от подслушанного ими проекта обновления войны.

И сразу небо как бы крепом затянулось в тот погожий денек, а заодно и радость назначенного на вечер обручения. Однако верный данному слову м-р Мак-Кинли по дороге домой покупает орхидейку в целлофановой упаковке: для избранницы! Дома он переодевается в парадный, неизменно черный костюм... и тут случайно прошедший под окном взвод солдат вызывает у него подобный удушью упадок решимости. Сдернув галстук с шеи, он валится в кровать, впрочем, не спуская глаз с фотографии улыбающейся мисс Беттл.

— Вот уже третий раз вы поступаете со мной нехорошо, м-р Мак-Кинли, — говорит мисс Беттл из своей рамочки, скорее грустно, чем с упреком.

М-р Мак-Кинли закрывает глаза, чтоб не видеть.

— Я вас дожидаясь на углу целых восемь минут, а вы еще не выезжали из дому... конечно, в моем возрасте надо быть терпеливей, но нельзя же напоминать об этом девушке так часто! Ради вас я отказалась от загородной прогулки на пароходе с друзьями...

— Если бы вы знали, мисс Беттл, — мучится угрызаемый совестью м-р Мак-Кинли, — как страшно повторить ошибку собственных родителей... в отношении меня самого!

— Но попытайтесь же совершить хоть один, только один опрометчивый шаг в своей жизни, м-р Мак-Кинли, — убеждает мисс Беттл, любуясь появившимся у нее на коленях младенцем. — Война уже не

вернется никогда. Дайте вашим малышам побегать по зеленым лужайкам!

И, подчиняясь соблазнительной логике мисс Беттл, несчастный счастливцев поднимается с постели, чтобы серией последних перед зеркалом интригов вернуть себе доступную ему мужскую привлекательность. Все готово, не забыть теперь обручальное колечко! Пряча на груди свой тропический цветок от подсматривающих за ним жильцов, — причем все двери приоткрываются по мере того, как он минует их! — м-р Мак-Кинли спускается по лестнице. Каждая подробность в его внешности с головой выдает понапавшего в брачные сети холостяка.

Шепоток на лестнице. Вот наконец-то и наш отшельник прощается со своей свободой! Инь подрагивает, бедняга, словно голый в воду идет...

В поисках такси жених выходит на соседний сквер, вызывая обычное оживление среди маленьких друзей, и хотя многие из них машут ему руками...

— Хэлло, м-р Мак-Кинли! —

видимо, из детской деликатности ни один не пристраивается за ним следом на этот раз. М-р Мак-Кинли важно приподымает плечу в ответ на приветствие каждого из малышей.

Проходя мимо местной конторы «Боулдер и К°», он замечает в окне большую фотографию кубастого, с сиреневым румянцем господина ки-лограммов на 115.

Подпись под портретом.

«Дальновидный миллионер м-р Дональд Торпер-младший, записавшийся вчера в наш Сальваторий на 4000 лет».

Пример миллионерской предусмотрительности погружает м-ра Мак-Кинли в очередное парализующее раздумье, пока не возвращает его к действительности воображаемая мисс Беттл.

— Да станьте же наконец мужчиной, м-р Мак-Кинли! — время от времени произносит ее го-

лос. — Боже, я жду вас здесь семнадцатую минуту!

Такси попадает в уличный затор: часы «пик». Вот уж девятнадцать минут героически ждет своего жениха мисс Беттл: он торопит водителя. Видно издали — мисс Беттл прогуливается по четыре шага в обе стороны на условленном перекрестке. Смешавшись с очередью ожидающих у троллейбусной остановки, м-р Мак-Кинли наблюдает за своей невестой. Она нервничает, озирается по сторонам; м-р Мак-Кинли поворачивается боком, чтобы остаться незамеченным. Он делает вид, что читает через плечо экстренный выпуск газеты в руках господина перед собою. Но, боже, такие же листки в руках буквально у всех на улице! Все поглощены головокружительными новостями дня.

Внезапно звуки улицы пропадают, слышно лишь зловещее шевеление бумаги.

Заголовки в листках.

«Талантливый подарок молодого ученого человечеству. Отныне Н-бомба самый воздух выжигает начисто. Окрестные водоемы в радиусе тысячи километров устремляются в образовавшийся сверхвакуум!»

«Ожидаемая в официальных кругах большая война разыграется не раньше осени».

«По авторитетному суждению м-ра Хаббла с Паломарской обсерватории в случае чего — мы не исчезнем начисто, а превратимся в звездочку 6-й величины, видимую отовсюду в космосе с почтенного расстояния в сто парсеков!»

Решение принято: отбой! М-р Мак-Кинли поспешно, за спиной у себя, засовывает в мусорную урну жениховскую орхидею, но... как же трудно порвать все нити жизни разом! Он заходит в кафе-бар, оказавшийся по соседству. Заняв угловой столик у окна, он заказывает себе:

— Чего-нибудь покрепче там, на троих! — и поверх взятой газеты с терзаниями совести все смотрит, наблюдает через окно за поведением

своей избранницы в уличном потоке. Мисс Беттл толкают прохожие, она встревожена, поминутно поглядывает на часы. Медленные минуты ожидания, а ведь ждет она всего только двадцать шесть минут! М-р Мак-Кинли шлет и, видимо, впервые в жизни столько.

Мы видим его со спины, когда же он время от времени оборачивается взглянуть на часы, повешенные над выходом в одно подсобное помещение, всякий раз у него чем-то иное лицо: хмурое, плачевное, растерянное, безразличное, как у приговоренного к казни, накопец.

Воображаемый голос мисс Беттл. Еще не поздно, м-р Мак-Кинли, ладно, я подожду... Вы же знаете, мне теперь все равно некуда спешить!

Нет, придется, видно, в седьмой раз растоптать свою сердечную привязанность. Напрасно он старается какой-нибудь посторонней мелочью вытеснить ее из сознания... и тут до рассеянного слуха м-ра Мак-Кинли достигает случайный разговор молодых людей в пинне за соседним столиком. Похоже, это битники, тамонские ничегонеделальцы. Их пятеро, и пятый все время маниакально дирижирует какой-то неслышной музыкой, которая проявляется порой, и тогда мы узнаем ее — это как раз та усыпительная мелодия из процедурного фильма о Сальваториях «BS», которую мысленно поет теперь весь город!

С возрастающим интересом м-р Мак-Кинли вслушивается в беглую, со смешком и навеселе, беседу молодых людей:

— Давно не видно Пита. Надеялся встретить у той танцовки на Лонг-Айленде вчера... так до ночи и не явился.

— Знаешь, он обнищал совсем и духом нал, бедный малый... За что ни возьмется, все из рук валится.

— Ему просто пора найти себе богатую доверчивую старуху.

— Зачем... жениться? Да ты, как видно, сегодня в ударе, Фелси!

— Ну, можно пожить и без столь мрачных

обязательств. Я довольно занимательную книжку читала на днях. Там один — не то молодой чиновник, не то бакалавр, не помню кто, — старуху убил. Она вещи у нищих в заклад принимала. Сейфы до отказа набита, а ему как раз сравнительно пустяков и не хватало... словом, оборотных средств на что-то! Старуха была все равно рвань, ее не жалко... а у него дальний, чистый путь светился впереди!

И что же, наверно, элегантный и красивый парень? — сочувственно спрашивает подруга Джейн.

— По-видимому... во всяком случае, нетерпеливый очень! Так, знаешь, Эл, он прикрепил топор в петле у себя под мышкой, вот здесь, и отправился туда черком с визитом.

— Почему же так громоздко? Лучше было сунуть ей под подушку пробирку с радиоактивным изотопом, и basta!

Вот и видно, что ни черта из тебя не выйдет, Эл. С топором то да еще под мышкой в наше время есть шанс сойти за сумасшедшего, а это при неудаче сулит по крайней мере половинную скидку в суде.

— Уверена, что очень старинный автор: они это любили в старину, чтоб Ниагара крови, попышнее... кто таков?

— Не помню фамилии... кажется, поляк какой-то!

Вполоборота повернувшись к ним, м-р Мак-Кинли сперва рассеянно, потом внимательнее ловит ухом их непринужденную и откровенную беседу. Он оглядывается — справиться об истекшем за минувший срок времени. «Всего только час прошел... боже, какая длинная жизнь на земле, если мерить человеческой тоскою!» М-р Мак-Кинли с воровским выражением косится в окно: ушла ли мисс Беттл?

Но, верная данному слову, она все еще ждет его, только прислонилась к косяку аптечной двери, чтобы не слишком толкали прохожие. К ней выходит аптекарь: приняв ее за уличную, он просит ее гулять где-нибудь в другом месте.

— Понимаете, мисс... вы несколько сомнительная реклама для моего заведения!

Через окно м-р Мак-Кинли видит, как к его невесте подкатывается лихой и, видимо, слегка на взводе моряк. Судя по жестам, он зовет мисс Беттл в один известный ему поблизости райский уголок с подачей горячительных напитков. Пантомима уговаривания, соблазняющая жестикуляция, как в старинном кино. Мисс Беттл колеблется, отчаянно поглядывая по сторонам. В ответ морячок показывает ей что-то в кармане, кажется, деньги. Лежащие на столе кулаки м-ра Мак-Кинли сжимаются. Он встает и снова садится, едва подавляя в себе потребность немедленного возмездия.

Мы слышим подлинный разговор его мнимого соперника с мисс Беттл на перекрестке.

Морячок. Мне до слез жалко вас, Пэгги... теперь ваш обормот уже не появится. И право же, мне пора возвращаться, у меня будут большие неприятности.

Мисс Беттл. Ради бога, подождем еще минутку, м-р Дроот. Я уверена, он где-нибудь наблюдает за нами поблизости: я так хорошо изучила все его хитрости. Ну, выкиньте еще что-нибудь, положите руку мне на плечо, тряхните, нет, посылнее... теперь еще раз покажите мне деньги и тащите меня куда-нибудь! Сейчас он примчится драться с вами...

Происходит убедительная атака морячка, при виде которой м-р Мак-Кинли, кажется, жует палец у себя за столиком, втягивает голову в плечи, смятой шляпой необъяснимо трет себе лицо. Публика в баре не обращает внимания на странности его поведения: верно, у господина болят зубы!

Морячок уводит наконец мисс Беттл, она кокетливо виснет на его руке. За углом они снова останавливаются — в затишье от уличного движения.

Мисс Беттл. Ради бога, постойм еще хоть минуточку, а то он не найдет нас...

Морячок. Неужели вы собираетесь ждать его здесь до вечера, Пэгги?

Мисс Беттл. Боже, хоть до завтрашней ночи! Морячок (*после паузы*). Лучше дайте мне его

адресок, я пойду и успею нанести небольшое увечье этому потрошителю, чертову выродку, этой кособокой скотине...

Мисс Беттл (*со слезами, стуча кулаками в его грудь*). Не смейся так! Это, может быть, самый-самый из всех вас, кого я только знаю... самый честный человек!

М-р Мак-Кинли планомерно, с видом бесстрастия и без спешки допивает свою горькую чашу, также часть напитков на столе, потом очумело бредет домой. По дороге он машинально останавливается у витрины — абажуры, кровати, топоры, тесаки и прочие стальные хозяйственные изделия. Пройдя десять шагов, он возвращается взглянуть еще разок на подсознательно запавшую теперь в его воображение мясницкую утварь всяких образцов... И вот уже опять знакомый сквер, и детишки окликают его, не очень устойчивого на ногах, а он своеобразно салютует мятой шляпой малышам.

Диктор. В назначенное время м-р Мак-Кинли получил обещанное приглашение осмотреть в составе Государственной Комиссии один из филиалов фирмы «Боулдер и К°».

Семь парадно одетых джентльменов, государственных деятелей второго разряда, направляются по пустынному, за чугунной оградой, двору к приземистому и сумрачному зданию крематорного стиля; последним поспешает за ними м-р Мак-Кинли.

Их встречает главный управляющий филиалом. Пока один бой в фирменной униформе отбирает у посетителей верхнюю одежду, другой вручает взамен белые халаты с фирменными инициалами на спинах и мягкую, неслышную обувь.

М-р Мак-Кинли задерживается возле клерка, регистрирующего фамилии высоких посетителей.

Мак-Кинли (*важно*). Я — Мак-Кинли, из Высшего Лицензионного Совета. Что-то довольно пусто вато у нас сегодня?

Клерк. Главный съезд начинается с наступлением темноты... Нам запрещен дневной прием, во избежание беспорядков.

Мак-Кинли. Грабежи?

Клерк. Слишком много желающих попасть в Сальваторий бесплатно. (*Понизив голос.*) Как раз нищие районы кругом, взгляните, что там у нас делается!

Во всю боковую длину высокой литой ограды с копиями и монограммами «BS», с той стороны, откуда только и можно подойти, выстроилась молчаливая, недвижимая, безликая какая-то, на бесформенное пятно похожая людская толпа. Всех их роднит один и тот же признак, оттенок безнадежности во взгляде: женщины с малышами, старики и самостоятельные, преждевременно повзрослевшие ребяташки.

Остальные члены комиссии слышат разговор Мак-Кинли с клерком.

1-й член комиссии. Почему же вы не обратитесь в полицию?

Клерк. Мы не можем... Они не нарушают порядка, не мешают работе, они только глядят.

Мак-Кинли (*обернувшись в сторону ворот*). Но вот как раз и дневные клиенты к вам!

Клерк. О, эти, очевидно, прямо с аэродрома... За последний месяц наплыв из Европы увеличился вдвое, хотя у них там имеется своя сеть комфортабельных Сальваториев.

2-й член комиссии. По-видимому, сказывается дурной опыт от прежних войн!

Клерк (*горестно*). Да, в случае неприятностей Европа превратится в вулканический кратер средней активности. Простите, господа...

Вполголоса он отдает распоряжение служащему помолоче, чтобы тот встретил новоприбывших.

Через двор к главному зданию Сальватория шествует с пледом через руку, по моде прошлого века, престарелый, надменного вида господин, возможно даже лорд, во главе своего семейства: параличная жена в кресле на велосипедных ко-

лесах, незамужние, подсохшие от времени дочери, личные секретари, домашний врач и единственный внук. Ливрейный лакей несет в руках аквариум с рыбками, также поступающими на долговременное хранение. Владелец их, задумчивый хилый мальчик, тащит вдобавок своего любимца, сидящего в обруче, носатого тукана. Кроме того, ведут под уздцы ветхую, но, значит, дорогую по воспоминаниям верховую лошадь. Гувернантка с двумя шпицами в поводке замыкает шествие, отдаленно напоминающее погребальную процессию.

И самое любопытное: приезжие проходят по аллее как раз мимо напряженно созерцающей толпы: им не стыдно.

— Пожалуйте этим путем, сэр! — кланяясь, принимает почетных клиентов главный администратор, передавая их помощникам пошустрее.

Комиссия спускается в скоростном лифте в подземные помещения Сальватория. Что-то бешено мигает в контрольном окошке кабины, и вспыхивают бесчисленные лампы и номера этажей: 13... 22... 36... Заглушаемый легким свистом падения, управляющий успевает ввести гостей в курс текущих дел и очередных соображений фирмы. Здесь уместно отметить поразительную четкость поведения и речистость всех служащих фирмы «BS».

Управляющий. После недавних просчетов наших конкурентов мы предпочитаем для своих Сальваториев предельные глубины порядка семи-восьми километров. Дальнейшее погружение в земную кору чрезмерно повышает стоимость шахтной проходки и, следовательно, каждого кубометра полезного объема... в особенности из-за повышения глубинных температур.

1-й член комиссии. Ну, уж себе-то вы, наверно, присмотрели тут уютный и безопасный уголок?

Управляющий. К сожалению, для нас это недоступно, сэр. Боксы стоят довольно дорого, а зали-

вать кокильном коммуникационные коридоры, что, конечно, устроило бы служащих, запрещает главная инспекция.

2-й член комиссии. Все равно для своего-то персонала фирма могла бы предоставить места со скидкой.

Управляющий (*уклончиво*). У меня большая семья, сэр.

Мак-Кинли. Дети?

Управляющий. Шестеро, сэр. Нет, им придется переждать наверху... пока все наладится. Обратите внимание на исключительно свежесть воздуха в подобной глубине...

Некоторое время спуск продолжается в полном молчании. Лишь потрескивают в счетном окошечке проскакивающие номера этажей: 278... 291... 323.

2-й член комиссии. Но ведь прошли слухи о значительном удешевлении мест с нового года. В каком приблизительно размере предполагается это снижение?.. И сколько сейчас стоит надежная кабина на одну персону?

Управляющий. На какой срок?

2-й член комиссии. Скажем, лет на триста.

Управляющий. От восьми тысяч долларов до пятидесяти, в зависимости от твердости породы и, следовательно, степени безопасности. Имеются люксы, те значительно дороже... я также уполномочен показать их вам. Мы только что приобрели патент на быстросходные электронные буры в гранитах...

Кажется, посетители уже успели привыкнуть к этому все продолжающемуся полету в бездну.

Уже — 660... 797... 948. В лице у м-ра Мак-Кинли замечается странная борьба с каким-то непреодолимым, почти мальчишеским желанием. Наконец он не выдерживает.

Мак-Кинли (*небрежно-развязным тоном*). А скажите, что можно приобрести у вас на сумму в пределах... ну, долларов этак семисот?

Управляющий. Простите, как, как?.. Я не слышал, сэр!

Мак-Кинли. Я хотел спросить... *(Не выдержав пристального взгляда.)* Нет, это я просто так, шутка.

Управляющий. Очень заметное оживление происходит в последние дни в связи с готовящимся перевооружением держав. На прошлой неделе получен большой заказ от княжества Монако... Чем богаче люди, тем больше они любят бессмертие!

1-й член комиссии *(вполне серьезно)*. Что же, предполагается устройство рулетки под землю?

Управляющий. Нет, сэр. Фирма категорически против азартных игр в Сальваториях... да они и вряд ли осуществимы там! Ну вот и прибыли, господа. Прошу вас...

Циклопические своды и крепления перекрытий дают приблизительное представление о защитной толще грунта и бетона над головой. Осмотр бесшумных вентиляционных установок, обеспечивающих кондиционную температуру холодильников и химических цехов, изготавливающих таинственное вещество антитления: кокильон.

Изредка по округлым, местами полированным стенам и таким же низким потолкам скользят колдовские отсветы, бегут навстречу и тают молчаливые отражения и тени служащих.

Управляющий. Не могу еще раз не обратить ваше внимание... мы на глубине семи с половиной километров, а воздух как в лесу, и нигде ни капли подпочвенной воды.

3-й член комиссии. По-моему, даже ландышем пахнет?

Управляющий. Ночная фиалка, сэр.

Гости у квадратного, с жалюзи иллюминатора. Видно, как вдалеке все те же знакомые нам сальваторные девушки, похожие на царственных монахинь или опечаленных богинь, производят свои манипуляции над какой-то полуголой миловидной дамой, поступающей на длительное хранение в Сальваторий. Знакомая волшебная мелодия перекрывает доносящийся оттуда щекошный смешок усыпляемой. Разговорчивый член комиссии тотчас прилипает к иллюминатору.

Управляющий *(довольно решительно взяв его под руку)*. Ну, здесь, джентльмены, вам не стоит утомляться... У нас мало времени и довольно много впечатлений впереди, уважаемые господа!

Длительный коридор, куда впадают широкие тубы смежных, слабее освещенных тоннелей. Это наиболее комфортабельные катакомбы местного Сальватория. Квартал владык и богачей. Плоская стена с круглыми, накрепко завинченными и замурованными крышками. На них, как и на плитах в полу, — герцогские короны, тиары со скрепленными светильниками, фабричные марки известных по расхожим товарам фабрикантов.

Управляющий *(доверительно)*. Так сказать, отборные любимчики судьбы... к примеру, как раз под нами апартаменты одного экваториального принца с гаремом на пятьдесят персон... Прошу не курить! Нам предстоит теперь в специальной вагонетке, господа, проследовать в завершающий сектор, откуда после воскрешения и укрепляющей обработки наши клиенты будут выпускаться по прибытии на место. Но прежде я покажу вам регистрационный зал с картотекой, где автоматически отсчитывается купленное время каждого из наших клиентов. Так сказать, дверь из небытия во второе рождение...

Все заходят в эллиптическое, вроде колумбария, помещение со множеством небольших квадратных ниш по стенам, где постукивают впереводку отсчитывающие механизмы, сливаясь, пожалуй, в теперь слишком уж знакомую нам мелодию усыпления... входят все, кроме м-ра Мак-Кинли.

Он спрятался в нише за толстой колонной, обвитой спиралями охладительных, видимо, трубок, и, как только голоса его спутников затихают, покидает свое убежище. Время от времени справляясь с чертежами и пометками, сделанными на просмотре документального фирменного фильма, он крадется по пустынным и, кажется, нескончаемым коридорам Подземного Города, полным всевозможных ловушек и превратностей,

пока через служебный ход не достигает уже известного нам по фильму начального отделения, где по сдаче контрольных карт и бланков клиенты раздеваются для поступления на подготовительный процедурный конвейер.

Ближайшая к нему богиня в фантастическом крахмальном головном уборе указывает м-ру Мак-Кинли кабинку, откуда тот вскоре и выходит в цветном, с пелериною, хитоне. Теперь его намерения совершенно ясны нам: на дармовщину проникнуть в желанное будущее, и надо отдать должное глубокой продуманности его плана. Ни одна черта в лице м-ра Мак-Кинли не выражает его смятенного состояния, никто из служебного персонала не подозревает происходящего обмана. Молчаливые девушки начинают свои плавающие магические волхования над телом м-ра Мак-Кинли, который лишь приятно поежился с тем же, впрочем, каменным лицом! — от этих восхитительных прикосновений.

Уже наш герой прошел несколько начальных операций: омовения, очистки жидкостями и токами, массажа в ультразвуковых установках, уже он положен на легко скользящий по полу сверкающий стол, чтобы нырнуть в свою мечту... но вот приходят двое таких же, как и все они в этом подземелье, двое статных, царственно невозмутимых молодцов в комбинезонах и, обменявшись печальными взорами со здешним персоналом, молча влекут тележку со встревоженным и озирающимся м-ром Мак-Кинли в обратную сторону от рая.

Его доставляют в плохо освещенный, шибко второстепенного назначения коридор с дверцей в стенном массиве, за которой оказывается круглый вонючий зев какого-то люка. М-ра Мак-Кинли довольно небрежно вставляют туда, головой вперед, на пружинный челнок, следом суют его одежду, вывалившуюся из карманов мелочь, закрывают герметическую крышку на засов и включают донельзя, до зуда в зубах, противное, визгливое устройство.

Следует сифонное сипение с перекатом какого-то тяжелого тела по коленам и широкой трубы, оказавшейся пневматическим мусоропроводом. Затем мы сразу видим концевой его выход наверху, и нам приходится немножко переждать, прежде чем м-р Мак-Кинли на большой скорости вылетит из этой неблагоприятной дыры наружу, подобно ведьме, окутанный посторонними бинтами и тряпками, прямо на свалку — без видимых телесных повреждений из-за случившейся на месте падения мягкой подстилки. Лежа в несколько неудобной позе под роскошным звездным небом, он пытается философски и без снепки осмыслить свое положение. Подобное приключение, несомненно, хоть кому испортит настроение, однако овладевшая м-ром Мак-Кинли маниакальная мечта отныне придаст ему вдвое отваги и хитрости на гораздо большие свершения.

Диктор. Что делать, не везет нам, дорогой м-р Мак-Кинли! Теперь придется отправляться на поиски подходящей старухи...

Отыскав в потемках разлетевшиеся части своего туалета, все, кроме одного проклятого ботинка, м-р Мак-Кинли на минуту скрывается за повернувшейся трансформаторной будкой, смеяться пришедший в негодность фирменный хитон, и минуты через полторы появляется почти в прежнем, до своей неудачи, виде... Полностью стемнело. Справа чернеют ступенчатые, монументальные постройки Сальватория. Вдалеке возникают странные звуки, напоминающие шум крупного уличного происшествия: чуть позже становятся различимы и отдельные возгласы. М-р Мак-Кинли вполне невозмутимо, лишь слегка прихрамывая, отправляется на шум, чтобы выяснить причины беспорядка в такой ничем ранее не скомпрометированной местности.

Из мрака ночи, оглашаемой далеким, нестройным, на ветер похожим пением, надвигается странное сияние, которое вскоре становится тысячью факелов, другая тысяча людей движется

наугад, руководствуясь единственно чутьем ярости. Это ночной поход, видимо, не только окрестного населения на Сальваторий Боулдера. Безумная толпа, не уместившаяся на шоссе, течет и по его обочинам. Они движутся с поднятыми головами, то ли призывая бога из звездной лучины неба, то ли опасаясь налета воздушной полиции. М-ру Мак-Кинли, стоящему под откосом, видно сквозь поднятую пыль лишь множество шагающих ног, — он взбирается к ним по крутизне. В процессии — фермеры, какие-то старухи, даже одна оборванная монахиня, выкрикивающая нечто несообразное своему сану, обоего пола подростки. Они несут развернутые, всех образцов полотнища с самодельными надписями:

«Мы запрещаем вам зарываться в землю».

«Сгорайте вместе с нами!»

«Мы убьем вас, войки, во имя наших малюток!»

Какой-то осатанелый кряжистый старик с хохотом вдохновенного гнева кричит сверху попавшему на глаза м-ру Мак-Кинли:

— Пойдем с нами, кривошей, вырвем главному ноги из... чтоб не успел удрать от нас, своих птенцов!

Видно, как, закругляясь в сверкающее волшебное полукольцо на вираже шоссе, мчатся с противоположной стороны полицейские машины; становится слышно их равномерное угрожающее гудение. При сближении оттуда летят в процессию какие-то пламенные порхающие мотыльки, и вот толпа уже ползет на коленях, давясь, корчась от безудержного по всему телу зуда и сдаваясь.

Диктор. Подобные же беспорядки прокатились и по другим странам, где наиболее дерзко и успешно на виду у населения происходила деятельность концерна «BS».

На экране — образцовая, снятая в потемках уличная свалка со вспышками выстрелов, неразбериха катящихся и падающих тел. Это один

очередной погром Сальватория — где-то в предгорьях Швейцарских Альп. Не менее сильное впечатление оставляет эффективный ночной пожар в датском филиале «Боулдер и К°». Как правило, всюду убытки фирмы крайне малы: надземные постройки Сальваториев почти ничтожны в сравнении с недоступными подземными помещениями под броневыми плитами. Зато при удачном поджоге изнутри вырывающиеся из земных недр столбы дымного пламени, с соответствующим отражением на облаках, напоминают небольшие вулканические извержения. Газ кокильон чудесно горит.

Диктор. Наиболее популярный и доходный бизнес века тем не менее всюду вызывал у населения гневное, невыясненной пока окраски, но явно политическое противодействие. В сенат поступила совместная — Биржи, Центрального Перспективного Института и Конгресса Промышленности — петиция с требованием расследования деятельности концерна «BS».

Надпись. Ввиду чрезвычайной важности ожидаемых выводов на заседание личным дружеским посланием президента был приглашен сам глава и основатель фирмы Самуэль Д. Боулдер.

Газетные оповещения:

«Большого Боулдера тянут к ответу».

«Новый Моисей нашего времени! Земля Обетованная — всего в семи километрах под нами».

«Успеет ли старик достроить свой новый Сальваторий в Венесуэле?»

«Последние минуты. Боулдер при смерти». «Он будет погребен в Пантеоне».

Диктор. То печальное и памятное заседание сената, завершившееся увечьем многих достойных джентльменов и частичным повреждением красивейшего здания в столице государства, произошло 28 августа одновременно с другим, важнейшим для нашего героя событием.

Переполненный публикой и сенаторами Круглый зал заседаний. В разгаре обсуждение дея-

тельности концерна «BS». На трибуне произносит речь взволнованный мужчина в совершенном расцвете сил. Вибрирующий голос, властные жесты трибуна, жгучие взоры и жесты обвинения в адрес неспроста отсутствующего Боулдера, особенно ядовитые обороты речи и, наконец, благородная испарина умственного напряжения на челе. Когда оратор отворачивается от микрофона, чтобы было слышно и сидящим позади, зал наполняется гулким радиобульканьем.

Оратор. ...Теперь нам надлежит подвести итоги перечисленным фактам и цифрам, и я крайне огорчен, господа сенаторы, что вынужден сделать главный вывод обвинения в отсутствии виновника, известного всем вам в качестве создателя концерна «BS», этой позорной и могущественной организации всемирного дезертирства. Но счастью, преступление еще не доведено до конца, еще есть время вмешаться нам, консулам отечества. Но не секрет, господа, что все более широкие круги заражаются непозволительным соблазном бегства из современности. (*Обернувшись назад.*) Где ваш уважаемый помощник, директор-распорядитель Меридиональной Авиалинии и заодно ваш зять, господин председатель? В земле. Где мужественно призывавший нас к христианскому сопротивлению достопочтенный архиепископ Стаффорд? Там же. Самое вызывающее, что и ответчика нет среди нас. Нет, он не ждет почтительно там, на дощатой скамье в коридоре, приговора избранных страны... не ждет с подобающим трепетом ваших вопросов, господа судьи! Он силен и загадочен пока, этот некоронованный плут, перед которым ныне заискивают короли и магнаты в надежде на теплую койку в его обширной подземной империи. Да, он боится вас, а ведь степень трусости как раз и мерится передко низостью побудительных мотивов. Правда, по слухам, в настоящее время он чадно угасает среди своих запущенных тюльпанных полей в Огайо, новый Цинциннат из Цинциннати... и, надо думать, дьявол, который сейчас выковыривает из него стамеской его грешную душу, ужасно морщится от своей вонючей работы. Но даже

мертвый, он должен был предстать перед сенатом отечества, чтобы, трепеща, объяснить истоки своей коварной и сомнительной деятельности...

Голос с места. Это тебя тот ракетный Ластиг, фабрикант покойников, купил, пройдоха, мазать грязью мертвеца?..

Оратор. Бывают настолько черные репутации, господа, что им нечего страшиться посмертной грязи!.. Итак, мы собрались здесь, чтобы принять великие решения... и раз уж так случилось по допущению Творца и собственному нашему недомыслию, что мы собрались тут лишь в самый роковой миг у кормила свобод и цивилизации, то прежде, чем попустительством малопочтенного мистера Боулдера мы все снова растворимся в первозданной огнедышащей стихии, из которой господь ввел нас однажды в этот мир делать наш скромный бизнес, господа, давайте совершим все положенное нам с достоинством, присущим нашему биологическому виду. Пусть на последней странице Человеческой истории будет начертано описание вашего заключительного подвига, господа! Да, мы все стоим перед порогом, когда волна вечности смочит нас... вернее, поднимет на воздух все это зримое... и нечто большее, чем только наши семьи, храмы и банковские вклады, но и незыблемую основу нашего бытия, идею свободной инициативы! На грозном пороге, где мы стоим сейчас, только способность осознать логику своих ошибок отличает человека от животного; воспользуемся же ею!

1-й голос с места. Если вы это болтаете от лица конкурирующей фирмы, то открывайте, какой?

2-й голос. Устав и деятельность концерна «BS» не противоречат конституции свободной страны!

Недружный ропот и шум в зале.

Оратор. А я как раз утверждаю, что эта предательская организация создана в Москве для нанки и планомерного подрыва наших государственных мероприятий... путем отнятия у военной промышленности — рабочих рук, умов — у наших штабов и лабораторий, налогоплательщиков — у нашего бюджета! Тем постыднее все это, что столь беспримерное разрушение

наших тылов производится на наши же с вами взносы, собранные среди доверчивых клиентов. Поэтому я и предлагаю вашему вниманию...

3-й голос. Вам же известно, что военнообязанные не принимаются в Сальватории Боулдера, а рабочим не на что прятаться под землю!

Голоса. Тихе, тихе...

Как раз в эти минуты, чуть раньше, через центральный, противолежащий по диаметру против трибуны вход вступают человек шесть внушительного вида молодцов — в полувойенной фирменной униформе со шнурками вместо погон и опознавательными инициалами «BS» на рукавах. Не обращая внимания на происходящее, они деловито осматривают помещение, все ли тут в порядке. Один, видимо старший, молча кивает другим на приоткрытое за столом председателя окно с цветным символическим витражом.

Старший по охране. И вон того удалить, ребяташки... Что-то мне не нравятся ни ряшка его, ни, правду сказать, волоса.

Несопротивляющегося стенографа с громадной шевелюрой легко, как щенку, перемещают в коридор.

Получивший приказание охранник взбирается за спиной председателя на спинку его кресла.

— Извини, парень, что мешаю вам трепаться. Мне закрыть окошко, а то мы простудим нашего старика.

Молодцы «BS» разговаривают по-хозяйски громко и поступают как им нравится, что окончательно нарушает порядок заседания. Атака сбегавшихся было служителей разбивается о первую же многообещающую улыбку старшего. Общее замешательство. Застигнутый на полужае, оратор замирает на трибуне. Привстав, сенаторы смотрят на задние входные двери в ожидании еще худшего.

Оттуда появляется неторопливая процессия. В сопровождении врача, двух медицинских сестер-монахинь и пастора ввиду возможных случайностей преклонного возраста вступает сам

м-р Боулдер, ведомый под руки двумя молодцеватыми секретарями со скорбно одухотворенными лицами и атлетического сложения. Старик гораздо старше и сутулей, чем на знакомых нам портретах не менее как пятнадцатилетней давности, почти развалина. Белая борода и такие же нависшие брови, под которыми, как в норах, прячется взгляд, придают ему даже какое-то щемящее душу библейское величие. Смятенная тишина, и в ней только припаркивание старческих ног.

Боулдер (*кивая неизвестно кому*). Ничего, ничего... садитесь, господа. Извините, опоздал... стариковское недомогание, обычные неполадки с желудком... (*Ворчливо председателю, не глядя на него.*) Все они таковы, эти чертovy старики... травить их... простите, сверх ожиданий... немножко помешал вам заниматься!

Самуэль Д. Боулдер опускается на откуда-то появившееся в проходе кресло в четвертом ряду, который наполовину к тому времени знаменательно опустевает; свита располагается гнездом вокруг. Монахини роются в своих санитарных сумочках. Врач пытается приложить какой-то медицинский прибор к занятой старика, тот без раздражения отводит в сторону его руку.

Долгое мертвое молчание. Напрасно председатель подает просительные знаки оратору, чтобы тот спасал положение ввиду создавшихся по его вине обстоятельств. Тот незаметно сникает — скорее улетучивается, чем бежит с трибуны.

Председатель. Прежде всего мы приветствуем дорогого мистера Боулдера в нашей деловой среде. До нас дошли грустные вести, что вы прихворнули у себя под Цинциннати, сэр... и мои коллеги искренне сожалели, что ваше нездоровье лишает их возможности послушать от вас лично воспоминания о возникновении поразительной фирмы «BS», которая по высокой мысли ее творца — эвакуировать человечество из потенциальных очагов военных бедствий — представляется всем нам одним из гуманныйших начинаний на

ного времени!.. Не найдете ли заодно возможность, сэр, поделиться с нами и вашими соображениями о современности?

Боулдер. Да, я хотел бы, а то у меня время... По оратор?

Председатель. О, он давно кончил, сэр. Итак, ваше слово, мистер Боулдер.

Предоставляя слово, он оглашает всевозможные, строк на двадцать, титулы и звания великого старика.

Перед публичным выступлением, с опасными в столь преклонном возрасте треволнениями, старшая сестра подает старику какое-то укрепляющее питье, которое предварительно надо долго мешать ложечкой. Кошунственно домашний звон стекла оглашает тишину законодательного святилища с президентами, генералами, джентльменами в париках, созерцающими из золоченых рам это забавное и неуместное священнодействие.

Боулдера возводят на трибуну секретари, которых он затем с капризцем отталкивает, как костыли. Оратор начинает ворчливо-медленно, порою глотая куски фраз, но угасающий вначале голос крепнет к концу, и в заключение старик окинет свою аудиторию уничтожающим, почти молодым взором из-под насупленных бровей.

Боулдер. Моя фамилия Боулдер, господа. Я получил вашу вздорную повестку и сперва, этово... мне уже вредно, мне нельзя самолет, хе-хе... в небо мне уж дозвоительно только с ангелом. Но тут мне дали проглотить что-то такое продолговатое, и вот... *(Долгая пауза.)* Когда мне не дремалось, то я глядел оттуда сквозь облачную дымку на все это, плывущие внизу города и башни, и думал: так почему же оно так прочно? Их жгут века подряд, взрывают, а они все стоят... я спрашивал себя: почему?.. из камня и стали? Нет. А потому, господа, что оно сделано из живой человеческой души. Из вздоха нашего, из мечты, из надежды... как будто даже из ничего. Вот

почему книги живут дольше железа... Так что же сегодня нужно прежде всего для спасения мира? — думал я, плывя в поднебесье. Приготовьтесь, я вам скажу сейчас очень смешную, даже непристойную в таком месте вещь: чистая душа, господа... *(Махнув рукою.)* А впрочем, все равно: потом приходит шальной наследник, балбес, голова винтом... и опять пепел, неоплаканный пепел летит по ветру! *(В ответ на шепест переспросов, прокатившийся по залу.)* Я сказал: по ветру, пепел... господа. *(Длительная пауза, старик что-то жуёт.)*

Боулдер. В дороге я имел также удовольствие слушать, летел и слушал этово... ну, ваши огненные речи, господа! И тоже — где я был назван организатором всемирного дезертирства с поля чести, хе-хе, хотя... *(грозя пальцем и с дробным смешком)*, хотя у всех вас давно уже куплено по билету в мои Сальватории, шельмецы! С пожара первыми убегают те, кто раньше узнал про огонь: поджигатели. Но одно, пожалуй, верно, старик стоит у трапа и неистово топчит всех, чтобы скорее всходили на мой корабль... отплывающий куда-то корабль. Признаться, я и сам не знаю куда! Но почему же он поступает так, этот чертов совратительный старик? Почему? Может быть, за свою долгую жизнь старый Сэм так полюбил людей, что решил хоть что-нибудь сберечь от предстоящего костра? Сомнительно. Мне слишком много про всех вас известно, чтобы жалеть. Нет... а просто хочу закинуть впрок, по ту сторону завтра, немножко наших идей, памяти о прошлом и еще кое-чего для постройки шалаша на первое время... там. Для кого, я и сам не знаю. К сожалению, у большинства моих клиентов как раз ни мыслей, ни совести, ни даже мужества, а сам я слишком беден, чтобы за свой счет произвести эвакуацию остального человечества... хотя дайте мне ваши военные бюджеты, черт возьми, я попробую! *(Пауза отдышки.)* Нет, мальчики, я работаю не от Кремля. Мне нечего продавать, и меня уже все чаще тянет полежать со скрепченными на груди руками... *(С неожиданным воспламенением обернувшись к председателю.)* А могу ли я прибег-

нуть к вашему посредничеству, сэр, представить мне того резвого молодого прокурора, который собирался посечь старика? Было бы интересно взглянуть. Он так быстро уступил мне место...

Председатель (*как бы сглотив фамилию обвинителя*). Прошу вас, уважаемый коллега... (*Громким шепотом, когда тот мертвенно поднялся с места.*) Желательно поближе: у мистера Боулдера плохие глаза.

Преодолевая робость, тот подходит к трибуне и застывает с видом провинившегося школьника.

Оратор. Я слушаю вас, мистер Боулдер.

Боулдер (*отечески*). Поверьте старику, молодой человек, я далек от мысли обидеть вас, но грозная пора обязывает нас всех к величайшей точности мышления и действия. Ваша матушка может по праву гордиться своим рекордом: вы поразительный дурак, сэр... я просто горд наблюдать столь незаурядное умственное явление. Ради нашего знакомства я уж приоткрою вам один секрет, поскольку, бывает, для инных и градусник — великое открытие. Нам, с большими желудками, не повезло, господа: мы родились в чертовски неприятное время, когда человечество линяет. Оно меняет свою ветхую шкуру... и ему иначе никак нельзя: ему надо жить и завтра. Его стало на земле слишком много, а мы у себя наверху слишком прожорливы и грешны. И мы слишком часто обращались к дьяволу за консультацией или — чтоб прогрел нам трагически остывающую кровь. В сущности, господа, наша хваленая цивилизация достигла той роковой содомской черты, когда в древности на нее ниспосылался огненный дождь. Снова чистая душа требуется миру... и какие бы телодвижения ни совершали мы, завтра планета будет в другой одежде. И не оплакивайте обреченного, господа: к сожалению, главное уже произошло. Оно бывало и раньше, они вымирали не раз, троглодиты и эти... (*ближайшему секретарю*) ну, как их... эти палеозойские водяные блошки?

Секретарь. Трилобиты, сэр.

Боулдер. Вот, троглодиты и трилобиты. Со вре-

менем из этого образуется толстый на дне океана слой известки, который, будем надеяться, пригодится на что-нибудь путное в дальнейшем. Итак, все!.. На остальные вопросы ответят секретари... чтоб не скучали, хе-хе, и не зря получали деньги. В сущности, я летел сюда только посмотреть, кто нынче, как это там было сказано?.. кто стоит у кормила всемирной цивилизации. Словом, взглянуть на ваши лица, господа. Благодарю вас, я видел...

В том же безмолвии и последовательности Боулдер и сопровождающие его лица удаляются из зала заседаний, где тотчас открываются оживленные прения с обилием страстных восклицаний и даже, между представителями враждующих фирм, с рукоприкладством.

Диктор. В тот же самый вечер, приняв бесповоротное решение относительно бегства из эпохи, м-р Мак-Кинли произвел решительный смотр своих наличных возможностей.

Предварительно запершись, он собирает отовсюду — из бельевых ящиков и карманов старых пиджаков — затерявшиеся, а может быть, и нарочно рассованные про черный день бумажки и монеты. Он также ставит на стол пяток фигурных копилочек со сбережениями и наконец из главного тайника с предосторожностями извлекает свой заветный клад. Весь м-р Мак-Кинли с его капиталами виден здесь на просвет.

Следует стук в дверь.

Мужской голос. Хэлло, Мак-Кинли, здесь Аббот, ваш сосед... Вы не собираетесь к хозяевам в гости? У них серебряная свадьба сегодня. Уже все в сборе...

Мак-Кинли. Благодарю, я малость опоздаю... к сожалению, мне поручили одну срочную работу.

Голос. Приходите, когда кончите!

М-р Мак-Кинли опустошает копилки и, завернув в газету глиняные осколки, чтобы самому вынести из дому, производит подсчет основных средств для осуществления мечты. Невнятно звучит над головой та самая, повелительная ме-

лодия усыпления и — надежды, надежды! В качестве примерного аккуратиста м-р Мак-Кинли постатейно выписывает образовавшиеся суммы, из которых по сложению получается неожиданно много: 1780 долларов.

Детский голосок за дверью. М-р Мак-Кинли, папа и мама приглашают вас чего-нибудь выпить. Мак-Кинли. Спасибо, крошка, мне что-то нездоровится.

Поверх вороха своих богатств м-р Мак-Кинли кладет какую-то от канзасского дяди унаследованную акцию и фамильные, старомодные ценности; судя по записи, сумма увеличивается еще на 130 долларов. Затем он ходит по комнате, прикидывая в уме стоимость каждого предмета из своего небогатого обихода: толстенькие подвижные цифры появляются сами поверх оцениваемых объектов.

Хозяйка стучит в дверь.

Хозяйка. Дочка сказала, что вы заболели, м-р Мак-Кинли. Мы с Гарри очень беспокоимся. Дайте-ка мне взглянуть на вас...

Прежде чем открыть дверь, м-р Мак-Кинли одним жестом сгребает свое достояние в ящик стола. На пороге полная, добродушная, еще в фартуке и раскрасневшаяся от хлопот хозяйка.

Мак-Кинли. У меня просто плохое настроение с утра, миссис Перкинс. Опять невеселые газеты...

Хозяйка. Да, мы тоже читали: какой-то подающий надежды молодой ученый предложил поджечь прилегающий к России Ледовитый океан. Поразительно движется вперед наука: ведь год назад мы и не гадали, что вода прекрасно горит... Тут-то только и выпить с горя!

Мак-Кинли (*нерешительно*). Мисс Беттл у вас?

Хозяйка. Нет, она куда-то уехала... Надеюсь, только в отпуск!

Мак-Кинли (*незначущим тоном*). Одна уехала?

Хозяйка. Да... кажется, к тетке. А что?

Мак-Кинли. Ничего! Тогда я приду сейчас... (*Потом вдогонку уходящей хозяйке, выхватив смеш-*

ной бабушкин браслет из ящика стола.) А это вам мой маленький подарок.

Хозяйка (*любуйась вещью*). О, вы просто расточительны, м-р Мак-Кинли! Мы с мужем так хотим вам счастья...

Диктор. Перед тем как полностью отдаться во власть своих безумных, уже полусозревших мыслей, м-р Мак-Кинли сделал еще попытку осуществить мечтание законным путем и прежде всего прицелиться к счастью!

Он в конторе фирмы «Боулдер и К°». Это огромное, крайне специализированное соответственно потребностям клиентов предприятие. Множество пронумерованных окошечек в отделанной тропическим деревом панели, и в каждом посажено по белокурому ангелу с фирменными инициалами на каскетке.

Мак-Кинли. Позвольте мне обеспокоить вас вопросом, мисс... Что и на какую цену могли бы вы предложить одинокому нетребовательному холостяку?

Ангел. Простите, сэр, в моем ведении как раз только семейные апартаменты с комплектом обслуживанием. Обратитесь в сорок второе окно. Благодарю вас!

М-р Мак-Кинли у сорок второго окошка.

Мак-Кинли. Меня интересует, что именно я мог бы приобрести у вас за сравнительно небольшую сумму?

Ангел. Какой суммой вы располагаете, сэр?

Мак-Кинли. В среднем... тысячи на полторы, не больше двух.

Ангел. К сожалению, здесь продаются лишь индивидуальные стабильные секции длительного хранения от десяти тысяч долларов и выше. Пожалуйста, поищите в нижнем этаже мистера Стоккера. Это самый длинный и любезный человек на свете. Благодарю вас!

Наконец в огромном зале полуподвального этажа удалось разыскать указанного длинного Стоккера.

М-р Стоккер (*откуда-то сверху, как бы со второго этажа*). О, в пределах вашей суммы я смогу показать вам некоторые наши новинки, уже получившие в Европе довольно широкое распространение! Прошу вас следовать за мною, сэр! (*Ведя его по коридорам и различным служебным помещениям.*) Вы еще не видели наших переносных кабинок индивидуального пользования? Пресса отметила их как наиболее привлекательное изобретение последнего полугодия. Это маленькие самостоятельные квартиры длительного пользования, на любые цены, вкус и рост. Они абсолютно герметичны для кокильона и крайне экономичны для желающих перескочить через завтра... Дешевле их, пожалуй, будет только самоубийство! Так вот, идя навстречу широким народным потребностям, наша фирма месяц назад и выпустила их как общедоступные рождественские подарки. М-р Боулдер в своей деятельности всегда руководился самыми демократическими побуждениями. Первые образцы показали себя с наилучшей стороны. Не остужитесь, здесь несколько ступенек, теперь направо... Благодарю вас!

Они вступают в довольно вместительный холл, где по обе стороны на приподнятых площадках расставлены самые разнообразные капсулы.

Перед нами печально-продолговатые, треугольные, цилиндрические и даже шаровидные — с сидячим местом внутри, также кубические сооружения, рассчитанные на размер сложенного втрое человека, в большинстве — ласкающих глаз колеров. В общем, это переносные Сальватории хоть бы и на дому: для небогатых. Некоторые с замысловатой, загадочной техникой, видимо, для автоматического проветривания или рулевого управления, другие же с рессорным присоединением для поглощения силы удара при падении с вершины термоядерного гриба. Всюду на нескольких языках обозначены номер и символическое название категории, также самая стоимость. Вокруг, парами и одиночные, бродят

задумчивые покупатели, которые недоверчиво изучают выставленные модели.

Наиболее запоминаются следующие образцы: «Спящая красавица и семь богатырей» — прозрачная люлька, подвешенная внутри изящных пружинящих обручей с семью шинами во избежание покушений на спящую внутри девственницу, — наиболее дорогая.

«Солитер-эгоист» — продолговатая, с солидной крышкой штука для зажиточных холостяков, расписанная довольно легкомысленными рисунками.

«Райская кабинка» — для молодоженов, ушаренного образца.

«Вечность» — чугунный саркофаг цельного литья с небольшим иллюминатором огнеупорного зеленоватого стекла, опускается непосредственно на дно океана.

«Давайте отдохнем» — продолговатый граненый ящик с крышкой на обыкновенных мебельных винтах, и другие в том же роде.

Слышен разговор молодой супружеской четы, когда подходят Стоккер и Мак-Кинли.

Он. По-моему, это немножко непрактичный цвет, Лиззи. Ты всегда выбираешь в цвет к своим глазам... Но ведь это будет стоять не в гостинной!

Она. Тогда лучше остановимся на давешней, та гораздо комфортабельнее, а для твоей мамы возьмем что-нибудь попроще, ей уже все равно... Однако что же мы выберем для твоего племянника?

Заведующий индивидуально-капсульным отделом настойчиво пытается всучить м-ру Мак-Кинли последнюю из перечисленных выше моделей.

Стоккер. Я настоятельно рекомендую эту... она недорога, крайне гигиенична, почти невесома: можно брать с собою под мышку хоть в театр!.. ну, разумеется, если сдавать под номер гардеробщику. Обратите внимание на автоматическое спусковое устройство: газ начинает поступать тотчас, едва завинтят

крышку. Вам не нравится?.. Или хотите примерить? У нас имеется примерочное помещение с зеркальным потолком!

Мак-Кинли. Нет, видите ли, это вызывает во мне... ну, посторонние воспоминания.

Стоккер. О, это в смысле количества граней? Тогда вон там найдутся более отвлеченные формы. Кроме того, вон та модель даже с музыкой: имеется специальный механизм для проигрывания! Называется «Ладя м-ра Харона». *(Они направляются туда.)* Лично я даже предпочитаю капсульное хранение. Гранит... А мало ли что про него откроют впереди! А вдруг гранит тоже взрывчатка? К тому же, если взять капсулу с надежной амортизацией на случай воздушной волны...

Мак-Кинли *(содрогаясь)*. Видите ли, я еще собирался после этого жениться... Благодарю вас, я подумаю.

Они корректно раскланиваются и расходятся.

Диктор. И вот м-р Мак-Кинли оказался в безвыходном положении. Мечта о безопасных семейных радостях не давала ему покоя. Но изолированное подземное помещение было не по карману, а скитание хотя бы в гигиенической пикатилке по раскаленным небесам тоже не слишком привлекало его. Надо отдать должное м-ру Мак-Кинли: прежде чем решиться на крайние меры, он испробовал все менее преступные средства.

Вот он пытается под проливным дождем ограбить франтоватого пьянчугу по выходе из почного вертепа. Вмешивается полицейский, и притворившемуся приятелем м-ру Мак-Кинли приходится за свой счет доставлять безденежную жертву по указанному в визитной карточке адресу.

Вот м-р Мак-Кинли мучительно сочиняет вымогательское, под угрозой мучительной смерти, письмо владельцу одного нарядного особняка, мимо которого ежедневно ходит на службу. На другое же утро в условленном месте, под кустарничком, красуется подозрительно толстый пакет, а по противоположной стороне прогуливается

классический, в канотье и полуторного роста детектив.

Диктор. В довершение всего оказалось, что даже в таком богатом христианском городе занять недостающие для счастья 8 220 долларов под честное слово христианина — безнадежное дело. Тогда м-ру Мак-Кинли и вспомнилась подслушанная в кафе история про иностранного бакалавра с топором... Пора было приступить к поискам какой-либо малоценной старухи.

Скитания м-ра Мак-Кинли по городу в поисках подходящего объекта.

Он на вокзале, среди провожающих: нету! Он на скачках в публике. Казалось бы, выбор здесь вполне достаточный, но ни одна из подходящих кандидаток в увлечении игрой просто не замечает его усилий завязать близкое, с солидными намерениями знакомство.

М-р Мак-Кинли в молитвенном доме, где множество малозажиточного вида старух с вытянутыми гусиными шеями тянут гимны под управлением такого же прозрачного па просвет проповедника. Изучая каждую порознь, м-р Мак-Кинли местами поднимает им слегка, потом скептически морщится и уходит.

Он забредает также в косметический институт. Адское стрекотание массажных, вибрационных и прочих омолаживательных аппаратов, но даже и сквозь этот шум могуче прорываются такты той, райской мелодии. Происходит очередная пантомима: под предлогом удаления родинки где-то за ухом м-р Мак-Кинли вступает в нудное объяснение с главным магом-оператором, образцово-показательным мужчиной пропитательной ассирийской внешности. Тот сокрушенно качает головой, в мимическом смысле: «Тут никак нельзя ковыряться, опасно: слишком близко к мозгам!»

Тем временем м-р Мак-Кинли поочередно обследует взглядом букет перезрелых дам, чающих возвращения молодости. Кажется, одна — долговязая, тощая, носатая до сходства с грифом —

совершенно подходит для намеченного мероприятия. На ней показное множество драгоценностей — значит, богата; она жаждет правиться — значит, при умелом обращении уязвима для мужских чар; она в трауре — значит, одинока, что в особенности благоприятствует успеху дела.

Диктор. Не теряйте времени, м-р Мак-Кинли. Забирайте в охапку вашу удачную находку!

С видом прожигателя жизни м-р Мак-Кинли шествует за своей жертвой. В переполненном, на людной улице, кафе ему удастся настигнуть ее наконец. Жестом он просит разрешения воспользоваться пустым местом за ее столиком.

— Я не запомню такого тропического августа... — говорит м-р Мак-Кинли, садясь и приподымая шляпу в благодарность за позволение. — Впрочем, у нас в Оклахоме, помнится, случалось в детстве и не такое некло!

— Зато, наверно, будет ранняя и дождливая осень... — охотно откликается будущая жертва.

Миссис Шамуэй рассеянно кивает, занятая какой-то довольно калорийной пиццей. Такие, по уверениям сведущих лиц, обожают всякие зверские зрелища!

— Вы сидите на самом выгодном месте во всем кафе. Я тоже давно облюбовал этот столик, — отважно приступает к своей тяжелой работе м-р Мак-Кинли, касаясь полей шляпы. — Отсюда выгодней всего наблюдать все несчастные случаи... По городской статистике, большинство их происходит именно на этом перекрестке и в этот час. По отзывам одного знакомого репортера, перед вами наиболее богатый происшествиями перекресток в мире. Кстати, третьего дня произошло очень милое столкновение двух автомашин.

Что-то в паружности миссис Шамуэй располагает его к импровизации такого рода.

— И много крови было? — интересуется миссис Шамуэй.

— Да, и, по моим наблюдениям, она поразительно медленно сохнет... даже в такую погоду!

Не без сожаления м-с Шамуэй расплачивается с официантом и уходит. Но, значит, выстрел охотника попал в цель: на следующий вечер уже сама миссис Шамуэй подходит к столику, предусмотрительно занятому м-ром Мак-Кинли.

— Ну как, ничего не произошло пока? — приветливо и уже тоном сообщницы осведомляется она, запросто присаживаясь на свое место. — Я тоже большая любительница наблюдать... ну, всякие такие пестрые уличные бытовые сценки!

— Вот, терпеливо жду пока... — тоном бывалого рыбака говорит Мак-Кинли, приподымая шляпу. — Но только при вашей врожденной нервности... я бы предписал вам воздерживаться от чрезмерных впечатлений!

— О, вам делает честь такая наблюдательность! Вы врач?

— Немножко. Мне и в прошлый раз показалось, у вас были не то чтобы заплаканные, а как бы в дымке давней печали... глаза. Простите, ваше состояние дает мне право, пусть на непрошеное, сочувствие. Скажите... у вас большое горе?

— Три дня назад я предала земле близкое мне существо, — тронутая проникновенным тоном м-ра Мак-Кинли, признается приручаемая жертва.

— Мне также знакомо такое опустошение, эта сверлящая после ночной бури тишина, — с опущенными глазами платит откровенностью за доверие м-р Мак-Кинли. — Вот уже два года с лишним, как я напрасно пытаюсь найти какую-нибудь привлекательность в своем одиночестве...

— Зачем?

— О, чтобы привыкнуть и смириться!

— Нас всех, путников по земле, роднят одни и те же земные горести да еще, пожалуй, тоска по небу... — искоса рассматривая меню, со вздохом произносит миссис Шамуэй.

М-р Мак-Кинли смотрит на свою старуху страшными, бархатными глазами.

— Простите мою навязчивость, миссис?..

— О, Шамуэй!

— Благодарю вас, миссис Шамуэй... Я Мак-Кинли. Будем надеяться, что там вашему другу будет лучше. Видимо, это было очень отзывчивое, доброе существо, верный рыцарь и умный собеседник?

— Я бы не сказала так... но нас связывали девять лет самой тесной дружбы!

— Вот так же и я!.. До сих пор, проснувшись иногда среди ночи, я отчетливо, как бы в мерцании, вижу наклоненную надо мной любимую головку, — нехоту признается м-р Мак-Кинли. — Поразительно, с какою силой человеческое сердце хранит черты дорогих нам спутников. Мы даже переплетаем у них некоторые черты для себя... Вы не замечали, миссис Шамуэй?

— По счастью, — благодарно и не без волнения отвечает та, — у меня, кроме воспоминаний, сохранилась и фотография. Как странно! Точно предвидя несчастье, мы снимались всего на прошлой неделе.

— Я был бы счастлив познакомиться с вашим бедным другом! — просит м-р Мак-Кинли.

С увлажнившимся взором м-с Шамуэй шарит в сумочке портрет любимого покойника. М-р Мак-Кинли замечает там вполне достаточную для пролития крови пачку денег и чековую книжку, которую та нехоту роняет на пол. М-р Мак-Кинли возвращает ее владелице и получает взамен фотографию в кожаном паспорту для осмотра. На ней голый и гладкий, с какой-то огнелопашей мордой дог.

Кивая и со склоненной набок головой м-р Мак-Кинли долго рассматривает карточку. «Какое милое интеллектуальное лицо!..» — как бы говорит он всем своим видом.

— По-видимому, он был уже стар? — с участием осведомляется м-р Мак-Кинли.

— Представьте, совсем нет; он погиб под междугородным автобусом. Его сгубила любознательность. Он что-то там заметил под колесами и полез удостовериться. У него было чудесное здоровье: никогда не болел...

— Мы так неосторожны становимся с годами...

и тем более нуждаемся в строгой взаимной опеке! — через силу делает еще один шаг к поставленной цели м-р Мак-Кинли. — Но, кажется, у вас самой тоже завидное здоровье?

— О, муж побаивался меня при жизни, а бабка до восьмидесяти трех лет не пропустила ни одного лыжного состязания, пока сама не поскользнулась на горной тропе... — хвастается миссис Шамуэй, запирая сумочку, и улыбается вызывающе кокетливо, как девочка.

М-р Мак-Кинли снова смотрит на нее оценивающими, ласкательными глазами. Правда, эта пожилая ужасная дама прочна, как плаха на эшафоте, над ней придется потрудиться. Что делать, в его возрасте на что только не пустишься ради осуществления мечты!.. Впрочем, как и многие философы, м-р Мак-Кинли с его придирчивой душевной чистоплотностью не очень уверен пока, что буквально все дозволено во имя детей, в природе пока не существующих. Поэтому по ходу повести ему потребуются еще и еще доводы — убедиться, что это как раз та самая старуха, которую совсем не грешно принести в жертву какому-нибудь особо возвышенному и неотложному идеалу.

Однако пора идти, м-р Мак-Кинли торопится отодвинуть стул миссис Шамуэй. Расплачиваясь, он, как и впоследствии всегда, не скупится на чаевые официанту, который сгибается в поклоне подобострастного удивления. Мелочь эта не ускользает от внимания польщенной миссис Шамуэй. «О, по-видимому, обтрепанные обшлага у этого чем-то весьма привлекательного джентльмена — только черты чудачества, передкого на Западе у людей с достаточной рентой». Украдкой, искоса она поглядывает на м-ра Мак-Кинли, проверяя свои догадки. «Но, боже, кто же вы, однако, кто?»

Они выходят вместе.

Диктор. Так началась самая жестокая и захватывающая в жизни м-ра Мак-Кинли игра, где ставкой

служило всего лишь скромное семейное счастье, как будто нельзя было достичь его другим путем. А сбережения его стали таять с каждым свиданием.

Всякий вечер по возвращении домой с прогулок со своей избранницей м-р Мак-Кинли отмечает карандашом на косяке двери оставшуюся в его распоряжении после очередного урона сумму сбережений. Она катастрофически падает: 1750, 1711, 1628, 1592.

Наша пара находится на большом состязании по реслингу: второй ряд. Полутемный спортивный зал до потолка пабит публикой, которая подетски беснуется и переживает все фазы происходящей драки. В особенности нежно в этот вечер звучащая мелодия мечты (всякий раз на разных инструментах!) тонет в плеске свистков, выкриков и брани: болельщики! Два жирных медлительных борца в звероподобных масках на потребу зрителя усердно делают вид, будто калечат друг друга, выламывают конечности третьему противнику, сообщая и властью бьют его головой о чугунную штангу, без заметных, впрочем, повреждений организма: завтра снова придется выступать!

Вся подавшись вперед в порыве наслаждения, миссис Шамуэй выражает свои переживания чуть ли не громче всех. Она покраснелась, с губ ее то и дело срываются слова, неожиданные для ее пола и возраста, господину в переднем ряду приходится пускаться на всякие хитрости, чтобы защитить воротник от ее цепких рук... Все это время м-р Мак-Кинли, откинувшись к спинке сиденья, смотрит не на ринг, однако, а чуть вкось, куда-то пониже затылка своей дамы. Впоследствии мы еще неоднократно увидим это малоприманчивое местечко на шейке м-с Шамуэй — на экране, каждый раз все с большим увеличением.

Внезапно ощутив его взгляд или просто устыдясь своей непосредственности, она оборачивается к своему спутнику.

М-с Шамуэй. Я не шокирую вас, м-р Мак-Кинли? С детства обожаю все эти схватки, драки, поединки, дешевую уличную кровь, будь то солдаты, пьяные, мальчишки, петухи! Я ужасно азартный человек, в отца. Подумайте, старик полсостояния проиграл на пари, а был почти самый богатый в штате. Нас всех, в нашем роду, как-то пленительно бодрит игра, обманы, смертельные опасности, горные кручи... Вам не уютно со мною, дорогой?

Мак-Кинли. Зато я полная противоположность вам. Я согреваю свое сердце в вашем присутствии. Вы как раз тот милый спутник, который пужен таким, как я... Хотите мороженое, апельсины?

М-с Шамуэй. Нет... Рядом с вами, Мак-Кинли, я ощущаю всегда странный, даже пьянящий прилив молодости... и словно в чудесном сне: кто-то ловит меня, караулит за углом, а я бегу, ускользаю... становлюсь такая гибкая, быстрая, как в юности! (*С загадочным блеском в глазах.*) Отчего все это?

Мак-Кинли (*влюбленно*). Это означает лишь, что сама судьба велит нам до смерти быть вместе!

М-с Шамуэй (*кокетливо прищурясь*). ...до вашей или моей? Ладно, оставим наши грустные мысли и давайте веселиться. Улыбнитесь же мне, мистер Мак-Кинли.

М-р Мак-Кинли пробует сделать это как-то наискось, одним губами. Миссис Шамуэй признательно и наугад тискает его руку, затем снова обращается к рингу, где как раз господин в маске без заметного успеха пытается еще одним способом лишить жизни своего партнера.

М-с Шамуэй (*вдохновенно*). А ну, грязный негодяй, пусти еще соку из этой падали!

Показ одной примерной сцены — как м-р Мак-Кинли, готовясь к очередному свиданию с избранницей, одевается, репетирует перед зеркалом приемы своих несколько отускневших мужских чар, производит классически-пантомимные жесты: отворачивания, преклонения, восторга, огорчения и, конечно, обожания. Потом в уголке, чтоб не видно было в замочную скважину, неожиданно и безо-

бидно домашним предметом производит примерный полноценный удар по чему-то воображаемому, после чего отходит озираясь.

Вправив цветок в петлицу, м-р Мак-Кинли украдкой от жильцов и то чинно, то опрометью спускается по лестнице. Черт возьми, так и есть: вечно торчит на дороге эта худосочная ведьма!

Нижняя жилища, пожилая любезная женщина, исполняющая какую-то должность во дворе, сочувственно здоровается с проходящим мимо принаряженным соседом.

— У вас кто-нибудь умер, м-р Мак-Кинли?

Очередная встреча на улице.

Мак-Кинли. Так куда же мы отправимся сегодня?

М-с Шамуэй. Мне все равно, но... я почему-то ужасно голодна, дорогой! Весь день ушел на беганье по лавкам. Женщины так несчастны, когда у них много лишних денег!

Мак-Кинли. Я тоже толком не позавтракал с утра.

М-с Шамуэй. О, берегитесь, сегодня я разорю вас.

Мак-Кинли. Хотел бы вечно служить вам.

М-с Шамуэй. Вы профессиональный обольститель, м-р Мак-Кинли. Не бойтесь, я люблю слушать про это! Признавайтесь, сколько женских жизней у вас на совести?

Они направляются к такси мимо газетного продавца. Кричащие заголовки на свисающих листах:

«Рекордное ограбление банка, банкноты в луже крови, исчезнувший полисмен...»

М-с Шамуэй. Ни за что не согласилась бы хранить свои деньги в банке. Я считала, это восемнадцатый павет за неполный месяц, а еще неделя впереди.

Мак-Кинли. Деньги и драгоценности лучше всего держать почти на виду... в склянке для крупы на кухне. Естественность — лучшая маска для обмана. Сам я держу их просто под подушкой... а вы?

М-с Шамуэй (*уклончиво*). Ну, я предпочитаю в разных местах!

Время от времени ею овладевают подозрения; тогда пос у нее становится острее и хищнее взгляд — при вытянутой, удлинняющейся шее. Сидя в ресторане, например, она, по внезапному вдохновению и очаровательно улыбаясь, меняет бокалы. Какое железное терпение приходится с ней иметь, хотя бы и во имя великой цели!

Мак-Кинли. Неужели и в самом деле вы еще не любили ни разу, миссис Шамуэй?

М-с Шамуэй. О, никогда!

Мак-Кинли. Тогда что же связывало вас с мужем?

М-с Шамуэй. Я даже не помню, как случилась наша свадьба: кто-то посоветовал это нам в шутку, и потом вдруг стало поздно. Мы вообще редко виделись с моим супругом, разве только когда соседи собирались играть в покер. Он обожал лошадей и целые дни проводил на конюшне... или уезжал в Европу за своими историческими подковами...

Мак-Кинли. Пардон... за чем, за чем?

М-с Шамуэй. Он собрал всемирную коллекцию подков всех стран, эпох и образцов. Это была его смешная страсть... Даже так и умер с подковой в руке! Ничто не изменилось в моей обстановке, когда я стала вдовой.

Мак-Кинли. Почти невероятно!.. Оставлять дома молодую прелестную жену, чтоб рыскать по свету в поисках старого железа! Бог и должен был наказать его за это. И вам не удавалось задержать его при себе?

М-с Шамуэй. Для чего?

Мак-Кинли (*вырадиво и благоговейно*). Дети! Неужели вам не нравится божественный шум, который производят дети?

М-с Шамуэй. Я никогда не задумывалась об этом. Своих у нас не было, а любить чужих... О, мне всегда казалось это даже безразличным. Покойный муж подозрительно относился ко всем, кто хотя бы разговор заводил на эту тему. Он говорил, что все выдающиеся маньяки и революционеры в своих кровопро-

литиях всегда ссылаются на бедствия детей... причем
но своих, заметьте, а именно чужих, чужих!

Мак-Кинли. Мне тоже приходилось слышать
про существование такой теории: что все проститель-
но во имя детей... даже преступление.

После этого разговора м-р Мак-Кинли по-
чувствовал, что сковывавшие его дотоле цепи ре-
лигиозных, моральных и иных ограничений стали
значительно легче. Несомненно, небесное право-
судие уступит ему эту старушку по сходной
цене!

Как привередливо, с видом балованного знато-
ка он выбирает сегодня меню и вино!

Мак-Кинли. Простите, у меня так мало време-
ни было изучить ваши причуды, миссис Шамуэй!

На сравнительно близкой эстраде появляется
привлекательная, в сверкающей наготе, с доволь-
но двусмысленными жестами танцующая мулатка.
Подрагивающая музыка опять смешивается с ма-
гической мелодией мечты. Галерея напряженных,
совершенно неприличных мужских лиц: «как бы
чего не пропустить!» Один Мак-Кинли смотрит не
на девицу, а презрительным, бархатным, без всякого
выражения, созерцающим взором все в ту же точ-
ку на желтой, дряблой шее своей старухи. Мед-
ленно наползающий объектив раздвигает на весь
экран этот ненавистный квадрат старой кожи —
с порами, складками, завитком седых волос. Губы
у м-ра Мак-Кинли почти пропададут в волевом
нажиме, что позволяет судить, насколько созрело,
оформилось одно сокровеннейшее решение у этого
мечтателя. Да, он совершит свой роковой шаг, не
дрогнув, разве только с содроганием отвращения!
Видимо, при таких мыслях человеческий взгляд
приобретает почти вещественную тяжесть, — точ-
но прочти их у своего спутника, миссис Шамуэй
с каким-то напряженным лукавством оборачивает-
ся к нему.

М-с Шамуэй (после долгого пристального
взгляда). Скажите мне, м-р Мак-Кинли... но сперва
дайте слово сказать только правду и не отводя глаз!..

Мак-Кинли. О, я готов.

М-с Шамуэй. Признайтесь, о чем таком нестер-
пимо ужасном вы подумали сейчас?

Ни единая черточка не дрогнула в лице
м-ра Мак-Кинли.

Мак-Кинли. Я подумал, что почти всегда мы
трагически упускаем подходящий момент уйти из
жизни.

Ее глаза щурятся в поиске правильной раз-
гадки.

М-с Шамуэй. Ваше сожаление, Мак-Кинли,
распространяется и на меня?.. Мне даже почудилось,
что вы хотите немощно помочь мне в этом.

Мак-Кинли (бесстрастно). Оно распростра-
няется на всех. Для себя я уже решил. На днях я навсегда
прощусь с вами. (В ответ на ее недоверчивый испуг.)
О нет, пока еще не то!.. Я просто решил уйти в Саль-
ваторий.

М-с Шамуэй. Что же, это так модно сейчас...
как в прошлом веке уходили в монастырь! У меня две
ближайшие подруги уже с месяц та м. (В раздумье.)
Вообще вам нельзя отказать в благоразумии, м-р Мак-
Кинли. Конечно, если застигнет большая война, это по-
вые налоги, сборы на калек, даже, говорят, очереди за
маслом, как в Европе! (Странная идея загорается у нее
в глазах.) А может быть, нам сделать это, не откла-
дывая и вдвоем?.. И мы с вами пролежали бы бли-
жайшие триста лет вместе где-нибудь на дне океана,
как влюбленные голубки? Если бы вы согласились, мы
могли бы завтра же и записаться...

Ее собеседник печально качает головой.

Мак-Кинли. Это исключено, дорогая м-с Шаму-
эй. На двоих и чтобы не валиться где-нибудь без при-
смotra, в дрянной, наснех выверленной норе, — на
это нужна сравнительно значительная сумма, а я не
могу реализовать свои ценности в столь короткий срок.
Разумеется, если бы вы захотели доверить мне необ-
ходимую сумму, я бы мог все оформить завтра же... да-
же пока вы спите.

М-с Шамуэй. Ну, в таком случае разумнее бы-
ло бы сходить туда вдвоем!

Мак-Кинли (*холодно*). Простите... Что вы имели в виду, миссис Шамуэй?

М-с Шамуэй медлит, двусмысленная саркастическая усмешка змеится по ее губам. Ее, видимо, ужасно возбуждает начавшаяся острая игра. У нее сейчас торжествующие, точечные, ненавистью сверлящие зрачки. Наверно, призраки невинных жертв вот с таким же выражением в последствии навешают по ночам своих палачей. М-р Мак-Кинли надеется, впрочем, что за двести пятьдесят лет пребывания в целебном кокильоне подобная гадость как-нибудь выветрится из памяти!

М-с Шамуэй. Я думаю, затем хотя бы, что ведь потребуется личное присутствие при заключении контракта... (*Пауза.*) Между прочим, знаете, какой смешной случай мне рассказала на днях моя компаньонка, мисс Брейк? Один аферист купил на женские деньги два... места в самом роскошном Сальваторини и, представьте, замуровался там со своей любовницей. Правда, жена кинулась было за ним вдогонку, но где их там найдешь, в этих так называемых безднах непроглядного времени.

Следует поединок взглядов. Едва приметная скорбь разочарования читается в бесстрастном лице м-ра Мак-Кинли.

Диктор. Вот видите, м-р Мак-Кинли, а вы еще колебались, жалели старую чертовку, падеялись обоиться без этого. Среднему человеку трудно добиться удачи в условиях современной цивилизации! Теперь остается только запастись инструментом и засучивать рукава...

М-р Мак-Кинли торжественно поднимается, складывает на столе салфетку, молча сует под нее очень крупный банкнот и, поклонившись своей даме, печально движется к выходу. Лакей провожает его в благоговейном полупоклоне. Миссис Шамуэй кусает губы, она почти несчастна: ей страшно утратить, может быть, единственный в ее бездарном существовании шанс на счастье, которого в конечном счете она так и не узнала

никогда. Не столько раскаяние, как боязнь прогадать толкает ее вослед ушедшему м-ру Мак-Кинли.

Ей удастся догнать своего нового друга лишь на улице. Ночной мокрый город, и никого вокруг. Льет полноценный дождь: уж осень. Мак-Кинли уходит пешком, полный оскорбленного достоинства: это самая крупная и острая ставка в его жизни. Некоторое время миссис Шамуэй, такая же промокшая, почти умоляющая, молча, как девочка, бежит сбоку.

М-с Шамуэй. Простите меня, м-р Мак-Кинли, если я заподозрила... лучшие из ваших побуждений. Столько дурных людей кругом, а я так суеверна, так перепугалась в тот раз, когда вы спросили меня о моем здоровье, только виду не подала! Ну, простите, пощадите же меня, если хоть немножко успели меня полюбить...

Без единого слова м-р Мак-Кинли переходит наискосок пустынную в этот час ночи огромную площадь. Если взглянуть сверху, то комично и даже трогательно видеть эту пару, шагающую прямо по лужам, под проливным дождем, которого оба они до самого конца не замечают. Значительно выше своего спутника, миссис Шамуэй всеми средствами пытается пробиться в его трагическое безмолвие — задержать за рукав, заглянуть в глаза, встать ему на дороге.

М-с Шамуэй. К тому же я еще не заплатила вам того своего двойного проигрыша на скачках. И вот так всю жизнь, представьте: в нужную минуту у меня не оказывается с собою мелких денег... Ну, хоть взгляните на меня, дорогой друг!

Но м-р Мак-Кинли неумолим, хотя возможно, что, промолив ноги, чего терпеть не может, он и в самом деле не слышит сейчас чертовой ста-рухи.

Диктор. Нет-нет, прищепи ведьме хвост, помучь, не сдавайся! Впрочем, поторопись: тебе еще надо зараннее обзавестись ключом от ее квартиры, изучить расположение комнат, иначе ты просто не сможешь ни

проникнуть к ней, ни разыскать потом что-нибудь в потемках!

М-с Шамуэй. Мне, право же, и самой так досадно за свою ошибку. Но поймите, я так одинока... Кроме приятелей покойного мужа, вдового кузена да вот еще компаньонки мисс Брэйк, у меня буквально никого на свете. Я одинока, трусиха, всего боюсь! Мои опасения тем более понятны в наш век, когда все кругом рвут свое счастье зубами прямо из рук судьбы...

Мак-Кинли *(глядя прямо перед собой)*. У вас болезненная фантазия, миссис Шамуэй. Вам надо найти более выносливого друга. У меня нет других женщин на примете... и, к сожалению, я не слишком пригоден для таких диких сцен ревности.

М-с Шамуэй. О бессердечный человек, вы и теперь еще можете вскружить голову любой женщине... хотя, правду сказать, именно это качество с самого начала сделало вас для меня человеком-загадкой! Ну, проводите же свою Энн, м-р Мак-Кинли, в знак того, что вы перестали сердиться. Я живу совсем недавно...

Мак-Кинли. Нет, только не сегодня, Энн. Не просите.

Промокшие и молчаливые, они еще одну улицу бредут рука об руку, давая время зарубцеваться душевному шраму, нанесенному этой размовкой.

Все уладилось, и вот, как прежде, наши герои проходят мимо объектива — в парке, по набережной на закате, держась за руки, как робкие любовники. Их диалог похож на воркование еще неплохо сохранившихся голубков.

Диктор. И многие, глядя на сентиментальную пару, вздыхали при мысли, сколько им пришлось преодолеть препятствий, прежде чем отыскали друг друга в сутолоке жизни.

При сменяющихся, как указано, пейзажах происходит один и тот же сквозной разговор.

М-с Шамуэй. Так почему же все-таки вы не женились раньше, милый Мак-Кинли?

Мак-Кинли *(со вздохом)*. Иногда друга приходится искать всю жизнь, прежде чем найдешь.

М-с Шамуэй. Как жаль, что мы не встретились с вами раньше, тогда! Я была моложе и, по общим отзывам, гораздо лучше. Говорят даже, у меня была красивая спина. Некоторые намекали даже, будто со спины я напоминаю...

Долгое, соединяющее их молчание.

Мак-Кинли *(тихо и кротко)*. Так кого же вы напоминали со спины?

М-с Шамуэй. Не настаивайте, это лишнее.

Мак-Кинли. Я умоляю вас!

М-с Шамуэй. Но, боже, зачем, зачем вам это?

Мак-Кинли. Ну, просто так... чтоб знать.

М-с Шамуэй. Мне стыдно, пожалейте меня, Мак-Кинли!

Мак-Кинли. Я хочу.

М-с Шамуэй. Мне так трудно выговорить то слово! Боже, помоги мне! *(Умирающим голосом.)* Ну, на Джоконду...

Благоговейная пауза.

Мак-Кинли. Так вот, запомните, Анна: вы для меня и сейчас такая же, какою были тогда!

М-с Шамуэй *(трепетно)*. О, имейте в виду, несчастный Мак-Кинли, я жадная! Вам придется доказывать это всю жизнь!

За время этого диалога, где слова перемежаются вздохами или пожатием рук, день постепенно сменяется вечером, и вот уже совсем к ночи м-р Мак-Кинли со своею дамой добираются до старого добротного здания, видимо, с дорожными квартирами и в фешенебельном квартале. Пользуясь пустынностью улицы, поздним часом и отсутствием уличных свидетелей, можно и задержаться чуть дольше положенного у подъезда.

М-с Шамуэй. Ну, вот я здесь и живу... довольно уединенная улица, правда? Покойный муж не терпел уличного шума... людского в особенности. *(Продолжая ранее начатый разговор.)* Но успокойте же ме-

ня! Значит, вы полагаете, что пока мы с вами будем дремать у себя в Сальватории, за двести пятьдесят лет эти ужасные вояки утихнут наконец на земле?

Мак-Кинли. Безусловно. При нынешних темпах военного прогресса к тому времени на земном шаре уж ровно ничего не останется. Нечего станет разрушать, некого покорять, нечему завидовать.

М-с Шамуэй. Где же мы станем жить тогда? Бегать наподобие бездомных кошек посреди гадких руин?

Мак-Кинли. Ну, к тому времени успеет заново отстроиться очередная за нами цивилизация.

М-с Шамуэй. Мне нравится ваш оптимизм, м-р Мак-Кинли. *(Мечтательно.)* И все же больше всего, больше, чем войны, я боюсь, пожалуй, старости, которая однажды тихо постучится в дверь!..

Мак-Кинли. Мы встретим ее у камина вдвоем!

М-с Шамуэй. Благодарю, милый друг! *(Со вздохом.)* Ну как жаль, что мне пора, а то мисс Брэйк увидит нас из окна.

Мак-Кинли. Который у вас этаж?

М-с Шамуэй. Четвертый... *(В ответ на попытку своего кавалера взять за руку, войти в подъезд вслед за ней.)* О, ради бога, не надо, только не сейчас! Вот в середине будущей недели мисс Брэйк уедет на месяц к родным на Запад. И я останусь одна, совсем одна, и в вашей власти... *(Шепотом.)* Тогда!

Мак-Кинли *(страсно)*. Но почему вы огорчаете меня, почему нельзя сейчас... почему?

М-с Шамуэй. Ну как вам сказать, дорогой... Мне просто хочется спасти вашу душу!

Вследствие краткой и безмолвной борьбы за обладание дверной ручкой миссис Шамуэй неосторожно выпускает из руки свою сумку, часть содержимого разлетается вокруг — бумажки и туалетные вещицы.

М-с Шамуэй. Вот и доигрались...

М-р Мак-Кинли на коленях у ее ног: собирает рассыпавшиеся по тротуару мелочи своей дамы.

Диктор. Не зевай, Мак-Кинли, ключ от двери лежит прямо под тобой... нет, ступенькой ниже. Временно наступи на него ногой, пригодится. Так... ура, сдвинулись наконец! Шепни ей понежнее «спокойной ночи», обожги ее жарким взором на прощание!

Следует корректный мужской поклон в ответ на воздушный, несколько затянутый жеманщичий поцелуй миссис Шамуэй. Она уходит, печально оглядываясь.

Оставшись в одиночестве, м-р Мак-Кинли роняет перчатку, чтобы иметь предлог, не вызывая подозрений со стороны возможного наблюдателя, нагнуться за роковым ключом. Некоторое время затем он стоит с почтительно поднятой головой и без пляны, устремив взор на этаж своей дамы.

Диктор. Ладно, сматывайся к черту, артист... Чего доброго, ее компаньонка заприметит твое лицо. Теперь пора подумать и о топоре!

Надпись. В ту же ночь...

По дороге домой он мимоходом, как бы по рассеянности, остановился у знакомой витрины с разложенными там топорами, тесачами, косарями и другими надежными инструментами для убоя и разделки туш.

Надпись. В ту же ночь...

Перед тем как лечь в кровать, уже раздетый, м-р Мак-Кинли тщательно пересчитывает оставшуюся в карманах наличность. Раздумчиво поглядывая на мигающую в окне рекламную иллюминацию Сальваториев, он припоминает дневные расходы, потом переправляет записашку на дверном косяке оставшуюся сумму сбережений — 930 на 792.

Надпись. В ту же ночь...

Он спит, и ему опять снятся охваченные пламенем деревья, бегущие солдаты, вокзалы в пору эвакуации, убитые с затоптанными лицами и еще дети, заплаканные малютки везде. Проснувшись, он сидит впотьмах, вслушиваясь в жалкий и тянущий за душу неизвестного происхождения детский плач.

Диктор. В общем, выпала хлопотливая неделя: до заключительной развязки времени оставалось в обрез — подкопить мужества и обзавестись кое-каким необходимым для задуманного предприятия инвентарем...

Тот же облюбованный железо-скобяной магазин, и в нем стенд со всевозможными мясницкими приборами. М-р Мак-Кинли пропускает все это через свои руки, выбирая топор поухватистей, даже, пользуясь отсутствием свидетелей, прикинул один под мышку. Нерешительность: может быть, взять вон тот, удобный, исторически испытанный стилет из арсенала староанглийских подкальывателей? Нет, топор верней! Когда поднял глаза, на него посматривает сбоку чрезвычайно пронизательно приказчик.

Продавец. Бойтесь, что несколько тяжеловат? А попробуйте еще вот этот, вскиньте на руку!

Мак-Кинли. Мне хотелось бы что-нибудь полегче, но вместе с тем...

Продавец. Зато наша сталь высшей марки, без износу: никакая кость не устоит. (*Иронически.*) Если угодно, в подвале у нас найдется пробный чурбак для подобных вам скептических покупателей...

Диктор. В непогожие вечера наш герой занимался холостяцким шитьем на досуге, приспособляя сезонную одежду к потребностям текущего дня.

Вечер и дождик в окне. Сидя на кровати по-портняжьи с поджатой ногой, машинально посаывая то и дело прокалываемый палец, м-р Мак-Кинли производит какую-то переншивку в своем пальто. Для надежности в ход пущена особо толстая нитка, почти дратва. Нет, портной из вас, м-р Мак-Кинли, никогда не получится! С непривычки грубая, почти кулевая игла трудно входит в толстый драп, приходится протаскивать ее плоскогубцами. Крупным планом видно все рабочее поле: м-р Мак-Кинли прикрепляет к подкладке у плечевого шва широкую тряпичную петлю. Затем, с помощью надетой на лампу картонной коробки убавив свет, предусмотрительно став спиной к объек-

тиву, м-р Мак-Кинли примеряет что-то в углу, затем снова терпеливо шьет, машинально высвистывая мелодию мечты.

Девчоночий голосок окликает его из-за двери.

Девочка. Мама спрашивает у вас, м-р Мак-Кинли, не надо ли помочь вам? У ней нашлась игла потоньше.

Мак-Кинли. Спасибо, маленькая, я уже пришел свою пуговицу!

Девочка. У вас такая толстая пуговица?

Мак-Кинли. Нет, но очень ценная, и я боюсь ее потерять!

Наконец непривычное дело совсем улажено.

М-р Мак-Кинли примеряет пальто и все так же украдкой от объектива и замочной скважины выправляет в петлю под мышкой какой-то неудобный продолговатый предмет. Затем — пример страданий человеческого поведения наедине с собой, м-р Мак-Кинли застегивается, извлекает зачем-то из короба в углу, верно, от отца сохранившийся черный котелок и в этой необъяснимой маскировке не подходит, а скорее как-то сбоку вдвигается в доступное нам поле большого поясного зеркала. При этом задетая погой за шнур лампа со стеклянным дребезгом, десятикратно усиленным в воображении, разбивается о пол. О, теперь уж не до нее! Освещенный подрагивающим рекламным светом из окна, мрак — свет — мрак, м-р Мак-Кинли с головою набочок глядит на нас из черноты зеркальной рамы, и, возможно, это наиболее странный момент в предполагаемом фильме.

По припухшему бугорку возле подмышки слева угадывается обушок спрятанного орудия, которым в конце недели будет распахнута наконец желанная дверь в будущее.

Когда, вот так же под вечерок, однажды м-р Мак-Кинли двинулся наконец привести в исполнение свой план, все это, столь чудовищное вначале, имело теперь вполне обжитой вид,

даже вызывало несколько легкомысленный отклик у подсматривавших за ним соседей.

Чувствуя на себе чужие глаза, м-р Мак-Кинли, как всегда, несколько торопится, спускаясь по лестнице.

Диктор. Теперь уж не спешите, м-р Мак-Кинли, не навлекайте на себя лишних подозрений. Шагайте спокойно и торжественно... ну, как если бы на банкет к шефу по случаю юбилея или... мало ли там куда ходят солидные мужчины ваших лет!

И вот м-р Мак-Кинли приметно замедляет походку.

— И не старайтесь прятать этот предательский выстул у подмышки. В вашем возрасте самая статная мужская фигура имеет свойство несколько портиться — в уплату за уважение, достаток и покой!

Двери в этажах приоткрываются тотчас по проходе злосчастного холостяка, и вот уже между этажами в пролете лестницы происходит оживленное, громким шепотом обсуждение невероятного происшествия.

Перекличка жильцов:

— Видали, как вырядился, чистый индюк! Сва- таться пошел.

— Пришла очередь и за нашим праведником!

— Да, бедняжка, не иначе как прямым на- правился в свой канканчик.

— Вот бы на приманку посмотреть... Святые обо- жают худеньких: худенькие — не так грешно!

— А пойдем полюбуемся, если время есть...

Мак-Кинли отправляется по теперь уже ему и нам известному адресу, но сперва, кажется, он нарочно кружит, делает петли по всем прави- лам конспирации, пока на глухой, безлюдной улице не удостоверяется наконец, что он предо- ставлен самому себе.

Тем временем наступил вечер, а в пустынном районе у миссис Шамуэй гораздо ранее, чем в дру- гих местах, наступает ночное затишье. Пора было

бы, пожалуй, и к делу приступать, но м-р Мак-Кинли медлит, потому что идет туд а странным кругным путем сомнений и колебаний не при- способленного к такому акту человека.

Отрывочные, противоречивые и вперемежку мело- дии сопровождают его скитания, как и мысли. Боже, какой это громадный город, если брести паугад! В самом деле, судя по медлительным стрелкам всех встречных циферблатов — церков- ной колокольни, вокзала и вот здесь, прямо под рукавом, время в нем практически до безумия бесконечно, если не тратить его особо безумными купюрами.

Иногда Мак-Кинли останавливается в самых неожиданных местах, даже среди шумного движе- ния улицы, и тогда происходит беглый диалог с совестью, со здравым смыслом или с кем-то по- выше, пока прикосновение полицейского либо осатанелый автомобильный гудок не возвратят его к действительности.

Диктор. А может быть, и впрямь не стоит, Мак-Кинли?.. Не поискать ли более подходящее взамен?

Мак-Кинли. А что... боишься — бот? Я и сам все время думаю о том же... Надо думать, он разберет- ся в моих обстоятельствах!

Диктор. Не в этом дело: на худой конец, отвер- нется, будто не заметил, как он обычно поступает при всех очевидных непорядках на земле. Тут другое.

Мак-Кинли. Значит, тебе жаль старуху... или что?

Диктор. Да нет, как раз и старуха для твоей цели первый сорт, но... пока строговато на этот счет, а, как правило, такие грешки непременно раскрывают- ся в конце концов, и можно вместо Сальватория, черт его побери, попасть в тюремный крематорий.

Мак-Кинли. Ты, кажется, намекаешь, что сле- дует отложить?.. Надолго?

Диктор. О, навсегда, дорогой Мак-Кинли! Лучше выпей большую рюмочку на сон грядущий, и пусть над тобою исполнится судьба большинства. Да и на кой черт они тебе в конце концов, вольному гражданину

свободной страны, — малютки, хлопоты, тревоги... (со-
всем вкрадчиво) да и самая эта хлопотливая жизнь
зачем?

Надоумясь, м-р Мак-Кинли заходит в шумный
бар и, сквозь толпу протолкавшись к стойке, про-
должая ту же мысленную беседу, жестом заказыва-
ет себе нечто среднего размера в подкрепление
духа.

Диктор. И вообще насчет крови... Ее и с рук-то
до конца не смоешь, а уж если счастье ею пропитается...

Мак-Кинли (вслух). Я и сам про нее все ду-
маю... кровь. Но покажи мне туда другую дверь!..
И почему медленно можно, а сразу — нет?

Он бросает бармену монету и уходит, забывая
про оплаченное питье. Двое рабочего вида, соседи
по стойке, молча переглядываются после послед-
ней реплики незнакомца.

— Слыхал?... видно, не в себе. Чего-нибудь натворит
в эту ночь.

— Придется приглядеть за ним. Как у тебя со вре-
менем?

— Пошли...

Двое отправляются по пустой улице за Мак-
Кинли, каждое, чем-то алогичное движение кото-
рого подтверждает их подозрения. Слежка прохо-
дит удачно, пока внезапно из-за угла не появ-
ляется до ослепительности красивая, необычная
в каждой подробности своей ночная девица. Она
проходит мимо почти виритирку, оналая взором,
такая искусственная, что добровольные сыщики
околдованно провожают ее глазами до ближайше-
го перекрестка, — когда же вспомнили про Мак-
Кинли, того и след простыл.

Снова один в поисках решимости м-р Мак-
Кинли бредет по городу, — поразительные
картинки ночи попадают ему по дороге. Вот на-
сквозь промокшая в непогоде, оплывшая от дрях-
лости старуха газетчица неопрятно, с расстелен-
ной на коленях бумажки ужинает на своей ска-
меечке под сенью кричащих, с голыми девками,
журнальных обложек. Вот проехала тюремная

автокабета с качающейся головой узника или
жандарма в решетчатом окне. Вот у витринки ноч-
ного варьете подросток с руками по локоть в кар-
манах разглядывает выставку образцово-соврати-
тельных красоток. И снова мимо Мак-Кинли, два-
жды и, как ни странно, в одну и ту же сто-
рону, проходит давешняя зловеще развеселая
в фантастическом наряде ночная девица.

А то еще м-р Мак-Кинли, опершись о перила
набережной, наблюдает цветные огни плывущей
по реке самоходной баржи. Вот, свесившись за ограду
виадука, бессознательно считает цистерны прохо-
дящего под ним длинного товарного состава.

— Каждый имеет право на счастье в своей неповто-
римой жизни... — куда-то в последний клуб пара роняет
Мак-Кинли.

Диктор. Но ты собираешься добывать его само-
вольно... в свободном обществе, где и без того все на-
правлено к этой цели... правда, с соблюдением разум-
ной очередности. Не бойся, твое страдание не пропадет:
не оплаченное на этом свете запосится на наш теку-
щий счет там.

Мак-Кинли. Значит, добро состоит в примире-
нии со злодейством?

Диктор. Ну, знаешь, поищи себе собеседника по-
сильней. В этой вечной путанице сам черт ногу сло-
мит... Да не он ли и подсунул нам с тобой эту вредную
старуху? Помяни мое слово, она еще непременно выки-
нет какую-нибудь подлую штуку. Черт любит поте-
шаться над бедными.

М-р Мак-Кинли бредет, не подымая головы,
пока глаза не патыкаются на тяжкие, грапитные,
во всю ширину взгляда, ступени. Он поднимает
голову — перед ним храм, ни души вокруг.
Неожиданно м-р Мак-Кинли поднимается в этот
торжественный и гулкий полумрак — скамьи, ал-
тарь, немногочисленные свечи перед статуей Ма-
рии. Он заходит в тень от колонны и понуро опу-
скается на край скамьи.

М-р Мак-Кинли горбится, отчего виднее ста-
новится выпирающий близ лопатки, слева, обуюнок

топора. Так вот куда привели его разногласия с самим собою!

Некоторое время спустя появляется священник. Кто подал ему сигнал о ночном госте? Невслышно и как бы колеблясь, он зигзагами приближается к сидящему Мак-Кинли. Благообразная внешность и ясный взор придают его молодому лицу и фигуре осанку старшинства.

Священник. Я давно слежу за вами. Если вы пришли молиться...

Мак-Кинли *(вздвигнув)*. Я пришел думать.

Священник. Думать в храме — значит просить совет у неба, а вы смотрите вниз, во тьму. Могу ли я помочь вам?

Мак-Кинли *(запоспешив)*. Э, знаете что... вам лучше не ходить со мною в ночной лес, отец!

Священник *(с улыбкой)*. Для тьмы у нас имеется испытанный светильник. Так о чем же ваши недомыслия?

Судя по всему, м-ру Мак-Кинли непривычно вести такие разговоры.

Мак-Кинли. Я искал: должно ли зло непременно предшествовать злу, или...

Мучительная для м-ра Мак-Кинли пауза.

Священник. Что или? Уточните свои обстоятельства, сын мой, чтобы мне скорее найти вас в ваших потемках.

Диктор. Он стесняется, ваша милость... брякнуть боится что-нибудь неподходящее в таком строгом месте.

Священник. Ничего, откройтесь... Дайте свету войти в вашу душу!

Мак-Кинли *(впервые так волнуясь на протяжении фильма)*. Надю, вот... Я солдат, прошел сквозь огонь, кровь, любое дерьмо. И я, заметьте, смирный солдат, за мной не числится особых подвигов, но у меня главная медаль... я бы сказал, за кроткое поведение. Я всегда считал, так меня учили: значит, богу правится, чтобы каждый из-за дерева подстерегал ближнего с дубиной... Но я полагал, что в грозную, последнюю минуту он пощадит детей. Нехорошо, святой отец, что малышам так часто приходится оплачивать зверство

старших. И хотя уж давно стало очевидно, куда покатился мир, по я все твердил себе: рано, рано, погоди... Все путался: становится душа злою лишь по совершении зла или от одной мысли о злодействе? И вот я пришел спросить: надо ли непременно ждать и позволить злу убить законное число детей, чтобы затем получить право обезвредить его?

Бесстрастное дотоле лицо священника оживает, зрачки его чернеют, властнее становятся руки, привычные к наслаждению — умирять разбушевавшиеся стихии.

Священник. Вы имеете в виду зло, происходящее от частных лиц, финансовых корпораций или всей нашей... нередко порицаемой социальной системы в целом, сын мой? О каких именно правах думаете вы?.. и о каких способах предварительного пресечения подразумеваемого зла? *(Указав взглядом на Мадонну.)* Не будем омрачать святую тишину и пречистый лик произнесением слова, обозначающего кровавое и неправомерное насилие меньшинства! И возьмете ли вы на себя ответственность даже в ваших пылких сумерках безошибочно отличить ложь от истины? И не легче ли для вас доверить суд и возмездие в этом вопросе богу своему и государству?.. Почему вы замолкли?

Диктор *(несколько солдатским тоном виноватого смущения)*. Он думает сейчас, ваша светлость, что нынешнее государство соблюдает не мораль, а лишь бухгалтерский расчет да полицейский порядок...

Мак-Кинли *(неожиданно страстно)*. И вообще оно вмешивается лишь по совершении зла. Значит, добро должно слышать детский крик, призыв на помощь и ждать, терпеливо ждать за дверью, пока не созреет зло?

Священник. Да... иначе ваше добро само становится злодеянием. Во всяком случае, кто смеет различать их назначение и присвоить себе высшее знание, которое в полном объеме принадлежит лишь единому существу во вселенной?

Мак-Кинли *(раздумчиво поднимая на него глаза)*. Вы полагаете, по крайней мере, он получает наши

земные газеты?.. Вот бы узнать, что он думает, к примеру, о водородной бомбе!..

Долгая пауза. Священник стоит с закрытыми глазами.

Священник (*холодно и строго*). Это вечный наш искушитель мучает вас на сон грядущий. Придите со своим бременем завтра, при солнце: уж ночь...

Мак-Кинли. Э, дорогой отец, завтра у меня хлопотливый день, будет некогда и, может быть, уже бесполезно. (*Поднимаясь*.) Но, впрочем, мне пора, и вы достаточно убедили меня, святой отец.

Лишь по его уходе священник бросается вслед.

Священник. Остановитесь там, человек, не бегите!.. в чем, в чем я убедил вас?

Священник выбегает на паперть. Мокрый после недавнего дождя теперь совсем уже осенний ветер тотчас обмывает рясу на его длинном, сухощавом теле. Поздно, никого нет... Только сверкающую от дальнего фонаря световую дорожку на сырой брусчатой мостовой пересекает все та же, что трижды попадалась м-ру Мак-Кинли, разряженная, с вихляющими бедрами блудница. Все мокро кругом, все шевелится от пронзительного ветра, кроме нее одной. Что-то бесконечно древнее в финикийском разрезе ее глаз, избытки перстней на пальцах, в громоздкости головного убора. Торжествуя и косясь на священника, прищипав локтем приподнятые, как бы внешние юбки, она прикрывает к подвязке высокий, под самое бедро, сквозной чулок.

Священник. Повелеваю тебе, вечный враг, верни мне немедленно эту заблудшую душу!

Он, как в заклятии, простирает вперед свою властную, костлявую руку. Девушка медлит с ответом, усмехаясь в знак очевидного равенства.

Дьявол. О, как ты надоел мне, святой отец! Я же и без того уступил тебе очередь... Так чего ж ты чикаешься с ним целый вечер? — раздраженно произносит он сильным мужским голосом и исчезает с небольшим, допустимым в двадцатом веке, дымком.

Отсюда м-р Мак-Кинли уже без задержек направляется к месту заключительного действия, не размахивая руками на ходу вследствие спрятанного подмышкой постороннего режущего предмета. Он даже слегка наклоняется на виражах, его точно несет туда адская воля. Впрочем, временами наш нерешительный убийца останавливается, чтобы прислушаться к шагам почного полисмена или перебою башенных курантов. Должен быть налицо весь положенный для подобных происшествий старинный романтический ритуал.

Добродушный, под хмельком верзила осведомляется у м-ра Мак-Кинли, какая это улица, и вдруг, наполовину отрезвев, шарахается назад от его блуждающего взора. Мало ли на что паткинешься ночью и спяну в богатом и грешном современном городе!

Наконец-то знакомый дом со старухиным сокровищем. Минуя лифт, м-р Мак-Кинли поднимается на четвертый этаж с паузами не то предосторожности, не то одышки. Прежде чем открыть своим ключом дверь, он, к великой нашей неожиданности, надевает на лицо заправскую маску. В первую очередь надлежит удостовериться в отсутствии компаньонки! Правильно, старуха не лага: мисс Брэйк в отъезде. Несколько дальше дозволенного м-р Мак-Кинли возится в потемках прихожей, видимо, высвобождает топор. Трещит какой-то шов, и слышно тихое, сквозь зубы чертыханье. В каждом движении м-ра Мак-Кинли сквозит вопиющая неопытность: как-никак он осуществляет подобную операцию впервые!

По потолку, слабо освещенному мерцающим рекламным светом, крадется его кургузая тень, вооруженная топором, который до сих пор целиком так и не был еще показан. Короткое колебание: куда же теперь, направо или налево? М-р Мак-Кинли приоткрывает на пробу одну из дверей. Чутье не обмануло: оконные шторы наглухо закрыты, но спинка старухиной кровати впотьмах отчетливо мерцает позолотой.

Диктор (*шепотом*). Вот именно, в постели: и ей и тебе удобней! Лучше было бы без пальто, легче работать, но... все равно. Теперь смело вперед, дорогой Мак-Кинли, и, пожалуйста, не промахнись, а то крику с бабой не оберешься!

Однако еще до взмаха топором, то ли из опасения промазать в потемках, то ли от скверного предчувствия, м-р Мак-Кинли предварительно шарит рукой подушку. Неожиданный поворот: кровать пуста. Кошка спрыгивает прямо под поги. Мак-Кинли едва успевает отпрыгнуть назад, и это становится причиной долгого расслабления сердцебиения.

Диктор. Что я тебе говорил?.. Оказывается, она еще не возвращалась, твоя подружка. Вот и гадай, с кем, с кем же она, чертова баба, закатилась на всю ночь. Этак не мудрено и рога раньше срока заработать!..

Крайне огорченный случившейся заминкой, м-р Мак-Кинли тем не менее совершает пробную, до возвращения хозяйки, разводку. Ни в туалетных ящиках, ни в странно беспорядочном ворохе бабьих тряпок, сваленных у стены, нигде не видать и следа мало-мальски пристойных ценностей. Верно, где-нибудь в полу, на потолке?.. Жаль, нет пока времени выстукивать стены.

В бывшем, по соседству, кабинете покойного супруга м-с Шамуэй также отсутствуют какие-либо дорогостоящие предметы. Опасно зажигать свет: м-с Шамуэй может заметить с улицы при возвращении. Все же м-р Мак-Кинли примечает внушающий надежду, до потолка стенной шкаф. Раздернутые, на роликах дверцы с визгом уходят в положенные им щели. Там во все пространство знаменитая коллекция этих дурацких подков, — наиболее редкие в коробках, на вате. Все пронумеровано, снабжено ярлыками с датами, именем владельца, обстоятельствами происхождения. Подвешенные на шнурках издают мелодичный перезвон. Шикая на них, м-р Мак-Кинли потерянно берет

одну — «подкову Буцефала, коня Александра Македонского», потом другую.

Надпись на ярлыке. Левая передняя — с коня, на котором Магомет II по взятии Константинополя въехал в залитый кровью храм Софии. 1453.

Из богатой рамы в простенке за странным поведением м-ра Мак-Кинли наблюдает улитанный, с абстрактным, как коленка, лицом джентльмен в жокейском кепи с козырьком, видимо, сам лошадиник, малопочтенный м-р Шамуэй.

Диктор. Хорошо еще, что ты не повредил топором подушку... Это сразу насторожило бы твою красавицу. Но теперь она может вернуться каждую минуту. Марш пока в чуланчик, только тише!

М-р Мак-Кинли возвращается в прихожую и мужественно пристраивается в душном стенном шкафу, на вместительном, в латунных обручах кофре, с неразлучным теперь инструментом на коленях, под ворохом навешанной одежды. Ба, да он еще и фонариком запаса вдобавок; как добросовестно все предусмотрено у привыкшего к аккуратности клерка, буквально все, кроме ничтожных мелочей!.. Постепенно теплое пальто и теснота помещения становятся источником изнурительных страданий м-ра Мак-Кинли. Весь в поту, вконец измученный, он выбирается наружу — избавиться от пальто и парой гимнастических приемов поразмиаться кстати. Но, боже, как же проголодался он за один этот час ожидания да и от прогулки по городу, как видно! По счастью, кухня рядом, так что он вполне успеет подкрепиться чем бог пошлет и затем добежать с топором до прихожей, едва слышит звук ключа в замке. И тут, вместе с носовым платком, вытереть досадную испарину со лба, на плиточный пол со звоном вылетает украденный ключ. Снова шикая и держась за словно обезумевшее сердце, м-р Мак-Кинли созерцает лежащую под ногами улику.

Диктор. Перестать!.. ведь не в канаве же спала твоя старуха всю эту неделю! Значит, на другой же день она просто обзавелась другим ключом! Ничего,

подкрепись пока... Она может вернуться и вдвоем с каким-нибудь верзилой. Впрочем, раньше утра не заявится теперь.

Пользуясь световыми бликами с потолка, м-р Мак-Кинли разогревает себе старый кофе. Повезло: в шкафчике поблизости нашлась черствая булочка, молоко, еще какая-то снедь. Бессонное, бездельное сиденье — худшая мука на свете. Хорошо еще, что на полке виднеется крохотный радиоприемник... Как трудно иногда под старость устоять перед даже таким ребячьим соблазном. Что ж, всякий пожилой человек имеет право на какие-то сравнительные удобства! Проголодавшаяся конка трется о ногу м-ра Мак-Кинли, он наливал ей в блюдечко молока. Так он проводит в темноте бесценное в его возрасте время, с головой набочок и придерживая наготове свой убойный прибор. Слабая музыка, подобно живительной росе, сочится в его истомленную ожиданием душу. Пожалуй, лучше всего сопроводить его переживания этюдом «Блуждающие огни» Листа. Стрелки кружатся по циферблату... И вот гран-гиньоль превращается в заправскую буффонаду.

Тем временем рассвет уже глядится в окно. Вдруг желанный и пугающий звонок... Бросай, пора на работу, дорогой Мак-Кинли!

Диктор (шепотом и сбиваясь с дыхания). Только не спешите, ради бога, дайте ей войти в прихожую, а то она у тебя вывалится наружу, а потом хлопчи!.. лучше переждать. И берегись: это злонамеренное существо непременно выкинет очередную гадость в последнюю минуту!

Изготовившийся м-р Мак-Кинли терпеливо с поднятым топором ждет старуху за портьеркой.

Диктор (в раздумье). А впрочем, за каким чертом и, главное, кому же, кому было ей звонить, раз у нее имеется запасной ключ, а мисс Брэйк уехала в отпуск? Ну-ка, высунь нос наружу, кто еще там?..

Через дверную щель м-р Мак-Кинли осторожно выглядывает на лестничную площадку. Там стоят три бутылочки с молоком.

М-р Мак-Кинли машинально плетется с ними в спальню миссис Шамуэй — еще раз удостовериться в чем-то, на всякий случай. В самом деле, обреченная миссис пока не возвращалась. В томлении духа он раздвигает оконную штору: воздуха!.. За окном роскошное пробуждение осеннего неба, города и, в туманном просвете между сорокаэтажными громадами, не очень далекой реки. Хороши работяги буксиры в утренней дымке! Лишь теперь, изнуренный бессонной ночью и ожиданием, герой примечает на туалетном столе прислоненное к зеркалу письмо со своим именем на конверте: послание от м-с Шамуэй. Он вскрывает его трясущимися руками. Смутным подозрением прищуренные глаза пробегают строку за строкой, и потом память монотонно и голосом самой беглянки повторяет их слово в слово окончательно раздвоенному м-ру Мак-Кинли. Некоторые слова остаются неразобранными, потому что очень изда-лека.

П и с ь м о

...но я все объясню вам. Меня искренне привлекли некоторые очаровательные странности в вашем всегда таком загадочном поведении, особенно ваш глубокий, бархатный взор, каким смотрят в могилу какого-нибудь осточертевшего лица. Подобно вам я увлеклась азартной игрой постоянно находиться в смертельной опасности и благодарна вам за восхитительные минуты высшего ужаса в ту ночь, у подъезда, когда вы так страшно наступили на подброшенный мною ключ. Я рассчитала, что раньше среды вы не соберетесь убивать меня, и как ни хотелось мне пережить мгновение заключительного страха, мой ревнивый друг не позволяет мне этого маленького наслаждения... Словом, уже два дня я нахожусь с ним в одном из тихоокеанских Сальваториев: говорят, под толщей воды безопасней всего! *(Чтение письма прерывается могучим стоном м-ра Мак-*

Кинли, который искренне полагает себя ограбленным.) Сожалею также, дорогой, что не успела уплатить вам свой безумный проигрыш на скачках: мой друг торопит меня, а оставлять деньги в пустой квартире я не имею привычки, чтобы не развращать прислугу. Но я дала распоряжение адвокату, и вы можете взять себе в возмещение и благодарность оставленную мне мужем единственную в мире коллекцию подков...

Раздирающий мужской вопль душевной скорби и обманутых вожделений оглашает квартиру, после чего м-р Мак-Кинли опускается на кровать и разражается почти детскими слезами о жестоко поломанной игрушке.

Д и к т о р. Какая досада, в самом деле!.. И главное, кто же он, твой соперник, кто? Тот проповедник со сладким голосом и вставными зубами?.. смазливый коммивояжер, который однажды подозрительно переглянулся с м-с Шамуэй на церковной паперти?.. нахальный официант с глазами, как вишня в мадере?.. или боксер, на которого она целый вечер поглядывала, как девочка на лакомство?

Все эти возможные соперники чередой проходят на экране и в памяти м-ра Мак-Кинли. Вслед за тем он вскакивает и с безумной энергией, навзрыд выкрикивая почему-то по-французски «к а н а й й», «к а н а й й», что означает в переводе «мошеница», «каналья», начинает образцовый погром в квартире обманщицы. Он проходит вихрем по квартире, опрокидывает зеркало, топчет интимные дамские принадлежности беглянки, каминными щипцами протыкает господина в жокейском кепи, приводит в непоправимый беспорядок коллекцию подков, сокрушает своим топором ценный диван... Потом стоит с опущенными руками, истерзанный и постаревший, в позе крайнего утомления, ограбленный грабитель.

Весь тот гиблый, черный свой день м-р Мак-Кинли дотемна проводит на улице. Это первый прогул в его жизни — то и дело он оказывается в самых неподходящих местах, откуда его выдворяют не всегда вежливо. Наполовину уже бродяга,

он ест пирожок в сквере. Дремлет, прислонясь к мачте с проводами высокого напряжения. А то, подобно пьяному, виснет на перилах набережной, зачарованно смотрит с виадука на тот же соблазнительный под ним, грохочущий в этот час поезд.

Настроению м-ра Мак-Кинли вполне соответствует и погода: холод, слякоть, дождь. Уж вечер, и м-р Мак-Кинли бредет наугад по парку, сквозь усилившийся к ночи туман. Его никто нигде не ждет, он не нужен никому на свете, так что у него уйма свободного времени. Навстречу ему попадают лишь такие же отчаявшиеся искатели шальной удачи и, взглядом оценив по достоинству шансы на ничтожный от Мак-Кинли барыш, тают за спиной в плывучей мгле.

Только ветер, неотступный покровитель бродяг, волочит за м-ром Мак-Кинли кучу палой листвы — постель бездомных. Порою листья с дружным шелестом перегоняют его и ждут впереди, чтобы дальше тронуться вместе. Неразличимые в отдельности, они сливаются в сплошное грязное пятно, за исключением лишь одной, белеющей поверх вороха, непонятной пока бумажки. Остается впечатление, что последняя в особенности ластится к м-ру Мак-Кинли, непременно хочет пригреться в тепле его ладони. Вот он дремлет — и она терпеливо ждет возле его ботинка, двинется в путь — она не отстает.

Потом происходит сюжетно обоснованное, потому что с последующей отменой, чудо. М-р Мак-Кинли замечает наконец и поднимает неотвязную: билет государственной лотереи!.. и м-р Мак-Кинли поднимает благодарный взор к непогодному небу. Сверка с помещенной в газете таблицей при рассеянном свете фонаря, хотя заранее ясно, что билет выиграл и сумма выигрыша — в обрез на покупку места в Сальватории... И тут все должно обернуться праздничной стороной. Но м-р Мак-Кинли никуда не торопится пока, он все сидит на своей мокрой скамье в безлюдном парке, подо-

верчиво поглядывая на подsunутую судьбой бутылку.

Диктор. Вот видишь: Провидение раскаялось! Все они там страсть любят помучить, прежде чем наградить... если только не собираются испробовать на тебе еще более сумасшедшую затею. Все равно, убегая от несчастий, выпей во второй раз в жизни самую большую рюмку за предстоящее тебе будущее!

Держа в кармане квитанцию на свое чем-то сомнительное счастье, м-р Мак-Кинли спускается в ярко освещенный бар, вертеп на средний вкус и цену. Он бредет среди полупустых столиков, привлекая всеобщее внимание своим необыкновенным видом: чего стоит одна его бесповоротно испорченная шляпа! Среди полупустых столиков он выбирает себе укромное местечко в углу: здесь стол большой, как двуспальная кровать, есть на чем справиться победу. Подошедшему официанту м-р Мак-Кинли без выражения в лице заказывает вино, много вина, поочередно все названия из прейскуранта, повешенного в рамочке на стене. По необъяснимой прихоти новичка в этом деле некоторые он заказывает даже в двойном количестве — самое название ему нравится, форма ли бутылки или цвет жидкости в них?

По мановению его руки гарсон разливает вино в бокалы — и вот их уже целая шеренга, цветных и полных доверху. Заказав музыку необыкновенно повелительным жестом, м-р Мак-Кинли пьет свое вино покамест только равнодушными, тоскующими глазами. Несмотря на удачу, у него неспокойно на душе.

Постепенно м-р Мак-Кинли становится центром внимания, загадкой данной ночи. Прислуга и оркестр из четырех подозрительных персон услужливо ловят его желания, чтобы с каким-то изумленным восторгом и немедля выполнить их. Обычно подобные господа щедро оплачивают свои ночные фантазии. Такие же подпольной внешности молодцы откровенно обсуждают фарт и достоинства м-ра Мак-Кинли у заднего выхода. Уже певица,

тянувшая в микрофон очередную порцию мунлайте, смотрит на возможную жертву влажным взглядом, полным практических предложений пополам с обещанием самых волшебных причуд... И хотя оркестр играет свое, м-р Мак-Кинли слышит только одну и ту же, бесцельно повторяемую, отоваренную наконец музыкальную формулу блаженства и бессмертия «BS».

Он сутуло сидит с полузакрытыми глазами, с головой набочок, почти неживой, словно его вовсе и нет здесь.

Тогда с улицы приходит потаскушка. Ее не гонят, она вполне прилична, даже шикарна — издали. Только она мокрая немножко: в такую подлую погоду не уберешься, — и не слишком молода. Ее независимая прогулка между столиками, как бы в поисках места. У ниши с группой уныло веселящихся молодых людей она задерживается на мгновение.

— Мальчики, вам нравятся блондинки? — осведомляется она, лаская их покровительственно-распутным взором.

Молокососы разом замолкают; уж она-то хорошо понимает причину их испуга! Ей самой предпочтительней клиенты постарше, которым хмель несколько позастил глаза на второстепенные подробности и у которых немощи как бы уравнены с ее отцветшей прелестью. С трагическим величием она движется дальше, пока не замечает царственно-изобильный столик м-ра Мак-Кинли. Прикидываясь, будто красит губы, она косит глаза, ждет, когда владелец обратит на нее внимание. Это длится долго, она терпит, сердится, нервничает, но вот столь ожидаемый ею взгляд. Нет, он не гонит, а молчанием в таких делах обычно выражается позволение! Женщина шумно присаживается, закуривает с помощью подоспевшего гарсона, презрительно разглядывает ярлыки бутылок, а на самом деле ей профессионально требуется хоть вкратце охватить историю душевной болезни этого подбитого маньяка, характер его

несомненной беды, чтобы разведать по-паучьи, где у него тоньше кожа.

С вопросительной для первого знакомства улыбкой женщина тянется к одному из налитых бокалов м-ра Мак-Кинли. Да, он парень покладистый, надо становиться здесь на якорь. Только ее немножко пугает неизлечимая тоска в его глазах.

Женщина. Сколько всего, а не тронута! Почему не пьешь?.. сердце, жена, придирчивое начальство?

М-р Мак-Кинли молчит, и та пренебрежительно пожимает плечами: «Хорошо, я справлюсь пока и одна... Дай знак, мигни, когда потрещусь!»

Судя по непроизвольным, чуть не каждую минуту содроганиям, эта женщина до костей прозябала на своем углу в гадком и гнилом тумане. Один за другим с волчьей дерзостью она опустошает два бокала из уже налитых, взялась было за третий... Но нет, и с двух успела захмелеть непозволительно быстро для своей профессии.

Женщина. А может, ты собираешься смешивать в себе для опыта все это? Смотри не взорвись! Ты кто, слушай, ты не химик? Я тоже не специалистка, но мне все кажется, что самая-то главная, водородная, бомба составляется из людского горя, согласен? Так какое же торжество ты справляешь так буйно?.. Поминки, проигрыш, рождение сына? Ха, от любовника, разумеется!

Диктор. Поговори с ней, Мак-Кинли, скажи ей что-нибудь одобрительное... Она ужасно озябла и трясется, что ты ее прогонишь.

Мак-Кинли (спокойно). Видишь ли, я прощаюсь с этим миром.

Женщина. Собираешься умереть?

Мак-Кинли. Нет, я уезжаю.

Женщина. О!.. и далеко? (Пряча под развязной усмешкой страх за допущенную смелость и немножко зависти.) Верно, секрет, извини. Но когда же?

Мак-Кинли. Завтра.

Женщина. Так скоро?.. А ничего: у нас с тобой пропасть времени, успеем до драки надоесть друг дру-

гу! (Несколько мгновений она смотрит на дымок своей сигаретки, потом с каким-то детским нахальством.) Не хочешь ли взять и меня с собой... разумеется, если тебе нравятся блондинки, правда, с несколько печальным житейским опытом? Ладно, забирай меня с собой хоть в собаки. Не хочешь? А то, знаешь ли, так остро чертело все кругом. И куда-нибудь подальше забирай, где уже нет ничего — ни людей, ни горького тумана этого... ну, и меня тоже в том числе!

Мак-Кинли. Видишь ли, я еду еще дальше...

Женщина (догадавшись). О!.. но зачем тебе туда, безумный? Горю здесь...

Диктор (с ожесточением). Ну же, доверься, откройся кому-нибудь хоть раз в жизни, непреклонный человек с фамилией Мак-Кинли!

Мак-Кинли. Видишь ли... Мне непременно надо попасть в будущее.

Женщина. Понятно, в Сальваторий. Здесь скоро будет шумно. Ты трус?

Мак-Кинли. Нет, я хочу завести детей.

Женщина (со смешком на такое чудачество). Тогда зачем же... ты можешь заняться этим и здесь. Ты еще ничего. Если тебя побрить, недельки полторы подержать у моря, я уверена, у тебя еще вполне могут получаться дети.

Мак-Кинли. Здесь их убьют. Самой большой бомбой, которую ученые построят завтра. Одной на всех детей мира. Для экономии. А я, знаешь, не выношу глядеть на мертвых детей. Можно умереть от одной совести. Лучше сбежать заблаговременно.

Женщина. Вот я и говорю, что трус, раз бежишь от драки. Значит,шибко испугался!.. Но, знаешь, ты не горюй: подлецы тоже живут. Иные даже поправляются с этого. (С интересом.) Ты что же, в самом деле богат?

Мак-Кинли. Почему ты так думаешь?

Женщина. Ну как тебе сказать... Видишь ли, богачи всегда дальновиднее бедных... (Доверительно и уже заплетающимся языком.) Но я тебе раскрою твой секрет... Ты, малый, просто никогда никого не любил, если трусишь даже за детей, которых еще нет. Лю-

бовь — это знаешь что?.. это чтоб как в омут. Впоследствии, конечно, от всякой большой любви непременно изжога: раскаиваемся, проклинаям, плачем... но, ах, это все потом, потом! А самое счастье любви начинается с безумия. Если ты согласен немножко поверить плюхе, то знаешь... я даже держала свою долю вот здесь, в этих ладонях... только сволочи так и не дали мне ее отхлебнуть. И он, веришь ли, был до черта красивый мальчик, с ума сойти. Механик по счетным машинкам. И у него была такая красивая синяя жилка вот тут, на плече... Но зачем подоспела какая-то очередная война, его взяли, сожгли, продырявили чем-то...

Мак-Кинли (*нацурясь*). Из огнемета продырявили?

Женщина. А-ах, какой ты!.. у тебя везде порядок! Нет, милый, сперва его проткнули штыком, а потом этой длинной рыжей струей... ну, как из паяльной лампы, я в кино видала.

Пауза.

Мак-Кинли. Слушай, у меня есть к тебе предложение!

Женщина, не отвечая, смотрит на свет, у нее блестят глаза, одна блестинка зигзагом скользит по щеке.

Женщина. Что ж, ты прав... уж эти, наши, не утихомируются, пока не дождут мир до конца. Как странно: сами же сперва зажгут, потом убегают... А интересно бы взглянуть, как они там устроятся! Извини, ты этот тоже пить не будешь?.. верно, боишься билет потерять?

Диктор. Ну, Мак-Кинли, чокнись с ней за свое безумное путешествие!

И тот подчиняется совету, потому что лучшее средство от его противоречивых переживаний вряд ли представится ему впереди.

Мак-Кинли (*колеблясь*). Слушай, а почему бы и тебе не отправиться туда?

Женщина (*раздумчиво*). Думаешь, что и там будут в ходу блондинки? Кабы помоложе... видишь

ли, милый, с годами я стала как-то меньше зарабатывать: на эту штуку мне может не хватить!..

Мак-Кинли. А если бы я тебе уступил свой билет? Он у меня почти в кармане, куплено отличное местечко в одной хорошей, теплой и толстой горе... Возьмешь?

Женщина (*растерявшись*). Это в обмен на что же?.. Не знаю, как-то щекотно. Может, ты и есть дьявол с мешком, мне мать рассказывала, скупаешь падшие души по кабакам? Душа хоть и рвань у меня, но, знаешь... все-таки боязно продешевить. Кроме нее, пожалуй, у меня вот только что на себе...

Мак-Кинли. А если просто так отдам, в подарок?

Женщина. Что же, тогда спасибо... (*Недоверчиво и почти соглашаясь*.) Но, послушай, неужели у тебя, кроме меня, никого, никого больше нет в целом свете?

Мак-Кинли. Была одна. Ее увел моряк.

Женщина. Тогда налей мне... э, все равно чего! (*Трудная борьба с собой, в течение которой она сутулится и тускнеет у нас на глазах*.) Нет, иди сам туда один, в свою адскую дыру... Не хочу, мне туда не надо. Я желаю дотла сгореть здесь. Весь сор жизни должен выгореть здесь. И потом — одна очень несчастная, молчаливая, прекрасная такая женщина... ну, та самая, которая меня, между прочим, и на свет родила, она была... впрочем, теперь все это уж неважно! Она меня всегда учила, девчонку, когда выпьет, что настанет однажды страшный светлый суд над злом. Сомневаюсь, правда, что мне хоть малость перепадет от этого небесного переполоха, но, знаешь, мне непременно надо видеть, господин дьявол, как она полыхнет, вся эта жирная грязь, и мои клиенты, и вот тот уса́тый в том числе. Я с ним вчера... была. (*Подавшись к м-ру Мак-Кинли через стол*.) У меня, знаешь, даже какая-то странная мечта: вот так, накрепко, прижать его к себе, этот мир, чтобы он влился весь в меня, всеми своими колючками... да и сгореть вместе с ним, в обнимку, с проклятым. Ух, какой он, хоть и скверный со мною, даже подлый иногда бывал, но, знаешь, какой-то порою трогательно милый... Я когда еще девчонкой была, то до слез его, ужасно как

полюбила. (*Навзрыд и сквозь зубы.*) Да дайте же мне, голые вы все дураки, прикурить кто-нибудь!..

Все молча, с негодованием или с издевкой глядят на нее, нарушающую благопристойный порядок бара. Происходит быстрая и решительная перемена: что-то собачье, побитое появляется в облике внезапно протрезвевшей женщины, даже ростом становится меньше. С минуты она сидит, стараясь справиться с собой, привести себя в порядок, потом виновато вылезает из-за стола и, не подымая головы, семенит к выходу.

Женщина (*обернувшись с полдороги, прищуренному бармену за стойкой*). Извините меня. Эд, вы же знаете, у меня не в обычае пить патошак, по, понимаете, этот негодяй мне всю душу растравил. Клянусь, больше никогда это не повторится, никогда!

Прежде чем исчезнуть в склизком зеленоватом тумане за дверью, женщина останавливается спиной к нам подкрасить губы. Когда она снова оглянется перед уходом, на всякий случай, не потребуются ли все же кому-нибудь блондинки, уже гремит музыка и кружатся две-три пары. Женщина печально усмехается, царственно пожимает плечом на пьянство и невежество остающихся мужчин и уходит, прежняя, шикарная, даже загадочная издали.

Так, простившись с городом, с нескладной жизнью, с самим собой, наконец, м-р Мак-Кинли возвращается домой: спать. С утра начнутся хлопоты, хоть и приятные до некоторой степени, но все же тревожные, потому что связаны с отъездом как-никак в трехстолетнюю неизвестность.

Надпись. И вот началось: если накануне еще текло проклятое время, на другой день оно понеслось вскачь.

Кассир привычным летучим жестом вскидывает лотерейную квитанцию на просвет, потом вкладывает кучу денег одетому с иголки м-ру Мак-Кинли, который расписывается, кивком благодарит за поздравление и уходит.

Теперь новоиспеченный счастливец — в конторе «Боулдер и К°».

Мак-Кинли (*небрежно*). Вы считаете, что нет необходимости повысить срок пребывания у вас в подвале, скажем, до четырехсот лет?

Очередной ангел в окошке (*оформляя ему документы*). Все статистические прогнозы показывают, что вашего срока, сэр, вполне достаточно. Да еще неизвестно, какие моды и порядки будут там, чтобы попасть в ногу с потомками!

М-ру Мак-Кинли вручается толстая контрактная книжка со множеством пунктов на всех языках мира. Оплата марками государственного налога. Почтительные поздравления служащих. О, если бы и на кладбищах так же приятно было поступающим навечно постояльцам!

Мак-Кинли. Благодарю вас. Сроки моего вселения указаны здесь?

Ангел. Начиная с полудня даты подписания контракта.

Мак-Кинли. Я буду вечно помнить вашу исключительную любезность...

Ангел в окошке. Покойной ночи, сэр.

Под вечер перегруженный покупками м-р Мак-Кинли возвращается домой для прощания с семьей квартирной хозяйки, которая заботилась о нем, как о родном, столько лет!

М-р Мак-Кинли проводит свой последний вечер в семейном кругу своих хозяев. Это добрые, небогатые, честные и душевные труженики. Происходит вручение подарков остающимся, сверх того на стол, уставленный скромной снедью, м-р Мак-Кинли ставит присвоенную им бутылочку вина, на прощание. И едва жилец присаживается к столу, тотчас трехлетняя хозяйская девчурка, не дожидаясь позволения, карабкается к нему на колени, как на горку. Пока идет застольный разговор, она деловито обследует содержимое карманов м-ра Мак-Кинли и вот извлекает из нагрудного на пиджаке кармана длинную золоченую святочную конфету. Она принимается за нее с

удовольствием, однако без особого удивления, что такой продолговатый предмет умещался в столь тесном и коротком пространстве. Так оно и должно обстоить у солидных волшебников.

В последующих кадрах, где представлены крупным планом участники прощальной беседы, девочка нам не видна. Кроме перечисленных лиц, проводить хорошего человека в путь пришли и некоторые другие запомнившиеся нам ранее жильцы дома.

Кто-то произносит комичную речь в честь отбывающего в вечность Мак-Кинли, чтобы и там он высоко держал светильник свободы, частной инициативы и демократии.

Тост оратора. За героя нашего времени, м-ра Мак-Кинли, и его отвагу! Это все равно что лететь в спутнике на Луну... разве только в другую сторону.

Хозяин. Теперь, раз хлопоты закончены и документ получен, — значит, можно и выпить за благополучное путешествие. (*Наливая, жене.*) Вот видишь, и в нашу сторону заглянуло счастье... Ну-ка, дайте нам хоть взглянуть, счастливцев, на что он похож, этот самый пропуск в рай земной!

Мак-Кинли (*отдавая отрывной талон*). Вот, это стоит десять тысяч долларов!

Хозяин. Даже трудно поверить, что в этом клочке все надежды мира! И что же вам полагается за эту сумму?

Контрактная книжка и фирменные проспекты с картинками идут по рукам гостей. Приглашенные на проводы с сомнением разглядывают вид сальваторного тоннеля с узкими люками в стенках.

Недоверчивый жилец. А убеждены, м-р Мак-Кинли, что порядочный... ну, в смысле взрослый человек сможет поместиться целиком в этой дурацкой червоточине?

Жена его (*заглядывая сбоку*). Вероятно, их при этом крышкой легонько поджимают в пятки, чтобы поместилось!

Недоверчивый жилец. Ну, разве только с согнутыми коленками!

Хозяйка. А правда, смелый же вы у нас, м-р Мак-Кинли, что не боитесь постареть сразу на двести лет.

Хозяин. У него квитанция на двести пятьдесят. Но я, коснись меня, для верности заказал бы еще больше... Знаете, будущее — это такая неопределенная вещь.

Хозяйка. Да мне и за восемьдесят-то бывает страшно заглянуть. Страшнее смерти!

Мак-Кинли. Фирма «BS» обеспечивает не только полную сохранность, но и по крайней мере десятипроцентное омоложение своих клиентов.

Жена жильца. Так что при желании можно приехать в завтрашний день мальчиком, и, глядишь, вам даже придется ходить в школу. (*Вдруг.*) А если газ за это время прокиснет, скажем, испортится?

Доверчивый жилец (*авторитетно*). Это у них там все проверено на кроликах и на этих... ну, как их? На автоматах!

Жена жильца. Боже, как далеко мы ушли на протяжении одной жизни!..

Доверчивый жилец. Тут действует специальная механика, о которой вчерашняя наука и представления не имела.

Пауза почтения перед всемогущей наукой.

Хозяйка. Нет, я в другом смысле боюсь за вас, м-р Мак-Кинли... А не страшно вам оказаться вдруг на краю света без друзей, на незнакомой улице, где даже не к кому забежать вечером? Так иногда во сне бывает: заблудишься вроде в неизвестном городе, и все чужое кругом, и все бегут по своим делам, словно бешеные, и слова какие-то машинные у них. Даже пот проступит, а проснуться пока не позволено! Мы к вам так привыкли за эти четырнадцать лет!..

Мак-Кинли (*раздумчиво*). Конечно, я вас понимаю, миссис Перкинс. Немножко жутко за человека, который остается один на один, совсем наедине и навек со своим счастьем!

Хозяин. Не обращайтесь на нее внимания, м-р Мак-

Кинли. Никакое воронье карканье не может остановить прогресса. Ну, за здоровье отъезжающих!

Снова все чокаются с восклицаниями, какие у них там приняты.

Хозяйка. А я бы ни за что!.. Может, и здесь удалось бы чего-нибудь совместными усилиями против войны добиться, если крепко захотеть? Умереть-то всегда можно и нынче, если ничего не получится на дурной конец. А вдруг климат там другой окажется и будущие ребятинки ваши все простужаться начнут?

Мак-Кинли. А здесь их просто убьют, миссис Перкинс.

Хозяйка. В том-то и горе людское, м-р Мак-Кинли, что каждый отец не чувствует себя отцом всех детей на земле. А детские слезы заразительные: чуть один заплакал, все другие откликаются по земле. В слишком тесном доме люди стали жить. Сквозь стенку слышать. Вот и вы: за своих малюток заботитесь, а за остающихся — кто?..

Пауза молчания. Объектив отступает, и все, привстав, долго и сурово смотрят на хозяйскую девочку, задремавшую у м-ра Мак-Кинли на коленях. Она безмятежно спит со своей початой конфетой в откинутой руке, вздыхая во сне о своих детских горестях, и в ту минуту становится понятным тезис м-ра Мак-Кинли, что нет ничего прекрасней и мудрей ее во всей вселенной.

Наконец, оставшись наедине с собою, наглядываясь на свой драгоценный талон, м-р Мак-Кинли укладывается спать в полосатой пижаме, и, судя по всем внешним признакам: вопреки страхам миссис Перкинс, какое же это блаженство остаться наконец наедине со своими малячками видениями!

Ему снятся разные сны многосемейного содержания.

На следующее утро в завершение своих земных томлений м-р Мак-Кинли опускается в подземное святилище Боулдера и поступает в соответствующую обработку перед отправлением за горизонты возможных завтрашних несчастий. Он

шестьствует в стерильном хитоне по сверкающему кафельному коридору в окружении блистающих красотой и гигиеной фирменных богинь. Все с тем же недвижным лицом, несмотря на состояние помрачительного физического блаженства, он ежится от перламутрово-мыльной пены, пропизываемой искрящимися очистительными электроточками. Наконец, развалившись на элегантно-рессорной тележке, м-р Мак-Кинли под слегка надоевшую нам райскую мелодию направляется в свое долговременное уединение.

Диктор. Итак, до свидания, м-р Мак-Кинли... *(Со вздохом зависти.)* До свидания, любимчик судьбы! Вспоминайте нас, которым, видно, придется здесь бороться с горем своими домашними средствами...

Надлежаще обработанного м-ра Мак-Кинли вставляют в круглое, среди прочих в стене, отверстие, завинчивают гайки огромными французскими ключами, и вскоре все плавно погружается в приятное, волнообразное от сгущений и разрежений чего-то мерцание, расчерченное волшебными пробегающими, как на экране осциллографа, кривыми и искрами. Вероятно, так же увлекательно будут выглядеть некоторые самые заурядные электрохимические процессы в мозгу, наблюдаемые в не изобретенный пока микроскоп ощущений. Одновременно как бы гремит спускаемая якорная цепь, и сквозь ее оглушительный ляг проступают сперва шаркающие шаги взбирающегося по лестнице сердитого великана, переходящие затем в учащенное шипение набирающих скорость паровозных поршней, а все вместе это мучительно напоминает тоскливое, со всхлипом дыхание насмерть загнанного человека!.. Его почти предсмертную задышку, в свою очередь, наотмашь оборвет крик птицы, похожий на скрежет кремня по стеклу. Все это отголоски недавних впечатлений в гаснущем человеческом сознании, невыносимо тесном по диаметру, но как бы с высоким и гулким — тройного и больше эха — куполом над головой.

На экране сперва какая-то тряска запавших однажды в память прыгающих картинок, ужасов и загадок, начиная с детства. Бык хочет забодать мальчика Мак-Кинли, но чья-то благодетельная, во весь экран, видно, отцовская рука закрывает поле зрения. Страшная черная тетьа с чудовищным клетчатým мешком проходит впритирку близко от ребенка. Песчаная башня рушится, какие-то люди бегут мимо, беззвучно разевая рты, большой костер полыхает, и дым чудесно преобразается в роскошные густолиственные деревья. Вдруг сразу откуда-то два парядных, под геометрически равными углами порхающих над уютным бочажком мотылька в настороженной тишине, которая звучит затухающей виолончельной нотой.

По мысли автора, как звуковое, так и зрительное изображение дальнейшего становится возможным лишь посредством искусственного вмешательства в фонограмму: рисованной, в динамике темы, причудливой графикой. Вероятно, это будет долгое, сообразно контрактному сроку м-ра Мак-Кинли, скольжение по бесконечному тоннелю — с уклонами то вправо и влево, то по вертикали, с неизбежным в живой, хоть и сияющей, психике, преодолением возникающих преград, падений и круч. Впоследствии все это станет как бы заворачиваться в глубь окончательного мрака и ненадолго погаснет вовсе, кроме роящейся где-то в поисках выхода и подобной шмелю вибрирующей музыкальной ноты. Приближение к заказанному м-ром Мак-Кинли полустанку бытия обозначится качанием световых пятен одновременно с нарастанием смутной и тревожной мелодии, обычно перед пробуждением. Последнее видение — отвлеченный, без всяких подробностей пейзаж с восходящим из-за горизонта неярким солнцем.

Несколько металлически и гулко, как на вокзальной платформе, прозвучит первый по прибытии тудá человеческий голос.

— Проснитесь, м-р Мак-Кинли. Вас поздравляют с возвращением к жизни...

Вынутый из своей гранитной кабины м-р Мак-Кинли покоится на тележке с закрытыми глазами. Он ровно дышит, и в такт колеблются стрелки гигантских пульсомеров у его изголовья. Щедрая растительность, покрывающая его щеки, подтверждает расчетную экономию на парикмахере.

Диктор. Ну, довольно нежиться, мы и так задержали чужое внимание. Приступайте к счастью, Мак-Кинли! Парикмахер ждет вас...

Едва он открывает глаза, его уже окружают почти такие же, как раньше, корректные и строгие богини, лишь, пожалуй, малость поневзрачнее и ростом помельче. Они привычно пересаживают в кресло весьма полегчавшего клиента, подключают к нему профилактические электроды, а парикмахер, время от времени справляясь со старой фотографией м-ра Мак-Кинли, быстро возвращает клиенту его сравнительно прежний вид.

Естественно, м-ру Мак-Кинли очень хотелось бы теперь взглянуть через окно на обетованную землю его мечтаний, но большинство стен почему-то до потолка глухие, а неопределенного назначения просветы в них задернуты, кроме занавесей, тяжелыми металлическими жалюзи.

Приветливая богиня с чуть заплаканными глазами тотчас же подносит ему довольно скромный, после двухсполовиновекового воздержания, завтрак.

Мак-Кинли (*как-то невпопад весело*). Ну как, на ваш взгляд, мисс, еще гождусь я теперь в женихи?

Та кроткой служебной улыбкой отвечает на шутку клиента, и едва тот успевает справиться со своим договорным, подозрительно быстро исчезающим завтраком, уже приглашает на очередную выпускную процедуру.

— Пожалуйста, здесь, сэр, — говорит ближайшая богиня, механично указывая на дверь.

Непонятно, как там у них происходит дело, но почти медленно м-р Мак-Кинли выходит к нам из помещения в фирменном, полосатом, пижамно-касторжного образца костюме.

— Теперь вас просят сюда, сэр, — говорит другая, приглашая к прилавку, где клиенту отсчитывают руками десяток тощих и отвратительно кривых сигарет с добавкой сомнительных денег, похожих на карамельные обертки.

К прискорбию, м-ру Мак-Кинли никак не удается с кем-нибудь потолковать, расспросить, поделиться собственными впечатлениями о ненавистой старине, оставшейся, слава богу, позади. Ему кажется даже, что эти люди просто не слышат его.

— Пожалуйте сюда, сэр, — говорит третья, указывая на явно вестибюльную дверь.

Неприличная поспешность, с какой персонал Сальватория стремится выдворить своего клиента, да еще в столь легкомысленном облачении, внушает м-ру Мак-Кинли глубочайшее негодование, и лишь высшее благоразумие голосом диктора призывает его смириться перед обычаем чужого века. Соблюдая личное, оскорбленное теперь достоинство и воздерживаясь от излишних слов, м-р Мак-Кинли покидает Сальваторий, не желая даже обернуться на столь многочисленные сейчас лязг и дребезг за спиной.

Меж тем своеобразный колорит и мрачноватый облик открывшейся перед м-ром Мак-Кинли слегка покато́й местности тоже способны омрачить самое пидиотски-безоблачное настроение. Если не считать множества странных, разбросанных по скату канализационного типа сферических крышек, которые, видимо, и есть крыши нового, целиком подземного теперь города, да разве еще обугленного дерева впереди, с мольбой воздевающего к небу свои черные головешки, во всем пейзаже ни черта больше не имеется вплоть до самого горизонта. Не слышать также ни желательного пения птичек, ни детских песенок, никаких знакомых звуков — ничего, если не считать вдруг поднявшегося ужасающего воя сирены в духе недоброго старого времени.

Итак, ловушка: бегство не состоялось! Заветная мечта м-ра Мак-Кинли завершается обыкновенной воздушной тревогой, только в несколько обновленном, каком-то устрашающе трубном стиле, с замирающим стоном в конце. Тотчас необычайные перемены наступают кругом. На глазах у м-ра Мак-Кинли надземные строения Сальватория плавно погружаются в землю, а небо начинает зловеще темнеть, и вот уже ни расседины нигде, ни подворотни или норки, ни живой души кругом. Только обезумевшая от смертного ужаса кошка дикими скачками и зигзагами мчится между крышек, пока высунувшаяся наружу меткая хозяйская рука не хватается ее на скаку и не втаскивает под слегка приподнявшуюся крышку, которая с грохотом падает в свое гнездо.

В тот же момент вереница страшных, визгливых и плывучих огней показывается из-за черного горизонта. Одни как бы в разведке забегают вперед и возвращаются, другие блуждают в небе, подобно громадным светлякам, высвечивая себе добычу... Но вот различили одинокую фигуру м-ра Мак-Кинли, взяли в вилку и, подпрыгивая, отовсюду с воем устремляются к нему. Новичку выдержать это никак нельзя — м-р Мак-Кинли с воплем бросается ничком на мерзлую, обожженную землю своей мечты, и потом все завлакивается спасительным небытием.

Когда же тьма, как все на свете, понемножку рассеивается, то вокруг распростертого с раскинутыми руками м-ра Мак-Кинли проступают очертания знакомой нам комнаты, его кровать и незамысловатая мебель. Он лежит у себя дома, в своей пижаме на полу с крестообразно раскинутыми руками... значит, сон? Правда же, и богини в Сальватории выглядели чуть подозрительно, все как-то на одно лицо, чего не бывает в действительности, да и парикмахер тоже... Ну, разве можно побрить человека, помахивая метелочкой по заросшим хуже войлока щекам? Уже утро, и

стрелки на будильнике подсказывают, что можно запросто опоздать на службу, и вот милый детский голосок утешительно звенит за дверью.

Девочка. М-р Мак-Кинли, мама зовет вас кофе пить... И чтобы не опаздывать сегодня!

М-р Мак-Кинли не слышит: все стоит посреди, не может оторвать глаза от сальваторного талона «BS» на ночном столике. Машинально он тянет руку за этой столь емкой и драгоценной бумажкой, однако нельзя предсказать пока, как он собирается поступать с нею. Видно лишь, как давнишняя мечта борется в нем с кошмаром минувшей ночи.

Девочка (*вернувшись к двери*). Ой, опять забыла сказать доброе утро... а то мама ругается. Доброе утро, м-р Мак-Кинли!

Мак-Кинли (*рассеянно*). Доброе утро, милый утенок...

М-р Мак-Кинли открывает форточку и, зажмурясь, высовывает наружу руку со своей бумажной драгоценностью. Кажется, ему жаль чего-то... Но вот, собравшись с силами, ветер вырывает и уносит листок. Если проследить, тот сперва долго порхает по воздуху, потом несется над парком и вот оседает как раз на валик катящейся по ветру листвы. Снова талон на отдельное, эгонистическое счастье движется по дорожке, как бы выбирая себе удачника из прохожих. Так судьба неотвязно преследует какого-то недогадливого старичка с зонтиком и в старомодном котелке, забегает вперед, заигрывает, как котенок, пока тот не поднимает с земли своей находки. Мы видим, как постепенно сбегает с его лица появившееся было восторженное выражение. Нет, пожалуй, уже грешно и не к чему теперь покидать свою старуху! Он прикрепляет бумажку к спинке скамьи, на очередного удачника, и уходит, не без коварства оглядываясь.

За это время м-р Мак-Кинли успел одеться и теперь занят утренним завтраком. Миссис Перкинс, его милая хозяйка, перетирает посуду на

кухне, переговариваясь со своим жильцом через дверь... Словом, можно еще жить на белом свете!

Хозяйка. Вас не разбудила ночная буря, м-р Мак-Кинли? Я даже побоялась, как бы стекла не выдавило ветром...

Мак-Кинли. О, я сплю без пробуждений, миссис Перкинс!

Хозяйка. Зато потише и посуше стало к утру. Как я и предсказывала, такая приятная погода установилась на улице... Верно, к зиме. По моим приметам, рождество будет отличное в этом году.

Мак-Кинли. Вы у нас домашнее метеорологическое бюро, миссис Перкинс.

Хозяйка (*со вздохом*). Мои предсказания так дорого мне обходятся, что я не пожелаю вам того же, м-р Мак-Кинли. (*На грохот в соседней комнате.*) Что ты там делаешь, дрянная девчонка?

Девочка. Я падаю...

М-р Мак-Кинли поднялся было бежать на помощь.

Хозяйка. Не волнуйтесь, пейте свой кофе, м-р Мак-Кинли. Это ее личное дело, берегите силы на главное. (*Притворяясь, будто забыла о планах своего жильца относительно Сальватория.*) Кстати, что вы делаете сегодня вечером?

Мак-Кинли (*со значением*). Видите ли, миссис Перкинс, я не решил пока...

Хозяйка (*не давая досказать*). Вот и отлично. Тогда не занимайте вечера... Позже обещала забежать мисс Беттл. Очень смешную историю по телефону рассказала, как на последнем своем свидании она пыталась разбудить вашу ревность с помощью одного знакомого морячка. Никак не может понять только, где вы прятались в тот раз.

Мак-Кинли. Там же, в одном баре визави.

И оба, хозяйка и жилец, смеются счастливому завершению дела.

Хозяйка. Ну, мисс Беттл так и догадывалась. Кстати, знаете, она дивно загорела у тетки и похорошела, я едва узнала ее. Приходите!

Мак-Кинли. О, вы всегда бесконечно добры к нам, миссис Перкинс!..

Как всегда, он торопится на службу. Бульвар, летящие листья, играющие дети... И потом само собою образуется торжественное шествие малышей с барабанами и флагами как бы по случаю того, что м-р Мак-Кинли решил не покидать их на этом свете.

М-р Мак-Кинли оборачивается к ним, потом увлажнившимися глазами смотрит на обступивших его ребят, как бы впускает их в себя и вот впервые за весь фильм улыбается этому доверчивому множеству невинных и беспомощных глаз и протянутых рук.

Диктор (*растроганно*). О, я всегда безоговорочно верил в вашу исключительную порядочность, дорогой м-р Мак-Кинли.

Рассказы

АЛЛО, ПАРНАС!

— Алло! Парнас! Парнас! Как меня слышите? Прием.

— Слышу вас хорошо. Какие распоряжения насчет эвакуации? Прием.

— График тот же. Через три часа всем быть на космодроме. Как поняли?

— Понял хорошо. Докладываю обстановку. Коллекции не влезают! Двенадцать отсеков загружены до предела. Прометей предлагает часть оборудования раздать ахейцам, а освободившееся место заполнить коллекциями. Твое мнение, шеф? Прием.

— Парнас! Парнас! Разрешаю отдать тринадцатый отсек под коллекции. Оборудование взорвать! Чтоб и следа не осталось! Поручить это дело Прометею. Как поняли? Прием.

— Понял очень хорошо. Оборудование взорвем. Меркурий просит разрешения подарить свой велосипед Гераклу.

— Повторяю. Никаких следов нашего пребывания на этой планете не останется. Меркурий — идиот. Неужели он не понимает, что велосипед нужен Гераклу в политических целях?

— Юпитер, ты сердишься. Значит, ты не прав.

— Это еще что за шуточки? Прием.

— Шеф, я Мельпомена. Скажи Аполлону, пусть

Валентин Берестов

подбросит на полчаса вертолет. Забыла отснять театр в Эпидавре.

— Шеф! Шеф! Чепе. Гименей схватили. Опять тащат на свадьбу.

— Это ты, Марс? Пальни из ракетницы. Пусть разбегутся. Мельпомена, никаких вертолетов! Раньше надо было думать. Аполлон! Куда смотришь? Девять лаборанток — и никакого порядка!

— Шеф, это опять Марс! У меня только красные ракеты. Они поймут это как сигнал к войне.

— Пора бы знать, что причины у войн социальные. При чем тут цвет ракеты? Действуй!

— Папочка, какую статую мы сейчас грузим! Помнишь, я позировала одному скульптору? И представь себе, в храме никого не было.

— Немедленно вернуть статую в храм! Она шедевр человека и принадлежит людям.

— Папочка, откуда такое почтение к храмам? Ты же атеист!

— Лучше бы вместо богини любви они придумали богиню уважения. Парнас! Парнас! Где Гименей? Где Прометей?

— Гименей уже на космодроме. Прометей у меня, получает на складе взрывчатку. Чтоб не пугать местных жителей, предлагаю ненужное оборудование сбросить в кратер Везувия и взорвать его там. Тогда это будет принято за нормальное извержение.

— Это ты, Вулкан? Придуманно неплохо. Действуй!

— Шеф, я Аполлон. Может, все-таки оставим что-нибудь? На память? Пусть знают, что мы были здесь.

— Они превратят наши приборы в идолы, в фетиши. Они будут мазать наши телевизоры и вертолеты бычьей кровью и поклоняться им. Все взорвать!

— Может, зароем таблицы? Клио их уже приговорила. Они откопают их, когда займутся археологией, прочтут, когда откроют кибернетику, когда они станут такими, как мы.

— Понял тебя, Аполлон. Прежнее распоряжение остается в силе. У них странное свойство объяснять ихс игреком. Где гарантия, что они не попытаются приписать нам все свои достижения? Между тем все, что

они создали и создадут, было и будет делом их собственных рук. И нечего применять к этому сверхъестественные силы. Например, нас. Все взорвать!

— Докладывает Нептун. Океанографический отряд закончил работу. Батискаф затоплен. Отбываем на космодром.

— Докладывает Нептун. Геологи взяли последние керны. Буровые установки уничтожены. Минут через пятнадцать-двадцать отбываем на космодром.

— Причина задержки?

— Цербер погнался за куропаткой. Вот паршивец!

— Ребята, погодите, не сворачивайте рации. Я Аполлон. Шеф, скажи ребятам что-нибудь красивое.

— Что же сказать? Слушайте все! Поработали хорошо. Хорошо, говорю, поработали. От имени руководства экспедиции благодарю и поздравляю весь коллектив...

— Внимание! Чрезвычайное сообщение. Прометей задержан на космодроме. Пытался взорвать ракету.

— Он сошел с ума. Эскулап! Немедленно освидетельствовать этого безумца!

— Я Эскулап. Энцефалограмма хорошая. Отклонения от нормы незначительны. Он здоров.

— Дать его сюда! Прометей, я слушаю тебя. Прием.

— Шеф! Я хотел, чтобы мы остались на Земле и помогли людям. Чтобы они были счастливы.

— Мальчишка! Они не созрели для этого. Они придут к этому сами. Я верю в них. А вот ты, как я вижу, не веришь.

— Шеф, я остаюсь на Земле. Я отдам людям свои знания, свой огонь.

— К твоему сведению, они просили у нас все, что угодно, кроме знаний.

— А ты предлагал им знания?

— Мы прилетели исследовать, а не воспитывать. Ладно, марш в ракету! Договорим в пути.

— Я остаюсь с людьми.

— Они убьют тебя и все свалят на нас.

— Я остаюсь!

— Я не узнаю тебя, мой мальчик! Ты забыл родную планету. Ты чуть было не лишил нас возможности

вернуться домой. Чем они тебя опоили? Что они с тобой сделали? Прием.

— А что они сделали с тобой? Почему ты скрыл от них, что мы не бессмертны? Почему позволил поклоняться нам, как божествам?

— Это было сделано исключительно в интересах безопасности сотрудников экспедиции. Повторяю: марш в ракету! Сейчас не время обсуждать эти вопросы!

— Я человек, и мой долг — остаться с людьми!

— Что ты сказал? Че-ло-век... Ты изменник! Эй, кто-нибудь, связать его и затолкать в ракету! Мы будем его судить.

— Я Фемида. Даю справку. Если он человек, то действие наших законов на него не распространяется. Мы не имеем права брать его с собой.

— Закон есть закон. Развяжите его. Пусть у нас будет хоть один провожающий.

— Я Фемида. Даю справку. На планетах с незрелыми цивилизациями присутствие местных жителей при запуске космического корабля воспрещается, ибо неизвестно, как они это воспримут, поймут и передадут потомкам.

— Понял тебя, Фемида. Отправьте его куда-нибудь. Скажем, на Кавказ.

— Я Марс. Можно дать ему револьвер?

— Я Фемида. Передача техники существам незрелых цивилизаций воспрещается, ибо неизвестно, в чьи руки она в конце концов попадет и какое найдет применение.

— Шеф, но ведь он один из нас?

— Увы, он уже один из них. Прощай, Прометей! Надеюсь, что...

— Внимание! Я Меркурий. Согласно графику начинаю ликвидацию средств связи. Все радиостанции Земли прекращают свою работу.

— Я шеф. Поправка. Временно прекращают. Гром и молния! Они уже породили Прометея!

Всеволод Иванов

СИЗИФ, СЫН ЭОЛА

Солдат сразу узнал их, родные горы!

В полдень горы угрюмы, щербато-серы, а глубокие ущелья, разрезающие их, — оранжевы. Сразу узнал он и Скиронскую дорогу, что виднелась у крутой южной стороны гор. Дорога схожа с пастушьим бичом, свернутым в круг. Такой видел ее солдат Полиандр в детстве, такой она осталась и поныне. Дорога пользуется дурной славой. Путешественник может внезапно увидеть на ней выступившую кровь или иные знаки грядущих несчастий.

Но что Полиандру несчастья? Они отмерены ему полною мерою, и он выпил их полною чашею. Преждевременно он увял и пожелтел, словно от порчи.

Он давал клятву служить Александру, царю Македонскому, прозванному Великим, — и служил. Позже он служил царю Кассандру, соединившему в себе рядом с беспощадной вспыльчивостью еще более беспощадное честолюбие. Царь Кассандр заточил в темницу жену и сына Великого, вскоре после смерти того, перед которым преклонялись боги всех земель и оружие всех земель. А солдат Полиандр продолжал устремлять свой покрытый серебром щит против врагов Кассандра. Он хотел, глупый, чтобы Кассандр думал о нем хорошо! Говорят, вера и гору с места сдвинет. Царь Кассандр оказался неповоротливее самой большой горы. Кассандр не верил солдату Полиандру, всем солдатам — он боялся его щита, его широкой красной шеи, его огромного голоса, к раскатам которого любили при-

слушиваться другие солдаты. Солдату не исполнилось и сорока лет, как царь Кассандр признал его больным пелтастом, слабым для службы в легкой пехоте, и без денег отпустил на родину.

И вот перед ним горы, за которыми находится его родина — богатый город Коринф. Солдат глядел на гору и думал: как-то его встретит родной город и кто цел из его родственников? Прошло много лет с тех пор, когда он последний раз видел родину. Тогда он был силен, а теперь раны его признаны опасными, и он отлучен из армии царя Кассандра. Слаб, слаб!

«Для кого опасны мои раны, кличусь собакой и гусем? Не для тебя ли, о царь? Не тебя ли страшит мое уверенное ожидание, что сын Великого, пыле крошечный и малолетний Александр Эг, подрастая, будет таким же воинственным, как и его отец? Ему-то и буду нужен! Ему-то нужны походы! А тебе, о царь, хватит ума лишь на то, чтобы сохранить приобретенное Великим. Да иохранишь ли ты его, о царь Кассандр?»

Так бормотал он, опасливо поглядывая на Скиронскую дорогу. Ему не хотелось подниматься по ней. Хватит ему и солдатских несчастий! Хватит предзнаменований! Он хочет жить спокойной жизнью честного человека, например, окрашивателя шерстяных тканей.

И он вспомнил о тропе, которая некогда сокращала путь к Коринфу. Правда, тропа трудна, зато без знаков несчастий.

— Гей, вы!

Крестьяне из придорожного селения, убравшие пшвы, смотрели на него с уважением. Спасаясь от жары, он снял латы, но грудь его была так широка, что казалось, он и не снимал лат. Руки его были растопырены — и от привычки держать щит и копье, и от того, что латы не позволяли им прилегать к бокам. Он и спал-то всегда на спине, широко раскрыв свой большой, чувственный рот. Глаза, как у всех много странствовавших, были удивленные и того зеленоватого цвета скошенной травы, которая вот-вот превратится в сено, но еще хранит цвет и запах молодости, обладая в то же время суховатой зрелостью.

Он стоял в картинной и величественной позе, подо-

бающей солдату Александра Великого, который прошел вместе с царем от границ Фракии до студеного Местийского озера, где уже господствуют вечные зимы; который видел Кавказские горы, крайний предел земли, откуда уже начинается Царство Мрака; который видел и Мемфис, и Дамаск, и Сузу, и Эктабан, и все скалистые крепости Ирана и берега Гидаспа, и топкие берега Инда, вдоль которых шли против него узкоглазые, с крепкими желтыми клыками слоны индийского царя Пора.

Он пожелал крестьянам успехов в жатве, добавив, что Зевс и Афина им помогут, и после того попросил воды. Девочка лег четырнадцати с бойкими глазками и плотными русыми волосами, плохо подстриженными, принесла ему кувшин теплой воды. Из гумна пахло зерном. Мул, сопя, чесал себе бок. Поселянка с крутыми сытыми бедрами, указывающими на близость богатого Коринфа, который умеет покупать и продавать, наклонилась и опять начала ловко и быстро срезать толстые, лоснящиеся колосья пшеницы и складывать их в корзины. Девочка укладывала их — надрезом к югу — на утрамбованную, черно-фиолетовую землю гумна. Легкая нить поднималась от гумна: к нему шли выючные мулы, и волы везли молотильные телеги с тяжелыми сплошными колесами.

Полиандр сказал, возвращая кувшин:

— Клянусь собакой и гусем, девушки в Коринфе по-прежнему гостеприимны и прекрасны! И мастера по-прежнему помещают их на вазы, в бронзу и на колонны, украшенные листьями акинфа.

Поселяне улыбнулись его мудрым словам, а девочка, подававшая воду, засунула от удивления палец в рот.

— Я спешу в Коринф, — сказал он. — Я устал от славы и хочу мирной жизни! У меня есть настоящий красный сок из пурпуровых раковин, которые я видел, как ловят, клянусь собакой и гусем. Я научился красить ткани в пурпур у финикийян и делал это у лучших мастеров в Тире, Косе, Тизенте.

И он показал свои жилистые пальцы, длинные волосы на которых были окрашены в цвет крови. Посе-

ляне испуганно содрогнулись, и старик с выпуклым и толстым носом сказал ему:

— Ты спрашивал про Скиронскую дорогу? Она перед тобой.

Тогда солдат Полиандр спросил:

— Благополучна ли Скиронская дорога?

— Она благополучна более, чем какая-либо другая.

— В мое время, — сдержанно сказал солдат, — сильные и спешащие путники сокращали путь. Они сворачивали на тропу, которая называлась Альмийской. Мулы и быки там не проходили, но мои ноги хорошо помнят эту тропу.

Крестьяне переглянулись. Солдат прочитал испуг на их лицах.

— Или на тропу обрушилась скала? — спросил солдат. — Или открылась новая пронасть? Или боги пустили водонад?

Старик с выпуклым и толстым носом сказал:

— Плохое место.

— Разбойники? — спросил, смеясь, солдат и показал крестьянам свое короткое метательное копьё и меч, прямой и тонкий, с рукояткой, украшенной серебряными гвоздями и слоновой костью. — Ха-ха! Много их? Ха-ха!

Старик, почесывая крючковатой палкой у себя между плечами, повторил неохотно:

— Плохое место. Иди по Скиронской дороге. Лучше. Тропу Альми много-много лет никто не топчет.

— Где же больше предзнаменований? — спросил солдат решительно.

— На Скиронской.

— Так кого ж мне бояться?

— Сына Эола, — ответил старик, боязливо оглядываясь.

Солдат захохотал.

— Сына Эола? Сына бога ветров? Кто он такой? Ветерок?

— Увидишь, — ответил старик, отходя. Другие крестьяне уже давно покинули беседовавших на такую опасную тему.

Солдат Полиандр, намеренно громко смеясь, поднял

свой шлем с султаном из секущихся конских волос, грубые наспинные и нагрудные латы, соединенные наверху посредством измятых металлических наплечников. Он с грустью увидел, что войлок, которым был подбит панцирь, изъеден молью. «А я еще собирался выгодно продать свое оружие в Коринфе. Придется покупать кусок греческого войлока, исправлять панцирь... Не трудна работа, но дело в том, что греческий войлок не ценится, а прекрасный персидский войлок пропал! Неужели и моль — предзнаменование?»

Ворча, взвалил он свое нагретое солнцем оружие на плечи и, широко шагая, как бы стараясь приблизить опасность, пошел к тропе Альми.

Он шел, шлепая подошвами башмаков, кожа которых была проложена пробкой. Умело связанное оружие отдаленно рокотало, напоминая о походах и друзьях, которых время пожрало, как бездонная пучина пожирает мореплавателей.

Выйдя за селение, он увидел пересохший ручей, скрытый кустарниками. Несколько коз, встав на тонкие задние ножки, объедали листья. Ложе ручья было засыпано серовато-синими камнями, и злая безжизненность в виде тонкого, еле уловимого пара поднималась над ним. С высоких стенок ручья струился песок, создавая такой звук, словно кто-то строгал ножом мягкое дерево. Солдату стало не по себе. Он остановился и долго смотрел на коз, пока ему не захотелось есть.

Тогда он достал из коврового мешка лепешку и, кусая ее передними зубами, как козы, чтобы продлить удовольствие и чтобы обдумать положение, перевел свой взор на обнаженные и сверкающие скалы, куда ему следует подняться. «А не пойти ли мне по Скиронской дороге? — подумал он. — Значит, вернуться? Но разве может вернуться солдат, только что хваставшийся, как он влезал на скалистые крепости Ирана? Стыдно будет солдату Великому!»

И он начал припоминать Альмийскую тропу, по которой впервые поднимался лет тридцать назад, а то и более. Он сидел на плече у дяди. Дядя был молод, мо-

гуч. Пахло маслом от его длинных, плотных волос, хитон его был мокрый, и ребенок осторожно дотрагивался до покатога его плеча. Дядя с шутливой строгостью глядел на ребенка и совал ему кусок лепешки, от которой пахло дымом и оливковым маслом. Ни одного дурного слова не слышно было тогда об Альмийской тропе, а того менее о нещадном сыне Эола.

«Почему — нещадном? Откуда — нещадном? Кто падел на него это слово — карательное, причиняющее сильную боль и заставляющее повиноваться, как строгий собачий ошейник? Кто, клянусь собакой и гусем?!»

Он остановился, положил оружие на камень и нетерпеливо поглядел вниз.

Он уже достаточно много прошел по тропе Альми. Он узнавал ее, несмотря на то, что она заросла и след ее отыскивался с напряженной чуткостью.

Селение внизу слилось с оливковыми деревьями и виноградниками. Долина приобрела цвет дикого, неотесанного камня. Непомерно сильное желание — уйти возможно выше — осуществилось. Он был один среди камней — несокрушимых, негибнущих, вечных. И нетленная, вечная тишина была вокруг него.

Но — не в нем! В нем по-прежнему торопливо росло чувство грядущего зла, которого избежать невозможно, как и невозможно терпеть.

Солдат, словно конь, что от нетерпения бьет копытом, ударил ногой несколько раз о землю. Он задел камень, на который положил оружие. Звякнул меч. Он привязал меч к поясу, а остальное оружие сложил в мешок и мешок этот плотно укрепил на спине.

Идти легче. Он шагал и думал, что нетерпение, как правильно говорят мудрые, сродни опрометчивости. Идти бы ему по Скиронской дороге! Пристал бы к какому-нибудь каравану и рассказывал бы купцам о собаках, которыми он красил восточным властителям тонкие и запашистые одежды. Купцы смотрели бы на него с волнением, радовались бы, что у них такой защитник и попутчик, а вечером угостили бы его жирным и большим куском баранины. И в ночном мраке, у пламени костра, он бы чувствовал себя, словно днем на площади.

А здесь и днем он чувствует тревогу, словно над ним повисла ночная дуга. Вот он вспоминает о красках, и ему приходит в голову: «Ну какой же ты окрасиватель в пурпур?» Подходя к Коринфу, он не пожалел щепоточку драгоценного пурпура, три порошка которого купил на последние деньги. Он развел эту щепоточку и окрасил крошечный кусок ткани, оторванный от четырехугольного наплечника, который носил на левом плече. Волосы на руках окрасились в кроваво-красный цвет, а ткань неожиданно превратилась в пемзово-серую. «Что же, не тот рецепт окраски дали ему мастера в Тире? Напрасно заплатил он им драхмы?..»

И перед ним встал подвал, где в широких и низких чанах прел пурпур, а вокруг чанов кружились веселые мастера с гладкими глазами и разгульными лицами. Возле дверей два раба, мерно раскачиваясь, месили ногами валяльную глину, и глина верещала у них между пальцами... Ах, обманули его тирские красители! Обман был в этом подвале — тот самый, что был и при дворе царя Кассандра, и всюду!

И вот идет он в Коринф, в Коринф, коварный и беспощадный город торгашей и мореплавателей, который лежит так близко — и так далеко! Что ждет его в Коринфе?

Дабы не меркли надежды и дабы скорее одолеть этот непонятный страх, он прибавил шаг. Ему казалось, что путь в конце концов все покроет забвением, и он с радостью глядел на большую скалу в виде обрубка дерева, громоздящуюся над ним, на серую скалу с фиолетовым подножием. Он быстро обогнул ее.

Открылась лощина, заросшая дубами. Глубоко внизу, там, где кончались дубы, начиналась россыпь, а под ней, в камнях, ревел зеленый поток, бросая вверх низки белой пены. Пепел жгучего солнца покрывал и дубы, и россыпи, и камни у зеленых вод.

Тропинка исчезла окончательно. Дубы проглотили ее.

Солдат вошел в их тень. Дубы стояли тесно, тень была густая, но чувствовал он себя в ней по-прежнему

плохо, будто на дне узкого и гнилого оврага. Ревел безжалостно и глухо поток. Во всю ширь неба лежали недвижно дубы, и нижняя часть их стволов была заполнена корстками, высохшими сучьями, которые хватали солдата за плащ, за меч, за ковровый менюк и флягу.

Торопливо шепча молитвы богам, солдат выбежал из дубовой рощи и, сутулясь, так как мешок сползал с плеч, а не было ни времени, ни желания поправить его, побежал на россыпь, за которой виднелась еще скала.

Тропинку он уже и не высматривал.

Он прыгал по камням, срывался, падал. Камни срывались и мчались вниз. Он ставил ногу в лунку, где только что покоились камни, а лунка плыла, и он отчаянно прыгал от нее. Руки он исцарапал. Ноги его были изранены. Подошвы, те подошвы, что переходили Евфрат в Зевгме, что выдержали путь от Эвксинского моря до крайних пределов Фиванды, отскочили, и одну вскорости он потерял совсем.

Едкий, жгучий и кислый пот обузил кругозор. Обычная его наблюдательность исчезла, и он видел вперед не далее как на длину десяти копий. Он двигался лишь благодаря привычному дарованию воина, которого Великий приучил идти вперед при любых обстоятельствах и при любых силах, ибо добродетель — главная и всеединая цель человеческого существования и стремления богов.

Солнце, налюбовавшись покорностью скал, россыпей и дубов, а также редкой духовной красотой и настойчивостью солдата, убрало серый и злой жар, что подтачивает силы, как вода стены, и выпустило мягкие, влажные, фиолетовые тени. Солдат отпил глоток воды и воскликнул, ободряясь:

— Клянусь собакой и гусем, я найду эту исчезнувшую тропу!

И тут за скалой, которую ему как раз надо было обходить, он услышал звук, очень необычный и странный для этих горных мест. Он услышал свистящий и жужжащий шум, выпускаемый диском при его метании. Солдат превосходно знал этот шум. Диск его учили

метать не только для игры, но и для создания уверенности при метании камней в неприятеля.

Он прислонился к скале и прислушался.

Звук рос, ширился и вдруг, точно пробившись куда-то, замолк, исчез.

Дразнящая тишина воцарилась над скалами. Надо опять что-то угадывать в этой едкой, как кислота, тишине...

И солдату захотелось ухвать, кричать мерным голосом с другими солдатами, как кричали они мерно для дружной тяги осадного орудия или в бою.

Он, набравшись решимости, обошел-таки скалу и увидел россыпь, такую же, каких он прошел много. Почудилось: ветер наскочил. Он вспомнил слова старика о сыне Эола и содрогнулся. Мысль эта прогремела над ним, будто огромная труба. Он присел на камни и долго и хрипло дышал.

Затем он обошел еще одну скалу и пересек еще одну россыпь. К скалам, которыми кончались россыпи, он уже подходил с опаской, держась за меч и взывая к богам и к Эолу в том числе. Выглядывал он из-за скал осторожно и однажды, перед тем как выглянуть, несколько подострил о камень свой меч.

И внезапно опять возник шум. Только теперь он уже не походил на шум бросаемого металлического диска, а его можно было бы сравнить с шумом морских волн, что, отлежавшись в глубине вод, идут, играя прибрежной галькой. Шум летел откуда-то сверху, хотя небо было по-прежнему безоблачно. Шум нарастал с такой быстротой и силой, что солдат отскочил от скалы. Шум пронесся за скалой, и от скалы отлетело несколько камней, как черенок отлетает от ножа, которым яростно взмахнули.

Солдат Полиандр боялся. Но он был солдат, и у него отлегло от сердца, когда он решил увидеть врага лицом к лицу. Качаясь от страха, еле двигая ослабшими ногами, он обошел скалу.

Россыпи за скалой уже не было. Открылась небольшая долина. От гор отступал, поспешно пятясь в эту долину, веселый ручеек. Дубы и плодовые деревья росли по его берегам. Подальше ручеек круто

обрывался к реке, шум которой слабо доходил в эту долину.

Вдоль ручейка, в тени дубов, образующих здесь аллею, Полиандр увидал дорогу очень странной формы, какой он не видел никогда. Дорога эта, пробитая в камнях, цвета мокрой пробки, была в одну колею и скорее всего походила на желоб или на бесконечно длинное ложе, начинавшееся где-то высоко на горе и заканчивавшееся внизу, у края лощины, в небольшом болотце, как будто истоптанном копытом огромного коня.

По этому ложу, мелькая среди дубов, тени которых ложились на широкую, мускулистую спину, волосатый, плечистый, перепопсанный шкурами великан катил вверх черную, отполированную до блеска морской гальки круглую глыбу камня величиною в добрых три человеческих роста. Великан медленно и тяжело дышал. Отвислый живот его, похожий на винную бочку, то падал на камень, то отрывался от него. Пальцы его ног впились в ложе потока, и с изумлением увидел Полиандр, что они выбили здесь себе ступени.

«Клянусь собакой и гусем! — дивясь на великана, воскликнул про себя Полиандр. — Много я видел чудес, но такое встречаю впервые. Кто бы мог быть этот могучий, что катит камень с силою морской бури?»

Между тем великан, услышав приближение Полиандра, повернул к нему огромную голову с рыжими усами и бородой и с усилием сказал:

— Слава богам, прохожий. Р-р-рад! Иди в хижину. Р-р-рад! Разведи огонь. Поставь бобы. И смейай вино. Р-р-рад! — Он говорил слово «рад» каждый раз, когда ставил ногу в углубление в камнях, пробитое его пальцами, в такт слову толкая вперед камень.

— Кто ты, о диво? — спросил солдат Полиандр.

И великан ответил:

— Я сейчас вернусь. — И он прорычал: — Р-р-рад! За хижинкой — колодец. Спустишь. Сбоку — яма. Р-р-рад! В яме — снег. Примейай к вину. О, р-р-рад!

И он еще раз оглянулся на Полиандра. Теперь солдат смог рассмотреть его лицо. Оно было морщинистое, старое, но наполненное тем победным избытком дней,

который встречается крайне редко и прежде всего указывает на необыкновенную силу и умелое и терпеливое расходование этой силы.

Полиандр, пятясь, двинулся к хижине. Великан толкал камень, и камень, словно на стержне, быстро катился вверх, все уменьшаясь в величине и все увеличиваясь в блеске, так что потом казалось — великан несет к ярко-голубому небу отливку раскаленного оранжево-желтого металла.

Полиандр вошел в хижину, раздул в очаге дубовые угли под большим котлом, где уже лежали разопревшие бобы. Он подбросил дров в очаг, нашел возле хижины колодец и спустился туда, осторожно шагая по холодным и мокрым ступенькам.

Не доходя до воды, он увидел две ниши. В первой стояли глиняные кувшины с вином, вторая до краев была забита плотно слежавшимся снегом. Полиандр попробовал плечом ближайший кувшин. Кувшин тяжело отстал от пола и покачнулся вбок. Болтнулось. Пахнуло вином.

— Клянусь собакой и гусем, я от него не скоро отклеюсь! — воскликнул Полиандр, подразумевая добродушного великана.

С трудом он донес до хижины самый малый кувшин с вином, а затем уже обратился к снегу, в котором нашел завернутое в целебные травы мясо дикой козы. Он положил это мясо в бобы, а при смешении вина с водой и снегом добавил немного пряностей, драгоценную горсть которых нес с Востока.

Едва лишь он смешал вино, как опять возле раздался ужасный шум, свистящий и жужжащий одновременно, подобно металлическому диску, брошенному гигантом. Полиандр выскочил из хижины. Ветви дуба бросали дрожащие тени у порога. Далеко внизу неся, подпрыгивая, по своему ложу круглый камень. Легкая радужная пыль дрожала над ложем — дорогой вдоль потока. Каменный шар добежал до предназначенного ему конца и застрял в трясине, брызнув во все стороны травянисто-зеленой грязью.

Великан, поглядывая из-под большой руки на солнце, вразвалку спускался с горы. Приблизившись

к хижине, он вытер руки о козы шкуры, опоясывавшие его бедра, и пеловко улыбнулся.

— Рад, путник?.. — спросил он хриплым басом. — Я р-р-рад! Р-рад. Откуда? Куда?

В хижине стало тесно и на сердце у Полиандра — тоже. Он ответил сдавленным голосом:

— Клянусь собакой и гусем, разве эта тропа не в Коринф?

— В Коринф?.. — С усилием спросил хозяин. — Р-рад! В Коринф.

Великан подал гостю воду для омовения. Он глядел, как солдат моет ноги, а затем руки, и большое, квадратное, как стол, лицо его, исцеленное глубокими морщинами крестьянских забот и трудов, было наполнено мыслью. Казалось, он думал — что такое Коринф. И солдату пришлось в голову, что снискать у этого великана доброжелательное понимание будет не так-то легко.

— В Коринф! Иду на родину! — воскликнул громко, как глухому, солдат.

— В Коринф? Р-рад! Садись. Ешь.

Они молча ели бобы. Затем хозяин руками, видимо, привыкшими к жару, достал из котла мясо дикой козы и положил его на доску. Он густо посыпал мясо солью, указал на вино.

— Соль? Р-рад!.. Будем много пить. — И он захотал, держась руками за живот. Видно было, что он с трудом подбирал слова, и добытые эти слова доставляли ему большое удовольствие, и он пьянел от них, как от крепкого вина.

Они вычистили руки скатанным хлебным мякишем, и хозяин придвинул к себе сосуд с вином и снежной водой. Запах пряностей чрезвычайно был приятен ему, и это тоже указывало на то, что он давно не видал людей. Солдат ел жадно мясо, с хрустом раздробляя здоровенными своими зубами кости, и гордость, что великан увидел после долгого одиночества именно его, Полиандра, гордость укрепляла сердце солдата. Он воскликнул:

— Рад, клянусь собакой и гусем! Будем наслаждаться!

И он поднял деревянную чашу с вином. Некогда он пивал физасское, лесбосское, наксосское и славнейшее хиосское вино. Он-то знал толк в винах. Но это вино было лучше всех. И он выразил красивыми словами свое удовольствие хозяину.

— Р-рад!.. — пророкотал тот. — Р-рад. Пей. Р-рад!

И он добавил ему вина из кувшина.

Сам он пил мало, для него достаточно было наслаждения, что он видит человека. Солдат же желал за вином состязаться в споре, желал рассказать про то, что он приобрел, нажил и — разбросал. Он спросил:

— Разве здесь давно не проходил путник?

— Давно, — ответил, широко улыбаясь, хозяин. — Рад.

— А сам давно ли ты здесь?

— Давно, — ответил хозяин. — Сегодня — последний, последний день, да!

— Как последний? — спросил солдат. — Разве ты продал свою хижину, сад и пиво? Где же твой покупатель? И за дорого ли ты продал?

— Зевс, слава ему, освободил меня, — сказал хозяин, сияя темно-голубыми, небесного цвета, глазами. — Рад! Последний день.

— Слава Зевсу, — сказал привычным голосом солдат. — Но не Зевс же купил твою хижину, и сад, и пиво?

Тогда хозяин, сильно жестикулируя и стараясь, чтоб солдат понял его, сказал отдельно:

— Зевс поставил меня здесь. Зевс и освободил.

— А жрецы? — сказал солдат, прихлебывая вино. — Они хотят поставить здесь храм? Место красивое.

— Не жрецы! Зевс, — настойчиво повторил хозяин. — Меня поставил здесь Зевс! Сам!

— Зевс? Кто же ты такой, если тебя поставил сюда сам Зевс? — спросил несколько насмешливо солдат.

— Я Сизиф, сын Эола.

Солдат захлопал глазами, и вино полилось ему густой струей на холодные колени.

— Клянусь собакой и гусем, — проговорил, заикаясь, солдат. — Ты — Сизиф?

И так как хозяин утвердительно закивал лохматой головой, прихлебывая вино из чаши, солдат спросил:

— Я слышал о Сизифе, сыне Эола, бога ветров. Я знаю, что он правил Коринфом, и это было давно, еще далеко до времен Гомера.

— Это я, — ответил хозяин с такой величественной простотой, что солдат совсем выпустил чашу и почувствовал, как толстые дубовые балки, на которых покоилась крыша хижины, пошатнулись перед его глазами.

— Клянусь собакой и гусем, это ты.

— Это я, Сизиф, — ответил хозяин и опять прихлебнул из чаши. — Пей!

Солдат не мог пить, и хозяину пришлось пуститься в объяснения, как это ни трудно ему было.

— Я много грешил. Я убивал безвинных. Грабил. Зевс наказал меня. Мне — вечно вкатывать в гору обломок скалы. Обломок достигает вершины, и неведомая сила снова сбрасывает его вниз. Ты видел. И сегодня ты видел последний день. Я был послушен. Зевс вчера явился ко мне и сказал: «Последний день». Р-рад!

И хозяин захохотал.

Солдат вздрогнул от страшной мысли и спросил:

— Скажи мне, о почтенный Сизиф, сын Эола. Ты ведь наказан был уже тогда, когда попал в подземное царство мертвых, в царство Гадеса. Неужели и я тоже уже нахожусь в нем?

Сизиф ответил:

— Бесчисленное количество дней вкатывал я камень в гору в подземном царстве Гадеса. Повторяю, я был послушен и не гневил богов ропотом. Прощение Зевса в том именно и заключалось, что незаметно для себя я перешел из подземного царства сюда, к солнцу. Вот почему я рад, что вижу тебя, о путник!

Солдат спросил:

— Скажи мне, о Сизиф, сын Эола, каково собою подземное царство Гадеса? Ты умеешь кратко и сильно изображать свои мысли.

Сизиф ответил:

— Слякоть. Дождь. Сырость. Всегда.

— Клянусь собакой и гусем, — воскликнул сол-

дат, — нельзя сильнее выразить свою благодарность богам за солнце и за вино!

— Пей, — сказал, смеясь, Сизиф. — Р-рад!

— Хвала мудрому Зевсу, — принимая чашу, полную мутного красного вина, проговорил солдат. — И долго ты был здесь, на вершине гор, один?

Хозяин ответил:

— Долго. Я вкатывал камень от восхода до заката. Я был послушен.

— А после заката ты копал огород, ловил зверей, собирал плоды. — Хозяин кивнул головой, и солдат продолжал перечислять трудности его жизни. — Тяжело в жару. А еще тяжелей в дожди, когда подходит зима. Тебе, наверное, мешала вода...

— О, целые потоки! — вскричал хозяин. — Навстречу — река! В грудь. Камень в воде. Руки скользят. Мокро. Иду против потока... Но я покорен богам. И вот Зевс простил меня!

— Хвала мудрому Зевсу, — сказал солдат. — Прощу тебя, налей мне еще вина. Прекрасное вино. Последний раз я пил нечто подобное в Иране.

— Ты был в плену?

— Я — в плену? У гнусных и трусливых персов? — сказал с презрением солдат. — Да ты разве не знаешь, что Александр Великий прошел Персию от начала до конца?

— Не знаю, — ответил Сизиф. — Я катал камень. Кто такой Александр?

— О боги! — воскликнул солдат Полиандр. — Он не знает, кто такой Александр, царь Македонский! Ты, значит, не знаешь о сражениях, им выигранных, о том, как он разбил царя Дария и разрушил индийское царство Пора, и как женился на прекрасной царевне Роксане, и как собрал множество других сокровищ?

— Ничего не знаю, — ответил Сизиф. — Камень был тяжелый, и мне было трудно оглядываться.

— Клянусь собакой и гусем! — вскричал солдат. — Я расскажу тебе все от начала до конца. Налей мне вина!

Хозяин наполнил ему снова чашу, и солдат стал говорить.

Спустилась ночь. Сквозь ветви дубов глядели звезды. Ветви были неподвижны, неподвижны были и горы за ним, и едва доносился сюда в хижину лепет ручья. Сизиф сидел, обхватив большими руками колена, и медно-красные лучи света из очага освещали его лицо и глаза, ставшие подлинно синими.

Солдат рассказывал о городах Востока. Города эти построены из кирпича, высушенного на солнце и крепко связанного между собой черной и липкой смолой, оригинальным и натуральным продуктом вавилонской почвы. Он говорил об оазисах, где растут высокие пальмовые деревья, дающие столько же полезных употреблений из ствола, ветвей, листьев, сока и плодов, сколько дней в году. Он говорил о плавучих плотках на пузырях из кожи, которые везут по многоводным рекам с высокими искусственными плотинами прекрасные дары земли — коней, пряности и женщин. Таковы Персия, Египет, Индия...

— А что с ними случилось? — спросил хозяин.

Солдат встал и поднял вверх чашу с вином.

— Хвала богам! — воскликнул он. — Мы переправились через Геллеспонт, принесли на развалинах, наверное, тебе известного Илиона, жертву предку нашему Ахиллесу, и направились к реке Гранику, где и победили персов. И мы пошли по их стране, зажигая города, разрушая плотины и рубя оазисы. Дороги, по которым мы проходили, были вымощены целыми рощами пальмовых деревьев. Мы все уничтожали и жгли! И мы дошли до того жаркого пояса, куда не могут доходить люди. — И, распаляясь от рассказа и вина, Полиандр пылко продолжал: — В этом пустом пространстве мы встретили только сатиров с пурпуровыми рогами и золотистыми раздвоенными копытами. Волосы их взъерошены, носы сплюснуты, на щеке желваки, ибо они постоянно предаются любви, музыке и вину. Мы убивали их. Мы убивали и сирен. Эти горячие, иссушающие существа сидят на лугах, покрытых цветами, а вокруг них лежат кости людей, погибших от любви к ним. Мы убивали центавров и пигмеев, индийских и эфиопских. Одним своим мечом — ты видишь его, о Сизиф, — я уничтожил фалангу пигмеев, кавалерию их. Они каж-

дую весну верхом на козлах и барапах, в боевом порядке идут на добывание журавлиных яиц... Ха-ха-ха!..

— Р-р-рад! — закричал, поднимая чашу, хозяин, и рокотом отозвались на тяжелый голос его невидимые и тяжелые горы.

Солдат продолжал:

— Мы все это разрушали и предавали огню во имя Ахиллеса и славы его потомка — Александра, царя Македонского! Отсюда и разбогател Коринф. Отсюда и разбогател царь Кассандр, который со мной поступил неблагоприятно...

Солдат пошатнулся от злости, хмеля и внезапно посетившей его мысли. Он посмотрел на великана, недвижно сидевшего у очага, и сказал:

— Сизиф, сын Эола! Ты — царь Коринфа?

— Я был царем Коринфа, — ответил Сизиф.

— А ты будешь опять царем Коринфа! — воскликнул солдат. — И будешь царем всей Греции. Ты уничтожишь корыстного, жадного и падкого на стяжание, неблагодарного царя Кассандра. И ты воцаришься!

Солдату хотелось сказать, что воцарится малолетний сын Великого Александра Эга... Но как сказать это? Глаза у Сизифа блестят, ему самому, видно, хочется приобрести, и неизвестно, посадит ли он к себе на плечи малолетнего Александра Эга. Солдат, чтоб окончательно подчинить себе Сизифа, вскричал:

— Ты наденешь пурпур и воцаришься! Ты — знаешь... Знаешь ли ты, о Сизиф, что я послан к тебе богами?

— Р-р-рад!

— И ты покинешь эти места и уйдешь со мной, знаешь?

— Р-р-рад!

— Мы будем грабить, убивать, насиловать и собирать сокровища!

— Р-р-рад!.. — рычал хозяин, и рыкали, поддакивая ему, горы за дубами в глубине ультрамариновой ночи.

Хозяин хохотал и покачивался от восторга. Огонь играл то на его широчайших плечах, то переходил на его круглые, как стог сена, колени. Солдат кричал и врал. Нет ничего прекраснее, когда горит подожженный

новый город... Но на самом деле в подожженном городе страшно. Персы и индийцы стреляют из-за каждого угла, сокровища гибнут под пламенем, гарь и едкий дым режет глаза, молодые женщины бросаются в огонь, и в добычу попадают лишь одни старухи, убивать которых очень неприятно: о сухожилиях и кости их тупится меч. Вранье и самому ему не казалось очень убедительным, и, глядя на пунцовый пламень очага, он вспомнил о царственном пурпуре, в который обещал одеть Сизифа.

Солдат Полиандр сказал:

— Твои козьи шкуры, в которые ты облачен, о Сизиф, грязного бурого цвета. Давай мне их сюда...

— Зачем? — спросил Сизиф.

— Давай мне их сюда, и немедленно я превращу их в пурпур!

Он нашел еще один котел, наполнил его водой, быстро вскипятил ее и высыпал туда все свои порошки пурпура. Вода закружилась багровыми пятнами. Полиандр обмакнул в нее длинную козью шерсть, стараясь, чтобы влага не задела кожу, а затем на палках развесил шкуры возле очага. Он любовался аллой шерстью, и ему грезились шумный Коринф, чувствующий царя Сизифа, мертвая голова Кассандра у его ног, и сам он, Полиандр, — военачальник, стоящий рядом с Сизифом.

— Мы идем, о Сизиф! Идем к славе! — кричал он. — Что тебе эта жалкая долина? Спать тебе в ней не удавалось, так как ночью ты возделывал огород, полон, поливал, ловил в сети рыб, а в капканы — диких зверей. Ты будешь спать на пуху, под песнопения красавиц, спать долго, до полудня.

— Я р-р-рад... Спать... — рычал, разевая твердый, прямой рот Сизиф. — Р-р-рад...

— Ты — царь Греции, а я — твой соправитель... — И с этими словами солдат Полиандр лег на ложе и по привычке сунул под голову нагрудник и наспинник, а ноги прикрыл овальным своим щитом так, чтобы крючки и пряжки для прикрепления торчали наружу. Вдоль тела он положил свой короткий аргосский меч и, сделав все это, немедленно заснул.

Проснулся солдат от громкого шума сражения. Как всегда, он почувствовал холодный дрожащий страх в плюсне ноги, охвативший затем и лодыжки. Но, как и подобает солдату Великого, он немедленно поборол страх и вскочил, держа меч наклонно.

Было раннее свежее утро. Шум сражения утих. Солдат пошел на узкую полосу света, щурясь. Открылась дверь.

И с порога хижины солдат Полиандр увидел, что поднимается над алыми горами изжелта-красная заря, и внизу лощины, освещенной лучами этой зари, катится вверх, в гору, по своему ложу, огромный базальтовый черный шар.

И катит его Сизиф.

И тогда воскликнул Полиандр дрожащим с похмелья и от изумления голосом:

— Клянусь собакой и гусем, я не верю своим глазам! Ты ли это, о Сизиф?! Разве мудрый Зевс не простил тебя? И разве ты не дал мне согласия идти вместе со мною в Коринф и далее, куда поведет нас судьба?

И тогда ответил Сизиф, толкая камень плечом:

— Бедрa, голени и ступни мои стары. Молодое поколение греков идет слишком быстро. Я могу отстать и тогда зачакну где-нибудь на Востоке, в жарком песке пустыни... А здесь... Здесь я привык. У меня имеются бобы, капканы для диких коз, вино изредка и к нему — сыр. Что мне еще надо? Я привык. Иди, путник, в свой Коринф, а я пойду в свою гору.

И он, тяжело и с напряжением шагая, покати́л камень.

И перед тем как исчезнуть из глаз солдата, Сизиф прорычал про себя:

— Р-р-рад вор-рочать навстречу ветру бесполезные камни, чем сеять быстро восходящее зло...

Он отвык говорить такие длинные фразы и потому сказал невнятно, и солдат не расслышал, а если б и расслышал, то вряд ли понял бы.

Из дородного и могучего Сизифа, уходя, превращал-

ся в поджарого, а его камень — опять в раскаленный отливok металла. Оба они быстро приближались к верху горы, откуда невидимая сила должна была сбросить камень обратно. Солдату не хотелось услышать снова отвратительный визжащий и дрожащий поток камня, и, поспешно схватив свои доспехи, он убежал на тропу, явно обозначившуюся перед ним.

Он шагал по тропе, чувствуя в сердце жестокое колюще. Он предчувствовал, что Коринф встретит его не по-родственному, а сильно почерствевшим с исподу. Пожалуй, лучше совсем не показываться туда? Ну, а где ж тогда его родное место? Он — выпущенная стрела, и нет счастливого ветра, который бы отнес его в сторону. Кто будет рубище, отрелье и ветонь красить в пурпур?

И он еще раз оглянулся на Сизифа.

Сизиф был высоко, на острой вершине кряжа. Пурпуром отливали на раменах его козын шкуры, которые вчера, сглуна, окрасил ему Полиандр. Истратил последний драгоценный пурпур, ах...

И воспаленным голосом проговорил Полиандр:

— Клянусь собакой и гусем, о Сизиф! Недаром Гомер называл тебя корыстолюбивым, дурным и лукавым, о коварный сын Эола, — ты обманул меня. И неужели это предзнаменование, что я всегда буду обманутым?..

Художественной литературе подвластны все три измерения времени: настоящее, прошедшее, будущее.

Умение понять источники настоящего и предположить, куда оно будет развиваться, — одно из важнейших для писателя, чьи заботы поглощает сегодняшний день, современность. Это умение придает его картинам глубину, объемность, особую убедительность, составляет, так сказать, многомерность реалистического искусства.

Прошлое и будущее имеют, однако, и самостоятельный (относительно самостоятельный) интерес. И в таком своем качестве требуют, чтобы литература вырабатывала особенные жанры, специально «приспособленные» для удовлетворения этих интересов. Так возникают исторический роман и художественные формы, объединяемые весьма широким, неопределенным и, пожалуй, неточным названием «научно-фантастическая литература». Здесь не место уточнять термин, тем более что, как бы он ни был приблизителен, читателю в общем-то ясно, о чем идет речь.

А чтобы нас не очень смущало слово «фантастика», заметим, что оно родственно слову «фантазия», без которой, как известно, не существует художественной литературы вообще. В конце концов судьбы Пьера Безухова или мадам Бовари тоже вымысел, тоже «фантастика», да и в историческом романе автору приходится «придумать» едва ли не девяносто девять сотых текста, и в таком фантазировании для него состоит главная творческая радость...

В данном случае нас волнует, повторяю, не определение жанра, а нечто другое (хотя и связанное с существом жанровой специфики). В литературе существует не только система различных эстетических форм, но и своеобразное разделение труда между литераторами. Общее понятие «писатель» распадается на ряд специфических писательских профессий. Есть исторические романисты, есть и «фантасты» по преимуществу. Но этот сборник состоит из «фантастических» произведений, написанных не профессионалами-фан-

тастами. Обстоятельство в известной степени загадочное.

Почему писатели, авторы известнейших книг о нашем сегодня, «вдруг» покидают почву хорошо, детально им известного настоящего и отправляются в рискованное путешествие чаще всего по будущему, которое скрыто туманной завесой времени? Что это — некоторое утомление от привычных тем, образов, приемов художественной работы, вызывающее стремление стряхнуть его с себя и на минутку заняться «чародейством вымыслов»? Или это желание показать читателю, что и в данной сфере мы тоже кое-что умеем? Или просто шутка, своеобразная забава ума? Хобби, наконец?

А можно ли дать одинаковый ответ на поставленный выше вопрос, если сами произведения, составившие этот «фантастический» сборник «нефантастов», чрезвычайно разнообразны и непохожи друг на друга? Не резоннее ли говорить о многих и разных раз особых причинах, по которым данные писатели обратились к фантастическим произведениям?

Действительно, свой резон в этом есть. По поисков какого-то единого ответа он, сей резон, не отменяет.

В истории советской литературы мы знаем примеры того, как наших крупных мастеров захватывала жажда заглянуть в будущее, силой воображения нарисовать предполагаемые картины его. Достаточно припомнить в этой связи мотивы, характерные именно для художественно-фантастической литературы, в драматургии В. Маяковского (не забудем и его поэму «Летающий пролетарий»), в прозе не только А. Толстого, но и И. Эренбурга («Трест Д. Е.»), Л. Леонова («Дорога на океан»), Вс. Иванова и В. Шкловского (их совместный роман «Иприт»), И. Павлинка («На Востоке») и др. И всегда эти «проекции» в завтрашний день были для авторов органичны, необходимы. То же самое следует сказать о произведениях, составивших данный сборник.

Фантастически-памфлетная киноповесть «Бегство мистера Мак-Кинли», в которой сделана художественно блестящая попытка «выкинуть предположитель-

ный ход вещей, если дело с разоружением затянется и международная жизнь останется без изменений», несет на себе резкий отпечаток леоновского стиля. Глубинная нравственно-философская проблематика повести вырастает из самой сердцевины творчества писателя, создавшего «Скутаревского» и «Дорогу на океан», «Нашествие» и «Русский лес», «Метель» и «Евгению Ивановну». Я имею в виду ту характерную для Леонова многоплановость повествования, тот симфонизм, при котором писатель смело и продуманно совмещает точное изображение быта с социально заостренными, часто гротескно-сатирическими обобщениями, напряженные диалоги на «вечные темы» с достовернейшими деталями вот этой среды и вот этой, данной, исторической минуты. Еще больше я имею в виду особую интеллектуально-духовную насыщенность повести теми параллелями, аналогиями (и подчас опровержениями этих аналогий), которые связывают ее ситуации с моральными конфликтами мировой гуманистической культуры. Судьба «маленького человека», мистера Мак-Кинли, сознательно проецируется здесь не только на политический и бытовой фон нынешнего — «безумного, безумного» — западного буржуазного мира; она вводится в контекст романов Достоевского, фильмов Чаплина, романтических утопий прошлого и настоящего и благодаря также этому вырастает в своем значении до символического размаха, до самых глубоких, конечных для искусства проблем жизни и смерти, добра и зла, человечности и бесчеловечия, понимаемых с позиций социалистической гуманности.

В этом удивительном, необычном — по сравнению с другими леоновскими книгами — произведении внимательный читатель откроет неудивительное родство его с тем, что написано Леоновым, помимо «Бегства Мак-Кинли»; и наоборот, с помощью этого кинопамфлета читатель лучше поймет художественную оригинальность знаменитых леоновских романов.

И у Шефнера, и у Тендрякова мы также обнаруживаем родство фантастических произведений с их «обычными», нефантастическими. При этом суть дела не в том, что, скажем, в гранинских романах «Искатели»

и «Иду на грозу» некоторые чисто научные мотивы стоят на рубеже технически возможного и технически невозможного (на сегодня). Наличие таких мотивов, например, в «Скутаревском» Леонова не делает этот роман принадлежащим «научной фантастике». Точно так же обстоит дело и с гранинскими романами и с «обычной» прозой Берестова, неплохо передающей атмосферу научных поисков и знакомящей с гипотезами археологической науки (например, очерковая повесть «Нож в золотых ножнах»). Суть дела, когда мы говорим об органичности для названных писателей их «фантастических опытов» в другом.

Всякий, кто знает творчество Тендрякова, кто когда-либо почувствовал, что одной из задушевнейших мыслей этого писателя является мысль об ответственности человека перед завтрашним днем, перед близкими и далекими потомками, не очень удивится, что в «Путешествии длиной в век» Владимир Тендряков-фантаст, именно он, вновь напряженно размышляет об этой ответственности. Его опыт фантастического жанра, несущий на себе и следы того, что это первый опыт, выдержан вполне в духе тендряковской проблематики вообще. Простого напоминания о романе «За безумным днем», о такой повести, как «Суд», например, будет, я думаю, вполне достаточно для пояснения моей мысли.

У В. Шефнера — поэта-лирика — связь «обычного» творчества с его «фантастической» прозой, с его «Девушкой у обрыва», прослеживается не столь напрямую. Но она, безусловно, существует. «Нотка грусти» и «размышления» (по аттестации «фантастического» полуобывателя Ковригина — «излишние») действительно присущи стилю Шефнера-поэта. А самое главное, и в стихах Шефнера и в фантастической прозе Шефнера звучит мечта о гармонически прекрасном, духовно многостороннем человеке. И мысль об этой многосторонности (и «нотки грусти» от того, что в настоящем, да, оказывается, и в будущем, не все люди, увы, будут таковы, а глядишь, и Ковригины еще поборются за себя) — вот что составляет внутренний их нерв и особое обаяние.

Итак, и «Бегство мистера Мак-Кинли», и «Девушка

у обрыва», и «Путешествие длиною в век» — произведения, не случайные для их авторов. И весьма серьезные по идейно-нравственному содержанию, так что ни о каком хобби, ни о какой «шутке», как о причинах их создания, не может быть и речи.

Среди произведений, вошедших в сборник, несколько особняком стоит рассказ Всеволода Иванова «Сизиф, сын Эола». Это произведение не о будущем, а о прошлом, далеком прошлом, и в столкновении Полиандра с легендарным Сизифом можно ощутить усмешку автора, так свободно, так нарочито использующего свое — неотъемлемое для творца — право на фантазию, на неожиданность. Но, понятное дело, не в этой усмешке суть новеллы. Перед нами притча очень серьезная и современная по смыслу, притча, разрушающая обаяние мужественности человека, ставшего профессиональным милитаристом. Даже Сизифов труд, тяжелый прежде всего своей бесцельностью, оказывается, более человечен, чем радость солдата, мечтающего, что и в будущем ему представится возможность «грабить, убивать, насиловать и собирать сокровища».

Не будучи, собственно, научно-фантастическим произведением, эта новелла-фантазия Вс. Иванова строится на принципе допущения невероятного — на принципе, свойственном научно-фантастической литературе и роднящем ее с легендой, романтической сказкой, гротескной сатирой и тому подобными «условными формами». «Что было бы, что произошло бы, если допустить возможным то-то и то-то... невозможное» — такая исходная ситуация не раз и не два доказывала свою благотворность для художественного творчества. Вне этой ситуации, без этого предположения литература фантастики вообще невозможна как таковая.

Конечно, Валентин Берестов шутит в новеллке «Алло, Парнас!» — только и эта шутка «добрым молодым уроком», как говорится. «Люди должны быть счастливы», — заявляет Прометей; «Они не созрели для этого», — отвечает шеф Юпитер и добавляет: — Они придут к этому сами!»

Остается нерешенным вопрос об основной и общей

причине обращения писателей-нефантастов к фантастическому жанру. Чтобы ответить на него, конечно, мало указания на органичность такого обращения, хотя, с другой стороны, без этой органичности интересующий нас вопрос нельзя даже и поставить.

Обратим внимание на одну важную особенность представленных в сборнике произведений.

В них есть, чувствуется читателем, еще нечто — нечто такое, что заставляет предположить в авторах, даже если мы не знаем, кто их написал, не фантастов, а художников, анализирующих современность.

Что же это за «нечто»? Мастерство?

Да, по своему художественному уровню они, как правило, выше привычного уровня текущей фантастики. Хотя бы уже тем выше, что оригинальны, индивидуально неповторимы по стилю. Хотя бы уже тем, далее, что, возложив на себя каноны определенной формы (например, как у Шефнера, формы «жизнеописания», беллетризованных мемуарных записок недалекого человека о человеке выдающемся), писатели с блеском раскрывают ее возможности, нигде не «проговариваясь» против нее, не сбиваясь с избранного жанрово-стилистического направления.

Но вот еще какое дело. Если обычная научная фантастика стремится убедить нас в научной, пусть и гипотетичной, обоснованности своих необычных героев, ситуаций и сюжетов, если в ней очень сильно и все более сильно дает себя знать направление, которое хочет представить нам мир будущего и убедить нас в технической и социальной возможности этой своей — употребим старое слово — утопии, то здесь писатели-реалисты как бы заранее освобождают себя от необходимости в такого рода убедительности.

Конечно, они с блеском и свободой пишут о будущей обстановке жизни, причем они обладают тем художественным тактом, который свойствен только крупнейшим фантастам-профессионалам; они не ахают, не восторгаются, вообще не останавливаются специально перед неожиданными, на нынешний взгляд, деталями быта, техники, общественного устройства будущего: для их героев какой-нибудь робот или прибор для вос-

создания структуры человеческого мозга — привычная реальность, и то, как они устроены, об этом нечего писать, это нечего обосновывать, все равно люди XX века сего не поймут. Парадоксально, но факт: именно поэтому «Бегство мистера Мак-Кинли», «Девушка у обрыва», «Путешествие длиною в век» производят впечатление большей достоверности, чем многие и многие «типичные» фантазии о будущем фантастов-профессионалов.

Нечто подобное, только по отношению ко многим произведениям исторической романистики, хочется сказать и о «Сизифе» Вс. Иванова. Реалистическая достоверность изображения пейзажа, человека, его психологии (тех далеких-далеких от нас годов!) здесь такова, что не один профессионал — исторический романист, видимо, вздохнет от зависти. Совершенная естественность погружения писателя в иное время — важное преимущество настоящего реалиста, пишет ли он о XXIII веке или об эпохе Александра Македонского.

Однако основной секрет художественной впечатляемости даже не в этом. Наши писатели интересуют более всего человек настоящего. Усилия постигнуть науку будущего, сегодня объяснить все то, чем завтра будет отличаться от теперешней жизни, — над этими усилиями они даже посмеиваются, как иронизируют Леонов — над случайно открытым кокильоном, а Шефнер — над бесчисленными автоматами ГОНОРАРУСами, ПУМАми и т. д.

Фантастическая необычность ситуации есть исходный пункт, данность сюжета, которую надо и принять как данность, не ломая голову над тем, возможна ли она. Писатели словно говорят: мы обращаемся к читателю, который привык уже к «невероятным», «неисповедимым» путям современной науки, мы постараемся невозможное представить как всего только необычное, новое, и этого с нас хватит как с фантастов, не требуйте большего. Но вот как будут вести себя люди — такие, как сегодня, только более рельефно обрисованные в своих человеческих качествах, — вот этого нравственно-психологического анализа вы с нас требуйте, вот этот психологический эксперимент мы хотим

провести как можно более убедительно, реалистично.

В конце концов и леоновское «сюжетно обоснованное... «чудо» — лишь видимость чуда, потому что все действующие лица — Мак-Кинли и Шамуэй, Боулдер и конгрессмены и т. д. — не столько из будущего пришли к нам, сколько, напротив, хотят из сегодня перешагнуть в завтра. История с «аквалидом» у Шефнера и «прием информации мозга», а также чуть ли не «уничтожение пространства» у Тендрякова — все это рамка для картины, представляющей тенденцию современного человеческого духа, его нравственные заботы, его творческие муки, его гуманистические идеалы.

Но если это так, то зачем же фантастическая форма?

Затем, что остро необычные обстоятельства, в которых писатели заставляют действовать своих героев, как бы очищают этих героев от всего преходящего, от всего того, что концентрирует в них не век, но минута, что не относится к самой структуре их характеров. Столкновение настроения «минуты» («Я устал от славы и хочу мирной жизни!» — говорит Полиандр) и сути характера («о, сколь непривычна, сколь ужасна тишина, едкая, как кислота, тишина... И солдату захотелось уехать, кричать мерным голосом с другими солдатами, как кричали они мерно для дружной тяги осадного орудия или в бою»), — это столкновение создает психологическую ось новеллы-фантазии Вс. Иванова. «Раскольниковская» ситуация, которую, казалось бы, невозможно «примерить» к такому человеку, как Мак-Кинли, именно невероятностью этой примерки (осуществляемой в сознании персонажа) очень много говорит нам и о нем и о мире, его окружающем.

В установке на необычность, невероятность, кризисную «ненормальность» обстоятельств, в которые поставлены и в которых необычно, невероятно, «ненормально» действуют герои, в общем-то нынешние, — в такой сознательной авторской установке есть безусловная опасность схематизировать человеческие образы. Добро еще, если эта схематизация нарочита по приему, как в шутке Берестова, например, где фантастическое,

в сущности, прилагается к сюжету извне, не вырастает из него. Но, во-первых, на то и талант писателя, на то и его умение профессионала-«человековеда», художника-психолога, чтобы подобную опасность преодолеть (и она преодолевается в отлично выписанных, многосторонне исследованных образах того же Мак-Кинли, того же Полиандра, того же Ковригина, например). А во-вторых, схема схеме рознь. Есть схемы придуманные, навязанные материалу извне; а есть «схема» как воплощенное желание сконцентрировать реальный образ и сделать его более рельефным, более крупным, более перспективно устремленным...

В «Дороге на океан» Л. Леонов вводит в роман фантастические картины будущего — как оно представляется коммунисту Курилову и «осколку разбитого вдребезги» Похвисневу. Эти «вставки» — своеобразные конспекты многих сегодняшних фантастических романов, «воображаемые путешествия за пределы видимых горизонтов» — оказались вполне возможны в строго реалистическом повествовании, ибо многое говорят нам и о самих героях и о логике самой реальной жизни, для которой характерны «чрезвычайные по крайностям формы».

Вот эти-то «чрезвычайные по крайностям формы» жизни и составляют эстетическую основу рассматриваемых произведений.

Ими проверяются герои этих произведений, степень их готовности для движения в будущее, степень их ответственности ему. Понять, насколько близок (или, наоборот, насколько далек) будущему тот или другой современный человек, не значит ли лучше понять и то, каков он сегодня?

Над искусством испокон веков тяготеет земное притяжение, притяжение сегодняшнего дня. Его нельзя устранить ни в историческом романе, ни в романе о XXIII веке. Да и не надо стремиться к такому устранению. Потому что настоящее — это сегодняшнее, прошлое и будущее одновременно.

Ю. Суровцев

Тендряков Владимир Федорович — родился 5 декабря 1923 года. Творчество В. Тендрякова в основном посвящено проблемам сегодняшней колхозной деревни. Им написано много романов, повестей, рассказов, имеющих устойчивую популярность: «Тугой узел», «Ухабы», «Чудотворная», «За беснуиным днем», «Свидание с Нефертити», «Суд», «Короткое замкание», «Находка» и другие. По некоторым произведениям писателя поставлены кинофильмы.

Повесть «Путешествие длиной в век» была опубликована в 1963 году.

Шефнер Вадим Сергеевич — родился 12 января 1915 года. За его плечами большая трудовая биография: он работал на ленинградских заводах кочегаром, теплотехником, чертежником. Первая книга стихов «Светлый берег» вышла в Ленинграде в 1940 году. Наряду с продолжением активной поэтической деятельности В. Шефнер выступает и в прозаических жанрах. Кроме пяти сборников стихотворений, у него вышли сборники рассказов и повестей — «Облака над дорогой», «Ныне, вечно и никогда», «Счастливый неудачник», «Запоздалый стрелок».

В последние годы написал несколько фантастических повестей и рассказов. Повесть «Девушка у обрыва» появилась в 1964 году.

Леонов Леонид Максимович (родился в 1899 году) — один из крупнейших советских писателей, Герой Социалистического Труда. Широкая известность Л. Леонова началась после выхода в свет романа «Барсуки» (1924 г.). Перу Л. Леонова принадлежат множество романов, повестей, пьес. Достаточно вспомнить такие произведения, как «Соть», «Вор», «Скутаревский», «Дорога на океан», «Нашествие», «Взятие Великошумска» и т. д. В 1953 году был опубликован роман Л. Леонова «Русский лес», за который ему в 1957 году была присуждена Ленинская премия. Особое место в творчестве Л. Леонова занимает его многогранная публицистическая деятельность.

Киноповесть-памфлет «Бегство мистера Мак-Кинли» была издана в 1961 году. Неоднократно публиковалась.

Берестов Валентин Дмитриевич — родился 1 апреля 1928 года; по специальности археолог. Печататься начал в 1946 году. Первый сборник стихов «Открытие» вышел в 1957 году. В. Берестов пишет о детстве, любви, природе, большое место в его поэтическом и очерковом творчестве занимают описания труда археологов. Широкое распространение получили его стихи для детей.

Юмореска «Алло, Парнас!» напечатана в 1965 году.

Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963 гг.) — один из зачинателей советской литературы. Наибольшей известностью пользуется его пьеса «Бронепоезд 14-69», ставшая классикой отечественной драматургии. Печататься Вс. Иванов начал еще до Октябрьской революции.

В 20-х годах совместно с В. Шкловским он написал фантастическо-приключенческий роман «Иприт». Несколько фантастических рассказов писатель создал в последний период своего творчества. Рассказ «Сизиф, сын Золы» был посмертно опубликован в журнале «Наш современник» № 12 за 1964 год.

Содержание

ПОВЕСТИ

- Владимир Тендряков
Путешествие длиною в век 6
Вадим Шефнер
Девушка у обрыва, или
Записки Ковригина 106

КИНОПОВЕСТЬ

- Леонид Леонов
Бегство мистера Мак-Кинли 262

РАССКАЗЫ

- Валентин Берестов
Алло, Парнас! 380
Всеволод Иванов
Сизиф, сын Эола 385

Ю. Суровцев

- Земное притяжение (последнее слово). 406

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Сборник «Нефантасты в
фантастике». Составитель
Ревич Всеволод Александрович.
М., «Молодая гвардия»,
1970. (Б-ка современной
фантастики, т. 19) 416 с.

P2

Редактор В. Клюева. Художественный редактор
А. Степанова. Технический редактор И. Соленов. Сдано в набор 1/XI 1968 г. Подписано к печати 16/X 1970 г. А02757. Формат 84××108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 13 (усл. 21,84). Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 215 000 экз. Цена 83 коп. Зак. 2061. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ВЕРНО

МОЛОДАЯ ТРАДИЦИЯ